

# ЭД МАКБЕЙН

С УБИЙЦЕЙ

ЗНАКОМСТВО



КЛАССИКИ  
ЗАРУБЕЖНОГО  
ДЕТЕКТИВА











КЛАССИКИ  
ЗАРУБЕЖНОГО  
ДЕТЕКТИВА

ЭД  
МАКБЕЙН

# ЗНАКОМСТВО С УБИЙЦЕЙ

РОМАНЫ

А ДА

МОСКВА  
1993

**ББК 84.7 (США)**  
**М 15**

**Составитель Мага В. В.**  
**Художественное оформление Бойко В. М.**

**Эд Макбейн**

**М 15 ЗНАКОМСТВО С УБИЙЦЕЙ.** Романы/Пер. с англ. Баки-  
ев А.Ш., Градоболев А.С. Составитель Мага В. В.  
М. Фирма "АДА". 1992 г. 432 стр.  
(Серия "Классики зарубежного детектива". Вып. 11)

**М  $\frac{4703040000-022}{\text{ОЕО}(03)-93}$  .**

**ISBN 5-7794-0022-9**

**© Составление, художественное  
оформление фирма "АДА", 1993**



**ΑΦΕΡΑ**



## ГЛАВА I

В Америке нужно зарабатывать себе на жизнь. Так уж ведется. Покрутишься, попашешь — и вот у тебя уже завелись доллары. На них можно приобрести, например, сахар и лимоны. За воду платить не надо. Ставишь на тротуаре лоток с лимонадом, и вот уже ты получаешь пять долларов в неделю. На эти пять долларов купишь целую кучу сахара и лимонов, понатыкаешь лотков на каждом тротуаре, и вот уже ты стоишь во главе фирмы. Ты нанимаешь себе людей, чтобы работали на тебя. Ты разливаешь лимонад в бутылки, ты консервируешь лимоны с сахаром, а там смотришь — ты уже поставляешь это во все магазины штата. Тогда ты делаешься владельцем огромного дома, там есть мусоросборник, бассейн. А тебя уже приглашают на коктейли и поят твоим лимонадом с небольшими добавками спиртного. Тебе повезло!

Это Америка!

И закон дает тебе право поймать свой шанс. Ты — солдат бесчисленной армии охотников за долларами. Закон вмешивается только тогда, когда ты пользуешься незаконными средствами.

Попробуй, например, ограбить банк, закону это вряд ли понравится.

Или, например, тебе охота оглушать людей хорошими ударами по башке и обчищать их кошельки. Тут уж не обижайся, если закон займется тобой вплотную.

А если ты решил воспользоваться огнестрельным оружием, то уж и вовсе — извини, закон не будет на твоей стороне.

Но можно быть преступником-джентльменом. Можно быстро и безопасно добывать деньги и при этом вести себя вполне по-джентльменски.

Например, можно быть аферистом. Аферист — это не насильник. Аферист ничего не взламывает и ни в кого не стреляет. Аферисту не нужно грабить банки. Аферисту не нужен станок для печатания фальшивых банкнот. Если вы аферист, то вы джентльмен, вы живете интерес-



ной и полной развлечений жизнью и при этом зарабатываете деньги.

Аферист — это вариант!

Страшно взволнованная молодая негритянка сидела перед двумя полицейскими инспекторами. Один из них тоже был негром, но все равно она волновалась. Они внимательно слушали ее, явно ей сочувствовали, но похоже считали ее просто дурочкой. Понимая это, девушка нервничала.

Два года назад она приехала в город из глубин Северной Королины. Она уже думала, что она настоящая горожанка, и вдруг оказалось, что она желторотая девчонка, да к тому же говорящая с сильным южным акцентом. Вот так, попадешь в беду и чувствуешь себя, как мокрая курица. Девушка нервно вертела в руках черный кошелек.

Стоял теплый день середины весны и дело, конечно, происходило в 87 полицейском участке.

Только что прошел чудесный весенний ливень, зелень ожила, кабинет заливало солнцем. В этом кабинете редко бывало так свежо. Ведь обычно здесь торчало чуть ли не двадцать полицейских инспекторов. И все они немилосердно потели, и в переносном, и в прямом смысле. Потели, как все нормальные люди, хотя и были полицейскими. И вот весенний день, который начался очень сумрачно, а после дождя вдруг одарил их свежестью, солнцем и теплом, очень им нравился.

— Я вела себя страшно глупо,— произнесла девушка.

— Как ваше имя, мисс? — поинтересовался Клинг.

Клинг недавно был повышен в инспектора из простых полицейских. Он был еще молод, светловолос и часто задавал вопросы не вполне по делу. И тогда чувствовал себя прямым дураком. Поэтому сейчас Клинг очень хорошо понимал чувства девушки, сидевшей перед ним на жестком стуле.

— Бетти,— ответила она.— Бетти Прескотт.

— Где вы проживаете? — продолжал Клинг.

— Я в другом штате работаю. В одной семье. Я — горничная. Уже полгода. Их фамилия Хейнес,— она посмотрела на полицейских, словно ожидала, что они непременно должны знать, кто эти люди, но они не знали.— Я сейчас должна вернуться,— продолжала Бетти.— Я свободна каждый четверг и каждое второе воскресенье

месяца. По четвергам я езжу в город. Мистер Хейнес подвозит меня на машине, а миссис Хейнес забирает на обратном пути. Мне пора возвращаться, но я решила зайти к вам. Я позвонила хозяйке и она сказала, что я обязательно должна зайти к вам и рассказать, что случилось.

— Да,— согласился Клинг.— А где вы проживаете в городе?

— С двоюродной сестрой. Ее зовут Изабел Джонсон,— она бросила на полицейских выразительный взгляд, словно ждала, что уж Изабел Джонсон они знают. Но они не знали и Изабел Джонсон.

— Ладно, расскажите, что у вас стряслось,— перешел к делу Браун.

До этого Браун молчал, возложив все на Клинга. Но дело в том, что Артур Браун был выше чином, чем Клинг и периодически проявлял нетерпение. Он был негром, а фамилия “Браун” означала “коричневый”, и ему в своей жизни пришлось вытерпеть немало глупых шуток по этому поводу. Он был нетерпеливым и упрямым человеком. Если уж он брался за дело, то не оставлял его до тех пор, пока не доводил до логического конца. По-разному бывает. Например, Мейер. Имя — Мейер и фамилия — Мейер. Его так долго этим дразнили, что он сделался неестественно терпелив. И до того дотерпелся, что к сорока годам был уже совершенно лысым. Так что, по-разному бывает.

— Так что же у вас случилось? — проявил нетерпение Браун.

— Вчера я приехала в город вместе с мистером Хейнесом. Мы приехали на поезде, но в разных вагонах, потому что в пути он обсуждает разные дела со своими коллегами. Он что-то вроде журналиста,— она снова посмотрела на обоих полицейских выразительно,— но они никак не могли припомнить ничего о мистере Хейнесе.

Но на всякий случай Клинг кивнул головой.

— Давайте дальше,— подбодрил девушку Браун.

— Мы приехали, я стояла на перроне, и вдруг подошел ко мне этот человек.

— На перроне? — уточнил Браун.

— Да, да.

— Рассказывайте дальше.

— Ну, он мне говорит: “Привет”. И сразу спросил, давно ли я в городе живу. Я сказала, что два года, и

что я работаю в другом штате. Он на вид был такой солидный, одет хорошо.

— Понятно,— заметил Клинг.

— Оказалось, он проповедник. Он и по внешности был, ну, вылитый проповедник. И вел себя, как настоящий проповедник. Благословил меня и предупредил, что в городе много обманщиков и нужно быть осторожной.

Клинг снова кивнул.

— Он сказал дальше, что нужно быть особенно осторожной с деньгами и спросил, есть ли у меня с собой деньги.

— Он был негр или белый? — схватил быка за рога Браун.

— Белый,— Бетти посмотрела на Клинга, будто просила прощения.

— Дальше,— сказал Браун.

— Я ему говорю, что у меня с собой есть немного денег. Ну, он и спросил, хочу ли я, чтобы он их благословил. Он спросил, есть ли у меня десять долларов. Я сказала, что есть только пять. Он взял их у меня и положил в маленький конверт с распятием.

На этот раз Клинг сдержался, не сказал “да” и не кивнул головой.

— Ну,— продолжала девушка,— он начал благословлять мои деньги и говорил, чтобы господь уберег их от того-то и того-то и всякое такое. А потом положил конверт в карман. А потом отдал мне.

— Ну и? — нетерпеливо поинтересовался Браун.

— Утром сегодня я собралась на вокзал и открыла конвертик.

Клинг кивнул.

— И сюрприз,— докончил Браун.— Денег там уже не было.

— Да, да,— подтвердила Бетти.— Никаких денег. Одна только мятая бумажная салфетка. Он подменил конверт, когда спрятал его в карман. Что же теперь делать? Мне нужны мои деньги! Вы сумеете найти его?

— Мы будем стараться,— ответил Клинг.— А можете вы нам рассказать, как он выглядел?

— Я не разглядывала его внимательно. Запомнила только, что внешность у него была приятная, и одет он был хорошо.

— Какая же на нем была одежда?

— Он был в темно-синем костюме. Или в черном. То есть, это был темный костюм.

— Галстук был?

— Кажется, бабочка.

— А какой-нибудь портфель или чемодан?

— Нет.

— А откуда он вынул конверт?

— Из кармана.

— Он говорил вам, как его зовут.

— Может, и говорил, я не помню.

— Ладно, мисс Прескотт,— подытожил Браун.— Если мы его найдем, позвоним вам. А пока лучше забудьте о ваших пяти долларах.

— Как забыть? — воскликнула она, но ответа на этот сакраментальный вопрос не дождалась.

Девушку проводили до двери в коридор. Клинг и Браун смотрели, как она уходила.

— Ну как? — спросил Клинг у старшего коллеги.

— Старая шутка. Подменили конверт. Для этого имеется куча приемов. Придется кое-кого отправить из участка на вокзал, пусть попробуют выследить этого проповедника.

— По-твоему, они его и вправду выследят?

— Трудно сказать. Но думаю, сегодня и завтра он вряд ли там будет. А вообще-то что-то многовато стало аферистов. Как тебе кажется?

— Мне казалось, время аферистов прошло.

— Да, одно время вроде бы их не было. Но вот что-то опять появились. И приемы у них старые. А вот ведь действуют,— Браун призадумался.— Непонятно, что делать?

— Ну что такого? Подумаешь, пять долларов. Что за важность?

— Преступление — это всегда важно,— назидательно заметил Браун.

— Да,— согласился Клинг.— Я просто хотел сказать, что эта девчушка не пострадала, если, конечно, не принимать в расчет, что она лишилась пяти долларов.

Если Бетти Прискотт не пострадала, то о девушке, которую вытащили из реки Харб, этого никак нельзя было сказать. Тело ее прибило к песчаной отмели, где неподалеку играли трое ребятшек. Сначала они ничего

не поняли, потом побежали к полицейскому, который дежурил неподалеку.

Полицейский тотчас примчался и увидел девушку.

Он вообще-то не любил смотреть на мертвые тела, особенно на утопленников. Тело, должно быть, долго находилось в воде. Оно ужасно раздулось, волосы выпали. Передние зубы в нижней челюсти также выпали. Тело было почти разложившимся, но каким-то чудом на груди держался лифчик.

Полицейского едва не стошнило. Но он сдержался и побежал к телефону-автомату, чтобы позвонить в 87 участок. Это случилось как раз на территории 87-го участка.

В этот день дежурил Сэлливан.

— Восемьдесят седьмой участок, добрый день,— ответил он на звонок.

— Это Ди Анджело,— представился полицейский.

— Да.

— Тут труп...

Он подробно рассказал о месте нахождения трупа и вернулся, чтобы караулить его.

## ГЛАВА 2

Стиву Карелле по душе был этот солнечный день. Стив Карелла был полицейским инспектором.

Вообще-то он любил и дождь. Вот, например, тем, кто занимается сельским хозяйством, наверняка, периодически нужен дождь. Стив любил поэтично гулять под дождем с непокрытой головой. Вплоть до одного дня.

В тот день он вел себя как последний кретин. Это была пятница, двадцать второго декабря.

День был глупый, в этот день какой-то сопляк, торговец наркотиками, отнял у Стива оружие и всадил подряд три пули в грудь. Рождество в результате Стив встретил оригинально, так сказать, почти с ангелами. Он был уже уверен, что все кончено. Но тут все прояснилось, и он увидел, как плачет его жена Тедди. Он узнал ее и тут понял, что лежит в больнице.

Тедди, плача, припала к нему, а он пытался неуклюже шутить и шептал, чтобы она не заказывала похоронных венков. Она пылко поцеловала его в губы, потом



расцеловала в обе щеки. Она делала это бережно, чтобы случайно не надавить на грудь.

Стив поправился.

Но во время дождя грудь ныла. Выяснилось, что все эти разговоры о том, как ноют старые раны,— чистая правда. И теперь Стив был рад тому, что наступило солнечное время.

Но солнце освещало мертвое тело. Стиву стало на миг больно, потом он отдутил злость, потом успокоился, взял себя в руки.

— Где ты нашел это, Фред? — задал он необходимый вопрос.

— Это не я, это мальчишки нашли,— ответил Ди Анджело.— Нашли и позвали меня. Ну и выглядит она!

— Как все утопленники,— заметил Карелла.

Он быстро глянул на труп, вынул из кармана записную книжку и принялся делать необходимые записи.

Сначала он записал, где найдено тело.

Теперь надо было уточнить время, когда тело было найдено.

— Когда мальчишки позвали тебя? — спросил Карелла Фреда.

— Кажется, где-то в начале второго,— Фред посмотрел на свои наручные часы.

Карелла записал.

О причине и о времени наступления смерти он ничего записать не мог, этим должны были заняться судебные эксперты.

Далее Стив записал, что утопленница была женского пола, что было ей лет двадцать пять—тридцать пять. Кто она была по национальности, чем в жизни занималась, как выглядела, пока было невозможно установить.

Это ведь был совершенно разложившийся труп, долго пролежавший в воде. У женщины не осталось лица. И Стив Карелла указал, что это труп, который всплыл после долгого пребывания в воде. Полицейские понимали, что это может означать.

Из одежды на теле сохранился только лифчик.

Украшений, колец, серег — не было.

Карелла вздохнул и закончил свои записи.

— Что же случилось с ней? — спросил Ди Анджело.

— Все это очень странно. Труп пробыл в воде не меньше трех месяцев. За это время родственники или друзья покойной должны были заявить в полицию об ее

исчезновении. То есть она должна бы числиться без вести пропавшей.

— Ну и ну! — Ди Анджело с уважением посмотрел на Кареллу.

Оба они были итальянцами, и Ди Анджело было приятно видеть, что простой итальянский парень стал инспектором. Карелла был для него все равно что другой знаменитый итальянец — певец Фрэнк Синатра. А кроме того, Карелла был отличным полицейским, умным и старательным. И это очень нравилось Ди Анджело.

— А сейчас подумаем о том, кто обычно пропадает без вести,— продолжил Карелла.— Так вот, обычно это мужчины.

— Ну и ну!

— Дальше. Чаще всего пропадают ребята лет пятнадцати. А здесь взрослая женщина.

— Ну и ну,— восторгался Ди Анджело.

— И еще. Сейчас апрель. Чаще всего люди пропадают в мае или в сентябре.

— Ну и ну! — в очередной раз воскликнул Ди Анджело.

— Стало быть, случай нетипичный. Но она мертва.

— Это точно,— подтвердил Ди Анджело.

— И вот что мне еще кажется,— вспомнил Карелла.— Наверняка она не городская.

Ди Анджело закивал и повернулся в сторону двух подъезжавших полицейских машин.

— Вон парни из лаборатории и фотограф,— сказал Фред. И вдруг произнес над мертвым телом.— Покойся в мире!

Лифчик отправили в лабораторию на исследование. Телом занялись в морге.

Лейтенант полиции Сэм Гроссман собаку съел на лабораторных исследованиях. Он был высокий, сильный, грубоватый человек. Был он близорук и носил очки. Лицо у него было топорное суровое, но человек он был мягкий, хотя и вплотную соприкасался со смертью. Лаборатория под его руководством работала замечательно. Исследования обычно проходили весьма успешно.

Помещалась лаборатория в здании управления полицией, занимая весь первый этаж. В лаборатории было семь отделов, которые занимались самыми разнообразными исследованиями самых различных улик.

Сейчас лаборатория занималась лифчиком. Сэм очень гордился своей коллекцией меток на белье, она охватывала чуть ли не все прачечные страны!

Но на этом лифчике меток не было. Было бы лучше, если бы они были, но их не было. Хорошо работать, когда имеется что-то, что можно рассмотреть невооруженным глазом.

Лифчик просветили рентгеном, надеясь обнаружить специфическую метку, не оставляющую обычно видимых следов.

Но и такой метки не нашлось.

Значит, погибшая сама стирала свое белье. Сотрудники Сэма принялись за дальнейшие химические анализы.

А в это время в морге...

Младший медицинский эксперт Пол Блейни был достаточно опытным человеком. Но такие ужасные трупы заставляли его нервничать. Тем не менее, ему удалось дополнить то, что установил Карелла. Пол выяснил, что девушка скорее всего имела светлые волосы, что ей было лет тридцать пять, что один зуб у нее удалили и коронку не ставили, что оставшиеся зубы были много раз пломбированы. Блейни решил сравнить эти пломбы с описанием зубов других пропавших без вести.

Кроме того, эксперт выяснил, что у нее был удален аппендицит, что имелось много родинок. Но поразила его татуировка на руке. Это было крошечное сердечко с буквами "МИК" внутри.

Блейни подтвердил вывод Кареллы о том, что труп находился в воде больше трех месяцев.

Блейни отделил татуированное место, чтобы отправить его на исследование в лабораторию Сэма Гроссмана. Затем занялся сердцем трупа.

Сэм Гроссман проявил массу терпения и искусства, снимая отпечатки пальцев с руки, отделенной от тела. А если еще учесть, что эта рука более трех месяцев пробыла в воде...

Копии отпечатков отправили в отдел установления личности, в федеральное бюро расследования, в отдел, занимающийся розыском пропавших без вести и в городское управление по расследованию убийств, которое занималось расследованием убийств и самоубийств.

Последнюю копию отправили в 87 участок, ведь именно на его территории был обнаружен труп.

Наконец-то Сэм и его коллеги могли успокоиться.

А Карелле предстояло иметь дело с Блейни. Блейни много лет имел дело с мертвецами, и что-то в нем такое было. Но Карелла думал, что дело даже не в мертвецах, а в самом характере Блейни. Карелла знал много людей, близко соприкасавшихся со смертью, но именно при виде Блейни ему становилось не по себе.

Блейни был лысым, плотным, черноусым человеком. Глаза у него были какого-то странного фиалкового оттенка.

Рядом с ним Карелла производил впечатление атлета, готового к соревнованиям.

— Что вы мне можете сообщить? — спросил Карелла.

— Меня мутит от всплывших трупов, — заявил Блейни.

— Да, зрелище малоприятное, — согласился Карелла.

— И почему-то всегда они ко мне попадают, — подсадовал Блейни. — Считается, что если я самый опытный, то я должен заниматься этими трупами, в то время как другие спокойно работают с сохранными телами из морозильной камеры.

— Но кому-то надо и это делать, — философски заметил Карелла.

— Но почему всегда я? Вот скажем, обгорелые трупы, или те, после автомобильных катастроф, от которых ничего почти не осталось, все это достается мне! Так уж положено, выбирать не приходится. Но эти всплывшие!..

Карелла попробовал остановить расходившегося медика, но это оказалось нелегко.

Блейни принялся расписывать, как здорово он управляет с трупами и снова жаловался на то, как это несправедливо, что именно к нему попадают всплывшие тела.

— А вдруг все дело в том, что других таких специалистов, как вы, здесь просто нет? — наконец вклинился Карелла.

— Да? — удивился Блейни.

— Именно так. Вы же сами сказали, что вы здорово со всем этим справляетесь.

Блейни заметил, что такое суждение о себе ему как-то в голову не приходило. Он улыбнулся было, но тотчас снова нахмурился.

— Скажите мне что-нибудь об этом теле, — заспешил Карелла, опасаясь, что Блейни уйдет в свои проблемы.

— Это? — Блейни даже удивился.— Я же в заключении все написал. Тело пролежало в воде четыре месяца. Вот сейчас я как раз кончил заниматься сердцем.

— И что же?

— Вы в сердце-то хоть чуточку разбираетесь?

— Не так чтобы.

— Ну так вот, правое и левое предсердия...

— Ох, прошу вас, ближе к делу!

— Значит, я провел специальную пробу. Я определил, в какой воде утонула женщина, в пресной или в морской.

— Но ведь тело выловили в пресной речной воде...

— Да. Но если вы осведомлены о специальных работах, посвященных...

— Говорите, говорите,— приуныл Карелла.

— Значит, если человека бросили в воду уже мертвым, вода не может попасть в левое предсердие. А в данном случае девушка была мертва, когда ее бросили в воду.

— О! — Карелла заинтересовался.

— Я не обнаружил воду. Значит, смерть наступила не в результате утопления.

Карелла пристально посмотрел в фиалковые глаза Блейни.

— Что же явилось причиной смерти? — спросил Карелла.

— Она отравилась мышьяком,— с уверенностью констатировал Блейни.— Я обнаружил в желудке и в кишечнике много мышьяка. Но в других частях тела я не нашел избыточного количества мышьяка, значит, это не было хроническим отравлением, то есть, мышьяк не вводили в организм этой женщины небольшими дозами. Это случай острого отравления. В организм попало сразу большое количество мышьяка, и через несколько часов она скончалась.

Блейни призадумался, затем почесал лысину.

— Думаю, это убийство,— заключил он наконец.

### ГЛАВА 3

Если взглянуть на жизнь трезвым взглядом, то она вообще-то сплошной обман.

Кругом одни аферисты.



“Господа, вот замечательное мыло, в состав которого входят необыкновенные вещества, защищающие ваши внутренние органы от...”

---

“Дорогие мои, если я буду избран на данный пост, я, не жалея сил, стану защищать ваши интересы, не оставиваясь перед попранием так называемых прав человека, если они противоречат вашим интересам...”

---

“Ну, Джордж, где тебе еще предложат подобные условия? Мы сконструируем такое, что позволит тебе... и всего лишь за один какой-то скромный миллион долларов...”

---

“Милая, такого со мной никогда не было! Стоит тебе войти, и все вокруг начинает просто светиться. Это и есть любовь. И со мной такое впервые. Я словно по облакам хожу, мне хочется петь, чувства переполняют меня. Я обезумел от страсти, дорогая. Ну, раздевайся же, любовь моя!..”

---

“Давайте начистоту! Эта машина изношена донельзя, да к тому же и перекрашена. А кто знает, что там, под слоем новой краски? Вы лучше взгляните на эту красавицу. Фактически, на ней никогда не ездили. Тетушка нашего пастора, старая дева, раз в неделю отправлялась на ней за покупками...”

---

**“ТОЛЬКО У НАС! ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС!”**

Впервые после “Унесенных ветром”. “Разбитая флейта”. Лучшая книга года, дня, месяца! Права на экранизацию проданы! Скорее, спешите купить лучшую книгу всех времен и народов!”

---

“Самый эффективный метод составления коктейлей. стакан джина плюс...”

---

“Друзья, привет вам от “Пива Гросника”. Его производим мы: я и мой брат. Спешите!..”

И куда не сунься, всюду одно и то же. Все хотят, чтобы вы им верили. А некоторые из тех, кому вы поверили, еще и пытаются обмануть вас. Так что, будем настороже!

Мужчина в темном синем костюме принадлежал к многочисленному племени аферистов. На данный момент он обретался в вестибюле гостиницы, где ждал человека по фамилии Джемисон. Когда прибыл поезд из Бостона, человек заметил Джемисона на перроне. Он шел за ним до самой гостиницы и теперь терпеливо ждал. Человеку в синем нужен был Джемисон.

Человек в синем выглядел весьма приятно. Он был высокий и стройный, с красивым лицом и приветливым взглядом. Белоснежная рубашка выглядывала из-под тщательно отглаженного костюма. Носки на нем были шелковые, без единой морщинки, что наводило на мысль о подвязках, а черные туфли были начищены до блеска.

В руках у человека был городской путеводитель. Человек посмотрел на свои наручные часы. Половина седьмого. Когда же наконец появится Джемисон? Ведь захочется же ему есть наконец? Между тем, в вестибюле жизнь так и бурлила. Компания по производству пива намеревалась проводить конкурс красоты. По ковру разгуливали будущие участницы, за ними следовали журналисты и фотографы. Девушки походили друг на дружку, как сестры-близнецы. Только по цвету волос можно было их отличить. В сущности, они были символическими фигурами, сконструированными компанией обманщиков. Впрочем, и самих девушек во многом можно было бы назвать аферистками.

Джемисон вышел из лифта. Человек в синем поднялся и с путеводителем в руке остановился у лестницы. Джемисон шагал прямо к лестнице. Человек, словно бы целиком поглощенный разглядыванием путеводителя, вдруг резко повернулся и столкнулся с Джемисоном.

Джемисон растерялся.

Это был толстяк в полосатом костюме. Аферист выронил путеводитель и, опустившись на одно колено, нагнулся за ним. Одновременно он обратился к Джемисону.

— Ах, простите. Извините меня.

— Что вы, что вы, — заговорил, в свою очередь, Джемисон.

Аферист выпрямился, держа книжку путеводителя в руке.

— Такая занимательная книжица! Но надеюсь, я не ушиб вас?

— Что вы, что вы,— повторил Джеми-сон.

— Слава богу. Откровенно говоря, путеводитель попался ужасно путанный. Я приехал из Бостона, но вот никак не отыщу здесь одну улицу...

— Так вы из Бостона? — заинтересовался Джеми-сон.— Правда?

— То есть я не из самого города. Я живу в пригороде, в Западном Ньютоне. А вы бывали в Бостоне?

— Бывал? Да я там прожил всю жизнь!

Аферист заулыбался.

— Вот так-так! Какое совпадение! Случается же такое!

— Да вот,— Джеми-сон тоже улыбнулся.

— Нет, это просто подарок судьбы! — воскликнул аферист.— Это дело нужно обмыть. Пропустим по рюмочке?

— Я вообще-то хотел пообедать...

— И прекрасно. Пропустим по рюмочке и отправимся каждый по своим делам. От этого у вас только аппетит разыграется. Но как я рад нашей встрече! Я ведь здесь никого не знаю.

— Ну что ж, ладно,— согласился Джеми-сон.— А вы здесь по делу?

— Да. Я из компании по производству тракторов. Вы, наверное, знаете?

— Не имею чести. Моя специальность — ткани.

— Ну, какое это имеет значение! Зайдемте в бар. Или нет, в гостиничных барах ужасно неуютно. Можно найти более подходящее заведение. Как вы полагаете? — он потащил Джеми-сона к выходу.

— Да я...

— Ах, как вы правы. Вон там, на улице несколько баров, вполне приличных. Зайдем в один из них! — они вышли через вертушку.— Стойте! — воскликнул аферист.— Я что-то путаюсь. Ах нет, вспомнил.

Афериста звали Чарли Персонсом, а Джими-сона — Эллиотом. Они двинулись по улице, разглядывая пестрые вывески питейных заведений. Ни одно им не подходило. Вернее, Персонсу не подходило.

Но у вывески "Красный попугай" Персонс задержался.

— Кажется, здесь недурно. А вы как думаете?

— Да для меня все эти заведения на одно лицо,— бросил Джемисон.

Они стояли у самой двери, когда она распахнулась, и вышел человек в сером. Он был лет тридцати, яркорыжий, и, кажется, очень торопился.

— Извините,— начал Персонс,— можно вас на минуту?

Рыжий приостановился.

— Что? — он явно очень спешил.

— Вам понравилось в этом баре? — поинтересовался Персонс.

— Как?

— Вот вы только что вышли из бара. Это приличное заведение?

— Ах вот что! — понял рыжий.— Трудно сказать. Я зашел позвонить по телефону.

— Тогда простите и прощайте,— кивнул Персонс и уже хотел было войти в бар вместе с Джемисоном.

И тут рыжий вдруг заговорил.

— Жуткая невезуха! Пять лет не приезжал в этот город! И вот, выбрался наконец-то, звоню приятелям, у всех сегодня вечером какие-то дела.

Персонс посмотрел на него с улыбкой.

— Вот как! А откуда вы?

— Я из Уилмингтона,— ответил рыжий.

— Мы тоже нездешние,— отрекомендовался Персонс.— Если вам и вправду делать нечего, можете составить нам компанию, выпьем по рюмочке.

— Чудесно! — воодушевился было рыжий, но тотчас смутился.— Неудобно, получается, будто я навязался...

— Да что вы! — успокоил его Персонс,— затем повернулся к Джемисону.— Вы ведь согласны принять его в компанию, Эллиот?

— Конечно,— согласился Джемисон.— Так будет даже лучше.

— В таком случае я рад быть вместе с вами! — сказал рыжий.

Они вошли и сели за столик.

— Я — Чарльз Персонс, а это мой приятель Эллиот Джемисон.

— Очень приятно,— сказал рыжий.— А я — Френк О'Нил. Я, собственно, приехал сюда развлечься. Мои акции вдруг резко подскочили в цене. Ну я и решил про-

жигать жизнь, в меру, конечно. У меня сейчас в наличии больше трех тысяч долларов. Кажется, можно недурно погулять? — он засмеялся. Персонс и Джемисон тоже засмеялись, затем они заказали три коктейля.

— Будем заказывать все, что нам вздумается,— заявил О'Нил,— платить буду я.

— Нет, так не пойдет,— запротестовал Персонс.— Ведь это мы вас пригласили.

— Чушь! — отмахнулся О'Нил.— Если бы не вы, я бы сейчас пропадал с тоски один, в чужом городе.

— Но мы не хотим допускать по отношению к вам несправедливости,— начал Джемисон.

— Да, да, Эллиот,— подхватил Персонс.— Это было бы несправедливо. Пусть каждый платит за себя.

— Ни в коем случае! — настаивал О'Нил.

Он производил впечатление человека весьма темпераментного. А вопрос о плате за спиртное, кажется, занял его всерьез.

— Платить буду я! — громко сказал он.— Я имею на сегодняшний вечер три тысячи, и если у меня не хватит на эти коктейли, то сколько же они стоят, черт возьми!

— Да разве мы о деньгах спорим,— ответил Персонс.— Мне просто неудобно...

— И мне,— подхватил Джемисон.— Чарли прав. Но, я думаю, пусть каждый из нас по разу закажет три коктейля на всех.

— Нет, нет,— не согласился О'Нил.— Давайте лучше сыграем и так выясним, кто будет платить.

— Как это — сыграем? — спросил Персонс.

— А так! — О'Нил вынул из кармана мелкую монету и подбросил.

Им уже подали коктейли. Они сделали первые глотки через соломинку. Персонс и Джемисон вынули из карманов по монетке.

— Значит так,— распоряжался О'Нил.— Мы бросаем. Те, у кого выпадет одинаково, бросают еще раз, третий выбывает.

Персонс согласился.

— Начинаем! — провозгласил О'Нил.

Монетки подпрыгнули на столе. У Персонса и О'Нила выпал орел, у Джемисона — решка.

— Он исключается,— сказал О'Нил.— Теперь мы снова бросаем.



— Попробуем угадать, как упадет,— предположил Персонс.

Они попробовали, и О'Нил проиграл. У обоих выпал орел.

— Вы проиграли,— заметил Персонс.

— Со мной так всегда,— начал О'Нил; было впечатление, будто он смущен перспективой того, что ему придется заплатить за всех.— Мне никогда не везло. Взять например, лотерею. Иной — раз! — и выиграл, ну, скажем, пылесос! Или машину! А я сколько ни покупаю билетов, ни разу в жизни не выиграл! От рождения такая невезуха!

— Да успокойтесь,— произнес Персонс.— За следующие три коктейля заплачу я, вот и все!

— Ну нет! — воспротивился О'Нил.— Давайте играть дальше!

— Но мы же еще эти коктейли не допили,— заметил Джемисон.

— А чего там! — возразил О'Нил.— Но я и сейчас проиграю. Кидаем?

— Вы напрасно сразу падаете духом,— сказал Персонс.— Вот я, например, не сомневаюсь, что, когда играешь в азартные игры, твое настроение влияет на удачу. Право слово! Если вы будете думать, что проиграете, то проиграете непременно.

— Да я в любом случае проиграю,— не сдавался О'Нил.— Но ладно, кидаем.

На этот раз у Персонса и О'Нила выпал орел, у Джемисона решка.

— Надо же какая везуха! — заметил О'Нил несколько раздраженно.

— Честно говоря, я не такой уж везучий,— сказал смущенно Джемисон.

Он посмотрел на Персонса. Персонс чуть приподнял брови, словно выражая сочувствие.

— Теперь угадываю я,— заявил О'Нил.

Но ему снова не повезло.

Джемисону все это уже начало надоедать. Он рискнул заметить, что вообще-то не собирается пить всю ночь напролет, и вообще еще не обедал.

Персонс мягко вмешался, пытаясь унять азартного О'Нила. Но тот вконец разошелся. Пришлось ему уступить и теперь только слышалось: “Орел... Решка... Орел...”

И тут Персонсу пришла в голову замечательная мысль: надо просто сделать так, чтобы О'Нил оказался в выигрыше.

— Давайте изменим правила игры. Пусть проигравшим считается тот, кто будет в меньшинстве. Мы нарочно сделаем так, чтобы наши монеты совпадали. И пусть он будет доволен.

— А как сделать так, чтобы наши монеты и вправду совпадали? — наивно полюбопытствовал Джемисон.

Персонс научил его нескольким нехитрым приемам. Джемисон улыбнулся.

— Мы будем увеличивать ставки, — увлеченно продолжал Персонс. — Пока он не останется без единой монетки. А тогда мы отдадим ему его деньги назад.

Джемисону это показалось забавным.

Снова началось — “орел... решка... орел...” Монетки ударялись о стол. Сначала проигрывали все по очереди. Наконец проигрывать начал только О'Нил.

— В чем дело? — внезапно спросил О'Нил.

Он быстро прикинул, кто сколько проиграл. Оказалось, он проиграл больше всех.

— Вы что, выманиваете у меня мои деньги? — спросил он напрямую.

Персонс и Джемисон принялись отказываться. Джемисон едва удерживался от смеха.

О'Нил собрался за полицией. У Персонса в кармане теперь было почти триста долларов. Он начал успокаивать О'Нила. Джемисон хотел было открыться и сказать, что все это шутка, но Персонс предупреждающе поднес палец к губам.

О'Нил между тем поднялся. Он всерьез собрался за полицией. Джемисону сделалось не по себе. Персонс тоже встревожился и кинулся вслед за О'Нилом.

Джемисон остался за столиком один, он решил никогда больше не принимать участия в подобных глупостях. Через полчаса он призадумался. Еще через полчаса он понял, что его обманули. Потом пришлось отправиться в ближайший полицейский участок (этим участком случайно оказался 87-й) и обо всем рассказать инспектору Артуру Брауну. Браун попросил Джемисона подробно описать внешность мошенников. Всего они выманили у Джемисона двести тридцать пять долларов.

## ГЛАВА 4

Берт Клинг находился в отделе полиции, где велся учет пропавших без вести. Сейчас он беседовал с двумя инспекторами: Амброзом и Бартольди.

Оба иронизировали и явно намекали на то, что им, позарез занятым поисками потерявшихся маленьких детей, вовсе не до того, чтобы заниматься трупом, чуть ли не полгода пролежавшим в воде. Берт потребовал доступа к картотеке. Снова начались ужимки и ухмылки. Наконец его напрямую спросили, какой именно период интересует его. Он ответил, что именно последние полгода; ведь труп пролежал в воде четыре месяца, но о пропаже молодой женщины могли заявить раньше. В конце концов Клинг получил доступ к вожделенным полкам, на которых громоздились папки. Он влез с ногами на стул и дотянулся как раз до той полки, где находились папки с заявлениями о пропаже людей, датированные ноябрем прошлого года.

Берту пришлось туго. Все заявления были составлены крайне однообразно. Особые приметы в виде родинок или татуировок вскоре сливались в сознании и переставали быть особыми. Конечно, попадалось и кое-что приметное, например: муж и жена вдруг исчезали в один и тот же день, и каждый заявлял об исчезновении другого. Тут можно было похихикать.

Клинг курил, курил и курил. И наконец натолкнулся на заявление, привлекавшее его внимание.

Пропавшую девушку искал инспектор Филиппс. Но кое-что смутило Клинга. Например, сначала указывалось, что девушку в последний раз видели дома, потом оказывалось, что видели ее на вокзале. Впрочем, эти несоответствия объяснялись просто: после Филиппса дело снова расследовали. Заявление поступило от Генри Прошека, отца пропавшей девушки. Он-то и видел дочь дома. Но потом ее видели на вокзале и даже успели как следует рассмотреть, заметили, что она была нарядно одета. Кроме того, оказалось, что пропавшая, то ли куда-то поехала без багажа, то ли на ее чемодан просто не обратили внимания.

В папке оказалось и письмо. Именно это письмо, написанное Марией-Луизой Прошек и заставило ее отца обратиться в полицию.

*"I/XI. Милые папа и мама!*

*Пожалуйста, не думайте, что меня похищают. Бетти Андерс следила за мной, и теперь, наверное, обо мне уже судачат в городе. Я хочу вам все объяснить.*

*Я уже давно хотела это сделать, потому и работала у Джонсонов. Я сэкономила на чем только могла, и теперь у меня четыре тысячи долларов. Я все вам напишу подробно, но не сейчас. Я решила начать совершенно новую жизнь. Попытайтесь меня понять.*

*С любовью: ваша Мария-Луиза."*

Филипс явно был человеком старательным. Он узнал в Скрантоне, родном городе пропавшей, что накануне исчезновения та взяла со своего банковского счета все свои сбережения. Кроме того, Филипс узнал, что новых банковских счетов Мария-Луиза не открывала. Филипс также установил, что письмо родителям девушка отправила из дешевой гостиницы. Филипс дал подробный отчет о состоянии зубов Прошек, побывав у ее стоматолога. Клинг помнил, что у трупа не доставало многих зубов, но насколько это соответствовало данным Филипса, пока не мог понять.

Прежде чем Филипс начал расследование, он также проверил, не числится ли Прошек среди пострадавших от уличных катастроф. Копии описания девушки были разосланы во все ближайшие города, но все же найти Марию-Луизу не удалось.

И вполне возможно, что утопленницей была как раз она.

Да, о зубах Марии-Луизы Прошек Клинг ничего не мог сейчас сказать. Но одну подробность он помнил очень хорошо: татуировку — сердечко с "МИК" внутри.

Но, судя по описанию-внешности, у Марии-Луизы не было татуировки.

## ГЛАВА 5

Генри Прошек был лысым малорослым человеком. По профессии он был шахтером и, наверное, поэтому, показываясь на люди, одевался особенно тщательно и аккуратно. Но все же нельзя было сказать, что этот пожилой человек выглядит особенно элегантно.

Генри Прошек сидел в 87 участке. Карелла рассматривал его. Честно признаться, Карелла и не предполагал, что обычный шахтер может держаться с таким презрительным высокомерием.

Высокомерным Прошек сделался после того, как выслушал Клинга. Карелла понял, что Клингу так и не удалось убедить старика в том, что его дочь умерла.

— Это невозможно, — решительно сказал Прошек.

Клинг робко пытался его убедить, но Прошек твердо стоял на своем. Клинг терпеливо объяснил ему, что все данные по найденному мертвому телу и по описанию его дочери совпали. Но Прошек упирался.

— Она ведь уехала, чтобы начать новую жизнь. И утонуть она никак не могла, она еще в школе была чемпионкой по плаванию. И татуировку я никогда не позволил бы ей сделать.

— Но ваша дочь была убита до того, как ее бросили в воду. Возможно, именно эта татуировка и связана с преступлением.

Но Прошек продолжал стоять на своем.

— У вашей дочери не было знакомого по имени Мик, Майкл?

Прошек пустился в многословные объяснения о том, что его дочь, несмотря на то, что была голубоглазой блондинкой, никак не могла назваться красивой девушкой.

Вдруг Карелла заметил, что о дочери старик говорит в прошедшем времени. Значит, он, в сущности, не верит в то, что она жива. Но почему же он все-таки так упорно не желает признать очевидного факта ее гибели? И никакого Мика старый Прошек не знал. Зато вдруг он решительно заявил, что желает видеть тело. Оба полицейских принялись как могли деликатно намекать ему на то, что не хотят подвергать его столь мучительному испытанию, но он настаивал.

— Я вам тогда сразу скажу, Мария-Луиза эта девушка или нет.

Карелла спросил, все ли называли девушку полным именем: "Мария-Луиза". Генри Прошек ответил, что обычно ее называли просто "Мери", хотя ему самому это казалось слишком просто.

Он все-таки сумел настоять на своем и его повезли в морг.

Ехали молча. В городе было зелено и солнечно, но им было тяжело. В морге Карелла и Клинг снова попытались отговорить старика, но им это оказалось не под силу. Наконец санитар выкатил носилки из морозильной камеры.

Прошек посмотрел на разложившийся труп. Карелла не сводил со старика глаз и сразу понял, что, несмотря ни на что, тот узнал дочь. Карелла словно бы сам ощутил душевную боль несчастного отца.

Но вот Прошек обернулся к ним, сверкнули глаза.

— Нет, это не Мария-Луиза! — с усилием произнес он.

Санитар повез носилки обратно в камеру, мучительно заскрежетали по полу колеса.

Санитар спросил, будет ли Прошек забирать тело. Но старик, выкрикивая: "Это не она!", — быстро шагал по коридору.

И вдруг он упал на колени, ухватившись за дверную ручку. Карелла кинулся к нему, обхватил, пытаясь поднять. Тот припал всем телом к молодому полицейскому и разрыдался, бессильно повторяя:

— Боже! Мария-Луиза! Ее нет. Она умерла! — он задышался от слез.

Тедди Карелла думала о том, что, вот, например, сапожник может вернуться домой и забыть о своих каблуках и подметках. А полицейский, да еще такой, как Стив, не может забыть даже дома о своей работе. Но все равно она не променяла бы его и на сто сапожников. Сейчас он сидел, очень похожий на скульптуру французского скульптора Родена, которая называется "Мыслитель", и размышлял. Он сидел босиком, и его ноги ужасно нравились Тедди, хотя мужские ноги вроде бы не считаются такой уж красивой частью тела.

Тедди была красивой молодой женщиной, у нее были черные глаза, каштановые волосы, алые губы и держалась она как-то царственно. Тело ее было таким же подвижным, как и руки. И ничего удивительного в этом не

было, ведь от рождения Тедди была глухонемой, и руки и тело она активно использовала при общении.

Они пообедали молча. То есть Тедди молчала всегда, а Стив молчал на этот раз. Но он чувствовал, что она тревожится. Он обнял ее. Он понял, что она хочет знать, из-за чего он так мучается.

— Понимаешь, я все думаю об этой Марии-Луизе Прошек. Ей было тридцать два года, она оставила родителей, написала им письмо, уведомляла, что начинает новую жизнь. И вдруг находят ее труп. Нет, это не самоубийство. В организме обнаружилось много мышьяка. Ты успеваешь читать по губам то, что я тебе говорю?

Тедди кивнула, внимательно глядя на него.

— Ее бросили в воду уже мертвой. А на руке у нее оказалась татуировка — сердечко и внутри крохотное "МИК". Когда она уезжала из родного города, никакой татуировки не было. И кто он может быть, этот Мик? Как его найти?

Тедди состроила выразительную гримасу.

— Может быть, он и есть убийца? Как она встретила с ним?

Тедди быстро задвигала руками.

— Ты предлагаешь проверить ателье, где делают татуировки, — понял Стив. — Я уже начал обходить эти заведения. Но там ведь бывает так много клиентов, и женщин в том числе. Вряд ли ее могли запомнить, — тут он решил, что хватит мучить жену разговорами о своей работе и спросил, что делала она.

Тедди знаками показала, что читала журнал. Она принесла его Стиву, там были указаны адреса людей, желавших завести знакомство по переписке. Тедди засмеялась. Стив посмотрел на страницу. Пожалуй, это могло показаться забавным. Но вскоре он забыл об этом, подхватил жену на руки и понес в спальню. Раскрытый журнал остался на полу. Крупным шрифтом было набрано следующее объявление:

---

ПОЧТЕННЫЙ СИМПАТИЧНЫЙ ВДОВЕЦ  
В ВОЗРАСТЕ ТРИДЦАТИ ПЯТИ ЛЕТ  
ЖЕЛАЕТ УСТАНОВИТЬ ВЗАИМОПОНИМАНИЕ  
И ВСТУПИТЬ В БРАК С ПРИЛИЧНОЙ ЖЕНЩИНОЙ.  
АДРЕС: центральная почта, абонентный ящик № 137.

## ГЛАВА 6

Девушка долго не могла оторваться от этого объявления. Затем уселась писать письмо.

Девушка была вовсе не глупа. Ей исполнилось уже тридцать семь лет. И где-то лет с тридцати пяти она перестала верить в романтическую любовь, то есть во всяком случае полагала, что это не для нее. Она даже стала немного цинична. Хотя, конечно, в этом цинизме скрывалась некоторая толика зависти. Она всегда отличалась безупречным поведением, происходила из порядочной семьи, и где-то в глубине души не переставала верить в прекрасного принца, который рано или поздно явится за ней. Но, увы, она не была особенно красива. Она не считала также, что блещет интеллектом, хотя в фирме, где она служила, ее считали дельной и толковой секретаршей.

В двадцать девять лет она решила, что пора перестать быть недотрогой. Но интимные отношения никакой радости ей не принесли.

И вот теперь, когда и она сама, и ее родители, уже не верили в то, что она когда-нибудь выйдет замуж, она вдруг почувствовала себя очень одинокой.

Она уже давно жила отдельно от родителей. Ей хотелось быть свободной и независимой и не хотелось, чтобы родители знали о ее отношениях с мужчинами. Но сейчас она сидела в своей квартире, из крана на кухне капала вода, чуть потрескивал паркет, и ей было очень одиноко.

А где-то тридцатипятилетний мужчина искал взаимопонимания. Ей понравилось его честное и прямое объявление. Она почувствовала, что ей стыдно за свою нечестность...

Ведь в первых вариантах своего письма она убавляла себе возраст. Но тут ей пришло в голову, а может быть, этому человеку нужна женщина как раз немного постарше его, которая была бы ему и женой и матерью одновременно. Старая дева ему, конечно, не нужна. Но как намекнуть на то, что и она немного знает жизнь? А если ему нужна обычная домохозяйка в нейлоновой юбке? Или изящная красотка-манекенщица в сверкающей машине? Она решительно написала: "Мне тридцать шесть лет". Нет, этому человеку она напишет чистейшую правду.



И вот какое письмо получилось:

*“Уважаемый сэръ!*

*Мне исполнилось тридцать семь. Я говорю это сразу и вы вправе тотчас разорвать это письмо. Я вовсе не желаю отнимать у вас время понапрасну.*

*Вы ищете в женщине понимания, я того же ищу в мужчине. Мне кажется, что я понимаю, как нелегко было вам помещать свое объявление. Но и мне нелегко писать вам.*

*Мне кажется, будто я устраиваюсь на службу. Неприятное ощущение. Но иного выхода нет. Сейчас я опишу себя, чтобы вы получили обо мне определенное представление.*

*Итак, внешность. Рост и вес — средние. Меня даже можно назвать худенькой, хотя никакими диетами я не пользуюсь. Я до сих пор могу носить платья, купленные когда мне было двадцать.*

*У меня каштановые волосы и карие глаза. С двенадцати лет я ношу очки. В детстве я много читала, но теперь разочаровалась в литературе. Художественная мне скучна, и в научно-популярной я ничего для себя не нахожу, ибо не занимаюсь наукой. Одно время я думала, что в иностранной литературе найду то, чего не смогла обнаружить в американской. Но увы! Все об одном! Да и перевод многое портит. Но, может быть, вы встречали книги, читая которые можно было бы вернуть то чувство наслаждения, которое я испытывала, когда читала в детстве?*

*Я одеваюсь неброско и не без вкуса. Моя любимая одежда — юбка и жакет. Я — секретарь в серьезной фирме, так что предпочитаю строгий стиль. Я имею неплохой годовой доход, на моем банковском счету — пять тысяч долларов. Но мне приходится помогать родителям.*

*Я люблю хорошую классическую музыку, например, Вагнера, Брамса. Из легкой предпочитаю Фрэнка Синатру, хотя сплетни о его личной жизни меня не интересуют. Я люблю шить под музыку, но штопать носки не люблю. Честно вас об этом предупреждаю”.*

Она перестала писать и призадумалась. Не слишком ли откровенно она пишет? И как дать ему понять, что у нее есть кое-какой жизненный опыт?

Она продолжила:

*“Я люблю заниматься домашним хозяйством, знаю много кулинарных рецептов. Мое фирменное блюдо — жареная курица с пряностями. Очень хотела бы совершить путешествие по Америке. И для этого фанатично коплю деньги.*

*Кстати, о фанатизме, вернее, о религии. Я протестантка. Надеюсь, что и вы. Я отношусь к белой расе. Я не расистка, а просто уже не в том возрасте, когда совершают вызывающие поступки. Я не ханжа, просто испытываю некоторый страх, хотела бы не выходить за пределы своего круга.*

*Осенью и весной я немного занимаюсь верховой ездой. Неплохо плаваю. Один раз работала в детском летнем лагере, учила плаванию детей. С тех пор у меня к детям некоторая идиосинкразия. У меня самой, конечно, детей нет, так что не знаю. Вы пишете, что вы вдовец. Есть ли у вас дети?*

*Пока что я ничего о вас не знаю, кроме номера ящика на почте, а вот выложила о себе все. Кстати, еще одно: очень люблю ходить в кино, особенно на фильмы с Джоном Уэйном. Его нельзя назвать красивым, зато у него мужественная внешность, а я это ценю.*

*Ну, вот и все. Надеюсь получить от вас ответ. Если захотите, пришлю вам свою фотографию.*

*Когда я читала ваше объявление, мне казалось, я слышу вас. Мне вообще кажется, что я хоть как-то, но поняла вас. Думаю, и вы правильно поймете меня.*

*Искренне уважающая вас — Присцилла Эймс.*

*41 Ла-Месса-стрит Феникс. Аризона.”*

Присцилла перечитала свое письмо.

Теперь оно было вполне искренним. Пусть она выглядит в письме такой же, как в жизни, ничуть не лучше. Если начать отношения со лжи, это до добра не доведет. Можно и запутаться. Пусть все будет по правде.

Присцилла Эймс аккуратно сложила шесть исписанных страннечек и вложила в конверт. На конверте она написала адрес незнакомца и пошла отправлять свое письмо.

Если бы она знала, началом какой странной цепи происшествий послужит этот простой ее поступок.

## ГЛАВА 7

Вся беда в мелочах. Крупные проблемы решать легче. А вот попробуйте решить, когда лучше побриться: перед любовным свиданием или перед общим собранием акционеров вашей фирмы? Да, от мелочей можно просто спать!

В 87 участке на сегодняшний день была одна крупная проблема: труп молодой женщины, выловленный из реки.

А вот обнаружение афериста, который явно крутился на территории 87 участка, никому не казалось крупной проблемой. Но из-за этого афериста Артур Браун просто с ума сходил.

Браун не любил, когда обманывали его самого или других. Человек, выманивающий у людей деньги, был ему противен. У Брауна теперь постоянно было плохое настроение. А тут еще коллеги его поддразнивали, то и дело спрашивая, поймал ли он афериста.

— Арчи, тут у моей бабули украли вставные зубы. Это случайно не твой аферист?

Брауна ужасно раздражали эти подначки. Он злился и отругивался.

Времени у него сейчас было в обрез и большая его часть уходила на проверку всевозможных полицейских картотек. В одной из них обязательно должно было найтись имя того, кого он искал.

А у Берта Клинга были другие дела. Берт Клинг остановился перед доской объявлений. За окном шел дождик. На доске висел график отпусков. Мейер Мейер и Роджер Хевиленд остановились рядом с Клиномгом и также разглядывали график.

Выяснилось, что Клингу положен отпуск с десятого июня. В самую жару! Хевиленд тотчас принялся подшучивать над этим. Мейер, который не очень-то жаловал Хевиленда, тем не менее подхватил шутку. Мейер любил пошутить.

Клинг отмахнулся от них и пошел прочь от доски объявлений. Но Хевиленд, видно решил основательно досадить ему.

Этот Хевиленд не нравился Клингу. Берту прежде всего не нравилось то, как Хевиленд избивает беззащитных

людей, задержанных по недоказанному обвинению. Говорили, что когда-то Хевиленд был довольно добрым человеком, но вот однажды, когда он разнимал драчунов, ему сломали руку. После этого характер его резко изменился. Но Клинг, откровенно говоря, не считал перелом руки достаточным оправданием, и потому думал, что Хевиленд просто-напросто садист... И сейчас, когда Хевиленд принялся допытываться, как Берт Клинг намеревается провести отпуск, тот мрачно ответил, что хотел бы куда-нибудь поехать со своей невестой. Хевиленд и Мейер принялись снова изощряться в шуточках. А Клингу было вовсе не до шуток, он ведь не знал, когда у Клер кончатся занятия, сможет ли она поехать с ним. И в конце концов Мейер даже посочувствовал ему.

А Браун все еще неустанно проверял всевозможные полицейские картотеки. И наконец наткнулся на нечто подходящее. Это была карточка с данными человека по имени Фредерик Дойч, обвинявшегося в аферах.

Браун показал карточку Хевиленду. Здесь же была и фотография Дойча, мужчины лет тридцати, скорее худощавого, чем в теле. Дойч уже успел побывать в тюрьме, "специальностью" его были шулерство, азартные игры. Указывалось, что Дойч знает много разных приемов. Это особенно заинтересовало Брауна. Судя по всему преступник отличался осторожностью: жульничеством он промышлял давно, но попался и отсидел в тюрьме всего один раз. Короче, Браун решил отправиться в гостиницу "Картер", где, согласно адресу, указанному на карточке, проживал Дойч. Браун решил хорошенько познакомиться с ним, прежде чем задержать. Вот этого Хевиленд никак не понимал. По мнению Хевиленда, лучше было сначала задержать, потом избить, а уж потом выяснять, что и как.

## ГЛАВА 8

Гостиница "Картер" была заведением отнюдь не первого класса.

Впрочем, вполне возможно, что обитатели гостиницы попадали в нее из таких мест, что она им казалась роскошным отелем.

Зависит от того, как смотреть на дело.

Браун поднял ворот куртки и подумал, что сейчас он, наверное, похож на частного сыщика.

В холле гостиницы пахло ужасно. Обстановка тоже была не лучшего качества. Неопрятный портье тотчас заявил, что неграм здесь комнаты не сдают. Браун поинтересовался насчет этого с хорошо прикрытым сарказмом. Затем предъявил значок полицейского и спросил, проживает ли в гостинице Фредерик Дойч. Оказалось — нет. Браун принялся просматривать список постояльцев. Дойча там и вправду не оказалось. Зато нашелся некий Френк Даррен. Браун попросил ключ от его номера.

— Предъявите ордер на обыск,— заупрямился портье.

— Если я отправлюсь сейчас в участок за этим ордером, то прихвачу и вас за нарушение статьи закона о равноправии граждан независимо от их расовой принадлежности.

Старик быстро подал ему ключ.

В номер Даррена Браун поднялся на лифте. Браун служил в полиции не первый год, и логика ему подсказывала, что если уж человек решил зарегистрироваться в гостинице под чужим именем, то он наверняка выберет такое имя и фамилию, чтобы инициалы совпадали с его собственными, ведь на белье могут быть метки.

Разумеется, Даррен мог оказаться просто Дарреном. Браун подумал, что если уж составляются карточки, то не худо было бы в них указать, что Дойч, например, проживает в гостинице под чужим именем.

Браун был серьезным полицейским и намеревался все проверить основательно. Он повернул ключ в замочной скважине и распахнул дверь. Человек, лежавший на кровати, тотчас потянулся к револьверу на тумбочке. Но Браун серьезно отсоветовал ему пользоваться оружием.

Когда Браун рассмотрел Даррена, то понял, что он и есть Дойч. Впрочем, в жизни Дойч оказался более привлекательной личностью, нежели на фотографии.

Браун принялся торопить Дойча. Тот было потребовал предъявить ордер на арест, стал говорить, что перед законом он чист, что у него имеется разрешение на ношение оружия, но Браун ни с чем не желал считаться.

— Может быть, мы поговорим здесь? — попросил Дойч.

— Нет,— возразил Браун.— В этой гостинице неграм задерживаться не разрешают.

Разрешение на ношение оружия у Даррена действительно имелось, но в нем были указаны имя и фамилия Дойча. Дойч заметил, что закона, который запрещал бы пользоваться другим именем, нет. Браун возразил, что существует закон о запрете на пользование чужим именем с целью введения в заблуждение. Но Браун заявил, что никого вводить в заблуждение он не собирается, и ведет честную жизнь. Затем Даррен принялся объяснять, что взял это имя, потому что человеку, отбывающему наказание в тюрьме, трудно устроиться на работу. Оказалось, бывший аферист теперь работает охранником в банке. Браун улыбнулся. Затем спросил, в каком именно банке Даррен-Дойч работает. Тот испугался, что на его работу могут сообщить о том, что он сидел в тюрьме. Браун отвечал, что сообщать ничего не собирается, просто хочет проверить, действительно ли Дойч работает в этом банке. Затем Браун спросил Дойча, почему, если тот ведет честную жизнь, он не хочет пойти в полицию для проверки. Дойч со вздохом отвечал, что в полиции достаточно подлецов и он это хорошо знает, и сам твердо решил перестать быть подлецом.

Это был день, казалось, идеально подходящий для убийства. мрачно, дождливо, набережная, пристань, пустые промокшие пляжи и детские площадки. И вдруг всплывает труп. Идеально для писателей и киношников. Но в 87 участке писатели и киношники не работали. Полицейским было ясно только одно: вместо одного всплывшего трупа, у них теперь два.

## ГЛАВА 9

С этой татуировкой преступник попал пальцем в небо. У Марии-Луизы была почти такая же — сердечко, а в нем — “МИК”.

Сердечко. С легкой руки все тех же писателей сердце, эта обыкновенная часть человеческого тела, сделалась символом любви и высоких душевных качеств. Символическое контурное изображение сердца лучше всего обозначает страсть. Да, именно сердце, а не печень, представьте себе, не нос и не уши.

Второй всплывший труп также оказался женским. И у этой девушки была на руке татуировка, только не "МИК", а "НИК". Возможно, мастер ошибся, и поэтому неведомый МИК убил девушку и бросил в воду. Еще бы! Кому понравится, когда его фирменный знак пишут с ошибкой.

Стив Карелла договорился встретиться с женой в центре города. И тут как раз позвонили из ателье, где делали татуировки. Позвонить Тедди Стив не мог, она ведь не слышала. Поэтому он просто отправил патрульную машину с просьбой передать записку. Хотя по правилам такая деятельность патрульных машин не предусматривалась.

Стив стоял под навесом у двери в банк и ждал самую красивую женщину в мире. Она могла быть и величественной, и гордой, и доверчивой, домашней. Ее лицо было необыкновенно подвижным и выразительным. Она была его женой.

Вот и сейчас он сразу увидел ее и сердце его забилось быстрее. Она бросилась к нему. Мужчины провожали ее восхищенными взглядами. Стив сказал ей, что сначала они зайдут в мастерскую, где делают татуировки. Карелла собирался предъявить там несколько фотографий Марии-Луизы Прошек. Возможно, ее опознают. Судя по телефонному разговору, в мастерскую заходила девушка, похожая на нее.

Карелла и его жена сели в патрульную машину и поехали. Шел дождь. Они уже отъехали довольно далеко от кварталов с престижными опрятными домами. Теперь их путь лежал через лабиринт мрачных грязных улочек, мимо мелких магазинчиков и мастерских.

## ГЛАВА 10

Мастерская татуировок помещалась рядом с китайским кварталом, между питейным заведением и прачечной. Хозяином мастерской оказался кругленький лысый молодой китаец по имени Чарли Джан. Он спросил, кто такая Тедди, неужели и она из полиции. Но Стив объяснил, что это просто его жена. Татуировщик тотчас принялся предлагать ей красивую татуировку с бабоч-

кой — черную, желтую или красную — на выбор. Он говорил, что в открытом платье и с татуировкой на плече молодая госпожа будет просто неотразима.

Тедди улыбалась, качала головой в знак отказа. Она впервые в жизни видела своего мужа в роли полицейского. Ей не терпелось узнать, как он поведет себя при исполнении служебных обязанностей: будет строг, суров? Жестоким он, конечно, быть не может.

Карелла стал расспрашивать Джана о девушке, которая приходила. Выяснилось, что приходила она месяцев шесть тому назад в сопровождении красивого, как киноактер, мужчины-блондина. Девушка не сводила с него восхищенного взгляда.

— Совсем как ваша жена, — добавил Джан.

— У них были обручальные кольца? Они были женами?

Этого Джан не заметил.

Татуировщик провел Кареллу и его жену внутрь мастерской и принялся показывать им образцы татуировок. Снова и снова он шутливым тоном предлагал Тедди бабочку, но она отказывалась. Она чувствовала, что Стиву нравится этот шутливый тон, но, если это будет мешать цели разговора, Стив может резко оборвать мастера.

Тот между тем рассказывал, как девушка и мужчина тоже отказались от бабочки и захотели сердца. Он показал им самые разные сердца. Они захотели самое маленькое с буквами “МИК” внутри. Нет, он не знает, было ли это именем мужчины. Кожа на руке очень чувствительная, девушке явно было больно.

— Как она называла своего спутника? — спросил Карелла.

— Она не называла его по имени, — ответил Джан.

Карелла показал фотографию Марии-Луизы Прошек. Джан сразу узнал ее.

— Она умерла? — спросил татуировщик.

— Да, — ответил полицейский.

— Это худо, — погрустнел китаец. — Она любила. Любовь нельзя убивать.

Карелле вдруг захотелось, чтобы на плече Тедди и вправду красовалась бабочка.

— Этот человек никогда не заходил к вам с другой женщиной?

— Нет, — ответил Джан.



Карелла оставил свою визитную карточку и попросил уведомить его, если Джану что-то станет известно об этом блондине. Джан пригласил их заходить к нему и снова посоветовал Тедди вытатуировать бабочку.

— Славный мужик, — сказал Карелла, когда они вышли. — Иные, едва завидят полицейского, сразу чувствуют себя виноватыми. Возможно, потому, что у каждого что-то лежит на совести. А этот человек такой открытый и спокойный.

Некоторое время они шутиливо пререкались относительно того, в какой ресторан им пойти: в китайский или в итальянский. Карелла говорил, Тедди читала по губам и отвечала знаками. Наконец они выбрали подходящий итальянский ресторанчик и церемониальным шагом проследовали в дверь.

Ресторанчик оказался не самого высшего разряда, но они уже успели проголодаться. Кроме того, здесь имелась будка телефона-автомата, что устраивало Стива, ведь ему еще надо было докладывать о результатах расследования. В зале почти никого не было, только пожилая пара и одинокий мужчина. Для начала Стив заказал два коктейля. Стив выпил за свою жену. Она улыбнулась. Он поднялся и пошел звонить, пообещав ей, что займет совсем немного времени.

Прихлебывая коктейль, она следила за ним. Тедди быстро опьянела, ведь она давно не ела.

К ней подошел подвыпивший мужчина и начал заигрывать. Тедди не отвечала ему. Стив вышел из будки и направился к столику. Незнакомец, назвавшийся Дейвом, встретил его наглой ухмылкой. Карелла строго приказал ему перестать приставать к его жене. Но Дейв продолжал стоять у их стола и даже начал было говорить что-то скабрезное. Тогда Стив ударил его по губам. Тот бросился на Стива. Началась драка. Тедди сидела помертвевшая. Особенно она испугалась, когда увидела, как Дейв ударил об стол бутылку и пошел на Стива, выставив разбитое горлышко. Ей хотелось кричать, но она ведь была немая. Однако Стив вовсе не собирался давать себя в обиду. Он с силой ударил Дейва в плечо и тот выпустил бутылку из руки. Карелла ударил еще раз. Дейв не мог подняться.

Карелла приказал официанту вызвать местного полицейского. Дейва увели.

Стив снова занял место за столом.

— Так лучше и для этого человека, — сказал он жене. — Ведь он пьян и может покалечить кого-то. Пусть уж лучше проспится в участке.

Теперь Тедди могла сказать, что узнала, в чем состоит работа ее мужа. Она увидела силу его рук. Она поняла, как много в мире страшного и грубого.

Стив не успел ее удержать, она поднесла его ладонь к своим губам. Он изумленно ощутил, как каплют слезы из ее глаз.

## ГЛАВА 11

Артур Браун очень старался. Может быть, именно поэтому у него ничего не получалось. Он вызвал молодую негрятянку Бетти Прескот и джентльмена Эллиота Джемисона. Он показал им Фредерика Дойча, но они в один голос решили, что это не тот человек, который их так здорово облапошил. Браун дружески простился с Дойчем, предложив ему не сворачивать с пути честного гражданина.

Между тем должно было произойти общее собрание полицейских. Карелла должен был присутствовать. Но он решил, что будет гораздо лучше, если он пообеет как можно большее количество мастерских, где делают татуировки, и поищет человека, который имеет отношение к таинственному "НИК".

Но напрасно Карелла не отправился на собрание... Там полицейские имели возможность познакомиться с парой красавцев-блондинов, один из которых и был убийцей двух девушек, чьи трупы всплыли столь трагически.

Но Браун как раз интересовался не убийцами, а аферистами.

А Карелла, в свою очередь, интересовался татуировками.

А вот Клинг на собрание попал, хотя думал о том, как Клер отнесется к тому, что у него отпуск приходится на самую жару.

Когда Клинг вошел в огромный зал, похожий на гимнастический, там, на возвышении, стоял один из красавцев-блондинов. С ним беседовал начальник городской полиции. Звали блондина Альфонсом.

Альфонс кого-то, кажется, ограбил. Но, естественно, все отрицал. Начальник полиции вздохнул, велел ему сойти с возвышения и перешел к следующему делу.

В сущности, подобные общие собрания с демонстрацией преступников устраивались специально для того, чтобы полицейские города могли визуально ознакомиться с преступниками; так сказать, знали бы их в лицо. Ведь порою такое узнавание преступника может спасти полицейскому жизнь.

Следующим преступником, вступившим на возвышение, оказался Карл Хантер. Это был необычайно красивый мужчина, обвинявшийся в том, что, поссорившись с барменом, швырнул стул в зеркало. Начался допрос. Хантер не отрицал, что поссорился с барменом, но утверждал, что тот оскорбил его мужское достоинство.

— При задержании,— сказал начальник,— выяснилось, что у вас в бумажнике тысяча долларов. Что это за деньги?

— Я требую, чтобы их мне вернули,— закричал Хантер.— Что это такое? Сначала меня оскорбляет какой-то мерзавец. Потом меня грабят полицейские, да еще и швыряют в камеру.

Хантер заявил, что снял эти деньги со своего банковского счета, потому что собирался отправиться в поездку. Он даже признался, что собирался в поездку не один, а с девушкой. И с очень красивой, по его словам, девушкой.

Увиденных блондинов Клинг не связал с убийством Марии-Луизы Прошек, которое расследовал Карелла.

Между тем начальник полиции пригласил на возвышение следующего обвиняемого, некоего Криса Дональдсена, которому было тридцать пять лет. Он обвинялся в карманной краже. Надо сказать, что красавец блондин Крис был до ужаса похож на красавца блондина Хантера. Все готовы были принять их за близнецов.

Крис рассказал, что возвращался домой с работы в вагоне метро. Внезапно стоявший с ним рядом человек громко закричал о пропаже бумажника. В вагоне было полно народа. Человек вцепился в Криса и еще одного пассажира, обыскал их и обнаружил свой бумажник в кармане Криса. На вопрос, куда же девался тот, второй, Крис ответил, что, вероятно, когда ограбленный обнаружил свой бумажник, он просто отпустил второго пассажира. Крис заверял, что он абсолютно честный человек;

как попал к нему бумажник, он не знает, работает он бухгалтером в почтенной фирме. Начальник решил, что объяснения Криса звучат весьма убедительно, но окончательно пусть решает судья. Крис возмущался и говорил, что имеет право возбудить дело о незаконном аресте.

Но начальник уже перешел к третьему преступлению. На этот раз некая Женестьева Перейра обвинялась в том, что ударила мужа кухонным ножом. Снова начался допрос, в процессе которого пришлось признать, что удар ножом был всего лишь интимным семейным делом и что здоровье потерпевшего в скором времени восстановится.

Когда наконец общее собрание закончилось, Клинг и Браун дружно решили, что все эти общие собрания — ужасная глупость.

А между тем двое красавцев блондинов легко отделались; а ведь один из них был убийцей.

Карлу Хантеру пришлось уплатить пятьсот долларов штрафа и возместить убытки, то есть заплатить за разбитое зеркало.

Криса Дональдсена вообще оправдали. И вот уже они оба вновь свободно разгуливали по городу.

## ГЛАВА 12

Берт Клинг просто предчувствовал, что у него будут неприятности. Так и вышло. Хотя последнее время у них с Клер все оборачивалось недурно. Началось все не скажешь, что удачно. Но постепенно она просто-напросто полюбила его. Их отношения уже достигли той степени прочности, которую можно называть обручением. Теперь оставалось только пожениться и обзавестись детьми.

Оставалось взять, то что называется, последний барьер. Проще говоря, все дело было в этом несчастном отпуске Клинга, приходившемся аккурат на начало июня. И Клер уже об этом знала. И вся так и пылала от гнева. И была в этом своем пылании ужас как красива.

— Неужели у вас в участке не могут учесть того, что и у тебя имеются кое-какие заслуги? — сердито говорила Клер.

Клинг начал было довольно-таки косноязычно оправдываться, но Клер не желала слушать.

В конце концов они уселись за столик в заведении и заказали ром. В сущности, проблема заключалась еще и в том, что как раз на время отпуска Клинга приходилась экзамены Клер. Молодые люди принялись думать.

Конечно, можно было просто сказать, что Клер ждет ребенка, но это, пожалуй, осложнило бы ее дальнейшие отношения с деканатом.

И вдруг Клинга осенило. Он взял у Клер ручку и листок бумаги и принялся писать заявление в деканат от имени отца Клер. В заявлении говорилось, что Ральф Таунсенд просит разрешения перенести сдачу экзаменов его дочери, поскольку желал бы, чтобы она отправилась с его сестрой в поездку по западу Америки. (У отца Клер не было сестер, но какое это имело значение!). В заявлении также указывалось на то, что эта поездка несомненно обогатит знания студентки Клер Таунсенд и поможет ее дальнейшему успешному овладению социологией как наукой.

Теперь оставалось только передать это заявление в деканат и дожидаться положительного ответа.

— Завтра же передай письмо, — сказал Берт. — И смотри, чтобы у тебя при этом был соответствующий скромный вид.

— Ладно, нечего меня учить. Лучше покажи, что это ты корябаешь тут, на листке.

Клинг и вправду что-то набрасывал на чистом листке.

— Ну! — Берт гордо вскинул голову. — Да эту работу спокойно можно везти на любую международную выставку.

Он нарисовал на листке контуры сердца и сделал надпись внутри "КЛЕР И БЕРТ".

— По-моему, ты заслужил поцелуй! — заметила Клер.

Надо сказать, что она не замедлила с вручением заслуженной награды. Впрочем, если бы он ничего не нарисовал, она бы все равно поцеловала его. Берту это было очень приятно. Он тотчас же ответил поцелуем на поцелуй и уж, конечно, не уловил никакой связи между своим незамысловатым рисунком и татуировкой на руках девушек, чьи трупы были выловлены из реки.

Клингу так и не суждено было узнать, что в тот момент он был буквально на волосок от решения проблемы таинственных татуировок, или — во всяком случае — очень приблизился к разгадке.

## ГЛАВА 13

Вторую утонувшую девушку звали Ненси Мортимер.

Тело опознали ее отец и мать, проживавшие в штате Огайо, и специально вызванные для опознания. Ненси было тридцать три года. Она не отличалась особой сложностью натуры. Два месяца тому назад она уехала из родительского дома, взяв с собой две тысячи долларов. Она призналась отцу и матери, что познакомилась с прекрасным человеком и едет к нему. И прибавила, что, если их отношения примут серьезный оборот, она непременно познакомит его с родителями.

Отношения явно приняли серьезный оборот, но несколько иной, чем тот, на который рассчитывала девушка.

Экспертиза показала, что тело было в воде почти месяц.

Также выяснилось, что смерть последовала от отравления мышьяком.

В свое время арабы говорили, что тот, кому грозит смерть, готов смириться с горячкой. Надо отметить, что эта поговорка, кажется, подходит ко множеству жизненных ситуаций.

Присцилле Эймс, например, можно сказать, смерть угрожала много раз. Так что горячка не пугала ее. В жизни ей приходилось встречаться со многими мужчинами и потому она имела неважное мнение о сильном поле. Так что со смертью Присцилла, можно сказать, была знакома. Она уже довольно долго переписывалась с человеком, чей адрес узнала из объявления, и теперь, то что называется, готова была болеть горячкой.

Но ожидаемая горячка обернулась сплошным восторгом.

Направляясь на это свидание, она настроила себя на несколько скептический лад. Они уже обменялись по почте фотографиями, и он очень ей понравился. Что же касается ее фотографии, то она, конечно, знала, что выбрала свою самую лучшую карточку. Да, на фотографии

он безусловно был красив, но она, конечно не ожидала, что он окажется настоящим принцем из сказки.

Присцилла Эймс поняла, что принцы существуют. Один, во всяком случае.

Перед ней стоял принц.

Высокий блондин с чудесной улыбкой, прекрасно сложенный, и... добрый!

Вот о ком она мечтала всю жизнь!

Присцилла совершенно потеряла голову.

Он сразу же улыбнулся ей, а она все не могла поверить, неужели сбылись ее девические грезы?

Уже первый день прошел изумительно. Они бродили по шумным улицам, и она чувствовала необычайный прилив энергии. Он прикасался к ее руке своими нежными, но сильными пальцами. Они позавтракали вместе. И вот уже две недели, как не разлучались. Нет, это было просто невероятно!

Сейчас она ждала его перед зеркалом у себя в номере в гостинице. Она видела, что за эти две недели очень похорошела, волосы и глаза приобрели блеск, очертания тела стали гораздо более женственными. Конечно, все это сделала любовь, взаимная любовь.

Он тихо стукнул в дверь. Она бросилась открывать. Он остановился перед ней. Одет он был в синюю куртку. Волосы падали на лоб, совсем как у мальчишки. Она припала к нему.

— Дорогой! — прошептала она, млея в его объятиях.

Было так приятно вдыхать запах его сигарет и крема для бритья, смешанный с запахом дождя.

Он нежно назвал ее по имени. Только он умел так произносить ее имя.

— Ты — прелесть! — произнес он. — Ну и повезло же мне!

Он часто говорил такое. Сначала ей казалось, что это просто обычные комплименты. Но этот человек был просто поразительно искренен. Она поняла, что он и вправду считает ее необычайно красивой и умной.

— Надо взять зонтик, — сказала она.

— Нет, нет, — возразил он. — Такой чудесный ласковый дождь. Бродить вдвоем в такую погоду — что может быть чудесней!

— Хорошо! — она нежно посмотрела на него.

И тут же подумала, что он вправе считать ее восторженной чудачкой, девчонкой, а ведь она — серьезная зрелая женщина.

— Куда же мы направимся? — спросила она.

— Пообедаем в ресторане. Я знаю неплохой. Сегодня мы должны серьезно поговорить.

— Поговорить? — переспросила она.

— Именно поговорить, — он заметил, что лицо ее приняло напряженное выражение и нежно погладил ее по щеке. — Я ведь очень люблю тебя.

— Неужели? — спросила она с каким-то испугом.

— Ну конечно же! — они обнялись. Ей уже не было страшно.

Потом была чудесная прогулка по улицам, под теплым ласковым дождиком. Эти капли дождя, нежно шелестящие, казалось, были языком самой природы, решившей поговорить с влюбленной парой.

В вестибюле ресторана он снял куртку, встряхнул ее, и помог Присцилле снять пальто.

Официант усадил их за один из свободных столиков.

Стены зала были облицованы мозаичным панно, пол вымощен белым и черным мрамором, квадратики чередовались, как на шахматной доске. Посреди их мраморного столика горела яркая свеча в подсвечнике.

— Будете заказывать? — спросил официант.

— Сначала выпить, — распорядился он. — Мне коктейль Реми. А тебе, дорогая? — обратился он к Присцилле.

Он так легко, совсем по-французски произнес “Реми”, что это заставило ее растеряться. Она не сразу поняла, что он о чем-то спрашивает ее. Он переспросил ее с улыбкой.

— Виски, — ответила она.

— Значит, виски для дамы, а для вас? — официант обернулся к спутнику Присциллы.

Тот с досадой и почти жестоко повторил название коктейля.

— Сейчас, господин! Сию минуту! — официант поспешно ушел.

Присцилле нравилась в ее спутнике его уверенность в себе.

— О чем же ты хотел поговорить? — она улыбнулась.

— Давай выпьем сначала, — он тоже улыбнулся ей. — Тебе нравится здесь?



— Здесь прелестно, я не привыкла к такой роскоши.

— Это вообще прелестный город,— он наклонился к ней.— Только в этом городе и можно жить по-человечески. А уж для влюбленных здесь настоящий рай, даже лучше, чем в Париже.

— Тебе приходилось бывать в Париже?

— Во время войны пришлось там орудовать в тылу у немцев,— небрежно заметил он.

— Должно быть, это было очень опасно! — она почувствовала страх, хотя прекрасно понимала, что глупо пугаться, когда опасность давно миновала.

Он передернул плечами.

— А вот и наши напитки! — сказал он.

Официант бережно поставил на стол бокалы.

— Хотите посмотреть меню? — вежливо предложил официант.

— Да.

Официант положил меню на столик и оставил их. Они подняли бокалы.

— За тебя и за меня,— произнес он.

Они выпили. Присцилла не сводила с него глаз.

— О чем же ты хотел поговорить со мной? — снова спросила она.

— Меня интересует число.

— Какое число?

— Я хотел бы, чтобы мы стали мужем и женой,— он взял ее за руку.— Я получил очень много писем, дорогая. Я даже и не знал, сколько одиноких людей на свете. Люди блуждают, как пылинки в космосе. И вот мы с тобой встретились и должны соединиться. У меня неплохая работа. Конечно, у меня много недостатков...

— О, перестань! — воскликнула Присцилла.

— Я буду заботиться о тебе. Мы должны быть вместе, и я не хочу ждать.

— Ты... Что ты имеешь в виду?

— Согласна ли ты стать моей женой?

— Разве ты не знаешь, что согласна?

— Тогда завтра? — нетерпеливо спросил он.

— Завтра что?

— Завтра мы поженимся.

Она посмотрела прямо в его сияющие лаской глаза.

— Да,— ответила она.

— Чудесно! — Он вдруг вскочил, подошел к ней и поцеловал.

Как раз в это время подошел официант и спросил, что они закажут.

Они весело рассмеялись и все сказали ему.

— Чудесно! — воскликнула Присцилла.

— И я так думаю!

— Как я рада!

— Это все потому, что ты любишь меня!

— Со мной тоже никогда такого не бывало.

— Ты любишь меня?

— А разве не видно?

— А сильно ли ты меня любишь?

— Ты для меня единственный!

— Дорогая, у меня на банковском счету сейчас десять тысяч долларов. Я хочу снять их со счета и давай поедем на Бермудские острова, а оттуда в турне по Европе.

— Думаю, не стоит, — мягко заметила она.

— Но почему?

— Зачем тебе сорить деньгами?

— Мне? Но ведь теперь мои деньги это и твои деньги.

— И все же...

— Нет, разве ты не думаешь, что все мое принадлежит тебе?

— Конечно. И все же.

— Нет, нет, никаких возражений. Мы отправимся путешествовать.

— Конечно, свадебное путешествие — это хорошо. Но ведь оно может быть и скромным. А мы лучше подыщем квартиру и обставим ее.

— Ну, конечно! Как же я не подумал! Моя квартира совсем невелика. Нам нужна более подходящая. Ведь наша семья может увеличиться, — он посмотрел на нее извиняющимся взглядом. — Прости. Я помню, что ты писала в своем первом письме. Ты не любишь детей.

— Но ведь это будут твои дети! — выпалила она.

Он засмеялся.

— Значит, у нас десять тысяч, — подытожил он. — Этого нам хватит на квартиру и на обстановку.

— А мои деньги ты не учиываешь? — спросила она.

— Какие?

— Я же тебе писала!

— Да, да, я совсем забыл. Кажется, речь шла о пятистах долларах?

Она удивилась.

— Я писала тебе о пяти тысячах.

— Да ты шутишь!

— Нисколько! — его искреннее изумление доставило ей удовольствие. Получалось, что ее деньги будут для него приятной неожиданностью.

— Эти деньги у тебя с собой? — спросил он.

— Да как же ты мог забыть. Я ведь тебе написала, что закрываю свой банковский счет. А ты мне посоветовал обратить деньги в путевые чеки.

— Да, вспомнил. Но я не думал, что речь идет о такой большой сумме.

— Ну их не ровно пять, а около пяти...

— Но все же. Лучше тебе открыть новый банковский счет.

— Для чего?

— Чтобы шли проценты. Зачем тебе такая сумма в путевых чеках?

— Да, это верно.

— Завтра мы откроем для тебя счет в банке фирмы, где я служу.

— Отдельный счет?

— Конечно. Ведь речь идет о твоих деньгах.

— Но разве ты не говорил, что, когда мы станем мужем и женой, все у нас будет общим?

— Конечно. Так и будет.

— Мне это не очень нравится.

— Что именно?

— Этот отдельный счет для меня.

— Не понимаю.

На этот раз она первая взяла его руку.

— Завтра мы вступим в брак, — сказала она. — Я хочу, чтобы мы никогда не разлучались. Я всю жизнь ждала тебя. И эти деньги я хочу положить на твой счет.

Он принялся отказываться. Она настаивала.

— Нет, нет, — возражал он. — Мне нужна ты, а не твои деньги.

— Ведь это для нас обоих...

— Но...

— Соглашайся, дорогой. Ведь, в сущности, эти деньги я копила как в предвидении нашей встречи.

— Поговорим об этом завтра утром, — решил он.

— Я твердо решила.

— Нет, нет, мне как-то неловко. Я не могу стоять рядом с тобой в банке, пока будут прodelываться все эти

операции. Я буду себя чувствовать, как мужчина, которого содержит женщина.

— Тебе будет неудобно?

— Да.

— Ну тогда я поменяю чеки на доллары в гостинице. А потом мы поедем регистрировать наш брак.

— Ну хорошо,— улыбнулся он.— Обменяй в гостинице. Потом поедем в банк, внесем их на счет. И сразу поедем регистрировать брак.

— Но ведь в этом штате должен пройти какой-то срок со дня подачи заявления?

— Поедем в другой штат. Главное, что я завтра утром заеду за тобой. Ты успеешь к утру обменять деньги?

— Конечно.

— Вот и хорошо. Мы сразу же поедем в банк, ты положишь деньги на мой счет. Потом мы где-нибудь позавтракаем и поедем в другой штат. Так начнется наше свадебное путешествие. Поедем, не спеша, будем оставиваться, где нам захочется.

— Чудесно.

— А теперь я подымаю тост за нас двоих!

Он велел официанту принести бокалы.

— Я очень люблю тебя,— сказала Присцилла, перегнувшись через стол.

— И я,— ответил он.

Тедди Карелла волновалась. Ее всегда мучила мысль, что Стив слишком хорош для нее. Она не могла говорить, но придумывала тысячу знаков для того, чтобы дать ему понять, что любит его.

Сейчас она вдруг почувствовала, что Стиву будет приятно, если у нее на плече будет прелестная черная бабочка. Вот он хочет поцеловать ее в плечо, оттягивает ворот платья и с приятным изумлением видит бабочку.

А вдруг ей будет больно? Впрочем мистер Чарли Джан совсем не похож на человека, который может сделать больно. Ведь он сразу понял, как сильно Тедди любит своего мужа. Бабочка будет таким приятным подарком Стиву!

— Ну пусть будет немного больно,— подумала Тедди.— Я должна доставить Стиву удовольствие.

Она решила идти тотчас.

Но, взглянув на часы, поняла, что сейчас пойти не сможет. Ведь Стив скоро придет обедать. А завтра? Она

подошла к настольному календарю с пометками. Оказалось, что послезавтра она идет к зубному врачу, а завтра — свободна.

А когда она наденет открытое платье, как красиво будет смотреться эта бабочка.

Маленькая черная бабочка, которая раскрыла крылышки, чтобы лететь.

Итак, завтра она идет к Джану.

Теперь Тедди и сама казалась похожей на радостную бабочку.

## ГЛАВА 14

Молодого человека что-то беспокоило. Он бродил по городским улицам, словно бы что-то обдумывая. Погода стояла пасмурная, но с намеком на то, что вскоре прояснится.

Проехал мальчик на велосипеде.

Молодой человек проводил его грустным взглядом. Молодой человек заметил двух остановившихся мужчин, рыжеволосого и темноволосого. Темноволосый был в синем костюме.

Молодой человек приблизился к ним. Темноволосый в синем костюме обернулся к нему.

— Простите,— начал человек в синем.

Молодой человек посмотрел.

— Я — Чарли Персонс,— отрекомендовался человек в синем.— Хочу вас попросить об одном одолжении.

— А что случилось?

— Вот у него,— Персонс указал на рыжего,— имеется золотая монета. Я не прочь приобрести ее. Но я забыл дома очки и не могу разглядеть дату выпуска. Не можете ли вы мне?

Молодой человек замялся.

— Вообще-то я спешу,— начал было он.

— Но ведь это быстро...

— Хорошо. Давайте вашу монету.

— Вот,— рыжий подал ему довольно крупную монету.— Я купил ее в Японии. Я там служил в армии. Меня зовут Френк О'Нил,— у него было простодушное открытое лицо.

Молодой человек принял монету.

— Куда смотреть? — спросил он.

— Вот здесь должен быть год выпуска.

— А, да, вот. 1801.

— Тысяча восемьсот первый? — переспросил Персонс.

— Да, вот цифра.

— Но ведь это, — Персонс осекся.

О'Нил не сводил с него глаз.

— Это ведь очень старая монета? — спросил О'Нил.

Персонс смутился. Чувствовалось, что монета и вправду ценная, но ему неохота это признавать открыто.

— Ну не такая уж старая. Удивительно только, что эту русскую монету вы купили в Японии.

Молодой человек посмотрел на Персонса, затем на О'Нила.

— Россия ведь была в состоянии войны с Японией, — заметил молодой человек.

— Да, да, — поддержал его О'Нил. — И чего только не купишь в Японии.

— Я, пожалуй, приобрету эту монету, — заметил Персонс небрежно. — Просто, как курьез. Русская монета из Японии.

— Пожалуйста, — улыбнулся О'Нил. — Я ее за пачку сигарет получил.

— Но я могу вам дать за нее всего десять долларов, — Персонс подмигнул молодому человеку. Тот удивился.

— Идет!

Персонс вынул купюру в двадцать долларов. О'Нил отправился разменивать их в ближайшем магазине.

— Боже! — Персонс повернулся к молодому человеку. — Знаете, сколько стоит эта монета?

— Сколько?

— Не меньше двухсот долларов.

— Удача!

— Дело не в этом. Просто парень глуп. Может, у него еще что-то можно купить?

— Вряд ли.

— А я очень надеюсь. Кто знает, что он еще привез из Японии.

— Я пойду, — сказал молодой человек.

— Нет уж, вы подождите, пожалуйста. Я ведь без очков. Побудьте моими глазами.

О'Нил вернулся, разменяв двадцатку на две десятки.

— Спасибо, — О'Нил отдал одну десятку Персонсу.

— Подождите,— тот удержал О'Нила.— Нет ли у вас еще чего на продажу?

— Есть.

— Например?

— Да вот, купил там немного жемчуга.

— И во сколько это вам обошлось?

— Пятьдесят долларов.

— А хороший жемчуг?

— Черный.

— Черный?

О'Нил вынул мешочек и показал несколько жемчужин.

Завязался разговор о купле-продаже. Наконец Персонс предложил проверить в ювелирном магазине, настоящий ли жемчуг.

Персонс в сопровождении молодого человека вошел в магазин. О'Нил ждал их на улице.

Старик ювелир проверил жемчужины и сказал, что они дорого стоят.

Персонс поблагодарил. Когда они уже стояли у двери, он зашептал молодому человеку, что боится, как бы покупка не сорвалась.

— У вас в этом городе есть счет в банке? — спросил Персонс у молодого человека.

— Есть.

— И сколько у вас там денег?

— Тысяча долларов.

— Не хотелось бы,— задумчиво произнес Персонс.

— Чего бы не хотелось?

— Делить с вами прибыль от этой покупки.

— А вы должны будете поделить? — с интересом спросил молодой человек.

— Конечно, ведь я хочу одолжить у вас деньги.

Они отправились в банк, и молодой человек вручил Персонсу тысячу долларов.

Тот передал их О'Нилу.

— Спасибо вам,— сказал О'Нил, передавая Персонсу мешочек с жемчугом.— Если бы не вы, не знаю, как бы я добрался домой.

— Вряд ли быстро доберетесь! — молодой человек навел на Персонса и О'Нила револьвер.— Покажите-ка настоящий жемчуг, который вы предъявляли ювелиру для оценки!

— Но это ошибка...— начал Персонс.

— Ошибка или нет, выясним в полиции!

— Но за что?

— Пошли, пошли!

Этот молодой человек был Артуром Брауном.

## ГЛАВА 15

Мастерская татуировщика по прозвищу Косой находилась в порту. Чаще всего здесь заказывали татуировку в виде якоря или русалки. Хозяин был явно пьян и явно это с ним случалось частенько. Карелла подумал, что не доверился бы ему. Но сейчас Карелла должен был подробно расспросить Косого о паре влюбленных, посетивших его мастерскую.

— Да, мужик был красавец,— охотно вспоминал Косой.— А девушку звали Ненси, я помню.

— Ненси!

— А что с ней случилось?

— Ее уже нет в живых.

— Бедная! Как же это? Автомобильная катастрофа?

— Яд.

— Худо! Отравилась, значит. Она тут у меня плакала, бедняжка. А тот подлец, который ее привел, только посмеивался. Под конец ее даже рвать начало.

— Как это?

— А так. Я ей даже таз дал.

— Когда все это было?

— Время завтрака. Они как раз ходили в ресторан. Девушка еще говорила, что у нее в городке нет китайских ресторанов.

— А здесь неподалеку китайский ресторан?

— Да, и очень неплохой. Но бедной Ненси показалось, что их накормили слишком острыми блюдами.

— А какой рисунок они выбрали для татуировки?

— Сердечко, а в нем буквы "НИК". Она хотела, чтобы имена были полностью: Ненси и Крис. А он ответил, что хочет, чтобы сердечко было маленьким.

— МИК! — Карелла все понял,— Мария и Крис. Нэнси и Крис. Да, теперь все ясно и с Марией-Луизой Прошек.

— И что было после того, как они сделали эту татуировку?

— Девчонке было нехорошо, ее рвало. Он поспешил посадить ее в машину и увез.



— Они не называли своих фамилий?

— Она, кажется, называла его фамилию, да, она говорила, что выходит за него замуж и будет носить его фамилию. Но я не запомнил какую.

— Можете вы описать его наружность?

Косой после целой серии наводящих вопросов выдал негустую информацию о красивом, изящно одетом блондине.

— А куда они собирались ехать? — спросил Карелла.

— Да мне-то это зачем? У девчонки разболелся живот от непривычной еды и парень повез ее к себе, должно быть, что-нибудь там приложить.

— Камень он ей приложил. Вернее, привязал к ногам. Утопил он ее.

Татуировщик искренне пожалел бедняжку Ненси.

— Утопил! — повторил косой. — Жуть какая!

## ГЛАВА 16

Пока Присцилла мыла руки в дамской комнате, он добавил мышьяк во все блюда и в чай. Вернувшись, она, разумеется ничего не заметила и с удовольствием принялась за еду. Ведь мышьяк почти безвкусен и не обладает запахом.

Деньги Присциллы уже находились на счету Криса Дональдсена. Операция скоро должна была завершиться.

Криса беспокоило, как бы у нее рвота не началась слишком скоро, пока ей будут делать татуировку, как это получилось с его прошлой жертвой.

Присцилла с удовольствием ела. Она спросила Криса, почему он не пьет чай. Он ответил, что больше любит кофе, и налил ей еще в чашку.

— Ты положил сахар? — спросила она.

— Я положил все, что нужно, — мрачно пошутил он.

Им было хорошо, они говорили о любви и о будущем семейном счастье. Но ему для завершения дела не хватало одной детали. Как всякий мастер, он желал, чтобы на его работе стояло фирменное клеймо. Речь, короче, шла о пресловутой татуировке.

— У меня тут одна странная мысль, — начал он.

Но она прервала его, спрашивая со смехом, что за страшное признание он хочет ей сделать.

Это немного сбило его, он почувствовал раздражение. Но все же завел речь о татуировке, о маленьком сердце, внутри которого стояло бы "ПИК" — "Присцилла и Крис", как знак того, что Присцилла навсегда принадлежит ему.

Но тут случилась осечка. Присцилла заупрямилась.

— Я боюсь уколов,— прямо заявила она.

Он принял обиженный вид и стал говорить, что он не настаивает, а просто думал, что ей это понравится.

— Пусть это по-детски, но я боюсь,— упрямилась она.

— Да, да,— поспешил согласиться он.

Он подозревал официанта. Но в голосе своего любимого Присцилла почувствовала холодность. Ей мучительно захотелось вернуть прежнюю теплоту. Она согласилась на татуировку.

Он снова стал милым и заботливым.

А позаботиться о Присцилле нужно было. Она почувствовала тошноту. Крис поспешил увести ее из ресторана.

Чарли Джан вовсе не удивился, когда к нему пришла Тедди Карелла.

Он встретил ее радостно. Сначала он не понимал, почему она все время молчит. Но когда ему стало ясно, что она глухонемая, он пожалел ее. Он сказал, что она очень красива. Чарли стал показывать ей изображения бабочек. Они вдвоем выбрали самую подходящую. Тедди поняла, что, разговаривая, он пытается успокоить ее. И ему это отчасти удалось. Она перестала бояться. Старый китаец рассказал ей, что родился и вырос в Шанхае, там женился на очень красивой девушке. Потом переехал в Америку. У него три сына. Один учится в колледже, двое младших — в школе. Но жена его умерла. С ее смертью из его жизни ушла красота. Старик говорил, что ему очень не хватает красоты. Он пообещал Тедди, что ей не будет больно.

Он сказал, что лучше всего маленькая черная бабочка будет смотреться на правом плече, на левом — знак несчастья.

Тедди спустила платье с плеча, сидя в кресле.

В это время зазвенел колокольчик. Кто-то пришел в мастерскую. Китаец пошел открывать.

Джан, наверное, не вспомнил бы этого высокого блондина. Но присутствие Тедди напомнило старику о ее муже-полицейском и о его вопросах. И вот Джан узнал Дональдсена.

Дональдсен сказал, что они пришли сделать татуировку. Китаец видел, что спутница блондина некрасива и явно плохо себя чувствует.

Когда блондин сказал, что татуировка нужна женщине, Джан перестал сомневаться в том, что именно этого человека ищет полицейский, муж немой красавицы.

Китаец отлучился на минуту в заднюю комнату, где его ждала Тедди. Там он прошептал ей, что здесь человек, которого ищет ее муж. Тедди стало страшно, но она взяла себя в руки и кивнула, давая понять, что поняла.

— Что надо делать? — спросил Джан.

Присцилла чувствовала себя все хуже и хуже. Но Крис считал, что это просто от непривычной еды и что скоро ей полегчает.

Вернувшись домой, Карелла не застал жену. Он прошелся по комнатам. Сел в кресло с газетой, но чувствовал себя таким усталым, что вскоре заснул.

Берт Клинг звонил Клер из полиции. Он спрашивал, как приняли в деканате заявление. Оказалось, результатов еще нет. Берт и Клер обменялись словами любви.

— Я люблю тебя, — сказала Клер.

— Я люблю тебя, Крис, — произнесла Присцилла. — Ради тебя я сделаю эту татуировку, но сейчас я очень скверно себя чувствую.

Крис принялся уверять ее, что скоро ей полегчает. Присцилла хотела поторопиться с татуировкой.

В задней комнате Тедди написала Джану номер служебного телефона участка № 87. Китаец подумал, что позвонить будет не просто, ведь телефон стоял в той комнате, где находились Крис и Присцилла. Она сидела, уронив голову на руки. Крис нетерпеливо ждал. Китаец набрал номер. Но Кареллы не оказалось, к телефону подошел дежурный Хевиленд.

— Образец татуировки сейчас в моей мастерской. Я буду держать. Передайте, чтобы Карелла приехал.

Берт Клинг спросил Хевиленда, кто звонил. Тот ответил, что какой-то дурак говорил непонятно что.

Дональдсен сказал, какую татуировку он хочет для девушки. Китаец предупредил, что это будет больно. Кожа на руке чувствительная.

Присцилла принялась умолять Криса отложить татуировку. Ей стало совсем плохо.

Теперь Джан наоборот уговаривал их остаться и сделать татуировку. Но Дональдсен решил уйти и увести Присциллу. Они вышли. Джан побежал к Тедди и сказал ей, что они ушли и что преступника зовут Крис.

Тедди поспешно застегнула платье и побежала следом. — Что же мне делать? — размышлял китаец.

Тедди сразу увидела их, высокого красивого блондина и измученную, едва передвигающую ноги женщину.

Они подошли к автомобилю. Тедди тотчас взмахом руки остановила такси. Знаками она объяснила шоферу, чтобы он следовал за машиной Дональдсена. А сама вынула из сумочки бумагу и ручку и принялась прилежно писать.

Крис был недоволен тем, что ничего не вышло с татуировкой. Присцилле делалось все хуже. Он боялся, что она умрет в машине. Она умоляла остановиться. Но он только бросил ей свой аккуратно отглаженный носовой платок. Крис вдруг стал каким-то странным. Но Присцилле некогда было раздумывать над переменной, которая произошла в нем. Ее мучила ужасная рвота.

Тедди прилежно писала. Ее такси не отрывалось от машины Криса.

В участке Клинг и Хевиленд от нечего делать обсуждали детективный рассказ, опубликованный в журнале. Они посмеялись над странным звонком Джана. Но когда Хевиленд рассказал, что Джан говорил о татуировке, Клинг встревожился.

Машина Криса остановилась, он помогал Присцилле выйти. Тедди быстро велела остановиться шоферу такси, расплатилась с ним и сунула листок, где было написано,

чтобы он позвонил в 87 полицейский участок, инспектору Карелле, и передал ему, что номер машины — ДН 1556.

— Поспешите! — писала Тедди.

Таксист с удивлением посмотрел на записку.

— И чего только не выдумает женщина. Понаписала чепухи! — он резко смял листок и выбросил.

Потом быстро поехал дальше.

## ГЛАВА 18

Клинг отыскал по справочнику номер мастерской Джана. Но телефон не отвечал. А вдруг с мастером что-то случилось?

Но вот Джан позвонил снова и попросил Кареллу... Хевиленд оглянулся в поисках Клинга, но тот как раз спускался по лестнице. Тогда Хевиленд сказал, что Джан может все сказать ему. Джан сообщил, что к нему заходил человек, делавший татуировку девушкам. Хевиленд не сразу понял. Джан сказал, что сейчас приедет сам и все объяснит.

Присцилла Эймс с трудом двигалась, поддерживаемая Крисом. Тедди следовала за ними. Тедди шла вслед за убийцей и совала прохожим записки одинакового содержания, такие же, как и та, что она дала шоферу такси.

Присцилле стало ужасно худо. Она просто не понимала, что с ней. Она цеплялась за Криса. Голос его переменялся. Звучал жестко, даже жестоко. Он требовал, чтобы Присциллу перестало рвать, иначе он просто бросит ее здесь. Присцилла ничего не понимала.

— Пойдем! — Крис тащил ее. — Вот здесь, в этом доме. Через черный ход. Я не хочу, чтобы тебя видели в таком виде.

Присцилла ничего не понимала, она чувствовала только страшную боль и слабость.

— Я уронила сумочку, — внезапно вспомнила она.

Крис выругался и нагнулся, чтобы поднять. И тут он заметил красивую молодую женщину. Она рассматривала витрину.

В 87-м участке раздался звонок. Просили к телефону Кареллу. Ссылались на какую-то записку. Но Кареллы в участке не было.

Карелла спокойно спал в кресле, в своей квартире.

Новый звонок заставил Хевиленда взять трубку. Оказалось, какая-то молодая дама вручает на улице записки, адресованные Карелле. В записках указан номер машины. Хевиленд ничего не понимал.

Клинг мчался в китайский квартал.

В это самое время Чарли Джан ехал в 87 участок. Мимо него пронеслась полицейская машина. Он почувствовал себя более уверенным и поехал быстрее.

Карелла проснулся. Тедди еще не вернулась. Карелла немного удивился. Он написал Тедди записку, что пойдет за сигаретами и, прежде чем выйти, пошел в ванную — вымыть лицо.

Телефон в участке снова зазвонил. На этот раз поступила информация, что молодая женщина вручила на улице записку с просьбой сообщить инспектору Карелле номер машины.

На этот раз Хевиленд понял, что речь идет о глухонемой. Но ведь жена Кареллы как раз глухонемая. Да и Джан говорил, кажется о миссис Карелла.

— Большое спасибо, — произнес Хевиленд в трубку. — Я сейчас же займусь этим делом.

Тотчас же Хевиленд позвонил в отдел регистрации автомобилей и запросил данные о машине ДН 1556. Затем набрал номер телефона Кареллы. Как раз в этот момент в участке появился запыхавшийся Чарли Джан.

Карелла поднял трубку. Хевиленд сообщил ему все о записке. К этому времени Хевиленд успел поговорить и с Джаном. Теперь Карелла знал, что его жена преследует машину некоего Криса Дональдсена, который заходил

в мастерскую Джана с девушкой, девушку тошнило. Хевиленд уже сказал Карелле и адрес Дональдсена.

Схватив револьвер, Карелла выбежал из квартиры. Он безумно тревожился о Тедди.

## ГЛАВА 19

Тедди стояла в подвале и следила за цифрами на табло. Лифт остановился на четвертом этаже. Тедди думала о девушке, которая явно в тяжелом состоянии. Удастся ли спасти ее? Тедди нажала кнопку. Вошла в лифт, стала подниматься на четвертый этаж. Ей не было страшно.

Но когда дверцы лифта раскрылись и Крис схватил ее за руку, она испугалась. Он потащил ее по коридору и втолкнул в квартиру.

Присцилла лежала на диване вниз лицом. Пахло рвотой.

— Зачем ты за мной следишь? — спросил он. — Ищешь ее? — он кивнул в сторону Присциллы.

Затем он вытряхнул на пол содержимое сумочки Тедди. Среди скромных косметических принадлежностей оказалась и записка, одна из тех, что Тедди написала для Стива.

— Твой муж — полицейский? Что ты молчишь? Немая?

Тедди кивнула.

— Ну и хорошо, — сказал Дональдсен. — Кто велел тебе следить за мной? Муж? — он вцепился в ее руку, с силой сжал пальцы.

Присцилла застонала.

— Она отравлена и скоро умрет, — сказал Крис. — Ты это понимаешь. А вот она уже ничего не понимает. Что известно твоему мужу?

Тедди молчала.

— Что ж, допустим, ему известно все! Но когда он явится сюда, здесь никого не будет. Ни тебя, ни меня, ни ее.

Крис принялся укладывать вещи в чемодан. При этом он говорил, не закрывая рта. Присутствие красивой глухонемой развязало ему язык. Может быть, у него возникла потребность пооткровенничать.

Он говорил, что Тедди хорошенькая и что он совсем не прочь развлечься с ней; что ей придется помочь ему стащить вниз тело Присциллы. Он сказал, что от одного его вида женщины просто теряют голову. А вот придется иметь дело с дурнушками. Но дурнушки эти добрые, благодаря им у него уже весьма порядочный счет в банке. Он говорил, что по профессии он бухгалтер. Но теперь его специальность — облапошивание и убийство дурнушек, махнувших на себя рукой. А вот Тедди для него просто подарок судьбы. И уж он ее не отпустит...

В комнате на диване стонала Присцилла.

Щелкнул замок.

Карелла увидел красавца блондина, который, нимало не смущаясь револьвера в руке Кареллы, неся прямо на него. Карелла понял, что этот человек может убить, разорвать на части. Карелла выстрелил.

## ГЛАВА 20

Апрель кончался. Дожди прекратились. Скоро должен был наступить цветущий май.

Присцилла Эймс сидела в 87 участке и разговаривала с Кареллой.

— Выживет он? — спросила девушка.

— Да.

— Жалко.

— Ну, это как сказать. Ведь скорее всего суд вынесет ему смертный приговор.

— Какая же я была глупая. Никакой любви на свете нет. И я наконец-то это поняла.

— Если вы собираетесь так думать, вы и вправду будете глупой, — сказал Карелла.

— Мне столько раз промывали желудок, что я поняла — любви не существует.

— Вы думаете, что любовь — это выдумка?

Глаза Присциллы сверкнули из-под стекол очков. Она смотрела одновременно умоляюще и вызывающе.

— Я люблю свою жену, — просто сказал Карелла. — Не давайте Дональдсену победить себя. Верьте в любовь.

— Но... — Присцилла вздохнула. — Спасибо вам за то, что вы спасли меня. Большое спасибо.

— Как вы теперь?



— Я возвращаюсь в родной город,— она улыбнулась.— Там ведь тоже многие верят в любовь.

Артур Браун рассказывал Хевиленду об итогах проделанной работы.

— Неясно только,— рассказывал Браун,— почему аферист высшей квалификации, который работает в паре, вдруг решил обмануть молодую наивную негритянку. Ведь он обычно зарабатывает на одной афере от двухсот до тысячи долларов. А тут выманил пять долларов. А ведь он рисковал. Он работал один, без своего постоянного напарника.

— И что же? — спросил Хевиленд.

— Я был просто вне себя из-за всего этого. Я не мог понять, какая здесь логика. Я спросил Персона напромаку. Я спросил какой ему толк от того, что он выманил у девочки пять долларов. И угадай, какой я получил ответ?

— Не знаю. Какой?

— Он сказал, что это был ей урок. Вот подлец. Надумал давать уроки!

— Стало быть,— заметил Хевиленд,— мы теряем великого учителя. Люди теряют великого учителя.

— Можно поставить вопрос иначе,— возразил Браун.— Тюрьма нашего штата именно сейчас этого великого учителя приобретет.

Клинг говорил по телефону.

— Как дела? — спросил он.

— Получилось! — ответила Клер.

— Неужели?

— Получилось! В деканате согласны. Они перенесли срок сдачи экзаменов, они отпускают меня в путешествие с тетей.

— Шутка?

— Всерьез!

— Десятого июня мы едем?

— А как же иначе!

Клинг так громко и радостно крикнул “ура!”, что Хевиленд неохотно оторвался от детективного романа и посмотрел на своего молодого коллегу.

— Помолчал бы, а? Видишь, я читаю!

Наконец-то окончилось дежурство в участке. На улице бушевало начало мая. Воздух был ароматным и пьянящим. Карелла шагал домой и впитывал этот воздух.

Он отпер дверь своим ключом. В квартире было тихо. Было еще совсем раннее утро. Он прошел в спальню.

Тедди спала. Он разделся и тихонько прилег рядом. Она была в нарядной ночной сорочке. Карелла осторожно сдвинул ткань, обнажив нежное плечо. Он был удивлен.

На плече Тедди красовалась маленькая черная бабочка.

— Ну и ну! — Карелла крепко поцеловал Тедди, и она наконец проснулась.

И в заключение следует, конечно, добавить, что инспектор Карелла ни на мгновение не заподозрил, что Тедди и вовсе не спала.



**ИГРУШКА**



## ГЛАВА I

Девочка сидела на полу возле стены и играла куклой. Она говорила ей что-то, потом слушала. Через тонкую перегородку из маминной спальни до Анны доносились громкие гневные голоса, и, занявшись куклой, девчушка пыталась отогнать охвативший ее страх. Сейчас в маминной комнате кричал мужчина. Анна старалась не слышать, что он говорит. Подняв куклу, она поцеловала ее в пластмассовую щеку и снова что-то сказала ей.

А в комнате рядом убивали ее мать.

Женщину звали Тинка. Она сама назвала себя так, эффектно и звучно соединив первые слоги своего двойного имени — Тина-Карин. Тинка была красавицей, даже если бы ей дали имя Бьюла. Или Берта. Или, скажем, Брунгильда. Шикарный ярлычок с надписью “Тинка” лишь подчеркивал ее природную прелесть, вносил последний штрих, наводил необходимый глянец, придавая оттенок таинственности и рискованности.

Тинка Сакс была манекенщицей.

И, бесспорно, она была очень красивой женщиной. Обладательница превосходно вылепленного лица, как нельзя лучше подходящего для ее профессии, с высоким лбом, выразительно выступающими скулами, роскошным ртом, благородно очерченным носом и раскосыми зелеными глазами, в которых играли золотые искры, — о, это была настоящая красotka, никаких сомнений! И фигура, как у всякой манекенщицы, гибкая, свободная, слегка угловатая, ноги длинные, стройные, узкий таз, маленькая грудь. Ходила Тинка вкрадчиво-скользящей походкой: покачивая бедрами, рассекая воздух низом живота, высоко поднимая голову. И смеялась профессионально, рассыпая веселый дождь музыкальных звуков, красиво складывая нарумяненные губы, сияя блестящими глазами. Со свойственной манекенщицам небрежной легкостью она садилась и вставала, позируя даже в собственной гостиной, и неизменно стена или диван лучшим образом оттеняли ее платье, длинные светлые волосы, загадочные

зеленые глаза, переливающиеся золотым янтарным светом. О, да, она была настоящей красоткой!

Но не в этот момент.

Сейчас не могло быть и речи о красоте, потому что мужчина, гонявшийся за ней по комнате и выкрикивающий оскорбления; мужчина, швыряющий ее от стены к стене и загнавший, наконец, в узкий проход между кроватью королевских размеров и туалетным столиком с мраморной поверхностью; мужчина, который надвигался, не слыша ни ее глухих протестов, ни мольбы, ни рыданий,— этот мужчина занес кухонный нож, которым уже несколько раз на протяжении последних трех минут ранил ее.

С губ его потоком лилась непристойная брань, ярость достигла предела и застыла, словно зацепившись за вершину, не желая падать вниз и не в силах подняться выше. Лезвие ножа взлетало вверх и вниз короткой, крутой дугой с той же однообразной периодичностью, с какой изрыгались слова. Лезвие и брань, словно любовники в яростном соитии, бились, вторя друг другу в едином ритме, обдавая Тинку брызгами слюны и крови. Она все еще просительно бормотала имя мужчины, повторяя его вновь и вновь каждый раз, как нож вонзался в ее живую плоть. Но взлетающая рука не знала ни усталости, ни жалости. Острое как бритва лезвие и монотонный поток ругательств загнали истекающую кровью Тинку в дальний конец комнаты. Затылок ее ударился об оригинал картины Шагала, несколько сбив ее вбок. Опять коротко и страшно взметнулся нож, уже оставивший длинные кровоточающие раны на маленькой груди, лезвие скользнуло ниже, с резким треском лопнул шелк пропитавшегося кровью, прилипшего к телу пеньюара, и сталь глубоко вошла в беззащитно-мягкий плоский живот. Тинка еще раз произнесла мужское имя, выкрикнула его, потом невнятно пробормотала слово “пожалуйста” и опрокинулась назад, ударившись о стену и сбив с крючка картину Шагала. Заключенное в раму буйство красок тяжело рухнуло ей на плечо, криво проехало по длинным светлым волосам, по изодранному голубому пеньюару, по естественной пушистой рыжине жалко обнажившегося лобка к шелковым голубым тапочкам. Ловя ртом воздух, брызгая кровью, Тинка упала головой вперед, ударившись лбом о широкую дубовую раму картины; светлые волосы рассыпались, окутывая красно-желто-си-

нее волшебство Шагала прекрасной золотистой вуалью. Нож полоснул ее по горлу, кровь залила знаменитый холст и, скопившись, хлынула через дубовую раму на ковер. По поверхности этого красного озера плавали золотистые пряди волос.

А за дверью девочка судорожно вцепилась в куклу.

Она сказала ей что-то утешительное, успокаивающее и с ужасом прислушалась к звукам в прихожей. Дверь в ее комнату была закрыта, и Анна не дыша внимала звучащим за ней шагам. Вот открылась входная дверь и потом опять закрылась.

Девочка так и сидела, прижавшись к кукле, когда на следующее утро пришел водопроводчик, чтобы сменить кран, на который накануне жаловалась миссис Сакс.

Апрель, как известно, четвертый месяц года.

Об этом важно помнить, особенно полицейскому, иначе легко запутаться, растеряться; попасть впросак.

Чаще всего причиной такой растерянности бывают усталость, скука и отвращение. Усталость — обязательный и неизбежный компонент, к которому ты за многие годы постепенно привыкаешь. Ты знаешь, что в полицейском ведомстве не признают ни суббот, ни воскресений, ни официальных праздников, и ты уже готов, если надо, работать даже в новогоднюю ночь, — всегда ведь найдется свинья, которая планирует свои пакости, нисколько не считаясь с другими.

Ты знаешь, что рабочий день следователя не фиксирован и не нормирован, поэтому приспосабливаешься спать мало и пробуждаться в самое странное и необычное для остальных людей время. Но как привыкнуть к неотступному чувству усталости и бессилия, которые возникают от того, что времени очень мало, преступлений очень много, а людей, противостоящих им, всегда не хватает? Дома с женой и детьми ты иногда просто невыносим, и все только потому, что устал. Мужики, ну что за жизнь! Одна работа и никаких радостей, чтобы тебе пусто было!

Скука — еще один компонент, который рождает растерянность. Казалось бы, преступление — самый рискованный вид спорта в мире, не правда ли? Все так считают, спроси любого. Отчего же тогда скучно работать полицейским? Печатать на машинке отчеты в трех экземплярах, таскаться по городу, болтая со старушками в цве-

тастых домашних халатах на пороге квартир, пахнущих смертью...

Как случилось, что работа сыщика превратилась в сплошной свод инструкций и правил, таких же обязательных и неизменных, как ритуал боя быков? И даже перестрелка на темной ночной улице кажется повторением пройденного и навеивает столь же тоскливые чувства, как оформление обычного запроса в Британское информационное бюро! Эта скука чертовски мешает, дезориентирует, сбивает с толку. Вместе с усталостью она вяжет тебя по рукам, и ты вдруг начинаешь спрашивать себя, что сегодня за день — пятница? — а какой месяц — январь, может?

Третий компонент — отвращение — присоединяется только в том случае, если ты человек. Не всех полицейских можно причислить к человеческому роду-племени. Но если ты человек, ты не можешь не приходить в ужас от того, что творят твои собратья. Легко понять ложь, потому что, бывает, и сам врешь, пусть в более мягкой и безобидной форме; смазываешь механизм повседневной человеческой жизни, умасливаешь его, чтобы работал глаже, не засорялся от слишком большого скопления дурной и грязной правды. Можно понять воровство, ребенком самому случалось иной раз таскать карандаши из учительского шкафа, а однажды довелось тайком спереть чужой игрушечный аэроплан. Можно где-то даже понять убийство, поскольку в глубине собственного сердца, в темном, сокровенном его углу, иногда приходится таить ненависть, способную на убийство. Понять-то поймешь, и тем не менее испытываешь отвращение, когда это валится на тебя лавиной, когда постоянно сталкиваешься с лжецами, ворами, живодерами, когда, кажется, все человеческие достоинства и добродетели, честность и порядочность временно приостановили свое действие на те восемь, двенадцать или тридцать шесть часов, которые тебе пришлось провести в полицейском отделении, выезжая по телефонным вызовам. Пожалуй, стерпишь, если случайно наткнешься на труп — ведь смерть тоже часть жизни, не так ли? Но когда труп громоздится на труп, когда ты видишь горы трупов вокруг себя, — вот тогда накатывает отвращение. И оно приводит в растерянность, ставит в тупик. Ты уже не отличаешь одного мертвеца от другого, не можешь сказать, кому принадлежит



этот проломленный кровоточащий череп. Так мудрено ли перепутать апрель с октябрём?

А был апрель.

Красивая, искромсанная ножом женщина лежала, прижимаясь щекой к залитой кровью картине Шагала. Эксперты сыпали порошок в поисках невидимых отпечатков пальцев, старались с помощью пылесоса собрать волосы, ворсинки ткани, тщательно обертывали, чтобы отправить в лабораторию, нож, найденный в коридоре у самых дверей спальни, и дамскую сумочку, принадлежавшую убитой, в которой, кажется, было все, кроме денег.

Следователь Стив Карелла сделал необходимые записи и, выйдя из комнаты, отправился через прихожую туда, где на очень большом стуле сидела маленькая девочка; ноги ее не доставали до пола, на коленях лежала кукла. Девчушку звали Анна Сакс. Карелле сказал об этом полицейский. Кукла была почти что с нее величиной.

— Здравствуй,— проговорил Карелла и тотчас же вновь почувствовал прилив прежней растерянности. Тут была и усталость, потому что не показывался дома со вторника; скука, так как опять предстояло вести рутинный допрос, и отвращение, поскольку допросу подвергать приходилось ребенка, мать которого, убитая и искалеченная, лежала в соседней комнате. Он попытался улыбнуться, это у него не особенно получилось. Малышка ничего не сказала, только посмотрела своими большими глазами. Ресницы длинные, черные, замкнутый в стоическом молчании рот, нос, унаследованный от матери. Не мигая, она глядела на него. И молчала.

— Тебя зовут Анна, да ведь? — спросил Карелла.

Девочка кивнула.

— А меня знаешь как зовут?

— Нет.

— Стив.

Девочка опять кивнула.

— У меня есть дочка, такая же, как ты,— сказал Карелла.— Они с братом близнецы. Тебе сколько лет, Анна?

— Пять.

— И моей дочке столько же.

— У-у-у,— протянула Анна. Потом немного помолчала и задала вопрос: — Маму убили?

- Да,— ответил Карелла.— Да, голубушка, убили.
- Я боялась пойти и посмотреть.
- Вот и хорошо, что не пошла.
- Ее убили вчера вечером, да?
- Да.

В комнате воцарилась тишина. Там, за ее пределами, Карелла слышал приглушенные голоса — о чем-то переговаривались фотограф и судебный врач. Апрельская муха жужжала на оконном стекле в спальне. Он взглянул в поднятое кверху лицо ребенка.

— Ты была здесь вчера вечером? — спросил он.

— Угу.

— Где именно?

— Вот здесь, в моей комнате,— она погладила куклу по щеке и, подняв глаза вверх на Кареллу, заинтересовалась: — А что такое близнецы?

— Это дети, родившиеся вместе, в одно время.

— А-а.

Девочка все так же глядела на него; на бледном личике, в широко раскрытых, знающих глазах не было ни слезинки. Наконец, она проговорила:

— Это дяденька сделал.

— Какой дяденька?

— Который с ней был.

— Кто?

— Дяденька, который был с мамой в комнате. С мамочкой.

— Кто был этот дядя?

— Не знаю.

— Ты видела его?

— Нет, я здесь играла с Болтушкой, когда он пришел.

— Кто такая Болтушка? Подружка твоя?

— Болтушка — это моя куколка,— сказала Анна и со смешком приподняла куклу с колен. Карелле захотелось сгрести девочку в охапку, прижать к себе, сказать, что никаких стальных ножей и внезапных смертей не было и не бывает на свете.

— Когда это было, детка? — спросил он вместо того.— В какое время, ты знаешь?

— Не знаю,— она пожала плечиками.— Я знаю только, когда бывает двенадцать часов и когда семь, и вот и все.

— Хорошо... Было уже темно?

— Да, после ужина.

— Этот дядя пришел к вам после ужина, так?

— Да.

— А твоя мама знала его?

— Да, — подтвердила Анна. — Она смеялась сначала когда он пришел.

— А что потом?

— Не знаю, — девочка опять пожала плечами. — Я здесь играла.

Опять наступила тишина.

Внезапно глаза Анны наполнились слезами, хотя в лице ничего не изменилось: ни трясущихся губ, ни перекошенных черт. Слезы просто переполнили глаза и побежали по щекам. Она сидела, застыв, как каменное изваяние, и беззвучно плакала, а Карелла беспомощно топтался рядом — здоровенный мужик, он вдруг почувствовал себя слабым и бесполезным перед этим тихим потоком скорби.

Он протянул ей свой носовой платок.

Анна без слов взяла его, высморкалась, потом, поблагодарив, вернула, но так и не догадалась вытереть слезы. Они катились по ее лицу неслыхаемым потоком, ручки обхватили куклу и прижали к груди.

— Он бил ее, — проговорила девочка. — Я слышала, как мамочка плакала, но я боялась войти. И я... я говорила себе, что ничего не слышу. А потом... потом я правда перестала слышать. Я просто разговаривала с Болтушкой, и все. Я не хотела слышать, что он делает с ней в той комнате.

— Хорошо, детка, — сказал Карелла. Он двинулся к полицейскому, стоявшему в дверях. Поравнявшись с ним, прошептал: — Где же ее отец? Его известили?

— Хе, я и не знаю, — ответил полицейский. Обернувшись, он прокричал: — Эй, может кто сказать, отца нашли?

Один из сотрудников отдела убийств, стоявший рядом с медэкспертом, оторвал глаза от записной книжки и сказал:

— Он в Аризоне. Они развелись три года назад.

Обычно лейтенант Питер Бернис был терпеливым и разумным человеком, но в последнее время случались моменты, когда Берт Клинг выводил его из себя. И хотя Бернис — терпеливый и разумный — вполне понимал причины поведения Клинга, это несколько не прибавля-

ло Клиngu ни симпатии, ни любви в отделе. Бернис давно пришел к выводу, что психология является важным фактором в работе полиции; она помогает осознать, что на свете нет прирожденных злодеев, а есть только выбитые из колеи, запутавшиеся люди. Благодаря психологии на смену презрению приходит понимание. Психология — прекрасный инструмент, которым должен владеть каждый. Прекрасный, правда, лишь до тех пор, пока какой-нибудь дешевый воришка не лягнет тебя в пах однажды ночью. Вот тогда становится трудно внушить себе, что этот вор просто заблудшая душа, загубленная в детстве нищетой и подлостью. Точно так же Бернис, хорошо понимая, какую травму перенес Клинг, и как она повлияла на него, обнаруживал, что ему все труднее и труднее относиться к Клиngu иначе, чем как к полицейскому, который сам себя губит.

— Хочу куда-нибудь сбегать его, — признался Бернис тем утром Карелле.

— Почему?

— Да он разваливает все отделение к чертовой матери, — сказал лейтенант.

Ему совсем не хотелось обсуждать этот вопрос, и в другое время он ни за что бы не обратился за советом, какое бы крутое решение ни принимал. На этот раз, однако, его решение никак нельзя было назвать окончательным, вот ведь в чем дело, черт подери! Он любил Клинга и вместе с тем уже не любил его. Бернис думал, что Клинг будет хорошим полицейским, а он оказался плохим...

— Мне здесь хватает плохих работников, — вслух произнес лейтенант.

— Берт совсем не плохой полицейский, — ответил Карелла.

Он стоял перед заваленным всяким хламом столом Берниса в угловом кабинете, вслушивался в звуки ранней весны, доносившиеся с улицы, и думал о пятилетней девочке Анне Сакс, по лицу которой струились слезы.

— Он невыносим, — сказал Бернис. — Ладно, я знаю, что у него горе, но люди умирали и раньше, Стив, людей и прежде убивали. И если ты мужик, ты справишься с горем, ты не будешь вести себя так, будто все кругом виноваты. Мы вообще не имели никакого отношения к

смерти его девушки — вот простая и очевидная истина, и мне лично уже осточертело быть в этом виноватым.

— Он и не винит тебя, Пит, он никого из нас не винит.

— Он весь мир обвиняет, вот что ужасно. Сегодня утром он поцапался с Мейером только из-за того, что тот взял телефон с его стола. То есть зазвонил телефон, и вместо того, чтобы пройти через комнату к собственному столу, Мейер поднял трубку ближайшего аппарата, который стоял на столе Клинга. Тот сразу начал скандалить. Но ведь нельзя же так относиться к людям, с которыми ты вместе работаешь, это невозможно терпеть в отделении, Стив! Я собираюсь просить, чтобы его перевели от нас.

— Это худшее, что ты можешь для него сделать.

— Но лучшее, что я могу сделать для отделения.

— Не думаю.

— Никто и не спрашивает твоих советов,— отрезал Бернис.

— Зачем же тогда, черт возьми, ты вызвал меня сюда?

— Ты не понимаешь, что я хочу сказать? — Бернис резко поднялся из-за стола и принялся мерить шагами пол вдоль зарешеченных окон. Это был крепко сбитый человек, несколько коротковатый для детектива, мускулистый, с головой, отлитой в форме пули, с небольшими голубыми глазами на изрезанном морщинами лице. В движениях его чувствовалась сдержанность, словно он остерегался выпустить наружу огромный запас энергии, скрытый в могучем теле. Быстро вернувшись к столу, Бернис закричал:

— Ты что, не видишь, что тут из-за него творится? Даже мы с тобой не можем сесть и поговорить о нем спокойно, не переходя на крик. Вот об этом-то я и толкую, поэтому-то и хочу убрать его отсюда.

— Хорошие часы не выбрасывают из-за того, что они немного отстают,— возразил Карелла.

— Чихать я хотел на твои дурацкие сравнения,— отрезал Бернис.— Здесь полицейское отделение, а не часовая мастерская.

— Это не сравнение, а метафора,— поправил Карелла.

— Какая разница! Завтра я звоню шефу и прошу его перевести Клинга. Вот и все.

— Куда?

— Зачем спрашивать, куда? Какая мне разница, куда? Подальше отсюда, вот и все.

— Но куда? В другое отделение, в компанию незнакомых мужиков, чтобы он действовал им на нервы еще больше, чем нам? Чтобы он мог...

— А, так ты все-таки признаешь, что он действует людям на нервы!

— Что Берт действует на нервы? Конечно.

— И положение не исправляется, Стив, ты это тоже знаешь. Оно ухудшается с каждым днем. Посмотрим, на что я трачу свои силы? Он приходит, и все насмарку.

Бернис коротко и выразительно кивнул, затем тяжело опустился на свой стул, глядя на Кареллу с каким-то почти мальчишеским вызовом на лице.

Карелла вздохнул. Пошел уже пятидесятый час его рабочего дня, и он чувствовал смертельную усталость. Он отметил выход на службу в восемь сорок пять утра в четверг, весь тот день бегал, собирая информацию о куче нераскрытых дел, накопившихся за целый месяц март. Ночью ему удалось урвать шесть часов сна на кушетке в раздевалке, а в семь утра в пятницу его вызвало пожарное депо; они заподозрили поджог, когда тушили пожар в Саут-Сайд. Вернувшись в отделение днем, он нашел на своем столе четыре телефонограммы с номерами телефонов, по которым просили позвонить. Один звонок был от помощника судебного врача, который битый час объяснял результаты токсикологического анализа яда, обнаруженного при исследовании содержимого желудка гончей — это седьмая собака, которую отправили на тот свет за последнюю неделю, и когда Карелла ответил на все телефонные послания, часы на стене показывали половину второго. Тут он заказал обед: порцию картофеля по-французски, пакет молока и ржаные хлебцы. Но пришлось покинуть отделение раньше, чем все это принесли, и отправиться по вызову на Норт-одиннадцать, где произошло ограбление. Вернулся он только в пять тридцать и, передав телефон заворчавшему Клингу, спустился в раздевалку, чтобы попробовать немного уснуть. В одиннадцать вечера в пятницу все отделение, разбившись на подвижные боевые группы по три человека, достойно завершило двухмесячный период подготовительной работы и наведальсь во все двадцать шесть известных банков района — профилактическая мера, про-

ведение которой затянулось до пяти утра. Тем же субботним утром в восемь тридцать Карелла выехал по вызову к Саксам и допросил плачущую маленькую девочку. Теперь уже было десять тридцать, и он устал. Ему хотелось домой, и не было никакого желания спорить, защищая человека, который стал тем, чем его справедливо назвал лейтенант. Он стал совершенно невыносим. Но сегодня утром Карелла видел тело женщины, которую никогда не знал, видел ее искромсанную, истерзанную плоть и ощутил боль, граничащую с отвращением. Теперь, измученный, забрызганный грязью, он не имел сил спорить — он видел перед глазами поруганную красоту Тинки Сакс и чувствовал что-то наподобие того, что испытал Берт Клинг в том книжном магазине на Кулвер-авеню менее четырех лет назад, когда держал изрешеченное пулями тело Клэр Таунсенд.

— Пускай он поработает со мной, — сказал Карелла.

— Что ты придумал?

— По делу Сакс. В последнее время мы все время работали в паре с Мейером. Пусть на этот раз будет Берт.

— А что случилось? Тебе не нравится Мейер?

— Я обожаю Мейера, я устал, я хочу домой, хочу спать, позволь мне, пожалуйста, взять на это дело Берта.

— Чем только это кончится?

— Не знаю.

— Я не поклонник шоковой терапии, — с сомнением произнес Бернис. — Эту женщину, Сакс, убили очень жестоко. Это напечалит Берту...

— Какая терапия, старый ты дурак, — ответил Карелла. — Я хочу побыть с ним, поговорить, дать понять, что есть еще в этом паршивом отделении люди, считающие его порядочным человеком, который стоит того, чтобы о нем заботились. А теперь, Пит, я правда очень и очень устал и больше не могу об этом спорить, пойми. Если хочешь послать Берта в другое отделение — дело твое, ты здесь начальник, я не собираюсь тебе перечить, вот и все. Я свое слово сказал. Теперь решай сам, идет?

— Забирай его, — сказал Бернис.

— Спасибо, — Карелла направился к двери. — Спокойной ночи, — попрощался он и вышел из кабинета.

## ГЛАВА 2

Некоторые дела начинаются так, будто тебе выпали в игре одни козыри.

И дело Сакс начиналось именно так уже в понедельник утром, когда Стив Карелла и Берт Клинг приехали в многоквартирный жилой дом на Стаффорд-Плейс, чтобы взять показания лифтера.

Тому приближалось к семидесяти, но он все еще отличался завидным здоровьем, держался прямо, был высок почти так же, как Карелла, и примерно так же сложен. Однако он оказался одноглазым — и управляющий, и все, кто его знал, звали его поэтому Циклопом, и этот факт делал его показания несколько менее надежными.

Он пояснил, что потерял глаз во время второй мировой войны. Дело было в Арденнах, наступавший немец попал ему в глаз штыком, и Циклоп, которого тогда еще называли Эрнестом, отпрянув, увернулся от лезвия, прежде чем оно, проткнув глаз, проникло вглубь и задело мозг, а затем старательно и бесстрастно выстрелил немцу в грудь три раза и убил его. Циклоп не знал, что глаз его вытек, до тех пор, пока не попал в медпункт. До того момента он думал, что штыком ему лишь рассекло бровь, и кровь залила глаз, поэтому он не видит. Он гордился тем, что потерял глаз, гордился прозвищем Циклоп. Ведь Циклоп — это исполин. И хотя Эрнест Месснер имел только шесть футов росту, он отдал свой глаз за демократию, а это такая штука, за которую не жалко потерять зрение. Он кроме того очень гордился оставшимся глазом, который, по его утверждению, сохранил юношескую остроту и имел поле зрения двадцать на двадцать футов. Синий, ясный, он взирал на мир с той остротой и проницательностью, за которой угадывается недюжинный ум. С пониманием дела старик выслушал все, о чем расспрашивали его два следователя, и затем сказал:

— Конечно, я сам поднял его наверх.

— Вы везли на лифте мужчину в квартиру к миссис Сакс в пятницу вечером? — переспросил Карелла.

— Совершенно верно.

— В котором часу?

Циклоп на минуту задумался. Пустую глазницу закрывала черная повязка, и его можно было бы принять



за какого-нибудь состарившегося пирата в лифтерской униформе, если бы не лысина.

— Должно быть, где-то в девять или девять тридцать. Примерно так.

— А вниз он тоже спускался в вашем лифте?

— Нет.

— Когда вы закончили работу?

— Я не покидал здания до восьми часов утра.

— С какого по какое время вы работаете, мистер Меснер?

— Мы работаем тут в три смены,— объяснил Циклоп,— утренняя с восьми до четырех, вечерняя — с четырех до полуночи и ночная с двенадцати до восьми утра.

— Которая смена ваша? — поинтересовался Клинг.

— Ночная. Вы чудом застали меня, через десять минут я заканчиваю.

— Значит, ваша смена начинается в полночь. Что же вы делали здесь в пятницу в девять вечера?

— Парень, которого я сменил, почувствовал себя плохо и ушел домой. Управляющий позвонил мне около восьми и спросил, не смогу ли я выйти на работу пораньше. Я сделал ему одолжение. Это оказалась очень длинная ночь, поверьте.

— Для Тинки Сакс она стала еще длиннее,— сказал Клинг.

— Да. Я отвез того парня наверх в девять или девять тридцать, и больше он так и не показывался до конца моей смены.

— До восьми утра,— уточнил Карелла.

— Верно.

— Это обычное дело? — задал вопрос Клинг.

— Что вы имеете в виду?

— Так обычно и бывает, что к Тинке Сакс в квартиру приходят мужчины в девять вечера и остаются до утра?

Циклоп моргнул своим единственным глазом.

— Не хочу я говорить о мертвых.

— Но мы-то пришли сюда именно для того, чтобы вы рассказали нам о покойной,— возразил Клинг.— И о живых, которые ее посещали. Я задал простой вопрос и хочу получить на него такой же простой ответ. Тинка Сакс имела обыкновение развлекать мужчин всю ночь напролет?

Старик опять моргнул.

— Умерьте свой пыл, юноша,— сказал он.— А то напугаете меня до смерти.

Карелла счел нужным рассмеяться в этот момент, чтобы снять напряжение. Циклоп понимающе улынулся.

— Вы ведь знаете, не так ли? — обратился он к Карелле.— То, чем занимается миссис Сакс у себя дома,— ее личное дело, и никого не касается.

— Конечно,— согласился Карелла.— Мне кажется, мой коллега просто хотел знать, почему это не вызвало у вас подозрений. Ведь мужчина поднялся наверх, но не спустился обратно. Вот и все.

— А-а.— Циклоп минуту подумал, затем произнес: — Я просто не задумывался.

— Значит, в этом не было ничего необычного, так? — снова принялся за свое Клинг.

— Я не говорю, было это обычным или необычным. Я просто считаю, что если женщина, которой уже есть двадцать один, хочет, чтобы мужчина остался в ее квартире, то не мое дело указывать, сколько он должен там находиться, весь день или всю ночь. Я этого не замечаю, сынок. Вам понятно?

— Мне понятно,— категорично заявил Клинг.

— И мне совершенно наплевать, что они там делают, хоть весь день, хоть всю ночь. Их дело, если они в том возрасте, когда имеют право участвовать в выборах. Это тоже понятно?

— Понятно,— сказал Клинг.

— О'кей,— откликнулся Циклоп и кивнул головой.

— Фактически,— вмешался Карелла,— мужчине не обязательно было брать лифт, чтобы спуститься вниз, верно? Он мог подняться на крышу и перейти в соседнее здание.

— Конечно,— ответил старик.— Я только говорю, что ни я, ни кто-то другой, работающий в этом доме, не имеет права интересоваться, что люди делают в квартирах, сколько это занимает у них времени или что им нравится больше — уходить через парадный вход, через крышу, по лестнице, ведущей в подвал, а может они предпочитают выпрыгнуть из окна — все это не наше дело. Как только вы закрываете за собой дверь лифта, я предоставляю вас самому себе. Таково мое мнение.

— Хорошее мнение,— проговорил Карелла.

— Благодарю вас.

— Пожалуйста.

— Как выглядел тот человек? — обратился вновь к старику Клинг. — Вы помните?

— Да, помню, — Циклоп холодно взглянул на Клинга и повернулся к Карелле. — У вас есть лист бумаги и карандаш?

— Да, — Карелла достал записную книжку и ручку из внутреннего кармана пиджака. — Вот, давайте.

— Пишите: высокий, шесть футов, плюс два или три дюйма, наверное. Блондин. Волосы совершенно прямые, как у Сонни Тафтса, знаете?

— Сонни Тафтс? — переспросил Карелла.

— Да, именно. Кинозвезда. Тот парень вообще-то на него не похож, но волосы такие же белые и прямые.

— Какого цвета у него глаза? — снова вмешался Клинг.

— Я не видел. Он был в темных очках.

— Вечером?

— Нынче многие ходят вечером в темных очках, — ответил Циклоп.

— Верно, — кивнул Карелла.

— Словно маску надевают, — добавил Циклоп.

— Да.

— Значит, в темных очках и сильно загорелый, будто только что приехал откуда-то с юга. Одет в легкий серый плащ, а ведь, если помните, в пятницу было свежо и моросило.

— Да-да, верно, — сказал Карелла. — Он был с зонтом?

— Нет, без зонта.

— Вы не заметили, как он был одет под плащом?

— Темно-серый костюм, такого угольно-серого цвета, суда по брюкам. Белая сорочка — ее было видно в вырезе плаща здесь, на груди. И черный галстук.

— А туфли какого цвета?

— Черные.

— А каких-то шрамов, отметин не видели на лице или руках?

— Нет.

— Кольца какие-нибудь были?

— Золотое кольцо с зеленым камнем на мизинце правой руки — нет, подождите-ка минутку — на левой.

— Может, обратили внимание и на какие-то другие ювелирные украшения — запонки, булавка для галстука?

— Нет, не видел.

— В шляпе?

— Нет.

— Бритый?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, носит ли он усы или бороду? — сказал Клинг.

— Нет-нет. Бритый.

— Сколько ему лет, на ваш взгляд?

— Около сорока или сорок с небольшим.

— А фигура какая? Худой, средний, крупный?

— Здоровый мужчина. Не толстый, но здоровый, мускулистый. Можно сказать, крупный. Ручищи громадные. Кольцо на его мизинце показалось мне просто крошечным для такой руки. Да, крупный, я бы сказал, совершенно точно.

— Он нес что-нибудь в руках? Портфель, чемодан, сумку...

— Нет, ничего.

— Говорил с вами?

— Назвал только этаж и все. Девятый, сказал, и больше ничего.

— И какой у него голос? Низкий, высокий?

— Низкий.

— Не заметили какого-нибудь акцента или говора?

— Так ведь он произнес только одно слово. Сказал так, как все у нас говорят.

— Я сейчас произнесу это слово несколько раз, — предложил Карелла, — а вы мне скажете, когда будет на него похоже, ладно?

— Хорошо, давайте.

— Дя-а-тый.

— Нет.

— Ти-вя-тый.

— Нет.

— Девятой.

— Нет.

— Девятый.

— Вот так, правильно. Без всяких выкрутасов.

— Ладно, хорошо, — сказал Карелла. — У тебя есть еще что-то, Берт?

— Ничего.

— Вы очень наблюдательный человек, — похвалил старика Карелла.

— Целыми днями только и делаю, что смотрю на людей, которых вожу вверх да вниз,— откликнулся Циклоп и пожал плечами.— Так работать веселее.

— Мы очень ценим то, что вы нам рассказали,— добавил Карелла на прощанье.— Большое спасибо.

— Пожалуйста.

Выйдя из дома, Клинг бросил:

— Мерзкая старая свинья! Шельмец.

— Он много рассказал нам,— возразил Карелла.

— Да.

— Теперь у нас есть неплохое описание внешности.

— Слишком хорошее, я бы сказал.

— Что ты имеешь в виду?

— Одноглазый, одной ногой в могиле, а надо же, умудрился такие подробности запомнить, какие и тренированный наблюдатель может пропустить. Наверное, сочинил все, чтобы показать, какой он неоценимый старичок.

— Все неоценимые,— миролюбиво проговорил Карелла.— Хоть старые, хоть молодые.

— Гуманистическая школа в криминалистике,— ядовито заметил Клинг.— Понимаю, человечность превыше всего!

— А чем плоха человечность? Чем она тебе не нравится?

— Все нравится. Только человек ли располосовал Тинку Сакс? — с горечью проговорил Клинг.

На это Карелле нечего было ответить.

Для девушки, работающей моделью, хорошее фотоагентство много значит. Оно не просто обеспечивает рекламу и заказы; для тех, кто сильно занят, оно служит связным, отвечающим на телефонные звонки и передающим нужную информацию; оно берет на себя роль няньки, если у вас есть дети; отечески опекает и наставляет одолеваемых мужчинами красавиц; становится домом для усталых и измотанных, давая отдохновение между сеансами позирования.

Арт и Лесли Кутлер держали хорошее агентство. Они направляли его деятельность с точностью компьютера и с пониманием психоаналитика. Их эlegantный, отделанный панелями орехового дерева офис занимал три комнаты на Каррингтон-авеню, возле моста, выходящего на Калмс-Пойнт. Над дверным проемом, ведущим к засте-

ленной ковром лестнице, значился адрес агентства. Табличка, на которой он был написан, напоминала те, которыми обозначают парижские улицы: на голубом фоне белой эмалью начертано "Каррингтон, 21", и при этом на заднем плане голубой ковер, устилающий ступени, ведущие на второй этаж. Наверху еще одна белая с голубым эмалевая табличка парижского образца, но только теперь на ней строчными буквами было выведено — "кутлеры".

Поднявшись по ступенькам на второй этаж, Карелла и Клинг посмотрели на изысканную именную табличку без всякого восхищения и вошли в небольшую, тоже застеленную ковром приемную, где стоял один только белый стол, очень эффектный на фоне ореховых стен, и больше ничего. За столом сидела девушка потрясающей красоты, именно такую и можно ожидать в фешенебельном фотоагентстве. Если это всего лишь секретарша, бог ты мой, как же должны выглядеть модели?!

— Слушаю вас, джентльмены. Чем могу помочь? — спросила красавица.

Она носила очки в большой черной оправе, которые не могли скрыть ослепительно-ярких синих глаз. Макияж очень мягкий и намеренно невинный: штрих бледно-розовой помады на губах, легкий румянец на щеках, оправа очков словно рама для глаз. У нее были черные волосы и сияющая улыбка. Карелла ответил тоже ослепительной улыбкой, той, которую обычно приберегал для кинозвезд, которых ему доводилось встречать на приеме у губернатора.

— Мы из полиции, — сказал он. — Я — следователь Карелла, а этой мой коллега, следователь Клинг.

— Да? — проговорила девушка. Она чрезвычайно удивилась тому, что в ее приемной полицейские.

— Мы бы хотели поговорить либо с мистером, либо с миссис Кутлер, — сказал Клинг. — Они здесь?

— Да, но в чем дело? — спросила девушка.

— А дело в том, что убита Тинка Сакс, — ответил Клинг.

— О, — выдохнула девушка, — о, да, — она потянулась было к кнопке селектора, вновь засомневалась, пожала плечами и, взглянув на них лучистыми, невинно-голубыми глазами, поинтересовалась: — Полагаю, у вас есть удостоверения и все такое?

Карелла показал ей значок полицейского. Девушка ожидающе смотрела на Клинга. Тот вздохнул, полез в карман и достал бумажник: значок был приколот прямо к коже.

— У нас здесь никогда не бывало полицейских,— объяснила секретарша и нажала кнопку.

— Да? — раздался голос.

— Мистер Кутлер, здесь двое следователей из полиции хотят видеть вас, некто мистер Кинг и мистер Коппола.

— Клинг и Карелла,— поправил ее Карелла.

— Клинг и Капелла,— сказала девушка.

Карелла не стал больше вмешиваться.

— Попросите их пройти прямо сейчас,— ответил Кутлер.

— Хорошо, сэр,— девушка отключила селектор и обратила взор на полицейских.— Проходите, пожалуйста. Через бычий выгул, прямо в противоположный конец.

— Через что?

— Бычий выгул. А-а, это главный зал, вы увидите. Он сразу за этой дверью,— раздался телефонный звонок. Девушка неопределенно махнула, указывая на глухую орехового дерева стену, и подняла трубку.— Агентство Кутлеров,— произнесла она.— Минутку, пожалуйста,— она вновь нажала кнопку селектора и спросила кого-то невидимого: — Миссис Кутлер, звонит Алекс Джамисон по пять-семь. Будете с ним говорить? — девушка кивнула, секунду прислушивалась, потом положила телефонную трубку.

Как раз в этот момент Карелла и Клинг обнаружили, наконец, орехового дерева кнопку от ореховой двери, скрытой в ореховой стене. Карелла смущенно улыбнулся девушке, ее голубые глаза засветились в ответ, и он открыл дверь.

“Бычий выгул”, как секретарша и обещала, оказался сразу за дверью. Это было большое открытое пространство в тех же самых орехово-белых тонах; иными были только шторы и обивка двух огромных диванов у левой стены. Окна закрывал прозрачный шафранный нейлон, с ним по цвету прекрасно сочеталась коричневая ткань диванов, контрастируя с нейлоном своей выпуклой, буклированной поверхностью. На одном из диванов сидели, скрестив длинные ноги, три девушки, каждая читала “Вог”. Одна сушила волосы феном. Они даже не взгля-

нули на вошедших в комнату мужчин. Справа за длинной конторкой из белого пластика расположилась четвертая женщина. Она прижимала к уху телефонную трубку и что-то сосредоточенно записывала на листе бумаги. Ей было чуть за сорок, и в ней безошибочно угадывалась бывшая манекенщица. Коротко взглянув на топчущихся у двери Кареллу и Клинга, она вновь погрузилась в свои записи, не обращая на них внимания.

На стене позади женщины висели три огромных стенда. Каждый разделен на квадратики два на два дюйма — эдакие нераскрашенные шахматные доски. По левому краю сверху вниз шла колонка из маленьких фотографий; в верхнем ряду проставлены часы рабочего дня. Все три стенда были закрыты оргстеклом; справа на шнуре висело по угольному карандашу. Напротив фотографий в соответствующей определенному часу клетке издали хорошо была видна запись, напоминающая манекенщице о всех сеансах позирования на эту неделю. Справа от стендов конторка отгораживала уютное местечко с почтовыми ящиками; на каждом возле прорези была прикреплена соответствующая маленькая фотография.

На стене, в которой находилась дверь, пропустившая внутрь зала Кареллу и Клинга, висели большие — восемь на восемь — черно-белые фотографии моделей, интересы которых представляло агентство. В целом около семидесяти пяти девушек. Подписей под ними не было. Вдоль всей стены где-то на уровне пояса проходил полоз, в котором на некотором расстоянии друг от друга лежали черные угольные карандаши. Широкая белая полоса под каждой фотографией, закрытой оргстеклом, служила для того, чтобы записывать номера телефонов, по которым нужно позвонить, и другие послания. Модель, зайдя в зал, могла сначала проверить, нет ли записей на ее большой фотографии, потом заглянуть в почтовый ящик, отмеченный ее снимком, нет ли там письма, и, найдя на стенде квадратик со своим фото, справиться, что еще ей предстоит сделать. Одного взгляда на эту комнату было достаточно, чтобы понять, что фотография играет основную роль в том бизнесе, которым занимается агентство. К тому же возникало неприятное ощущение, что все эти лица ты уже видел сто раз — ведь они взирают на тебя со всех рекламных щитов, со всех обложек журналов. Подписать под каждым из них имя — все равно, что разъяснять, как называется Тадж-Махал



или Белый дом. Единственной пустой стеной была та, напротив которой стояли Карелла и Клинг, и она тоже казалась сделанной из монолитного куска орехового дерева, без всякого намека на дверь.

— Кажется, я вижу кнопку,— шепнул Карелла, и они направились через зал к дальней стене.

Женщина за конторкой, взглянув, когда они проходили мимо; отняла внезапно трубку от уха, успев сказать в нее: “Подожди-ка секунду, Алек”, и обратилась к двум детективам:

— Могу я чем-то вам помочь?

— Нам нужен кабинет мистера Кутлера,— ответил Карелла.

— Да?

— Да, мы из полиции. Мы расследуем убийство Тинки Сакс.

— О-о. Идите прямо,— показала женщина.— Я Лесли Кутлер. Я к вам подойду, как только закончу разговор по телефону.

— Спасибо,— ответил Карелла. Он подошел к стене орехового дерева, Клинг не отставал от него ни на шаг и постучал там, где, по его предположению, должна была быть дверь.

— Войдите,— раздался мужской голос.

Арт Кутлер — мужчина в расцвете своих сорока лет, с белыми прямыми, как у Сонни Тафтса, волосами и, по крайней мере, шести футов четырех дюймов ростом — состоял, казалось, только из костей и мускулов, которые прекрасно обрисовались темно-синим костюмом, когда он поднялся из-за письменного стола, улыбаясь и протягивая руку:

— Входите, входите, джентльмены,— приветствовал он их низким голосом. Он так и стоял с вытянутой рукой, пока Карелла и Клинг не подошли к столу через комнату. Тогда он обменялся с каждым из них рукопожатием — сильным и крепким.

— Может быть, присядете? — предложил Кутлер, указывая на пару кресел по углам его письменного стола, и скорбно добавил: — Вы ведь здесь из-за Тинки?

— Да,— кивнул Карелла.

— Ужасно. Это мог сделать только какой-то маньяк, как вам кажется?

— Не знаю,— ответил Карелла.

— Нет, это явно маньяк, как вы думаете? — обратился Кутлер к Клингу.

— Не знаю, — сказал тот.

— Поэтому-то мы к вам и пришли, мистер Кутлер, — пояснил Карелла. — Мы хотим побольше узнать об этой женщине. Полагаем, что агентство должно многое знать о тех людях, которых оно предста...

— Да, верно, — перебил Кутлер, — и особенно, если речь идет о Тинке.

— Почему о ней особенно?

— Потому что мы вели ее дела почти с самого начала.

— И сколько же это времени, мистер Кутлер?

— О, лет десять по меньшей мере. Ей было всего девятнадцать, когда она поступила к нам, а сейчас ей... так, дайте вспомнить, в феврале ей исполнилось тридцать. Значит, почти одиннадцать лет.

— Какого февраля? — спросил Клинг.

— Третьего, — ответил Кутлер. — Прежде чем подписать с нами контракт, она немного поработала моделью на побережье, но ничего такого особенного. Это благодаря нам она попала во все лучшие журналы мира — "Вог", "Харперс", "Мадемуазель", сами знаете. Вы хотя бы представляете, сколько Тинка Сакс зарабатывала?

— Нет, а сколько? — поинтересовался Клинг.

— Шестьдесят долларов в час. Умножьте на восемь — десять часов в день, на шесть дней в среднем в неделю, и вы получите что-то около ста пятидесяти тысяч долларов в год, — Кутлер помолчал. — Куча денег. Больше, чем получает президент Соединенных Штатов.

— И никаких его забот, — заговорил Карелла. — Когда вы в последний раз видели Тинку Сакс живой и невредимой?

— В конце дня в пятницу.

— Можете рассказать, при каких обстоятельствах?

— Ну, у нее был сеанс в пять, в семь где-то она закончила и заглянула сюда, чтобы забрать почту и посмотреть, звонили ли ей. Вот и все.

— Ну и как? — спросил Клинг.

— Что как?

— Звонили ей?

— Этого я не помню. Обычно секретарша сразу вывешивает всю информацию о том, кому кто звонил. Вы, наверное, видели нашу стену с фотографиями...

— Да, — подтвердил Клинг.

— Так вот, за этим следит наша секретарша. Если хотите, я выясню, возможно, у нее еще сохранились записи, хотя я и сомневаюсь. Как только информация записывается на стену...

— А как насчет почты? Были письма?

— Не знаю, вообще получала ли она... нет, подождите-ка, кажется, она достала несколько писем. Помнится, она перебирала в руках конверты, когда я вышел из кабинета, чтобы поболтать с ней.

— Во сколько она ушла отсюда? — задал вопрос Карелла.

— Примерно в семь пятнадцать.

— У нее был еще сеанс?

— Нет, она собиралась домой. У нее ведь дочка, как вы знаете. Пятилетняя.

— Да, знаю, — сказал Карелла.

— Ну, и она ушла домой.

— Вы знаете, где она живет? — спросил Клинг.

— Да.

— Где?

— Стаффорд-Плейс.

— Вы когда-нибудь бывали у нее?

— Да, конечно.

— Сколько, как вы полагаете, времени потребуется, чтобы добраться отсюда до ее дома?

— Не больше пятнадцати минут.

— Тогда Тинка должна была быть дома в семь тридцать... если она сразу поехала домой.

— Да, полагаю, что так.

— Она говорила, что едет прямо домой?

— Да. То есть нет. Она сказала, что собирается по дороге купить торт, а потом поедет домой.

— Торт?

— Да. Тут недалеко на нашей улице есть очень хороший магазин. Многие наши манекенщицы покупают там торты и кондитерские изделия.

— Она ждала вечером гостей? — спросил Клинг.

— Не знаю, она ничего не говорила о планах на вечер.

— А может ваша секретарша знает, не связан ли какой-то из телефонных звонков с планами Тинки на этот вечер?

— Не знаю. Мы можем спросить у нее.

— Да, хотелось бы, — сказал Карелла.

— А каковы были *ваши* планы на тот вечер в пятницу, мистер Кутлер? — любопытствовал Клинг.

— Мои планы?

— Да-да, ваши.

— Что вы хотите сказать?

— В котором часу вы покинули офис?

— А почему это, собственно говоря, вас интересует? — спросил в ответ Кутлер.

— Вы были последним, кто видел ее живой, — не сдавался Клинг.

— Нет, последним живой ее видел убийца, — поправил его Кутлер. — И если верить тому, что писали газеты, то до этого ее видела живой ее дочь. Поэтому мне совершенно непонятно, как визит Тинки в агентство или мои планы на вечер связаны и вообще соотносятся с ее смертью.

— Может быть, никак не связаны, мистер Кутлер, — вмешался Карелла, — но вы ведь понимаете, что мы обязаны исследовать все возможности.

Кутлер нахмурился, обращая теперь и на Кареллу всю ту враждебность, которую сначала адресовал только Клингу. Минуту он колебался, затем раздражительно проговорил:

— Мы с женой и несколькими друзьями ужинали в “Ле-Труа-Чатс”, — он немного помолчал и добавил ехидно: — Это французский ресторан.

— В какое время? — спросил Клинг.

— В восемь часов.

— Где вы были в девять?

— Все еще в ресторане.

— В половине десятого?

Кутлер вздохнул и произнес:

— Мы ушли из ресторана только в начале одиннадцатого.

— Что вы делали потом?

— Да? Вам это нужно знать? — Кутлер окинул следователей злым взглядом. Оба молчали. Он опять вздохнул и сказал: — Некоторое время мы шли пешком по Холл-авеню, потом простились с друзьями и взяли с женой такси до дома.

Дверь отворилась.

Лесли Кутлер стремительно вошла в кабинет и, увидев выражение лица своего мужа, мгновенно оценила воцарившуюся тишину:

— Что случилось?

— Расскажи им, где мы были в пятницу вечером, когда ушли отсюда,— предложил ей Кутлер.— Джентльменам хочется поиграть в грабителей и полицейских.

— Вы шутите,— проговорила Лесли и сразу поняла, что им не до шуток.— Мы ужинали с нашими друзьями, с Марджи и Даниэлом Ронет. Она — одна из наших моделей. А что?

— В котором часу вы ушли из ресторана, миссис Кутлер?

— В десять.

— Все это время ваш муж был с вами?

— Да, конечно,— она повернулась к Кутлеру и спросила: — Они имеют право так себя вести? Может, нам вызвать Эдди?

— Кто такой Эдди? — поинтересовался Клинг.

— Наш адвокат.

— Вам не нужен адвокат.

— Вы начинающий следователь? — обратился вдруг Кутлер к Клиngu.

— Какое, собственно, это имеет значение?

— А то, что ваши методы расследования оставляют желать много лучшего.

— Да? И в каком именно отношении? Какие изъяны вы обнаружили в моей методике, мистер Кутлер? Чего мне не хватает?

— Тонкости, я бы сказал.

— Это очень смешно,— проговорил Клинг.

— Рад, что вас это позабавило.

— Может быть и вас позабавит то, что лифтер в доме на Стаффорд-Плейс, 791 дал нам прекрасное описание человека, которого он поднял на лифте к Тинке в тот вечер, когда она была убита? И вас, может, позабавит также то, что это описание в точности совпадает с вашей внешностью? Ну так как, вам смешно, мистер Кутлер?

— Меня близко не было возле дома Тинки в пятницу вечером.

— Ну конечно нет. Полагаю, вы не будете возражать, если мы справимся у ваших друзей, с которыми вы ужинали, просто, чтобы уточнить.

— Их номер телефона можете получить у секретаря,— холодно произнес Кутлер.

— Благодарю вас.

Кутлер взглянул на часы.

— У меня назначена встреча, — сказал он. — Если вы, джентльмены, закончили с вашей...

— Я хотел бы также справиться у секретаря о том, кто звонил Тинке в тот день, — напомнил Карелла. — И я был бы очень вам признателен за любую информацию, которую вы можете дать о друзьях и знакомых Тинки.

— В этом вам поможет моя жена. — Кутлер мрачно взглянул на Клинга и продолжил: — Я не собираюсь покидать город. Вы ведь обычно об этом предупреждаете своих подозреваемых, не так ли?

— Да, из города не уезжайте, — подтвердил Клинг.

— Берт, — небрежно обратился к Клингу Карелла. — Думаю, тебе сейчас лучше поехать в отделение. Гердер обещал где-то в середине дня сообщить данные лабораторного исследования. Кому-то надо быть там, чтобы получить его.

— Конечно, — согласился Клинг. Он направился к двери и уже открыл ее. — Мой коллега работает несколько тоньше, чем я, — сказал он и вышел.

Карелла, коротко вздохнув, принялся за оставшуюся часть работы.

— Мы можем сейчас поговорить с вашей секретаршей, миссис Кутлер? — спросил он.

### ГЛАВА 3

Когда в два часа дня в понедельник Карелла покидал агентство, он знал немногим больше, чем когда впервые поднимался по застеленным голубым ковром ступенькам. Секретарша хотя и излучала во все глаза готовность помочь, но так и не смогла вспомнить ни одного из телефонных посланий, адресованных Тинке в день смерти. Она знала, что все они были личными, и помнила, что некоторые были от мужчин, но ни одного имени не задержалось в ее памяти. С тем же успехом она забыла имена звонивших женщин — да, их было несколько, сказала она, но сколько именно, она не знает. Не помнила она и по какому поводу хотели все эти люди связаться с Тинкой по телефону.

Карелла поблагодарил ее за помощь и, сев рядом с Лесли Кутлер, которая все еще не могла успокоиться из-за того, как Клинг обращался с ее мужем, постарался

составить список знакомых с Тинкой мужчин. Но здесь его тоже ждал провал, потому что Лесли сразу же предупредила его, что в отличие от большинства манекенщиц (это слово уже стало резать Карелле слух) Тинка никогда ничего не рассказывала о своей личной жизни, никогда не обсуждала мужчин, с которыми сводила ее судьба, не позволяла им заезжать за ней в агентство после работы. Она об этом ни с кем не говорила, ни с одной из манекенщиц (слово раздражало уже нестерпимо). Вначале Карелла подумал, что Лесли утаивает информацию специально, обидевшись на то, как этот осел Клинг вел допрос. Но, поговорив с нею основательно, он уверился, что она действительно ничего не знает о личных делах Тинки. Хотя несколько раз они бывали у Тинки в гостях, никто из посторонних не появлялся. Они просто обедали втроем, даже Анна уже спала в соседней комнате. Совершенно очарованная терпением Кареллы после хамских выпадов Клинга, Лесли даже предложила ему рекламное досье на Тинку, содержимое которого агентство предоставляло всем фотографам, художественным руководителям рекламных фирм и возможным клиентам. Он взял его, поблагодарил и, попрощавшись, ушел.

Теперь, сидя над чашкой кофе и гамбургером в закуской в двух кварталах от своего отделения, Карелла достал содержимое тонкого бумажного конверта и опять вспомнил, какой была Тинка Сакс, когда он ее видел в последний раз. Досье представляло собой большой лист бумаги, сложенный пополам, на каждой из сторон помещалась черно-белая фотография Тинки Сакс в различных позах.

Карелла изучил досье от первой до последней страницы. Оно, к сожалению, совсем не походило на "личное дело". В нем не было никаких биографических сведений, а имелись только профессиональные данные, важные в работе манекенщицы:

### ТИКА САКС

рост 5,8  
размер 10—12  
грудь 34  
талия 23  
бедра 34

волосы светлые  
глаза зеленые  
обувь 7 1/2  
перчатки 7  
шляпа 22

**КУТЛЕРЫ**

Каррингтон-ст., 21

Единственное, о чем поведало досье,— это то, что Тинка позировала только одетой, не демонстрируя ни дамского белья, ни купальных костюмов — факт, показавшийся Карелле интересным, но вряд ли имеющим отношение к делу. Он вложил содержимое обратно в конверт, допил кофе и отправился в отделение.

Клинг ждал его, злой и сердитый.

— Зачем ты это сделал, Стив? — немедленно потребовал он ответа.

— Здесь досье на Тинку Сакс,— сказал Карелла.— Мы можем подшить его к нашему делу.

— Черт с ним, с досье. Ответь на мой вопрос.

— Не надо, Берт. Гердер звонил?

— Да. Все отпечатки, которые они нашли в комнате, принадлежат самой убитой. Они пока еще не исследовали нож и дамскую сумочку. Не пытайся избавиться от меня, Стив. Я чертовски обижен и задет.

— Берт, я не хочу затевать с тобой споры. Давай забудем об этом, ладно?

— Нет.

— Нам вместе придется работать над этим делом, может быть, очень долгое время. И мне не хотелось бы начинать с...

— Да, верно, и мне не нравится, когда мне приказывают вернуться в отделение только потому, что кому-то, видите ли, не по вкусу моя манера расследования.

— Никто не приказывал тебе возвращаться в отделение.

— Стив, ты старше меня по званию, и ты велел мне уйти. И это был приказ вернуться в отделение. Я хочу знать, почему.

— Потому, что ты вел себя как недоумок, понятно?

— Я так не считаю.

— Может, тебе стоит объективно взглянуть на себя со стороны?

— Черт возьми, но ты же сам уверял, что на показания старика, видимо, можно положиться! И что? Мы приходим в это агентство и лицом к лицу встречаемся с человеком, которого нам только что во всех подробностях описали! Что я по-твоему должен делать? Предложить ему чашечку чая?

— Нет, я ожидал, что ты предъявишь ему обвинение...

— Никто ни в чем его не обвиняет!



—...в убийстве, привезешь его прямо сюда и зарегистрируешь в качестве подозреваемого,— саркастически закончил Карелла.— Вот чего я от тебя ждал.

— Я задал ему совершенно разумные вопросы!

— Твои вопросы были грубы, злы, враждебны и непрофессиональны. Ты с самого начала обращался с ним как с преступником, хотя у тебя для этого не было никаких оснований. Ты сразу заставил его занять оборонительную позицию вместо того, чтобы обезоружить. Если бы я был на его месте, я лгал бы просто тебе назло. Ты превратил его во врага вместо того, чтобы сделать другом, который, возможно, окажет нам помощь. В результате, когда нам опять потребуется информация о профессиональной стороне жизни Тинки, мне придется просить ее у человека, у которого теперь есть все основания ненавидеть полицию.

— Но он попадает под описание! Любопытно спросил бы...

— Да почему ж ты, черт возьми, не можешь культурно задать вопрос, культурно и вежливо? А затем проверить, что скажут те друзья, с которыми он, по его словам, провел вечер, и только потом проявить жесткость, если появятся основания? Чего ты достиг таким путем? Ни черта! Ну, ты задал мне вопрос, я ответил. У меня там было полно работы, и я не мог тратить время, ожидая, когда ты все испортишь. Вот почему я отослал тебя сюда. Понятно? Хорошо. Ты проверил алиби Кутлера?

— Да.

— Он был с теми людьми?

— Да.

— И они действительно ушли из ресторана в десять и потом немного прогулялись пешком?

— Да.

— Значит, Кутлер не мог быть тем человеком, которого Циклоп вез в своем лифте.

— Или Циклоп неправильно сказал время.

— Может быть и так, предлагаю это проверить. Но проверить следует прежде, чем ты начнешь изрыгать обвинения направо и налево.

— Я никого ни в чем не обвинил!

— Но вся твоя манера обвиняет! Кем ты себя вообще воображаешь? Агентом гестапо? Нельзя явиться к человеку в кабинет и, не имея ничего за душой, кроме догадки, начать...

— Я старался как лучше! — вскричал Клинг. — И если это недостаточно хорошо, то можешь катиться ко всем чертям!

— Это недостаточно хорошо, — сказал Карелла. — Но я не собираюсь катиться к чертям, тем не менее.

— Я попрошу Пита освободить меня от дела...

— Он не сделает этого.

— Почему?

— Потому что, как ты выразился, я старше тебя по званию, и я тебя не освобождаю.

— В таком случае никогда больше не делай таких вещей. Я тебя предупреждаю. Если ты еще раз поставишь меня перед гражданскими в неловкое положение...

— Если бы ты хоть немного соображал, ты почувствовал бы себя неловко задолго до того, как я попросил тебя уйти.

— Послушай, Карелла...

— Ага, теперь я для тебя уже Карелла, значит?

— Я не потерплю такого обращения, запомни это! И мне наплевать на то, какое у тебя звание. Просто запомни, я не потерплю, чтобы ты так обращался со мной.

— И никто другой?

— Да, ни ты, ни кто-то другой.

— Я запомню.

— Посмотрим, — сказал Клинг и, направившись к двери, вышел из отделения.

Карелла сжал руки в кулаки, разжал их и изо всей силы хлопнул ладонями по крышке стола.

Следователь Мейер вышел из мужского туалета в коридор, застегивая молнию на ширинке. Бросив взгляд налево, он склонил голову набок и прислушался к сердитому бормотанию Клинга, к его тяжелым удаляющимся шагам. Когда Мейер вошел в комнату, Карелла стоял, наклонившись над столом и опираясь на него вытянутыми руками. На лице его застыло холодное отрешенное выражение.

— Что за шум, а драки нет? — спросил Мейер.

— Да ничего, пустяки, — ответил Карелла. Он кипел от злости, и слова еле выходили сквозь стиснутые зубы.

— Опять Клинг?

— Опять Клинг.

— Ну и ну, — покачал головой Мейер и больше ничего не сказал.

Возвращаясь домой в конце дня, Карелла задержался возле дома Сакс. Предъявив свой значок полицейскому, все еще стоявшему на посту возле квартиры убитой, Карелла вошел внутрь, чтобы поискать, может, попадется что-нибудь — письма, записка, книжка с телефонами и адресами, хоть что-нибудь, что поможет ему выйти на мужчин, с которыми водила знакомство Тинка Сакс. В квартире было пусто и тихо. Девочку на воскресенье отправили в детский приют, а потом поручили заботам Харви Садлера, адвоката Тинки, до тех пор, пока из Аризоны не придет отец. Карелла прошел по коридору мимо комнаты Анны — так же, должно быть, шел убийца,— через открытую дверь бросил взгляд на ряды кукол, выстроенных на полках книжного шкафа, и вошел в просторную спальню Тинки. Все белье с кровати сняли, закапанные кровью простыни и одеяло отправили в лабораторию на экспертизу. Пятна крови попали также на шторы, поэтому их тоже сняли и переправили к Гердеру. Теперь окна не были занавешены, и взору открывались крыши домов и медленно плывущие по реке Дикс лодки. Быстро опускались сумерки, напоминая о том, что на дворе еще только апрель. Карелла включил свет, обошел вокруг обведенных мелом очертаний Тинкиного тела на толстом зеленом ковре, который в этом месте пропитался кровью и приобрел некрасивый грязно-бурый оттенок, затем подошел к овальному столику у стены напротив кровати, опустил в кресло перед ним и стал рыться в сваленных тут бумагах. Беспорядок указывал на то, что здесь уже поработали следователи из отдела убийств и ничего достойного внимания не нашли. Карелла вздохнул и выудил из кучи конверт с авиапочтовой рамкой по краю. Перевернув, чтобы узнать, откуда письмо, он увидел, что оно от Деяниса Сакса, бывшего мужа Тинки, из Рейнфилда, штат Аризона. Карелла достал листок из конверта, развернул его и начал читать:

Вторник, 6 апреля.

*Моя дорогая Тинка!*

*Я сижу в самом центре пустыни, пишу тебе письмо при свете тусклой лампы и слышу, как воет ветер за тонкими стенами моей палатки. Остальные уже спят. Никогда раньше я не чувствовал себя так далеко от цивилизованного мира... и от тебя.*

*Каждый день я все с большим и большим нетерпением жду завершения проекта Оливера, может быть*

оттого, что знаю, что ты пытаешься сделать, и все остальное представляется мне малозначительным по сравнению с твоей нелегкой борьбой. Кому сейчас интересно, пересекали или нет хохокамы эту пустыню по дороге из Мексики? Кому есть дело до того, откроем мы здесь их поселения, найдем ли их вигвамы? Я знаю лишь одно: я страшно скучаю по тебе, я горжусь тобой и молюсь за тебя. Моя единственная надежда заключается в том, что скоро твое грандиозное начинание будет завершено, и мы сможем начать нашу жизнь сначала, так, как мы жили, прежде чем начался тот кошмар, пока еще цела была наша любовь.

Я позвоню вам в субботу. Нежно целую Анну... и тебя.

*Любящий вас Деннис.*

Карелла сложил листок и убрал его обратно в конверт. Только теперь он узнал, что Деннис Сакс работает в пустыне над каким-то проектом, касающимся племени хохокамов, или кто они там такие, черт их знает, и что он явно все еще любит свою прежнюю жену. Но кроме того Карелла узнал, что Тинка делала что-то важное, что Деннис назвал "грандиозным начинанием" и "нелегкой борьбой". Какое начинание? — размышлял Карелла. Что за борьба? И о каком это кошмаре упоминает Деннис в конце письма? Сама борьба, начинание были кошмаром или то, что им предшествовало? Сегодня утром руководство детского приюта должно было позвонить Деннису Саксу в Аризону, и он, может быть, уже направляется сюда. Понял он или еще нет, но ему все равно придется ответить на очень многие вопросы, как только он приедет.

Карелла положил письмо в карман пиджака и вновь принялся перебирать бумаги на столе. Здесь были счета от электрических и телефонных компаний, из большинства городских магазинов, от многих местных торговцев, из Дайнерс-Клаб. Он нашел письмо от женщины, которая убирала квартиру Тинки и которая извещала, что не сможет больше работать, потому что уезжает вместе с семьей на Ямайку. Встретилось письмо от редакторши одного из журналов мод, где она делилась своими планами выпуска в свет нынче летом нового парижского издания, в котором примут участие Тинка и еще несколько манекенщиц, и спрашивала, будет ли в это вре-

мя Тинка свободна. Всю корреспонденцию Карелла просматривал мельком и аккуратно складывал в стопку на краю овального стола, как вдруг наткнулся на записную книжку Тинки с адресами.

В небольшой красной кожаной книжке было множество имен, адресов, номеров телефонов. Карелла тщательно изучил каждое имя, перелистав книжку несколько раз. Попадалось много избитых, широко распространенных имен типа Джордж, Фрэнк или Чарльз, были такие, которые в жизни встречаются несколько реже, например, Клайд или Адриан, но были и достаточно экзотические, такие как Райен, Динк и Фриц. Ни одно из них ничего Карелле не говорило, и он закрыл книжку, опустил ее в карман и опять занялся остававшимися на столе бумагами. Среди них интерес представляло только написанное почерком Тинки незаконченное стихотворение:

Когда я думаю о том, кто я  
И кем могла быть прежде,  
Я вздрагиваю.  
Я боюсь ночи.  
Ведь и середь бела дня  
Чудовища из тьмы души всплывают.  
И почему они не...

Аккуратно сложив листок, Карелла отправил его в карман вслед за записной книжкой. Потом поднялся. Идя к двери, в последний раз оглядел комнату и погасил свет. Когда он шел по коридору к входной двери, через окно в комнату Анны еще лился последний бледный свет уходящего дня, слабо румяня щеки куклам, рассевающимся рядами на полках книжного шкафа. Карелла вошел в детскую. Он снял одну куклу с верхней полки, посадил ее обратно на место, потом узнал ту куколку, которую держала на коленях Анна в субботу, когда он с ней разговаривал. Он взял ее в руки...

Полицейский, стоявший у входа в квартиру, изумленно смотрел на взрослого дядю-следователя, уносящего в руках куклу. Карелла вошел в лифт, торопливо нашел что-то в записной книжке Тинки и задумался, звонить ли в отделение, сообщить ли, куда направляется, или просто взять Клинга и с его помощью произвести арест. Тут он вдруг вспомнил, что Клинг ушел с работы раньше времени, и обида опять вскипела в нем. Ну его к

черту, подумал Карелла и, выскочив на улицу, побежал к своей машине. Мысли его мчались одна за другой бесвязной и беспорядочной чередой, перебивая друг друга. Какая жестокость, господи, какая страшная звериная жестокость, может, мне самому попытаться набросить петлю, боже, этот бедный ребенок слышал, как убивали мать, может, вначале вернуться в отделение, взять на помощь Мейера, но он, наверное, уже домой собирается, ну почему Клинг не способен вести себя по-человечески! Бог ты мой, полосовал и полосовал ее не переставая!

Карелла завел машину. Детская кукла лежала на сиденье рядом с ним. Он опять нашел имя и адрес в записной книжке Тинки. Ну, так что, подумал он в который раз. Звать на помощь или ехать одному?

Нога уже стояла на акселераторе.

Вместе со злостью в Карелле теперь нарастало возбуждение, то нетерпеливое предвосхищение, которое зовет к действию, заглушая все требования предосторожности. Такое везение случается очень редко, обычно проходят недели или месяцы кропотливой и утомительной работы. Неожиданная удача, ощущение, что погоня, только едва начавшись, уже сулит успех, высвобождали кипучую энергию. Нога сама нажала на педаль сильнее обычного, руки вцепились в руль, и Карелла устремился вперед с беспечностью и безрассудством, которые для рядовых граждан нередко заканчиваются повесткой в суд. Он то вливался в транспортный поток, то вырывался из него, давил на сигнал и на тормоза, руки и ноги его стали частью машины, которая неуклонно неслась к цели, обозначенной в адресной книжке Тинки Сакс.

Он припарковал машину, выбрался на тротуар, оставив куклу на переднем сиденье. Войдя в подъезд, внимательно изучил таблички с именами жильцов — ага, вот оно. Нажав первую попавшуюся кнопку звонка и услышав в ответ зуммер, Карелла повернул ручку запертой изнутри двери и уже через минуту быстро поднимался по лестнице на третий этаж. На площадке второго он задержался, достал свой служебный револьвер — десятиую модель “Смит-вессона”, находящегося на вооружении полиции. У этого револьвера короткий двухдюймовый ствол, поэтому фактически невозможно, вытаскивая его, запутаться в одежде. Весит он всего ничего, в длину — 6,78 дюйма, у него отливающий синевой ствол и

удобная деревянная рукоять со знакомым вензелем S&W. "Смит-вессон" даст шесть выстрелов подряд.

Карелла поднялся на третий этаж и двинулся по коридору. Квартира номер 34 оказалась в самом конце. Приложив ухо к двери, он прислушался. Можно было разобрать приглушенные голоса мужчины и женщины. Взломать дверь, да и все, подумал он. У меня есть все основания для ареста. Выбить дверь и, если потребуется, стрелять, это мое право. Там точно он. Карелла отошел назад. Упершись спиной в стену напротив, оттолкнулся от нее согнутой правой ногой и, ринувшись вперед, резко ударил пяткой в дверь, метя в замок.

Дерево расщепилось, замок вывернулся из косяка, и дверь упала вперед, внутрь комнаты. Карелла прыгнул следом, сжимая револьвер в правой руке, но увидел только женщину. Крупная, красивая, черноволосая, она сидела на диване, скрестив ноги, и на лице ее было написано крайнее изумление. Но он ведь ясно слышал мужской голос! Где?..

Карелла резко повернулся, внезапно поняв, что квартира располагается по обе стороны от двери и что мужчина вполне может оказаться как справа, так и слева от него, за пределами видимости. Карелла, естественно, повернулся направо, поскольку был правой рукой, да и револьвер держал в правой руке, и совершил ошибку, которая могла стоить ему жизни.

Потому что мужчина стоял слева.

Карелла слишком поздно услышал, как он приближается, повернулся, успев лишь увидеть прямые, белые, как у Сонни Тафтса, волосы. Что-то тяжелое и твердое обрушилось ему в лицо.

## ГЛАВА 4

В небольшой комнате не было никакой мебели, кроме деревянного стула справа от двери. Два окна прямо напротив входа закрыты глухими зелеными шторами. Комната футов двенадцать, пожалуй, в ширину да пятнадцать в длину. Посреди одной пятнадцатифутовой стены — батарея центрального отопления.

Моргая и шурясь, Карелла старательно всматривался в полутьму.

С улицы доносились обычные ночные звуки, в щелях штор периодически вспыхивал неоновый свет. Интересно, который час? Карелла хотел было поднять левую руку, чтобы взглянуть на часы, и обнаружил, что запястье приковано к батарее с помощью его собственных наручников. Работа была проделана поспешно и изуверски жестоко, металл глубоко врезался в кожу. Второй наручник застегнут вокруг трубы батареи. Часы исчезли, вместе с ними пропали служебный револьвер, и патроны, и пропуск, и бумажник, и мелочь из кармана, и даже ботинки с носками. Одна сторона лица адски болела. Подняв правую руку, он ощупал ее; щеки и висок покрылись коростой запекавшейся крови. Карелла вновь посмотрел на трубу, вокруг которой был защелкнут наручник. Затем двинулся к правой стороне батареи и заглянул за нее, пытаясь понять, как она крепится в стене. Если не вплотную...

Тут он услышал, что в дверной замок вставляют ключ. И до него внезапно дошло, что он остался жив; эта мысль наполнила его не радостью, а страхом. Почему он все еще жив? И не затем ли сейчас открывают дверь, чтобы исправить эту оплошность?

Ключ повернулся.

Вспыхнул верхний свет.

В комнату вошли крупная брюнетка, та самая, что сидела на диване, когда он храбро ввалился в квартиру. В руках девица держала поднос, и Карелла уловил аромат кофе, как только она вошла, и тяжелый, перебивающий его запах духов.

— Привет,— сказала она.

— Привет,— отозвался он.

— Хорошо вздремнул?

— Отлично.

Она была очень большой, больше, чем показалась тогда, когда он видел ее сидящей на диване. С фигурой и повадками танцовщицы, ростом пять футов восемь или десять дюймов, с крепкой, полновесной грудью, не вмещающейся в глубоком вырезе крестьянской блузы, монолитные бедра, туго обтянутые черной юбкой, не достающей до колен. Длинные и очень белые ноги вылеплены так, как у всех танцовщиц: полные икры и тонкие щиколотки. Она была в черных домашних тапочках. Закрыв за собой дверь, девушка молча вошла в комнату, шаркая по полу ногами.



Двигалась она очень медленно, словно во сне. Нечто чувственное исходило от нее, и замедленные движения подчеркивали, усиливали это впечатление. Она, видно, прекрасно владела своим роскошным телом, к этому добавлялась уверенность, что кем бы она ни была — домашней хозяйкой или проституткой, грешницей или святой, — мужчины будут домогаться ее тела, обладать им многократно и безжалостно. Ей суждено было быть жертвой; она и двигалась с опаской, осторожными шагами, словно ее уже били раньше, и теперь она в любой момент могла ждать нападения. Ее осмотрительность и вкрадчивые манеры, осознание силы и власти, которую ее зрелое, сочное тело имеет над мужчинами, и ощущение его слабости и доступности, странное выражение обреченности на лице — все это провоцировало к еще большему насилию, будило фантазию, поднимая самые темные желания из тайных глубин души. Бледное лицо девушки обрамляли черные как смоль волосы. Чувствовалось, что его обладательнице многое пришлось изведать. Дымчатые, под Клеопатру, тени были наложены на ее веки и ресницы, скрывая под собой более темный природный тон кожи. Когда-то прежде нос ее был четко вылеплен, но теперь начал терять форму, проваливаться, будто кто-то сломал его; это делало ее еще более похожей на жертву. Рот куклы или рот проститутки с ярко накрашенными губами, казалось, говаривал все слова, когда-либо изобретенные человечеством. Ему явно довелось испробовать все, на что только можно употребить рот.

— Я принесла тебе кофе, — сказала девица.

Говорила она почти шепотом. Карелла следил за тем, как она все ближе подходит к нему. Ему подумалось, что для нее убить мужчину так же просто, как и соблазнить его. Почему тогда я до сих пор жив, недоумевал он.

Тут только он заметил, что на подносе рядом с кофейником лежит пистолет. Девушка как раз взяла его и, продолжая одной рукой держать поднос, направила оружие ему в живот.

— Назад, — приказала она.

— Зачем?

— Нечего здесь передо мной выделяться, — бросила она. — Делай, что тебе говорят, и лучше не спорь.

Карелла отполз назад, насколько ему позволяла прикованная к батарее рука. Девушка присела, подвинула поднос, узкая юбка поднялась наверх, оголяя бедра. Лицо ее оставалось совершенно серьезным, правая рука уверенно держала пистолет. Теперь Карелла видел, что он автоматический, тридцать восьмого калибра. Предохранитель с левой стороны пистолета снят; он вполне готов для работы.

Девушка выпрямилась и отошла к стулу, стоящему возле входной двери, пистолет по-прежнему направлен в Кареллу. Усевшись, она, наконец, опустила его и разрешающе кивнула, мол, давай, приступай.

Карелла налил кофе в единственную стоявшую на подносе кружку и отхлебнул. Кофе был крепким и горячим.

— Ну и как? — спросила девушка.

— Отлично.

— Я сама его варила.

— Спасибо.

— Я принесу тебе потом мокрое полотенце, — сказала она. — Чтобы ты смыл кровь. Это выглядит ужасно.

— Да ладно, это подождет, — произнес Карелла.

— Ну, и кто же тебя сюда звал? — спросила девушка. Казалось, она хотела улыбнуться, но потом передумала.

— Никто, что верно, то верно. — Карелла налил еще одну чашку кофе. Девушка не спускала с него глаз.

— Стив Карелла, — проговорила она. — Тебя так зовут?

— Да, правильно. А тебя как?

Он задал вопрос быстро и самым естественным тоном, но девушка не дала завлечь себя в ловушку.

— Следователь второй категории, — продолжала она. — Из восьмьдесят седьмого отделения. — Она на миг умолкла. — Где это?

— Напротив парка.

— Какого парка?

— Гровер-парк.

— А-а, да, — произнесла она. — Это хороший парк. Это самый красивый парк во всем нашем паршивом городе.

— Да, — согласился Карелла.

— А ты знаешь, я ведь тебе жизнь спасла, — словоохотливо заговорила она.

— Неужели?

- Да. Он хотел тебя убить.
- Не печалься, может, еще убьет.
- Когда?
- Ты спешишь?
- Да нет, не особенно.

В комнате наступила тишина. Карелла сделал еще один глоток кофе. Девушка продолжала внимательно разглядывать его. За окном слышно было движение транспорта.

- Который час? — спросил Карелла.
- Около девяти. А что? У тебя свидание?

— Да просто думаю, сколько времени прошло с тех пор, как я пропал, вот и все,— объяснил Карелла, наблюдая за девушкой.

— Не пытайся меня испугать,— ответила она.— Меня ничем не испугаешь.

- Я и не пытаюсь тебя пугать.

Девушка лениво вытянула ноги и сказала:

- Мне надо задать тебе несколько вопросов.

- Не знаю, отвечу ли я на них.

— Ответишь,— протянула она; в голосе ее было что-то холодное, убийственное.— Могу поручиться. Рано или поздно, ответишь.

- Тогда пусть лучше поздно.

- Ты плохо соображаешь, парень.

- Я очень хорошо соображаю.

- Почему же?

— Думаю, я и жив только потому, что ты не знаешь ответов на свои вопросы.

— Может, ты живой потому, что я этого захотела,— возразила девушка.

- Зачем я тебе понадобился?

— У меня никогда не было кого-то, похожего на тебя,— сказала она и впервые с тех пор, как вошла в комнату, улыбнулась. Но улыбка ее нагоняла страх. Карелла почувствовал, как мурашки поползли по его спине. Он облизнул губы, взглянул на нее, и она ответила ему уверенным взглядом. Еле заметная порочная улыбка змеялась по ее губам.— Это я решаю, жить тебе или умереть. Стоит мне сказать ему “убей”, и он убьет тебя.

— Но не раньше, чем ты получишь ответы на свои вопросы,— напомнил Карелла.

— О, ответы мы получим. У нас уйма времени, чтобы получить их.— Улыбка исчезла с ее лица. Засунув руку

в вырез блузки, она лениво почесала грудь и, вновь посмотрев на него, спросила: — Как ты сюда добрался?

— На метро.

— Врешь,— сказала девица. В ее голосе не было злобы, она просто констатировала факт.— Внизу стоит твоя машина. В отделении для перчаток лежит твое водительское удостоверение. Есть также эмблема на козырьке от солнца и что-то еще о блюстителе закона, выполняющем свой долг.

— Ладно, я приехал сюда на машине.

— Ты женат?

— Да.

— У тебя есть дети?

— Двое.

— Девочки?

— Девочка и мальчик.

— А-а, так вот кому предназначалась кукла,— проговорила девица.

— Какая кукла?

— Та, что в машине. На переднем сиденье.

— Да,— солгал Карелла.— Для дочери. Завтра у нее день рождения.

— Он принес ее наверх. Кукла там, в гостиной,— она немного помолчала.— Тебе хочется вручить дочке этот подарок?

— Да.

— Тебе хочется еще когда-нибудь увидеть своих детей?

— Да.

— Тогда отвечай на мои вопросы, и больше не ври насчет метро или чего-то еще.

— А какие у меня есть гарантии?

— Гарантии чего?

— Что я останусь жить?

— Я твоя гарантия.

— Почему я должен тебе верить?

— Ты вынужден мне верить. Ты мой,— сказала девушка, опять улыбнулась, и Карелла вновь почувствовал, как волосы зашевелились у него на затылке.

Девица поднялась со стула, почесала живот и двинулась к нему тем же осторожным медленным шагом, словно ждала, что кто-то бросится на нее из-за угла, и готовилась отразить нападение.

— У меня мало времени,— проговорила она.— Он скоро вернется.

— И что тогда?

Девушка пожала плечами.

— Кому известно, что ты здесь? — спросила вдруг она.

Карелла не ответил.

— Как ты нашел нас?

Он опять молчал.

— Кто-то видел, когда он выходил из квартиры Тинки?

Карелла не проронил ни звука.

— Откуда ты узнал, где нас искать?

Он медленно покачал головой.

— Его кто-то опознал? Как ты его выследил?

Карелла по-прежнему следил за ней. Она стояла теперь в трех футах от него — далеко, не достать — и поигрывала пистолетом в правой руке. Потом подняла оружие.

— Хочешь, чтобы я застрелила тебя? — обычным тоном произнесла она.

— Нет.

— Я выстрелю тебе в яйца. Тебе понравится это?

— Нет.

— Тогда отвечай на мои вопросы.

— Да не станешь ты меня убивать,— сказал Карелла, не сводя глаз с ее лица. Теперь пистолет целил ему в пах, но он не смотрел на ее лежащий на курке палец.

Девушка сделала еще один шаг к нему. Сидя возле батареи с прикованной к ней почти у пола левой рукой, Карелла не мог вскочить на ноги.

— Я с удовольствием сделаю это,— пообещала девица и вдруг ударила его тяжелой рукояткой пистолета, повернув ее быстрым движением руки. Ошеломленный, он только почувствовал, как металл стукнул по кости, попав в челюсть, и как дернулась, откинулась назад голова.

— Понравилось? — спросила девица.

Он ничего не ответил.

— Тебе не понравилось, а, малыш? — она сделала паузу.— Как ты нашел нас?

И он опять не удостоил ее ответа. Она быстро скользнула мимо него, так быстро, что он не успел вовремя увернуться, чтобы избежать удара, который обрушился

на него сзади, не смог пнуть ее ногой, как намеревался, дожидаясь, когда она опять приблизится. Рукоять пистолета угодила ему в ухо, он почувствовал, как металл обдирает кожу, как рвется хрящ. Яростно крутанувшись в ее сторону, он попытался схватить мучительницу правой рукой, но она увернулась, вновь зашла спереди и опять ударила пистолетом, попав на этот раз в левый глаз. Кровь из раны залила ему лицо.

— Ну, что ты скажешь теперь? — вопрошающе проговорила она.

— Скажу, пошла ты к черту! — прорычал Карелла.

Девушка вновь взмахнула пистолетом. Вот теперь-то я до тебя доберусь, подумал он. Но движение ее оказалось ложным, и он схватил лишь пустой воздух, поскольку девушка отпрыгнула вправо и оказалась за пределами досягаемости. Дернулась прикованная к батарее рука, наручник больно впился в запястье, Карелла потерял равновесие и, не успев подставить свободную руку, рухнул на пол вперед лицом. Рукоять пистолета еще раз ударила его в тот момент, когда рука коснулась пола. Он почувствовал всю силу этого удара в основании своего черепа: к двум фунтам металла добавилась мощь крупного женского тела. Боль пронзила его насквозь, голова закружилась, и он закрыл глаза, чтобы остановить завертевшуюся комнату. Держись, твердил он себе, только держись. Внезапно накатила дурнота, он понял, что его сейчас стошнит, и поднес ко рту правую руку. В этот момент девушка снова ударила его. Он опять упал, ударившись о батарею. Смутно, сквозь туман он видел свою мучительницу. Она тяжело, с шумом дышала, губы напряженно кривились, обнажая зубы, рука, сжимавшая пистолет, вновь поднялась. У Кареллы не хватало сил, чтобы отвернуть голову. Он попытался поднять правую руку, но она бессильно упала ему на колени.

— Кто его видел? — спросила девушка.

— Нет, — беззвучно произнес он.

— Я собираюсь сломать тебе нос, — сообщила она. Голос звучал далеко-далеко. Карелла хотел опереться об пол и приподняться, но где теперь находится пол, он не знал. Комната кружилась у него перед глазами. Он взглянул на девушку: ее лицо, и грудь, и пистолет в руке тоже вращались перед ним. Сильный тяжелый запах духов достиг его ноздрей. — Я хочу сломать тебе нос, парень.

— Нет.

— Да,— сказала она.

— Нет.

В этот раз он не увидел пистолета, почувствовал только адскую боль ломающихся костей. Голова откинута назад, стукнулась о рифленые железные бока батареи. Боль вновь вернула его в сознание. Он поднял правую руку к носу, и девушка опять ударила его, ударила снова в основание черепа, и он почувствовал, что уже ничего не чувствует. Только глупо улыбается. Она не даст ему умереть, но и жить тоже не даст. Она не допустит, чтобы он потерял сознание, но и не позволит набраться сил настолько, чтобы защитить себя.

— Я выбью тебе все зубы,— заявила девушка.

Карелла покачал головой.

— Кто тебе сказал, где нас искать? Лифтер? Этот одноплазый ублюдок?

Он не ответил.

— Ты хочешь лишиться всех своих зубов?

— Нет.

— Тогда отвечай!

— Нет.

— Тебе придется ответить,— проговорила она убежденно.— Ведь ты принадлежишь мне. Ты — моя кукла, и я играю с тобой, как хочу.

— Нет,— повторил Карелла.

Стало тихо. Он знал, что вновь пойдет в ход пистолет, и попытался поднять руку ко рту, чтобы защитить зубы, но сил не было. Он сидел на полу, опухший, глухо билось сердце, кровь заливала лицо, разбитый нос превратился в бесформенное месиво, левое запястье варварски жестоко зажато наручником. Сидел и ждал, когда эта девка выбьет ему зубы, как обещала. Он был не в силах ее остановить.

Вместо этого Карелла вдруг ощутил на губах ее дыхание.

Она жадно впиалась в него, целуя открытым ртом, требовательно ища языком его губы, зубы, его язык. Потом отпрянула от него, и он услышал ее шепот: "Утром тебя найдут убитым".

Карелла потерял сознание.

Машину нашли во вторник утром у подножия крутого обрыва милях в пятидесяти на другом берегу реки Харб,

в малозаселенной местности, относящейся к соседнему штату. Машина сильно обгорела, но все же можно было установить, что это был зеленый "понтрак-седан" 1971 года, с номерными знаками RI 7—3461.

Тело на переднем сиденье машины здорово обгорело. По лучше сохранившейся нижней части установили, что пострадавшим является мужчина, но лицо и торс сожжены до неузнаваемости, нет ни волос, ни одежды; кожа почернела и обуглилась, руки застыли в типичном боксерском жесте — посмертная судорога мышц под воздействием высоких температур — пальцы скрючило, как когти. На кости среднего пальца левой руки болталось золотое обручальное кольцо. В обнажившихся пружинах переднего сиденья застрял "Смит-вессон" тридцать восьмого калибра, а вместе с ним металлические части, оставшиеся от того, что некогда было кобурой.

Во рту найденного мужчины не было ни одного зуба.

В углях, оставшихся, по-видимому, от бумажника, обнаружили значок полицейского с личным номером 714-5632.

Позвонив в отделение полиции на другом берегу реки, следственная группа выяснила, что значок принадлежал следователю второго ранга Стефану Льюису Карелле.

## ГЛАВА 5

Тедди Карелла молча сидела в своей гостиной и сосредоточенно наблюдала за тем, как шевелились губы лейтенанта следственного отдела Питера Берниса, рассказывающего ей о смерти мужа. Крик рвался из горла женщины, она чувствовала, как сжимаются там мускулы, и думала, что задохнется. Рука ее потянулась к губам, глаза крепко зажмурились, будто она не хотела больше видеть тех слов, которые срываются с губ лейтенанта, не хотела знать слов, которые подтверждали то, что она и так знала — знала с того вечера, как муж почему-то не пришел домой ужинать.

Она не закричала, но эхо тысячи воплей разнеслось в ее голове. Тедди почувствовала, что теряет сознание. Она качнулась на стуле, рука лейтенанта, поддерживая, обняла ее за плечи, и, увидев перед собой его лицо, Тедди кивнула. Она попыталась благодарно улыбнуться, хотела дать понять, что понимает, какой это для него



трудный и неприятный разговор. Но по лицу ее заструились слезы, захотелось, чтобы здесь появился муж, успокоил ее, но вдруг она вспомнила, что муж никогда уже больше ее не утешит. Круг замкнулся, беззвучный крик рикошетом ударил изнутри.

Лейтенант снова заговорил.

Тедди следила за его губами, неподвижно и молча сидя на стуле, положив на колени судорожно сжатые руки и раздумывая, где же дети, что она скажет им. Она смотрела на губы лейтенанта, которые говорили, что он и его люди сделают все, чтобы раскрыть обстоятельства смерти ее мужа. Тедди, если я могу что-то сделать, именно я, лично, ты ведь знаешь, как много для меня значил Стив, не только для меня, для всех нас, если мы с Гарриет хоть как-то можем помочь, Тедди, мне не надо убеждать тебя, что мы сделаем все, что можно.

Она кивала.

Возможно, это всего лишь несчастный случай, Тедди, хотя мы сомневаемся. Вряд ли это несчастный случай. Зачем бы ему понадобилось ехать за реку, в другой штат, за пятьдесят миль отсюда?

Она опять кивнула, глаза ей застилали слезы. Теперь она едва различала его губы, когда он говорил.

Тедди, я любил этого парня. Лучше бы мне пулю в сердце получить, чем сидеть сейчас здесь, в этой комнате с такой... таким известием. Прости, Тедди, прости меня.

Она сидела на стуле неподвижная как изваяние.

Следователь Мейер вышел из отделения в два часа дня, пересек улицу и двинулся вдоль низкой каменной стены, ведущей в парк. Стоял чудесный апрельский день — ясное голубое небо, сияющее над головой солнце, щебечущие в свежей новой травке птицы.

Углубившись в парк, Мейер нашел пустую скамью и сел на нее, закинув ногу на ногу, вытянув одну руку вдоль спинки, другую бессильно опустив на колени. Здесь гуляли мальчики и девочки, держась за руки и неся всякий вздор. Дети, смеясь, гонялись друг за другом. Няни возили коляски с младенцами, пожилые люди беседовали, читали книги. В воздухе повис шум большого города.

Здесь все жило.

Мейер сидел на скамейке и тихо оплакивал своего друга.

Следователь Коттон Хозс отправился в кино.

То был вестерн. Гнали коров, тысячи животных шумно двигались через экран, потели и кричали погонщики, ржали лошади, щелкали хлысты. Совершалось нападение на почтовый вагон, поезд окружали индейцы, свистели в воздухе копья и стрелы, в ответ им стреляли ружья, вскрикивали люди. Была, конечно, и драка в салуне, летали стулья и бутылки, крушились столы, женщины, высоко задвигая юбки, бегали в поисках безопасного места, мелькали кулаки. Шум и гам, яркие краски, грохот музыки и нагромождение событий.

Когда с экрана исчезли последние титры, Хозс поднялся, прошел между рядами и вышел на улицу.

Спускались сумерки. Город затихал. Хозсу так и не удалось забыть, что Стив Карелла ушел из жизни.

Энди Паркер, который терпеть не мог Стива Кареллу, когда тот был жив, в этот вечер лег в постель с девицей, с проституткой, которую он уломал, пригрозив арестом, если она будет несговорчивой. Девушка начала охоту в окрестностях всего неделю назад. Другие промышляющие здесь птички приняли ее под крыло, показали всех фараонов из отряда борьбы с проституцией и всех местных шпиков в штатском, чтобы она, не дай бог, не пристала к кому-нибудь из них с предложениями. Но у Паркера случилась в те дни ангина, он две недели провел на больничном и поэтому не попал на тот первый инструктаж, который девушка получила от своих подруг. Она увидела в баре на Эйвсли сильно подвыпившего мужичка и подошла к нему раньше, чем бармену удалось поймать ее взгляд и предупредить об ошибке. Она начала с обычного "не хочешь ли немного поразвлечься, малыш?" и усугубила свою оплошность, сообщив Паркеру, что это будет стоить ему пятерку на время и двадцать пять за ночь. Паркер принял предложение девушки и вышел из бара вместе с ней, в то время как хозяин заведения, неистово жестикулируя, слал ей вдогонку предупреждающие сигналы. Девушка понять не могла, зачем он машет ей руками как сумасшедший. Она знала одно — ей удалось заловить очередного Джона, который пообещал, что проведет с ней всю ночь. Она видать не ведала, что фамилия этого Джона — Закон.

Она привела Паркера в снимаемую ею комнатенку на Булвер. Энди был сильно пьян — начал еще в двенадцать дня, когда весть о смерти Кареллы докатилась до отделения, но все же не настолько, чтобы забыть, что он имеет право арестовать девицу не раньше, чем она откроет "интимные места". Он дождался, когда она раздеется, а потом показал свой полицейский значок и сказал, что у нее есть выбор — либо года три, наверняка, в тюрьме, либо пара приятных часов с очень хорошим парнем. Девица, уже встречавшая раньше таких хороших парней, как Паркер — все они служили в отряде по борьбе с проституцией и были не прочь попользоваться ею задарма, — пораскинув умом, решила, что это в общем-то часть ее обычных расходов, коротко кивнула и растянулась перед ним на постели.

Паркер был очень-очень пьян.

К изумлению девицы оказалось, что ему не столько хотелось заниматься любовью, как теперь принято выражаться, сколько поговорить.

— Ну какой во всем этом смысл, можешь ты мне сказать? — вопрошал Энди, не ожидая от нее ответа. — Этот сукин сын, Стив Карелла, поджарен в собственной машине каким-то ублюдком, какой в этом смысл?... Знаешь ли ты, что мне приходится видеть каждый день? И после этого вы хотите, чтобы мы оставались людьми? Что скажешь?... Сукин сын Карелла, для него работа — это все, и вот, поди ты, его отделали таким образом, .. и вы ждете, что мы останемся людьми? Что я тут с тобой делаю, ты, дешевая шлюха, разве я это должен делать? Разве это для меня? Я отличный парень! Знаешь ли ты, что я отличный парень?

— Конечно, ты отличный парень, — зевая, поддакнула девица.

— Грязь, каждый день грязь! — продолжал Паркер. — Грязь и разврат, отбросы, мусор! Я чувствую вонь, когда возвращаюсь вечером домой. Знаешь, где я живу? Я живу в доме с садом в Маджесте. У меня три с половиной комнаты, хорошенькая маленькая кухня, понимаешь, прекрасная квартира. У меня есть шикарный проигрыватель, я член клуба любителей классической музыки. Я собрал хорошую библиотеку, все книги крупных, знаменитых писателей есть. Времени не хватает их прочитать, но все они стоят у меня на полке. Посмотрела бы ты, какие у меня книги! В доме со мной живут хорошие

люди, милые, приятные, не такие как здесь. Не из тех, что попадают в этот вшивый участок. Тебе-то сколько лет, девятнадцать? Двадцать?

— Двадцать один,— ответила девушка.

— Да, посмотри на себя. Городская подстилка.

— Слушай, парень...

— Заткнись, заткнись, кто тебя, черт возьми, спрашивает? Мне платят, чтобы я занимался этим делом, всем дерьмом, которое плавает в сточных канавах, вот моя работа. Соседи мои знают, что я полицейский, уважают меня, смотрят с почтением. Им и в голову не придет, что целыми днями я только и делаю, что копаюсь в дерьме до тех пор, пока могу терпеть эту вонь. Ребятишки, которые катаются по двору на велосипедах, всегда говорят мне: "Доброе утро, следователь Паркер!". Это я — следователь. Они смотрят телевизор и знают, что я один из этих славных парней. У меня оружие. Я храбр. А посмотри, что случилось с этим сукиным сыном Кареллой? Где же здесь смысл?

— Не знаю, о чем ты толкуешь,— сказала девица.

— Где тут смысл, где он, смысл? — говорил Паркер.— Люди, ну, люди! Я могу такое про них рассказать! Ты и не поверишь, что я про них расскажу.

— Я сама кое-что видала,— холодно произнесла девица.

— Ты не можешь меня обвинять,— внезапно проговорил Паркер.

— Что?

— Ты не можешь меня винить. Это не моя вина.

— Конечно. Послушай, парень. Я вообще-то на работе. Хочешь ты меня или нет? Потому что, если ты не...

— Заткнись, шлюха проклятая! Будет она мне указывать, что мне делать!

— Никто и не...

— Я могу бросить тебя в каталажку, устроить тебе сладкую жизнь, поняла, потаскушка? Ты в моей власти, хочу казнь, хочу милую, и не забывай этого!

— Не совсем так,— с достоинством ответила девица.

— Не совсем, не совсем. Не мели чепухи.

— Ты пьяный,— сказала девица.— Я даже думаю, что ты не сможешь...

— Не твое дело, если я и пьяный. Но я не пьяный.— Он покачал головой.— Ну, ладно, пусть пьяный. Тебе-то

какое дело? Думаешь, мне есть до тебя дело? Ты для меня ничто, даже меньше, чем ничто.

— Что ты тогда делаешь здесь?

— Заткнись,— рыкнул он, немного помедлил, потом продолжил: — Все ребяташки кричат мне: “С добрым утром!”

Он долго молчал, закрыв глаза. Девушка подумала, что он заснул, и стала подниматься с постели. Но Паркер схватил ее за руку и грубо пихнул обратно.

— Оставайся, где была!

— Ладно,— сказала она.— Но ты что, думаешь, мы так и будем сидеть здесь и разговоры разговаривать? Я ведь не шучу, парень, у меня длинная ночь впереди. И я не могу терпеть убытки.

— Грязь,— пробормотал Паркер.— Грязь и мерзость.

— Ну, ладно, ладно, грязь, мерзость. Тебе надо меня или нет?

— Он был хорошим полицейским,— вдруг отчетливо проговорил Паркер.

— Что?

— Он был хорошим полицейским,— повторил Энди и, быстро повернувшись, ткнулся головой в подушку.

## ГЛАВА 6

В семь тридцать утра в среду, на другой день после того, как в соседнем штате были обнаружены остатки сгоревшего автомобиля, Берт Клинг вновь отправился в дом на Стаффорд-Плейс, надеясь еще раз поговорить с Эрнестом Месснером-Циклопом. Вестибюль был пуст, когда он вошел в здание.

Клиг впервые почувствовал себя страшно одиноким в тот давний день, когда была убита его подруга Клэр Таунсенд. Он чувствовал одиночество, когда держал ее на руках, стоял в книжной лавке, изрешеченной полями. Он вдруг лишился всего и оказался один на один с холодным, жестоким и бесчувственным миром. И теперь удивительно похожее чувство овладело им. Похожее, но все-таки совсем иное.

Стив Карелла умер.

И последние слова, которые Клиг сказал этому человеку, долгие годы бывшему ему другом, оказались словами злыми и обидными. Теперь их нельзя взять обрат-

но, нельзя воззвать к мертвому, попросить у него прощения. В понедельник, рассердившись, Клинг ушел из отделения раньше, чем положено, и тем же вечером Карелла встретил смерть. И теперь Клинг вновь скорбил, вновь чувствовал свою беспомощность, но к этому добавлялось непреодолимое желание что-то исправить, переменить — для Кареллы, для Клэр. Как именно — он в общем-то даже не представлял. Он только знал, что у него нет оснований обвинять себя в случившемся. Но он знал также, что никогда не перестанет себя в этом винить. Нужно снова поговорить с Циклопом. Может быть, удастся от него еще что-нибудь узнать. А вдруг Карелла встречался в Циклопом еще раз тогда, в понедельник вечером, и узнал что-то такое, из-за чего один, сломя голову, бросился продолжать расследование?

Двери лифта раскрылись, но там оказался не Циклоп.

— Я ишу мистера Месснера,— сказал Клинг лифтеру.— Я из полиции.

— Его здесь нет,— ответил человек.

— Он сказал нам, что работает в ночную смену.

— Да, верно, но его нет.

— Еще только семь тридцать,— удивился Клинг.

— Да знаю я, сколько времени.

— Так где же он, можете вы мне сказать?

— Он живет где-то здесь, в городе, но где именно, я не знаю.

— Спасибо,— произнес Клинг и вышел на улицу.

Было раннее утро, время стремительной атаки белых воротничков на метро и автобусы еще не наступило. По улицам торопливо двигались рабочие, которые начинали смену в восемь часов, да редкий транспорт, в основном грузовые автомобили для поставки продуктов, почты и случайные частные машины. Клинг шел быстро, поглядывая по сторонам в поисках телефонной будки. День обещал быть таким же прекрасным, как предыдущий; хорошая погода вот уже неделю радовала город. На следующем углу Клинг увидел открытый аптечный магазин, металлическая табличка, прикрепленная к кирпичной стене, сообщала о наличии телефона. Он вошел в аптеку и направился в конец зала к телефонным справочникам.

Эрнест Месснер-Циклоп жил в Риверхеде, на Гейнсборо-авеню, недалеко от здания окружного суда. На дом падала тень железнодорожной эстакады; тишину улицы

нарушал грохот поездов, то и дело проносящихся мимо. Но это был неплохой жилой район для людей со скромным достатком, а дом Месснера оказался самым новым в квартале. Клинг поднялся по ступенькам, вошел в подъезд и нашел в списке жильцов фамилию Э. Месснер. Нажав кнопку звонка рядом с почтовым ящиком, он не услышал обычного ответного жужжания. Он нажал другой звонок рядом. Раздался знакомый сигнал, сработал механизм, отпирающий внутреннюю входную дверь. Клинг резко распахнул ее и стал подниматься на седьмой этаж. Было начало девятого, и дом, по-видимому, еще спал.

Клиг несколько запыхался, пока достиг седьмого этажа. На минуту задержавшись на площадке, он прошел затем в коридор, ища глазами квартиру 74. Она оказалась тут же у лестничной клетки. Клиг позвонил.

Никакого ответа.

Он еще раз надавил на звонок и собрался было сделать это в третий раз, как вдруг отворилась дверь соседней квартиры. Из нее стремительно вылетела девушка и почти столкнулась с Клигом.

— Ой, простите,— удивленно проговорила она.

— Ничего, не стоит,— Клиг вновь потянулся к звонку.

Девушка прошла мимо него и уже стала спускаться по лестнице, но вдруг обернулась.

— Вам нужен мистер Месснер? — спросила она.

— Да.

— Его нет дома.

— Откуда вы знаете?

— Он бывает дома не раньше девяти,— сказала она.— Он работает по ночам, вы, наверное, знаете.

— Он живет здесь один?

— Да, один. Жена у него умерла несколько лет назад. Он давно уже здесь живет, я помню его с тех пор, когда была еще девочкой,— она взглянула на часы.— Понимаете, я опаздываю. А вы-то кто будете?

— Я из полиции,— ответил Клиг.

— О, что вы говорите! — улыбнулась девушка.— А я Марджори Горман.

— Вы не знаете, Марджори, где можно найти Месснера?

— А вы были в доме, где он работает? Это красивый такой жилой многоквартирный дом на...

— Да, я как раз оттуда.

— Его не было там?

— Нет.

— Странно,— сказала Марджори.— Хотя, подождите-ка, ведь мы и всю ночь его не слышали сегодня.

— Что вы имеете в виду?

— Телевизор. Стены, знаете, очень тонкие, и когда он дома, мы слышим его телевизор.

— Да, но ведь ночами он на работе.

— Так еще до того, как он уходит. Обычно он до одиннадцати бывает дома. Смена у него с двенадцати, как вам известно.

— Да-да, знаю.

— Ну, так я это и имела в виду. Послушайте, мне действительно надо спешить. Если вы хотите поговорить, то пойдемте со мной до станции и поговорим по дороге.

— Хорошо,— согласился Клинг, и они стали спускаться по лестнице.— Так вы уверены, что вчера вечером телевизор не работал?

— Совершенно уверена.

— Обычно он его включает?

— Да, постоянно,— подтвердила Марджори.— Он живет один, понимаете, бедный старик. Надо же ему чем-то заполнять свое время.

— Да, конечно.

— А зачем он вам нужен?

Она говорила с явным риверхедским произношением, которое вполне соответствовало ее приятной, аккуратной внешности. Ей было лет девятнадцать; высокая, с рыжеватыми, зачесанными назад волосами, в ушах маленькие жемчужные сережки, одета в темно-серый костюм и белую блузку.

— Мне нужно было его кое о чем спросить,— ответил Клинг.

— Об убийстве Тинки Сакс?

— Да.

— Он мне рассказывал об этом недавно.

— Когда именно?

— О, не знаю. Дайте подумать,— они вышли из подъезда на улицу. Марджори шла очень быстро, благо, что ноги длинные. Клиngu с трудом удавалось не отставать от нее.— Сегодня у нас что?

— Среда,— сказал Клинг.



— Среда, так, гм. Господи, куда же неделя-то делась? Это было, должно быть, в понедельник. Да, точно. Когда в понедельник вечером я вернулась из кино, то встретила его внизу. Он выбрасывал мусор. Ну, мы поговорили немного. Он сказал, что ждет прихода следователя.

— Следователя? Кого именно?

— Кого?

— Он не сказал, кого именно ждет? Имя не упомянул?

— Нет, по-моему. Сказал, что уже говорил утром с какими-то следователями. То был понедельник, так? А несколько минут назад ему позвонил еще один следователь и сообщил, что придет к нему сюда.

— Старик именно так сказал? Что к нему придет другой следователь? Не тот же самый, а другой?

— Ой, не знаю, точно ли так он сказал. То есть, это мог быть один из тех, с кем он говорил утром. Я, по правде сказать, точно не помню.

— Вы слышали когда-нибудь имя Карелла?

— Нет,— Марджори немного помолчала.— А что?

— Не упоминал ли мистер Месснер это имя, когда говорил о следователе, который к нему придет?

— Нет. Кажется, нет. Он сказал только, что ему звонили из полиции, вот и все. Видно было, что он очень гордится этим. Сказал, что наверное следователь хочет, чтобы он еще раз описал внешность того человека, который поднимался в лифте в квартиру Тинки Сакс. Убитой женщины. Бр-р-р, мурашки по коже, правда?

— Да, правда,— ответил Клинг.

Они уже подходили к станции. Остановившись у начала лестницы, Клинг спросил:

— Так вы говорите, это было в понедельник днем?

— Нет, вечером. Я сказала, в понедельник вечером.

— В котором часу?

— Примерно в половине одиннадцатого. Я же говорила, что возвращалась домой из кино.

— Давайте-ка еще раз уточним,— сказал Клинг.— В понедельник в десять тридцать вечера мистер Месснер выносил мусор, встретил вас по дороге из кино и рассказал, что ему только что звонил следователь, который уже направляется сюда? Так?

— Так,— Марджори нахмурилась.— Немного поздновато, не так ли, для деловых визитов? Или у вас люди работают и в такое позднее время?

— Да, но...— Клинг покачал головой.

— Простите, мне действительно пора идти, — напомнила Марджори. — С вами приятно поговорить, но...

— Я был бы очень признателен, если бы вы уделите мне еще несколько минут.

— Да, но мой начальник...

— Я потом позвоню ему и все объясню.

— Э-э, вы его не знаете, — сказала Марджори и для выразительности закатила глаза.

— Можете вы тогда мне хотя бы сказать, упоминал ли мистер Месснер о следователе еще раз, потом, когда вы встречались. Я имею в виду, после того, как следователь побывал у него.

— Но я не видела его ни разу после того вечера в понедельник.

— Вы вообще не видели его вчера?

— Нет. Обычно мы не встречаемся с ним утром, как вы понимаете, потому что я ухожу раньше, чем он возвращается домой. Но иногда я забегаю к нему вечером, просто чтобы поздороваться, или он зачем-нибудь заходит. Я говорила уже о телевизоре. Мы не слышали его, моя мама отметила это просто как факт. Она сказала, что Циклоп — мы так его называем, здесь его все так называют, он не возражает — она сказала, что Циклоп, должно быть, уехал из города.

— Он часто уезжает?

— Нет, не думаю. Но кто его знает? Может быть, ему захотелось отдохнуть, знаете? Но мне действительно пора...

— Хорошо, не буду вас задерживать. Большое спасибо, Марджори. Если вы скажете мне, где работаете, я с радостью...

— А, да черт с ним. Я сама скажу ему, что случилось. Хочет — верит, хочет — не верит, его дело. Я все равно подумывала об увольнении.

— Ну что же, еще раз спасибо.

— Пожалуйста, — ответила Марджори и стала подниматься по лестнице на платформу.

Клинг на минуту задумался, потом нащупал в кармане монету. Войдя в кафетерий на углу улицы, он нашел телефонную будку и попросил в справочной номер телефона в вестибюле дома на Стаффорд-Плейс, где жила Тинка Сакс. Получив его и тут же набрав, Клинг услышал мужской голос.

— Я хотел бы поговорить с кем-то из служащих, пожалуйста,— сказал Клинг.

— Я слушаю.

— Это следователь Клинг из восьмьдесят седьмого отделения. Я расследую...

— Кто? — переспросил человек.

— Следователь Клинг. С кем я говорю?

— Я управляющий домом Эммануэль Фарбер. Говорите, вы следователь?

— Совершенно верно.

— Вот беда! Когда вы, ребята, дадите нам здесь хоть немного передохнуть?

— Что вы хотите сказать?

— Вам больше делать нечего, только сюда звонить?

— Я не звонил вам раньше, мистер Фарбер.

— Нет, не вы, не волнуйтесь. Но телефон трезвонит беспрестанно.

— А кто звонил?

— Следователи. Да ладно, не обращайтесь внимания.

— Кто? Какие следователи? Когда?

— Вчера вечером, например.

— Когда именно?

— В понедельник. В понедельник вечером.

— В понедельник вечером вам звонил следователь?

— Да, спрашивал, где ему найти Циклопа. Это один из наших лифтеров.

— Вы сказали ему?

— Конечно.

— А кто это был? Он вам представился?

— Да, какая-то итальянская фамилия.

Минуту Клинг молчал.

— Может быть, Карелла? — спросил он, наконец.

— Да, верно.

— Карелла?

— Да, именно так.

— В какое время он звонил?

— О, я не знаю. Вечером.

— И сказал, что его зовут Карелла?

— Правильно. Следователь Карелла, так он сказал.

А что? Вы его знаете?

— Да, знаю,— сказал Клинг.

— Ну, так спросите у него. Он расскажет.

— В котором часу он все же звонил? Рано вечером или поздно?

— Как это понимать, рано или поздно? — удивился Фарбер.

— До ужина?

— А, нет. Это было после ужина. Часов в десять, думаю. Может, чуть позднее.

— А что он вам сказал?

— Что ему нужен адрес Циклопа, сказал, что ему надо задать Циклопу несколько вопросов.

— О чем?

— Об убийстве.

— Он именно так и сказал? “Я хочу задать Циклопу несколько вопросов насчет убийства” — так он выразился?

— Об убийстве Тинки Сакс — вот как он сказал. Да.

— Значит так: “Я следователь Карелл. Я хочу знать...”

— Верно: “Говорит следователь Карелла...”

— “...мне нужен адрес Циклопа Месснера, поскольку я хочу задать ему несколько вопросов насчет убийства Тинки Сакс”.

— Нет, не совсем так.

— А что не так? — спросил Клинг.

— Он не называл имени.

— Вы только что утверждали, что он назвал имя. Убийство Тинки Сакс. Вы сами сказали...

— Да, это правильно, но я говорю о другом.

— О чем?

— Он не называл имени Циклопа.

— Не понимаю.

— Он сказал, что ему нужен адрес одноглазого лифтера, поскольку он должен задать ему несколько вопросов об убийстве Тинки Сакс. Вот так он сказал.

— И он назвал его просто одноглазым лифтером?

— Именно.

— Вы хотите сказать, что он не знал его имени?

— Трудно утверждать точно. Но он однако не знал, как пишется его фамилия.

— Почему вы так решили?

— Видите ли, я дал ему адрес и уже готов был повесить трубку, но он вдруг спросил меня, как правильно пишется имя.

— И что вы ответили?

— Сказал, что через два “с” — Эрнест Месснер. И еще раз повторил ему адрес — Риверхед, Гейнсборо-авеню, 1117.

— А потом?

— Он сказал: “Большое спасибо!” и повесил трубку.

— У вас не возникло впечатления, что он не знал имени Циклопа, пока вы не назвали его?

— Ну, я не могу этого утверждать. Ведь он хотел только знать, как оно правильно пишется.

— Да, но он спрашивал адрес одноглазого лифтера, вы ведь так сказали?

— Правильно.

— Если он знал имя, почему не использовал его?

— Вы меня утомили. Ваше-то имя как? — поинтересовался вдруг управляющий.

— Клинг. Следователь Клинг.

— А мое — Фарбер. Эммануэль Фарбер.

— Да, знаю, вы уже говорили мне.

— А. Ну, ладно.

Наступило продолжительное молчание.

— Это все, мистер Клинг? — раздался, наконец, голос Фарбера. — Тут должны натирать полы в вестибюле, и я...

— Еще несколько вопросов, — сказал Клинг.

— Ну, хорошо, но может мы...

— В понедельник у Циклопа, как обычно, была ночная смена с двенадцати часов, так?

— Так, но...

— Когда он пришел на работу, он говорил что-нибудь о встрече со следователем?

— Нет, он не...

— Он вообще не говорил о следователе? Не рассказывал...

— Да нет же, он не вышел на работу.

— Что?

— Месснера не было на работе ни в понедельник, ни сегодня, — сказал Фарбер. — Я вынужден был поставить на его место другого человека.

— Вы пытались его разыскать?

— Я ждал Циклопа до двенадцати тридцати вместе с тем парнем, которого он должен был сменить, потом, наконец, позвонил ему домой. Звонил, фактически, три раза, но не получил никакого ответа. Поэтому я позвонил другому человеку и, пока тот добирался, вынужден

был сам обслуживать лифт. Было, наверное, часа два ночи.

— И вчера в течение дня Циклоп вам не звонил?

— Нет. Думаете, должен был позвонить, да?

— И сегодня не звонил?

— Нет.

— Но вы ожидаете, что сегодня вечером он придет?

— Вообще-то ночью его смена, но я не знаю. Надеюсь, объявится.

— Да, я тоже надеюсь,— проговорил Клинг.— Большое вам спасибо, мистер Фарбер. Вы мне здорово помогли.

— Как же иначе,— ответил Фарбер и положил трубку.

Несколько минут Клинг стоял, стараясь собрать воедино то, что услышал. Итак, кто-то позвонил Фарберу в понедельник вечером около десяти часов, назвал себя следователем Кареллой и попросил адрес одноглазого лифтера. Карелла знал, что лифтера зовут Эрнест Месснер по кличке Циклоп. Он не стал бы называть его одноглазым лифтером. Но важнее то, что он вообще не стал бы звонить управляющему. Зная имя человека и желая получить его адрес, он поступил бы в точности так, как сделал утром Клинг. Он посмотрел бы в телефонный справочник, нашел бы имя Эрнеста Месснера в риверхедском доме — словом, сделал самое простое, самое обычное дело. Нет, человек, который звонил Фарберу, не был Кареллой. Но он знал имя Кареллы и хорошо его использовал.

В десять тридцать вечера в понедельник Марджори Горман встретила Циклопа у входа в дом, и он рассказал ей, что ждет прихода следователя. Это могло означать только одно, “следователь Карелла” уже позвонил Циклопу и сообщил, что заедет к нему. А теперь Циклоп исчез. Фактически, он пропал с того самого вечера.

Клинг вышел из телефонной будки и направился к дому на Гейнсборо-авеню.

Хозяйка дома не имела ключа от квартиры Месснера. У него, как объяснила она, был собственный замок на двери, как впрочем и у других жильцов. Более того, хозяйка не разрешила Клингу воспользоваться отмычкой и предупредила, что если он все же попытается взломать дверь и войти в квартиру мистера Месснера, она подаст на него в суд. Клинг объяснил, что если она поможет ему, то сэкономит ему массу времени и сил, избавит от

необходимости тащиться через весь город к прокурору за ордером на обыск. Но пожилая дама стояла на своем, говорила, что ее не волнует, придется или нет ему тащиться в другой конец города. Но если, предположим, вернется мистер Месснер и узнает, что она впустила к нему полицию, пока его не было дома, кто тогда предстанет перед лицом правосудия, может быть, он скажет ей?

И Клинг сдался, сказав, что поедет за ордером.

Тогда поторопитесь, велела домовладелица.

Клингу потребовался час, чтобы доехать до прокурора, двадцать минут ушло на то, чтобы получить ордер, и еще час, чтобы вернуться в Риверхед. Отмычкой отпереть дверь Циклопа не удалось, поэтому он вышиб ее.

Квартира была пуста.

## ГЛАВА 7

Деннису Саксу было, наверное, лет сорок. Высокий, загорелый, широкоплечий, он походил на спортсмена. Открыв дверь своего номера в отеле "Капитан", он сказал:

— Следователь Клинг? Входите, пожалуйста.

— Спасибо,— Клинг внимательно рассматривал лицо Сакса: голубые глаза, глубокие морщины, веером расходящиеся из их углов и резко выделяющиеся своей белизной на бронзовой, обожженной солнцем коже. Каштановые волосы, крупный нос, раздвоенный подбородок и почти женский рот. Сакс был небрит, волосы на голове всклокочены.

Малышка Анна сидела на диване в другом конце большой гостиной. Она держала на коленях куклу и смотрела телевизор, когда вошел Клинг. Коротко взглянув на него, девочка вновь сосредоточила внимание на экране. Шел концерт-викторина, ведущий показывал приз — огромную моторную лодку — под восторженные вопли студийной аудитории. Светлая детская головка ярко сияла на фоне сочно-зеленой обивки дивана. Номер был чрезмерно заставлен мебелью, две двери вели из гостиной в примыкающие к ней спальни. В углу, рядом с входной дверью, в небольшой нише, отгороженной ширмой, было предусмотрительно спрятано что-то вроде кухоньки. В комнате доминировали бледно-желтые и насыщенные

зеленые тона. Пол покрывал толстый ковер. Клинг внезапно подумал, сколько же все это может стоить Саксу в день, а потом попытался вспомнить, откуда он взял представление о том, что археологи живут в нищете.

— Садитесь, — предложил Сакс. — Выпьете чего-нибудь?

— Я при исполнении, — ответил Клинг.

— О, простите. Может, что-нибудь легкое? Кока-кола? Севен-ар? Думаю, это найдется в нашем холодильнике.

— Нет, спасибо, — сказал Клинг.

Они сели. Из своего кресла Клингу видно было большое окно, за ним парк, а дальше город, выстроившийся рядами небоскребов. Фоном им служила яркая синева неба. Сакс сидел напротив, свет из окна освещал его лицо.

— В детском приюте мне сказали, мистер Сакс, что вы приехали в понедельник вечером. Где именно в Аризоне вы были?

— Ну, часть времени я провел в пустыне, остальное в маленьком городке под названием Рейнфилд. Слышали о таком?

— Нет.

— Это неудивительно, — проговорил Сакс. — Он расположен на краю пустыни. Всего-то отель, железнодорожная станция да магазин, вот и весь город.

— А что вы делали в пустыне?

— У нас там раскопки. Я думал, вы, это знаете. Я член археологической группы, возглавляемой доктором Оливером Тарсмитом. Мы пытаемся найти следы пребывания хохокамов в Аризоне.

— Хохокамов?

— Да, так индейцы называли народ, когда-то живший в Аризоне. Это слово означает "те, что исчезли". Не приходилось слышать о них?

— Нет, вроде, не слышал.

— Ну, да. Во всяком случае, они, видимо, ведут свое происхождение из древней Мексики. Археологи, и я тоже, находили медные колокольчики и другие предметы, определенно связывающие хохокамов с цивилизацией древней Мексики. И конечно же, мы раскапывали круглые площадки — особенно большая была в Снейктауне, — которые, несомненно, являются мексиканскими или ведут происхождение от майя. В одном месте мы нашли каучуковый шар, обгоревший в кувшине, и нам кажется,



что такие шары были денежной монетой в торговле между племенами на всем протяжении южной Мексики. Именно там растут дикие каучуковые деревья, из которых варили резину, вы знаете.

— Нет, я не знаю.

— Ну ладно. Дело в том, что мы, археологи, не знаем, каким путем хохочама пришли из Мексики в Аризону, а потом в Снейктаун. По теории доктора Тарсмита, они прошли через пустыню, которая простирается сразу за Рейнфилдом. Теперь мы ведем раскопки, чтобы найти археологические свидетельства в поддержку этой теории.

— Понятно. Должно быть, очень интересная работа.

Сакс пожал плечами.

— Разве нет?

— Видимо, да.

— Вы говорите как-то без восторга.

— Ну, пока что нам не очень везет. Мы торчим там уже почти год и нашли не очень убедительные доказательства. Если честно, это становится несколько утомительным. Понимаете, четыре дня в неделю мы проводим в пустыне, а в четверг поздно вечером возвращаемся в Рейнфилд. Там тоже мало хорошего. Ближайший же большой город находится за сотню миль оттуда. Жизнь становится скучной и однообразной.

— А почему только четыре дня в пустыне?

— Вместо пяти, вы хотите сказать? Потому что обычно пятница отводится для составления отчета. Там много бумажной работы, и ее удобнее делать в отеле.

— Когда вы узнали о смерти жены, мистер Сакс?

— В понедельник утром.

— Вам пришло извещение только в понедельник утром?

— Так получилось. Телеграмма ждала меня в Рейнфилде. Думаю, ее принесли в отель в субботу, но меня там не было, поэтому я не получил ее.

— Где вы были?

— В Фениксе.

— Что вы делали там?

— Выпил, посмотрел какое-то шоу. Рейнфилд может так надоесть, знаете ли.

— С вами кто-то еще ездил?

— Нет.

— На чем вы туда добрались?

— На поезде.

— Где останавливались в Фениксе?

— В отеле “Роял Сандс”.

— С какого по какое?

— Так, я уехал из Рейнфилда в четверг поздно вечером. Спросил Оливера — доктора Тарсмита, — понадобится ли ему в пятницу, он сказал, что обойдется. Думаю, он понял, что я на пределе. В этом отношении он очень тонкий человек.

— Понятно. Фактически, он дал вам в пятницу выходной.

— Совершенно верно.

— Не нужно было писать отчетов?

— Я взял все с собой, в Феникс. Нужно было только привести в порядок свои записи, отпечатать их и так далее.

— Вам удалось это сделать в Фениксе?

— Да.

— Так, дайте-ка мне сообразить, мистер Сакс...

— Да?

— Значит, вы уехали из Рейнфилда где-то поздно вечером в четверг...

— Да, успел на последний поезд.

— В какое время вы приехали в Феникс?

— Уже после полудня. Номер в отеле я заказал заранее.

— Понятно. А когда вы уехали из Феникса?

— Мистер Клинг, — сказал вдруг Сакс, — вам просто хочется поболтать со мной или есть какая-то причина, которая заставляет вас расспрашивать обо всем этом?

— Мне просто интересно, мистер Сакс. Я знаю, что отдел убийств сразу же послал вам телеграмму, и удивительно, что вы получили ее только в понедельник утром.

— А-а. Но я ведь уже объяснил, что меня не было в Рейнфилде.

— Вы уехали из Феникса в понедельник утром?

— Да, я сел в поезд около шести утра. Не хотел опоздать на наш самолет. — Сакс помолчал немного. — У нашей экспедиции есть свой разведывательный самолет. Обычно мы отправляемся в пустыню довольно рано, чтобы успеть сделать всю тяжелую работу пока не стало жарко.

— Понятно. Но когда вы вернулись в отель, то обнаружили телеграмму.

— Верно.

— Что вы тогда сделали?

— Немедленно позвонил в аэропорт Феникса, чтобы узнать, какими рейсами от них можно сюда улететь.

— И что вам сказали?

— Ответили, что есть самолет компании "Трансуорлд Эйрлайнз", который вылетает в восемь утра и прибывает сюда в четыре двадцать дня — учитывая, как вы знаете, двухчасовую разницу во времени.

— Да, знаю. И вы на нем полетели?

— Нет. Когда я звонил в аэропорт, было уже почти шесть тридцать. Я мог бы успеть в Феникс, но времени не хватало, нужно было брать машину. Поезда из Рейн-филда не ходят так часто.

— Так что же вы сделали?

— Я полетел рейсом в восемь тридцать. Рейс не прямой, мы делали посадку в Чикаго. И я прибыл сюда только в пять часов.

— Это был вечер понедельника?

— Да, правильно.

— Когда вы забрали дочь?

— Вчера утром. Сегодня ведь среда, да?

— Да.

— Теряешь всякое представление о времени, когда перелетаешь через всю страну, — сказал Сакс.

— Да, наверное.

Ведущий телепрограммы попрощался с огромным холодильником, оснащенным морозильной камерой на сто шестьдесят фунтов. Публика в студии аплодировала. Анна сидела, не отрывая глаз от экрана.

— Мистер Сакс, могли бы мы поговорить о вашей жене?

— Да, пожалуйста.

— Ребенок...

— Думаю, она занята программой. — Он посмотрел на дочку, потом продолжил: — Вы предпочли бы поговорить об этом в другой комнате?

— Да, думаю, так будет лучше, — ответил Клинг.

— Да, вы правы, конечно, — согласился Сакс. Он поднялся и повел Клинга в просторную спальню. Его наполовину распакованный чемодан стоял рядом с кроватью. — Боюсь, тут все вверх дном. Надо было все время спешить, спешить без конца с тех пор, как я приехал.

— Могу себе представить,— сказал Клинг. Он уселся в удобное кресло рядом с кроватью. Сакс опустился на краешек кровати и, наклонившись вперед, напряженно смотрел на него, ожидая начала разговора.— Мистер Сакс, как давно вы в разводе с женой?

— Три года. Но мы расстались еще за год до развода.

— Девочке сколько?

— Анне? Пять лет.

— У вас есть еще дети?

— Нет.

— То, как вы просили “Анне”, навело меня на мысль...

— Нет, у меня только один ребенок, Анна, и все.

— Значит, если я верно понял, вы расстались с женой через год после рождения дочери.

— Да, правильно. Если говорить точнее, ей было четырнадцать месяцев.

— Почему это произошло, мистер Сакс?

— Что произошло?

— Почему вы расстались?

— Ну, сами знаете,— пожал плечами Сакс.

— Не знаю.

— Боюсь, это слишком личное.

В комнате стало очень тихо. Клинг почти не слышал даже голоса ведущего из гостиной, предлагающего публике наградить аплодисментами еще одного участника конкурса.

— Я понимаю, что развод — дело личное, мистер Сакс, но...

— Я не хотел бы обсуждать это, мистер Клинг. Действительно, лучше не надо. Я не вижу, как это может вам помочь в решении... в расследовании убийства моей жены. В самом деле.

— Боюсь, что лучше мне самому решать, что нам поможет, а что нет, мистер Сакс.

— У нас были личные проблемы, давайте на этом сойдемся.

— Личные проблемы какого плана?

— Мне не хотелось бы об этом говорить. Мы просто не могли больше жить вместе, вот и все.

— Появился еще один мужчина?

— Конечно же нет!

— Простите, но, думаю, вы понимаете, насколько может быть важен другой мужчина в деле об убийстве.

— Прошу прощения. Да, конечно. Да, это было бы важно. Но ничего подобного не было. Никаких третьих вообще не было. Просто у нас возникли личные проблемы... проблемы, касающиеся нас двоих, и мы... мы не могли найти выход... не знали, как их разрешить. Поэтому решили, что лучше расстаться. Вот и все.

— Что за личные проблемы?

— Вряд ли они могли бы вас заинтересовать.

— Попробуйте.

— Моей жены нет в живых,— сказал Сакс.

— Знаю.

— И все проблемы, которые у нее возникли, несомненно...

— А, так это была ее проблема, да? Не ваша?

— Это была наша общая проблема! — резко ответил Сакс.— Мистер Клинг, я не отвечу больше ни на один вопрос на эту тему. Если вы будете настаивать, вам придется арестовать меня. Но я вызову адвоката, и тогда мы посмотрим. А пока я просто отказываюсь отвечать, если вы будете продолжать в том же духе. Прошу прощения.

— Хорошо, мистер Сакс, но, может, вы мне хотя бы скажете, вы оба были согласны на развод?

— Да, оба.

— Чья это была идея, ваша или ее?

— Моя.

— Почему?

— Я не могу ответить на этот вопрос.

— Вы, конечно, знаете, что в этом штате единственной причиной развода признается измена.

— Да, знаю. Но мы обошлись без измены. Тинка ездила в Неваду, чтобы получить развод.

— Вы ездили с ней?

— Нет. У нее были знакомые в Неваде. Она родом с Западного побережья. Родилась в Лос-Анджелесе.

— Ребенка она брала с собой?

— Нет, Анна оставалась здесь со мной, пока она ездила.

— После развода вы поддерживали отношения, мистер Сакс?

— Да.

— Каким образом?

— Ну, я навещал Анну, мы вместе воспитывали ее. Договорились об этом еще до развода. В последний год, когда я засел в Аризоне, у меня было мало возможно-

стей встречаться с бывшей женой. Но общались мы довольно часто. Я разговаривал с Тинкой по телефону, это было обычным делом. К тому же я писал ей письма. Да, мы все время поддерживали отношения.

— Вы бы могли назвать ваши отношения дружескими?

— Я любил ее,— просто ответил Сакс.

— Понятно.

Опять в комнате стало тихо. Сакс отвернулся в сторону.

— Кто мог ее убить? У вас есть какие-то предположения? — нарушил молчание Клинг.

— Нет.

— Совершенно никаких?

— Совершенно никаких.

— Когда вы в последний раз получали от нее известия?

— Мы писали друг другу почти каждую неделю.

— Она говорила что-нибудь о том, что ее беспокоит?

— Нет.

— Упоминала ли она о каких-нибудь друзьях, у которых могли быть основания...

— Нет.

— Когда вы отправили ей последнее письмо?

— Где-то на прошлой неделе.

— Не можете вспомнить, когда точно?

— Думаю, что пятого или шестого. Не помню точнее.

— Вы послали письма авиапочтой?

— Да.

— Значит, она должна была получить его еще до смерти.

— Да, полагаю, что так.

— Она обычно хранила ваши письма?

— Не знаю. А что?

— Мы не нашли ни одного в квартире.

— Значит, она их не хранила.

— А вы хранили ее письма?

— Да.

— Мистер Сакс, не знаете ли вы среди знакомых вашей жены человека, внешность которого соответствовала бы такому описанию: рост шесть футов плюс два или три дюйма, крепкого сложения, возраст около сорока или сорок с небольшим, прямые светлые волосы...

— Я не знал знакомых Тинки после того, как мы развелись. Каждый из нас жил своей жизнью.

— Но вы по-прежнему любили ее?

— Да.

— Так почему же вы разошлись с ней? — опять спросил Клинг, но Сакс ничего не ответил. — Мистер Сакс, это может быть очень для нас важно...

— Нет, это не важно.

— Ваша жена была лесбиянкой?

— Нет.

— Может, вы гомосексуалист?

— Нет.

— Мистер Сакс, поверьте, что бы это ни было, оно не окажется для нас новым. Поверьте, мистер Сакс, и, пожалуйста, доверьтесь мне.

— Простите, но вас это не касается. Это не имеет никакого отношения к другим людям, только ко мне и к Тинке.

— Ладно, — сдался Клинг.

— Простите.

— Подумайте. Я знаю, что вы расстроены сейчас, но...

— Здесь не о чем думать. Есть вещи, которые я никогда и ни с кем не буду обсуждать, мистер Клинг. Простите, но я должен так поступить хотя бы в память о Тинке.

— Я понял, — сказал Клинг, поднимаясь. — Благодарю вас, что вы не пожалели времени. Я оставлю вам свою визитную карточку на случай, если вы вспомните что-то полезное для нас.

— Хорошо, — ответил Сакс.

— Когда вы возвращаетесь в Аризону?

— Не знаю точно. Так много всего нужно сделать. Адвокат Тинки посоветовал мне задержаться на некоторое время, по крайней мере до конца месяца, пока не будут приведены в порядок имущественные дела, пока не станет ясно, как быть с Анной... Дел очень много.

— А что, есть наследство? — спросил Клинг.

— Да.

— И значительное?

— Не думаю.

— Понятно. — Клинг помолчал, явно намереваясь что-то сказать. Потом внезапно протянул руку. — Еще раз благодарю вас, мистер Сакс. Я буду поддерживать с вами связь.

Сакс проводил его до двери. Анна с куклой на коленях все так же смотрела телевизор, когда Клинг уходил.

В отделении Клинг, вооружившись карандашом и пачкой бумаги, сел к телефону и стал звонить в аэропорт. Он попросил назвать ему все рейсы самолетов, прилетающих и вылетающих из города Феникса, штат Аризона. Двадцать минут ему потребовалось, чтобы получить эту информацию, и еще десять ушло на то, чтобы перепечатать ее на машинке в хронологическом порядке. Выдержав лист из машинки, он принялся изучать его:

### РАСПИСАНИЕ ДВИЖЕНИЯ САМОЛЕТОВ ЧЕРЕЗ АЭРОПОРТ ФЕНИКС

#### Восточное направление

Частота полетов	Рейс и компания	Вылет из Феникса	Прибытие	Посадки в пути	
Кроме субб.	Амер. 946	0.25	10.45	Таксон	0.57—1.35
Ежед.	Амер. 98	7.25	17.28	Чикаго	6.35—8.00
				Таксон	7.57—8.25
				Эль-Пасо	9.10—9.40
				Даллас	12.00—12.30
Ежед.	TWA 146	8.00	16.20	Чикаго	12.58—13.30
Ежед.	Амер. 68	8.30	16.53	Чикаго	13.25—14.00
Ежед.	Амер. 66	14.00	22.23	Чикаго	18.57—19.30

#### Западное направление

Частота полетов	Рейс и компания	Вылет	Прибытие в Феникс	Посадки в пути	
Кроме субб.	Амер. 965	8.00	11.05	Чикаго	9.12—9.55
Ежед.	TWA 157	8.30	11.25	Чикаго	9.31—10.15
Ежед.	Амер. 981	16.00	18.55	Чикаго	17.12—17.45
Ежед.	TWA 145	16.30	19.40	Чикаго	17.41—18.30
Ежед.	Амер. 67	18.00	22.10	Чикаго	19.12—19.45
				Тиксон	21.08—21.40

Судя по расписанию, Деннис Сакс вполне мог вылететь из Феникса либо в четверг ночью рейсом в ноль двадцать пять, либо одним из трех ранних рейсов в пятницу утром и имел все возможности появиться в квартире Тинки в девять или девять тридцать вечера. Убив жену, он успевал вернуться в Феникс первым рейсом следующего дня или любым из четырех воскресных рей-



сов, все они благодаря разнице во времени прибывали в Феникс той же ночью. К понедельнику Сакс добирался до Рейнфилда и забирал телеграмму, ожидавшую его там. Возможность такая была — отдаленная, но тем не менее возможность. Волосы у него, правда, каштановые, вот проблема. Циклоп сказал, что тот был белобрысым. Но обесцветить или покрасить...

Не гнаться одновременно за двумя зайцами, подумал Клинг. Он устало потянул к себе телефонный справочник и принялся методически обзванивать две авиакомпания, обслуживающие воздушные линии Феникса. Он сказал, что полиции нужны сведения о том, вылетал ли человек по имени Деннис Сакс или под инициалами Д. С. из Феникса в четверг вечером или в пятницу утром и возвращался ли их самолетом обратно в конце недели. Люди на другом конце провода были старательны и терпеливы. Они просмотрели все списки пассажиров. Обычно мы не оказываем таких услуг, сэр, сказали ему. Речь идет о пропавшем человеке? Нет, ответил Клинг, дело касается убийства. О, в таком случае, конечно, сэр, но вообще-то мы не делаем этого даже для полиции, наши списки пассажиров, понимаете... Да-да, я понимаю, я ценю вашу помощь, заверил Клинг.

Ни в одном списке пассажиров, вылетающих или прилетающих в Феникс до понедельника двенадцатого апреля, имя Денниса Сакса не значилось. Американская авиакомпания зарегистрировала его только как пассажира рейса шестьдесят восемь, который вылетел из Феникса в понедельник в восемь тридцать утра и прибыл сюда в четыре пятьдесят пять дня. Клингу также сообщили, что пока мистер Сакс не заказал обратного билета.

Клинг сказал "спасибо" и повесил трубку. Оставалась, конечно, еще одна возможность: Сакс мог прилететь и улететь обратно под чужим именем. Но это не поддавалось проверке, а единственный человек — лифтер Циклоп, который бы мог опознать убийцу, узнав или не узнав Сакса, исчез и не показывался с вечера понедельника.

В пять часов дня в кабинете лейтенанта Берниса состоялось совещание. Кроме самого Берниса в нем участвовали еще пять следователей. Мисколо принес всем им кофе, но пили они его как-то рассеянно, словно и не замечая. Все напряженно и внимательно слушали Берни-

са, который проводил такое необычное дознание, каких им еще никогда не приходилось видывать.

— Мы собрались здесь, чтобы вспомнить, что было в понедельник днем,— начал Бернис таким тоном, словно просто констатировал факт, на лице его не было никаких эмоций.— Передо мной график дежурства на понедельник, двенадцатое апреля. Здесь значатся Клинг, Мейер и Карелла с восьми до шестнадцати, Мейер на случай задержания. Их сменяют Хозс, Уиллис и Браун, Браун на случай задержания. Так это и было?

Остальные утвердительно кивнули.

— В какое время ты сюда пришел, Коттон?

Хозс, единственный из всех пивший чай, поднял глаза и сказал:

— Где-то около четырех.

— Стив был еще здесь?

— Нет.

— А ты что скажешь, Хэл?

— Я пришел пораньше, Пит,— ответил Уиллис.— Мне нужно было позвонить.

— В котором часу?

— В четыре тридцать.

— Стив был здесь?

— Да.

— Ты говорил с ним?

— Да.

— О чем?

— Он сказал, что собирается с Тедди вечером в кино.

— Что еще?

— Ничего больше.

— Я тоже разговаривал с ним, Пит,— вступил в разговор Браун. Он был единственным негром-полицейским в этой комнате. Чашка с кофе тонула в его громадных ручищах. Он разместился справа от стола Берниса в деревянном кресле.

— Что он сказал тебе, Арт?

— Сказал, что ему придется кое-куда заехать по дороге домой.

— Куда именно, не сказал?

— Нет.

— Хорошо, теперь подытожим. Из сменяющей группы лишь двое видели его. Он ничего не сообщил о том, куда направляется. Так?

— Так,— подтвердил Уиллис.

- Ты был здесь, Мейер, когда он уходил?
- Да, я составлял отчет.
- Он что-нибудь тебе говорил?
- Попрощался просто, пошутил что-то насчет того, что выслуживаться надо, чтобы сделать карьеру, сами знаете, пошутил так, потому что я слонялся без дела после того, как сдал смену.
- Что еще?
- Ничего.
- А в течение дня говорил он тебе что-нибудь? Куда он направляется потом?
- Нет, ничего не говорил.
- А тебе, Клинг?
- Нет, и мне он ничего не сообщил.
- Ты был здесь, когда он уходил?
- Нет.
- А где?
- Ехал домой.
- Во сколько ты ушел?
- Около трех.
- Почему так рано?
- В комнате стало тихо.
- Почему так рано? — повторил Бернис.
- Мы поругались.
- По какому поводу?
- Личные дела.
- Человека нет в живых, — бесстрастно произнес Бернис. — Какие могут быть теперь личные дела?
- Он отправил меня обратно в отделение, потому что ему не понравилось, как я вел себя во время допроса. Я обиделся. — Клинг немного помолчал. — Об этом мы и спорили.
- Значит, ты ушел в три часа?
- Да.
- Несмотря на то, что работаешь вместе с Кареллой над делом Тинки Сакс, так?
- Да.
- Знаешь ли ты, куда он поехал после твоего ухода?
- Нет, сэр.
- Он ничего не говорил, что собирается еще кого-то повидать или еще кого-то расспросить?
- Только лифтера. Он считал, что было бы неплохо поговорить с ним еще раз.
- Зачем?

— Уточнить время, которое он нам назвал.

— Ты думаешь, он пошел туда?

— Не знаю, сэр.

— Ты уже поговорил с этим лифтером?

— Нет, сэр, я не могу его найти.

— Он пропал в понедельник вечером,— сказал Мейер.— Согласно отчету Берта лифтер ждал человека, назвавшегося Кареллой.

— Это правда? — спросил Бернис.

— Да,— ответил Клинг.— Но я не думаю, чтоб это был Карелла.

— Почему?

— Я все написал в отчете, сэр.

— Ты читал его, Мейер?

— Да.

— И какое твое впечатление?

— Я согласен с Бертом.

Бернис вышел из-за стола. Он подошел к окну, остановился перед ним, заложив руки за спину, и посмотрел вниз на улицу.

— Он что-то нащупал, это точно,— сказал Бернис самому себе.— Он нашел что-то или кого-то, и за это его убили.— Внезапно он резко повернулся.— И ни один из вас, черт подери, не знает, куда он пошел! Даже тот, кто должен был вместе с ним распутывать дело.— Он вернулся к столу.— Клинг, останься. Остальные могут идти.

Люди потянулись из комнаты. Клинг неловко стоял перед столом лейтенанта. Бернис сидел на своем вращающемся стуле, повернувшись так, чтобы не видеть перед собой Клинга. Куда именно он смотрел, Клинг не знал, но, казалось, взгляд его не различал предметов.

— Думаю, ты знаешь, что Стив Карелла был моим лучшим другом,— проговорил Бернис.

— Да, сэр.

— Лучшим другом,— повторил Бернис. Некоторое время он молчал, по-прежнему глядя куда-то мимо Клинга рассеянным взглядом, потом продолжил: — Почему ты позволил ему уйти одному, Клинг?

— Я уже объяснил вам, сэр. Мы поссорились.

— И ты ушел отсюда в три часа, хотя прекрасно знаешь, что дежурство заканчивается только в четыре сорок пять? Так как же прикажешь это понимать, Клинг?

Берт Клинг не отвечал.

— Я выгоню тебя к чертовой матери из этого отделения,— сказал Бернис.— Мне давно следовало это сделать. Я буду просить о твоём переводе. А теперь катись отсюда.

Клинг повернулся и пошел к двери.

— Нет, подожди минутку,— остановил его Бернис. Теперь он повернулся к Клингу и смотрел прямо на него. Выражение его лица было ужасно, казалось, он готов заплакать, но сильный гнев не дает слезам пролиться.

— Думаю, ты знаешь, Клинг, что не в моей власти отстранить тебя от работы. Думаю, ты это знаешь. Это могут сделать комиссар или его заместители, а они лица гражданские. Человека отстраняют от работы в полиции, если он нарушает распорядок и дисциплину или совершает преступление. С моей точки зрения ты, Клинг, сделал и то, и другое. Ты нарушил дисциплину, уйдя с дежурства раньше времени, и ты совершил преступление, позволив Карелле одному вести расследование и погибнуть.

— Лейтенант, я...

— Если бы я мог лично отобрать у тебя значок полицейского и оружие, я бы сделал это, Клинг, поверь мне. К несчастью, я не могу, но как только ты выйдешь из кабинета, я в ту же минуту позвоню главному следователю и скажу, что требую разжаловать тебя и провести полное расследование. Я хочу просить его рекомендовать это комиссару. И я буду добиваться этого, Клинг, даже если мне придется дойти до мэра. Я добьюсь, чтобы тебе предъявили обвинение, отдали под суд, чтобы тебя уволили из полиции. Обещаю это. А теперь катись с глаз долой.

Клинг молча подошел к двери, открыл ее и вышел из кабинета. Несколько минут он неподвижно сидел на своем месте, глядя в пространство. Он слышал, как звонит телефон на столе Мейера, как тот снимает трубку.

— Да? Да, Пит. Хорошо. Ладно. Я скажу ему.

Клинг слышал, как Мейер вернул трубку на место, поднялся и подошел к его столу.

— Звонил лейтенант,— сказал он Клингу.— Он хочет, чтобы я взял на себя дело Тинки Сакс.

## ГЛАВА 8

В четверг утром, чуть раньше десяти по телетайпу было разослано сообщение:

РАЗЫСКИВАЕТСЯ ЧЕЛОВЕК НЕОБХОДИМЫЙ ДЛЯ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ ОБ УБИЙСТВЕ ХХХ ЭРНЕСТ МЕССНЕР ИНАЧЕ ЦИКЛОП МЕССНЕР ХХХ БЕЛЫЙ МУЖЧИНА ВОЗРАСТ 68 ХХХ РОСТ 6 ФУТОВ ХХХ ВЕС 170 ФУНТОВ ХХХ СОВЕРШЕННО ЛЫСЫЙ ХХХХХХХХХХХХ ГЛАЗА ГОЛУБЫЕ ЛЕВОГО ГЛАЗА НЕТ ЗАКРЫТ ПОВЯЗКОЙ ХХХ ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ВИДЕЛИ У ДОМА 1117 ГЕЙНСБОРО АВЕНЮ РИВЕРХЕД В ПОНЕДЕЛЬНИК 12 АПРЕЛЯ В ДЕСЯТЬ ТРИДЦАТЬ ВЕЧЕРА ХХХ ЗВОНИТЬ В ОТДЕЛ ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ ИЛИ СЛЕДОВАТЕЛЮ 2 КАТ МВЙЕРУ 87 ОТДЕЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ ХХХХХХХХ

Получив копию сообщения, Мейер удивился, зачем следователю из отдела по розыску пропавших понадобилось добавлять слово “совершенно” перед словом “лысый”. Будучи тоже лысым, Мейер решил, что такое описание страдает чрезмерностью, ненужной эмоциональностью и имеет уничижительный оттенок. По его мнению, лысый — значит не имеющий волос на голове. Ни одного. Можете их посчитать. Ни одного. Зачем составителю описания (мысленно Мейер представил его себе человеком с шапкой волос на голове и с густыми черными бровями, усами и бородой) прибавлять слово “совершенно”, как не для того, чтобы унижить и посмеяться над всеми безволосыми людьми? Возмущенный, Мейер разыскал толковый словарь, полистал его, пробегая мимо слов “лыжи”, и, наконец, нашел:

*Лысый, -ая, -ое; лыса, лысо. 1. Имеющий лысину, плешивый, безволосый, тот, у кого часть волос над лобья или темени вылезла. Лысый старик, лысая голова. 2. Оголенный, обнаженный, голый, гладкий, лишенный покрова или растительности. Лысая гора.*

Дальше приводились выражения и пословицы: *Лыс, да умен, два угодя в нем. Лысый бес, старый черт. Позавидовал плешивый лысому, будто талану счастливому. Лысого чесать, так и масла не надо. Лысый черт.* И так далее.

Закрывая словарь, Мейер вынужден был с неохотой согласиться, что если быть немного беременной невозможно, то быть немного лысым все-таки можно. И соста-

витель описания, этот чертов шельмец с копной волос, правильно указал, что Циклоп "совершенно лысый". Если когда-нибудь Мейеру случится тоже пропасть, то и его опишут точно таким же образом.

И все же знакомство со статьей в словаре оказалось не совсем бесполезным. Теперь он будет знать, что он человек, у которого недостает волос на голове, плеши-вый, безволосый, лишенный естественного покрова и растительности, голый, гладкий, обнаженный. Что его можно обозвать "чертом лысым", что "он умен, два угодя в нем", что он "родился лысым, лысым и умрем", что ему завидует плешивый и что если его "чесать, то и масла не надо".

— Берегитесь лысого черта! — громко сказал Мейер, и Артур Браун озадаченно поднял голову. К счастью, в этот момент зазвонил телефон. Мейер взял трубку и произнес:

— Восемьдесят седьмое отделение.

— Это Сэм Гердер из лаборатории. С кем я говорю?

— Ты говоришь с чертом лысым, — ответил Мейер.

— Да?

— Да.

— Ну, тогда я — волосатая обезьяна, — сказал Гердер. — Что с тобой такое? Весенняя лихорадка?

— Наверно, ведь сегодня такой прекрасный день, — согласился Мейер, глядя на дождь за окном.

— Клинг там? У меня кое-что есть для него по делу Тинки Сакс.

— Теперь я веду это дело.

— Да? Ну ладно. А ты в состоянии немного поработать или собираешься справлять шабаш на Лысой горе?

— Только вместе с тобой, Сэм, — засмеялся Мейер.

— О, господи. Я вижу, что выбрал неподходящее время для звонка, — сказал Гердер. — Ладно. Когда придешь в себя, позвони мне. Договорились? Я буду...

— Лысому черту не нужно приходить в себя. Давай говори, что там у тебя.

— Кухонный нож. Орудие убийства. Согласно заключению экспертов, выезжавших на место, его нашли у самых дверей спальни, убийца, очевидно, выронил его по пути.

— Ну, и что о нем?

— Не так уж много. Он соответствует некоторым другим кухонным ножам, поэтому есть основания предполо-

жить, что он принадлежал самой убитой. То есть, это значит, что убийца шел, не прихватив с собой заранее ножа, если это имеет для тебя какое-то значение.

— Он взял нож из кухонного набора, да?

— Нет, я думаю, нож был в спальне.

— Зачем в спальне нож?

— Думаю, девушка резала им лимон.

— Да?

— Да. На туалетном столике стоял кувшин с чаем, в нем плавали два лимона, разрезанные пополам. На подносе мы нашли пятна лимонного сока, слабые следы остались и на ноже. Мы думаем, она принесла в спальню на подносе чай, лимоны и нож. Потом порезала лимоны и бросила их в чай.

— Ну, это все, по-моему, догадки,— проворчал Мейер.

— Вовсе нет. Пол Блейни проводит медицинское исследование, он говорит, что нашел на левой руке девушки следы лимонной кислоты, на той руке, которой она держала лимоны, когда их резала. Она правша, мы проверили это, Мейер.

— Ладно. Значит, она пила чай, прежде чем ее убили.

— Правильно. На ночном столике возле кровати стоял стакан с ее отпечатками пальцев.

— А чьи отпечатки на ноже?

— Ничьих нет,— ответил Гроссман.— Вернее сказать, там масса отпечатков, кажется, все, кто мог, тот их и оставил. Но все смазаны.

— А что с дамской сумочкой? В отчете Клинга говорилось...

— Да та же самая история. Ни одного хорошего отпечатка. И в ней нет денег, ты знаешь. По-моему, убийца ее еще и ограбил.

— М-м-м. Да,— сказал Мейер.— И это все?

— Все. Разочарован, да?

— Надеюсь, вы чего-нибудь раскопаете.

— Прости.

— Ладно.

Гердер минуту молчал, потом подал голос:

— Мейер?

— Да?

— Думаешь, смерть Кареллы связана с этим делом?

— Не знаю.

— Любил я этого парня,— сказал Гердер и повесил трубку.



Адвокатом Тинки Сакс был Харви Садлер, старший партнер фирмы "Садлер, Макинтайр и Брукс", офис которой находился в верхней части города на Фишер-стрит. Мейер приехал туда за десять минут до полудня и застал Садлера, когда тот собирался вот-вот покинуть кабинет, направляясь в спортивный зал "Союза молодых христиан". Мейер объяснил, что приехал узнать, оставила ли Тинка Сакс завещание, и адвокат ответил, что, конечно, да. Они могли бы поговорить об этом по дороге, если Мейер не против. Мейер согласился, и они вдвоем спустились вниз, чтобы поймать такси.

Садлеру было сорок пять лет, он имел мощную фигуру и резкие черты лица. Он сказал Мейеру, что старается держать себя в форме и два раза в неделю для этого играет в гандбол, в понедельник и в четверг. Но и гандбол два раза в неделю не может полностью компенсировать того, что ему приходится по восемь часов в день просиживать за письменным столом.

Мейеру тут же почудилась намеренная насмешка. Он стал очень чувствительно относиться к своему весу, когда несколько недель назад узнал, что означает данная ему четырнадцатилетним сыном Аланом кличка "Старина Криско". Немного внеслужебной следственной работы, и он получил необходимую информацию: оказалось, что на школьном жаргоне "Старина Криско" означает не что иное, как "жиро-мясо-комбинат", вот так-то. Мейер мог бы, конечно, выдрать мальчишку, просто чтобы показать, кто тут главный, но его жена Сара согласилась с паршивцем. Ты разжирел, сказала она Мейеру, тебе нужно заниматься в спортивном зале, который у вас в отделении есть. Мейер, детство которого состояло из беспрестанной цепи унижений и издевательств со стороны соседей, потому что он был еврей, никак не ожидал получить удар от гадюк, которых сам пригрел на груди. Теперь он пристально смотрел на Садлера, стараясь понять, нет ли здесь подвоха, но вдруг подумал, что он превращается в еврея, страдающего паранойей. Даже хуже — в еврея, страдающего паранойей и ожирением.

Его размышления о Садлере и о себе испарились в тот момент, когда они вошли в раздевалку спортивного зала, которая пахла так, как обычно и пахнут мужские раздевалки. Убеденный в том, что ничто в мире не развеивает предрассудков, предубеждений и подозрительности так ус-

пешно, как ароматы мужской раздевалки, ее потный и радостный дух товарищества, Мейер прислонился к шкафчику, в то время как Садлер, переодеваясь в спортивный костюм, посвящал его в детали завещания, сделанного Тинкой.

— Она все оставляет своему прежнему мужу,— говорил Садлер.— Она именно так и хотела.

— И ничего дочери?

— Только в том случае, если Деннис умрет раньше ее. В этом случае наследницей становится дочь.

— Деннис знает об этом?

— Не имею представления.

— Разве ему не посылали копию завещания?

— Что касается меня, то нет.

— Сколько копий вы передавали Тинке?

— Две. Оригинал хранится у меня в офисе в сейфе.

— Она просила две копии?

— Нет. Это наша обычная практика — посылать две копии клиенту. Большинство людей предпочитает хранить одну копию дома под рукой, другую в ячейке банковского сейфа. По крайней мере мы так всегда делаем.

— Мы тщательно осмотрели квартиру Тинки, мистер Садлер, и ни одной копии завещания не нашли.

— Ну, может она действительно послала одну мужу. В этом нет ничего необычного.

— Почему?

— Потому что они в очень хороших отношениях, вы знаете. И в конце концов, он единственный реальный наследник. Думаю, Тинка не скрывала от него это.

— М-м-м,— протянул Мейер.— И как велико ее состояние?

— Это картина.

— Что вы хотите сказать?

— Шагала.

— Я все равно не понимаю.

— Картина Марка Шагала. Тинка купила ее много лет назад, когда стала получать большие деньги, работая моделью. Полагаю, сегодня картина стоит где-то около пятидесяти тысяч долларов.

— Это значительная сумма.

— Да,— согласился Садлер. Он был уже в шортах и, надевая черные перчатки, выказывал явные признаки нетерпения. Мейер делал вид, что не замечает их.

— А остальное имущество?

— Это все.

— Что значит “все”?

— Шагала и есть ее имущество или, по крайней мере, основная его часть. Остальное составляет домашняя мебель, кое-какие украшения, одежда, личные вещи, — ничего особенно ценного.

— Подождите, давайте уточним, мистер Садлер. Насколько я знаю, Тинка Сакс зарабатывала где-то около ста пятидесяти тысяч долларов в год. И вы хотите мне сказать, что к моменту смерти все, чем она владела, — это картина Шагала, стоимостью пятьдесят тысяч долларов?

— Да, верно.

— И как вы это объясните?

— Не знаю. Я был всего лишь адвокатом Тинки, а не финансовым советником.

— А как адвокат, вы просили ее охарактеризовать свое имущественное положение, когда она обратилась к вам по поводу составления завещания?

— Да.

— И как она его определила?

— В точности так, как я минуту назад.

— Когда это было, мистер Садлер?

— Завещание датируется двадцать четвертым марта.

— Двадцать четвертым марта? То есть, вы хотите сказать, всего месяц назад?

— Именно.

— У нее были какие-то особые причины, чтобы составить завещание в это время?

— Представления не имею.

— Я хочу сказать, не жаловалась ли она на здоровье или еще на что-то?

— По-моему, у нее было хорошее здоровье.

— Не боялась ли она чего-нибудь, как вам кажется? Может, у нее было предчувствие, что что-то должно случиться?

— Нет, этого не было. Чувствовалось, что она в напряжении, но не испугана, нет.

— Из-за чего она была в напряжении?

— Не знаю.

— Вы не спрашивали ее об этом?

— Нет. Она обратилась ко мне за тем, чтобы составить завещание, я его составил.

— Вы оказывали ей какие-нибудь юридические услуги прежде?

— Да. Тинке принадлежал раньше дом в округе Мейвис. Я оформлял бумаги, когда она его продала.

— Когда это было?

— В октябре прошлого года.

— И сколько она получила за дом?

— Сорок две тысячи пятьсот долларов.

— На эту сумму полагается налог?

— Да. Он составил четырнадцать тысяч. Остальное получила Тинка.

— Двадцать...— замешкался Мейер, подсчитывая.— Двадцать семь тысяч пятьсот долларов. Столько она получила, правильно?

— Да.

— Наличными?

— Да.

— Где эти деньги, мистер Садлер?

— Я спрашивал ее об этом, когда мы готовили завешание. Меня волновал вопрос о налогах на имущество, как вы понимаете, и о том, кто унаследует деньги, полученные от продажи дома. Но она сказала, что этих денег нет, она издержала их на личные нужды.

— Она их истратила?

— Да.— Садлер замешкался.— Мистер Мейер, я занимаюсь здесь лишь два раза в неделю и очень дорожу этим временем. Я надеялся...

— Я не задержу вас надолго, пожалуйста, потерпите. Я стараюсь понять, что Тинка делала со всеми теми небольшими деньгами, которые получала. По вашим словам, у нее от них не осталось ни гроша, когда она умерла.

— Я сообщаю лишь то, что она мне сказала. Я описал ее имущество с ее слов.

— Могу я увидеть завешание, мистер Садлер?

— Конечно. Но оно у меня в кабинете в сейфе. Сегодня я уже туда не вернусь. Если вы сможете подъехать завтра утром...

— Я надеялся взглянуть на него прежде, чем...

— Уверяю вас, я честно рассказал вам все, что записано в завешании. Как я уже вам сказал, я всего лишь адвокат, а не финансовый советник.

— А у нее был финансовый советник?

— Не знаю.

— Мистер Садлер, вы вели дело Тинки о разводе?

— Нет. Я представляю ее интересы только с прошлого года, с тех пор, как она продала свой дом. До этого я ее не знал. И мне неизвестно, кто занимался разводом.

— И последний вопрос,— сказал Мейер.— В завещании Тинки упоминается кто-то еще, кроме Денниса и Анны Сакс?

— Нет, они единственные наследники,— ответил Садлер.— И Анна вступает в права только в том случае, если ее отец умрет прежде Тинки.

— Благодарю вас,— закончил разговор Мейер.

Возвращаясь в отделение, Мейер еще раз просмотрел список всего личного имущества, найденного в квартире Тинки. В нем не значилось ни завещания, ни банковской книжки, но кто-то из отдела убийств говорил, что в Тинкином столе среди других предметов был найден ключ от ячейки банковского сейфа. Мейер позвонил в отдел, чтобы узнать насчет ключа, и ему сообщили, что ключ передан в отдел хранения, и он может получить его там, если ему нужно и если он не против написать расписку. Мейер действительно хотел, поэтому он отправился в отдел, где, порывшись в Тинкиных вещах, нашел крохотный красный конвертик с ключом от банковского сейфа внутри. На лицевой стороне миниатюрного конверта было отпечатано название банка. Мейер расписался в получении ключа и затем — раз уж оказался поблизости от всяких юридических служб — заручился ордером, разрешающим ему вскрыть ячейку банковского сейфа. В сопровождении судебного представителя он вновь отправился на метро в верхнюю часть города, потом резво бежал под проливным дождем — услуга, любезно оказанная весенним равноденствием — до “Ферст Нортен Нэшнл Бэнк” на углу Третьей авеню и Филиппс-стрит, за несколько кварталов от дома, где жила Тинка.

Банковский служащий, выдвинул из ряда одинаковых ячеек металлический ящичек, спросил Мейера, нужно ли ему осмотреть содержимое без посторонних, и получив утвердительный ответ, провел их с судебным представителем в небольшую комнату, где стоял письменный стол, стул и висела на цепочке шариковая ручка. Мейер открыл ящичек.

В нем лежали всего лишь два документа. Первым было письмо эксперта-искусствоведа, в котором давалась

оценка картины Шагала. Собственно говоря, в нем просто констатировалось, что картина исследована специалистами и нет никаких оснований сомневаться, что это подлинный Шагал. И что в соответствии с текущими рыночными ценами ее можно продать за сорок пять — пятьдесят тысяч долларов.

Вторым документом было завещание Тинки. На нем стояла печать с названием фирмы “Садлер, Макинтайр и Брукс” и адресом — Финсер-стрит, 80. Посредине страницы на машинке было напечатано:

**“ЗАВЕЩАНИЕ НА СЛУЧАЙ СМЕРТИ ТИНКИ САКС”.**

Мейер принялся читать последнюю волю погибшей:

**ЗАВЕЩАНИЕ НА СЛУЧАЙ СМЕРТИ ТИНКИ САКС**

Я, Тинка Сакс, жительница этого города, округа и штата, сим отменяю все завещания и распоряжения на случай смерти, если таковые я давала кому-либо и когда-либо прежде, и объявляю этот документ моим завещанием.

**ПЕРВОЕ:** Я завещаю и передаю по наследству всю свою собственность и все свое имущество без ограничений, включая одежду, мебель, книги, драгоценности, картины и произведения искусства моему бывшему мужу, **ДЕННИСУ Р. САКСУ**, в случае, если он переживет меня. В ином случае — попечителю, которого я назову в дальнейшем.

**ВТОРОЕ:** Если мой бывший муж умрет раньше меня, то все мое имущество я передаю попечителю, названному ниже, в полное распоряжение для следующих целей:

1. Попечитель должен сохранять и приумножать с помощью инвестиций основную часть вверенного ему имущества и накапливать с него прибыль до тех пор, пока моя дочь **АННА** не достигнет совершеннолетия (21 года) или до ее смерти, если она наступит раньше.

2. Попечитель будет выделять время от времени на содержание моей дочери **АННЫ**, пока она не достигнет совершеннолетия, такую часть от чистой прибыли с имущества (другая остающаяся часть этой

прибыли, если не будет израсходована на содержание, в конце каждого года должна вливаться в общий капитал) и такую часть общего капитала от доверенной собственности, какую попечитель сам, без чьей-либо указки и контроля, сочтет необходимой, и на те цели, которые посчитает нужными, учитывая, однако, что общая сумма от дохода или от общего капитала не должна превышать пяти тысяч долларов ежегодно, если только смерть отца ребенка, ДЕННИСА Р. САКСА, не оставит девочку без финансового обеспечения. Решение попечителя относительно даты и размеров выделяемой на содержание или другие цели суммы денег должно считаться окончательным.

3. Если моя дочь АННА умрет, не достигнув совершеннолетия, то попечитель должен передать основной капитал от доверенной собственности и всю накопившуюся прибыль потомкам моей дочери АННЫ, всем поровну. В случае, если таковых не будет, имущество передается тем лицам, которые наследовали бы мне, если бы я умерла, не оставив завещания, сразу же вслед за АННОЙ.

ТРЕТЬЕ: Я назначаю моего прежнего мужа ДЕННИСА Р. САКСА исполнителем моей последней воли и моего завещания. Если мой бывший муж умрет прежде меня или по другим причинам окажется не в состоянии исполнить мою волю, я назначаю вместо него исполнителем завещания, а также в случае смерти мужа, попечителем всей доверенной собственности моего друга АРТУРА ДЖ. КУТЛЕРА.

Если названный мною друг окажется неспособным к этой деятельности или приостановит свое попечительство, то я назначаю его жену ЛЕСЛИ КУТЛЕР на его место в качестве преемника исполнителем и (или) попечителем в соответствии с обстоятельствами.

Далее шел обычный текст завещания. Мейер пробежал его поспешно и перевернул последнюю страницу, где после слов: "в присутствии свидетелей я подписываю, скрепляю печатью и объявляю это моим завещанием на случай смерти" Тинка вывела свое имя, а ниже в качестве свидетелей расписались Харви Садлер, Уильям Ма-

китайр и Нельсон Брукс. На завещании стояла дата: "24 марта".

Единственное, что Садлер забыл сказать — может потому, что Мейер его об этом не спросил,— это то, что Арт Кутлер назначался попечителем в случае смерти Денниса Сакса.

"Имеет ли это какое-то значение?" — размышлял Мейер.

Потом он подсчитал, сколько денег заработала Тинка за одиннадцать лет, если в год получала сто пятьдесят тысяч долларов, и снова удивился, почему единственным ее приобретением стала картина Шагала, которую она залила собственной кровью в день своей смерти.

Что-то тут было не так.

## ГЛАВА 9

Пол Блейни вновь и вновь проверял результаты лабораторных исследований остатков сгоревшей машины, и поначалу ему представлялось ясным только одно: если Стива Кареллу и сожгли, то не внутри этого автомобиля. Труп был, конечно, в ужасном состоянии. Даже просто смотреть на него было страшно. За те годы, что Блейни проработал медэкспертом, ему приходилось заниматься термическими травмами, начиная от простейших ожогов и кончая серьезными и даже фатальными случаями, связанными с воздействием огня, света, электричества. Но это был самый страшный ожог четвертой степени из всех, что он когда-либо видел. Тело, несомненно, подвергали действию пламени в течение нескольких часов. Лицо изуродовано до неузнаваемости, черты его различить невозможно, сохранившаяся роговая оболочка одного глаза помутнела, зубы выпали и остались где-то в костре; волосы сгорели полностью, кожа на теле растрескалась, во многих местах плоть совершенно выгорела, обнажив темные красновато-коричневые мышцы и обуглившиеся хрупкие кости. Вскрытие продемонстрировало бледные, обескровленные ткани, сморщенные, пропеченные внутренности. Для того чтобы довести тело до такого состояния в этой машине, пламя должно было бы полыхать много-много часов подряд. Лабораторные же исследования свидетельствовали, что, загоревшись после взрыва бензобака, автомобиль пылал сильно, но недолго.



Из этого Блейни и сделал вывод, что тело сжигали отдельно, а потом положили в машину, чтобы создать впечатление, будто смерть наступила от взрыва и последовавшего за ним пожара.

Блейни платили жалование не за то, чтобы он ломал голову над мотивами преступления, но тут он задумался: зачем понадобились кому-то все эти хитрые ухищрения, если пламени, пылавшего в машине, было вполне достаточно, чтобы уничтожить основательно и навсегда любую намеченную жертву? Будучи человеком педантичным, Блейни продолжал экспериментировать. Тщательность и обстоятельность его исследования диктовались вовсе не тем, что тело принадлежало полицейскому, и даже не тем, что этого человека он лично знал. Лежащий перед ним на столе труп не являлся для него человеком по имени Стив Карелла; просто он представлял из себя любопытную задачку для патологоанатома.

И решить эту задачку ему удалось только в пятницу к концу дня.

В отделении находился один Берт Клинг, когда зазвонил телефон. Он поднял трубку.

— Следователь Клинг, восемьдесят седьмое отделение,— сказал он.

— Берт, это Пол Блейни.

— Привет, Пол, как твои дела?

— Хорошо, спасибо. Кто ведет дело Кареллы?

— Мейер. А что?

— Могу я с ним поговорить?

— Его сейчас нет.

— У меня важное дело,— проговорил Блейни.— Ты не знаешь, где его найти?

— Прости, но я не знаю, где он.

— Если я передам через тебя, ты сможешь сообщить ему сегодня вечером?

— Конечно,— ответил Клинг.

— Я тут производил вскрытие,— начал Блейни.— Прошу прощения, что не мог сделать для вас этого раньше, но меня насторожило множество вещей, и я хотел посидеть поосновательней. Не хочу заранее навязывать какие-то выводы, которые могут сбить вас с пути, ты меня слышишь?

— Да-да, слышу,— откликнулся Клинг.

— Так вот, если ты готов меня выслушать, я расскажу тебе все подробно. Сразу же хочу сказать, что абсолютно уверен в том, что установил. То есть, я знаю, как это важно, и не позволил бы себе высказывать просто догадки — во всяком случае, не в таком деле.

— Держу карандаш,— сказал Клинг.— Давай.

— С самого начала сравнительное состояние автомобиля и труп свидетельствовало о том, что тело подвергалось длительному воздействию огня где-то в другом месте и лишь позднее перенесено в машину, в которой было найдено. Теперь у меня есть и данные лабораторных исследований, которые подкрепляют этот вывод. Я посылал на экспертизу кое-какие частички посторонних материалов, обнаруженные на обгоревшем теле. Оказалось, что это крошечные кусочки древесного угля. Теперь кажется очевидным, что труп сжигали, используя для поддержания огня дерево, а не бензин, как должно было бы быть в автомобиле. По моему мнению, жертву сначала положили в огонь лицом.

— Что заставляет тебя так думать?

— Верхняя часть тела сгорела сильнее, тогда как нижняя часть и ноги пострадали мало. Думаю, верхнюю часть туловища засунули в камин и держали там много часов, может быть, целую ночь. Кроме того, я полагаю, этот человек был сначала убит, а потом сожжен.

— Сначала убит?

— Да. Я проверил, не попала ли в органы дыхания копоть, что случилось бы при вдохе. И проверил в крови содержание карбоксигемоглобина. Присутствие их говорило бы о том, что жертва попала в огонь живой. Но я не обнаружил ни того, ни другого.

— Так как же он был убит?

— Тут придется гадать,— ответил Блейни.— Найдено несколько трещин на черепе. Может, это результат воздействия высокой температуры, поэтому я не берусь утверждать, что жертву убили ударом по голове. Давайте просто скажем, что его убили, прежде чем сжечь, и на этом остановимся.

— Тогда зачем его сжигали? — спросил Клинг.

— Чтобы изменить до неузнаваемости.

— И дальше что?

— Зубов, как вы помните, не было, значит установить личность погибшего по ним стало невозможно. Сначала я думал, что они выпали из-за огня, но более глубокие

исследования позволили обнаружить костные остатки в верхней десне. Теперь я убежден, что зубы были выбиты, прежде чем тело бросили в огонь, и считаю, что сделали это тоже для того, чтобы воспрепятствовать опознанию.

— О чем ты говоришь, Блейни?

— Могу я продолжать? Я не хочу, чтобы потом возникла какая-то путаница.

— Пожалуйста,— сказал Клинг.

— На обгоревшем теле не было волос. На груди, под мышками и даже в верхней части лобка волосы были уничтожены огнем. Не было ни одного волоса и на голове, что вполне понятно и объяснимо, если предположить, как я и сделал, что тело засунули в костер или камин сначала головой вперед. Но после исследования мне удалось обнаружить корни волос, сохранившиеся в подкожном жире ниже дермы на теле и на руках, несмотря на то, что сам стержень волоса и эпителий мешочек разрушились. Иными словами, хотя огонь сжег все волосы, росшие на теле и руках, признаки того, что они там когда-то были, остались. Но на голове жертвы я таких признаков не нашел.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что человек, найденный в автомобиле, был попросту лысым.

— Что?

— Да-да, но не это оказалось самым удивительным. Атрофия внутренних органов, расширение сердечной аорты, изобилующий жирами костный мозг, большие мозговые пустоты и многое другое указывает на то, что это человек преклонного возраста. К тому же сначала я думал, что только один правый глаз выдержал воздействие высокой температуры, хотя и сделался мутным, потерял цвет, а левый совершенно уничтожен огнем. Но когда тщательно исследовал глазницу, то пришел к выводу, что в ней не было глазного яблока многие годы. Нет глазного нерва, остался шрам, который говорит, что глаз удален задолго до...

— Циклоп! — вскричал Клинг.— Боже мой, это же Циклоп!

— Кто бы то ни был,— спокойно сказал Блейни,— но только это не Стив Карелла.

Он лежал голый на полу возле батареев.

В оконное стекло хлестал дождь, но в комнате было тепло. Вчера девушка немного ослабила хватку наручника, и теперь он не впивался так сильно в запястье. Хотя нос оставался распухшим, пульсирующая боль прошла; девица промыла ему ссадины и даже обещала побрить, как только раны подживут.

Он хотел есть.

Он знал, что девушка принесет еду, как только стемнеет; она всегда так делала. Есть давали один раз в день, всегда в сумерки. Девушка приносила ему поднос, а потом смотрела, как он ест, и разговаривала с ним. Два дня назад она показала ему газеты, он читал их со странным ощущением нереальности происходящего. В газетах была его фотография еще тех времен, когда он работал полисменом. Он выглядел на ней иным и совершенно невинным. Заголовки сообщали, что следователь Стив Карелла погиб.

Он слушал, не раздастся ли стук каблучков. Но никаких звуков не доносилось из другой комнаты; в квартире стояла мертвая тишина. Неужели она ушла, подумал он, и почувствовал внезапную острую боль. Он опять взглянул на убывающий свет вокруг оконных штор. По стеклу не переставая барабанил дождь. Снизу долетал шум транспорта, тише обычного шуршали колеса по мокрым от дождя улицам. В углах комнаты уже собиралась темнота. За опущенными шторами внезапно вспыхнул неоновый свет. Он ждал, прислушиваясь к каждому шороху, но было тихо.

Он, должно быть, снова задремал. Его разбудил звук ключа, поворачивающегося в замочной скважине. Он сел, выпрямившись, левая прикованная к батарее рука вытянулась за спиной до предела. Глаза его наблюдали за тем, как девушка входит в комнату. На ней был короткий шелковый халат ярко-красного цвета, туго подпоясанный в талии, и черные туфли на высоких каблучках, которые добавляли ей несколько дюймов роста. Закрыв дверь, она опустила поднос почти около входа.

— Привет, куколка, — шепотом проговорила она.

Верхний свет она не включила, а прошла вместо этого к одному из окон и подняла штору. Зеленые неоновые огоньки заиграли на оконном стекле, мягкий зеленый свет залил пол, затем все потухло, и комната погрузилась в темноту. Он слышал дыхание девицы. Вновь загорелась иллюминация за окном, возле которого стояла

девушка в красном халате, и зеленый неон контуром обвел ее длинные ноги.

— Ты проголодался, малыш? — шепотом спросила она и, быстро подойдя к нему, поцеловала в щеку. Потом хрипло рассмеялась и отошла от него, направляясь к двери. На подносе рядом с кофейником лежал тот же самый пистолет. Справа от него на бумажной тарелке виднелся бутерброд.

— Нужна ли мне еще эта штучка? — сказала девушка и, взяв пистолет, направила на него.

Карелла ничего не ответил.

— Думаю, нет,— продолжала она и снова засмеялась хриплым смехом, в котором вообще-то не было ничего веселого.

— Почему я все еще живой? — поинтересовался Карелла.

Ему очень хотелось есть, до него доходил густой и крепкий запах кофе, но он уже знал, что нельзя просить. В прошлый раз он занкнулся о том, что голоден, и девица намеренно оттягивала время, не давала ему поесть и больше часа разговаривала с ним, прежде чем нехотя подвинула поднос.

— Кто говорит, что ты жив? — удивилась она.— Ты мертв. Я показывала тебе газеты, разве нет? Ты уже умер.

— Почему вы на самом деле не убили меня?

— Потому что ты слишком много стоишь.

— Почему ты так решила?

— Ты знаешь, кто убил Тинку.

— Тогда вам спокойнее, чтобы я был мертв.

— Нет,— покачала головой девушка.— Нет, куколка. Нам надо знать, как ты до этого додумался.

— Какая вам разница.

— О, большая разница,— сказала она.— Его очень волнует этот вопрос, очень. И он уже теряет терпение. Он думает, что совершил где-то ошибку, понимаешь? И хочет знать, где именно. Ведь если нашел ты, то и у других есть шанс дойти до этого рано или поздно. Если, конечно, ты нам не расскажешь. Тогда мы будем уверены, что никто нас больше уже не найдет. Никогда.

— Было бы чего рассказывать.

— Тебе есть что вспомнить,— проговорила она и улыбнулась.— И ты нам расскажешь. Если хочешь?

— Да.

— Ну-ну,— сказала девушка.

— Кто был в сожженной машине?

— Лифтер Месснер.— Она опять улыбнулась.— Это я придумала. Убить сразу двух зайцев.

— Что ты хочешь сказать?

— Ну, я подумала, что неплохо бы избавиться от Месснера на тот случай, если вдруг он тебя на нас вывел. Для подстраховки. К тому же, подумала я, если все будут считать тебя мертвым, это даст нам время, чтобы поработать над тобой основательно.

— Но если меня навел на вас Месснер, то зачем надо мной работать?

— Ну, остается масса вопросов, на которые нет ответов,— сказала девушка.— Эй, вкусно пахнет кофе, правда?

— Да,— ответил Карелла.

— Ты замерз?

— Нет.

— Я могу дать тебе одеяло, если замерз.

— Спасибо, мне и так хорошо.

— Я думала, ты можешь простудиться из-за дождя.

— Нет.

— Ты хорошо выглядишь голым,— проговорила девушка, разглядывая его.

— Спасибо.

— Я покормлю тебя, не беспокойся.

— Знаю, что покормишь.

— Но эти вопросы — они ведь действительно его беспокоят, понимаешь? Он легко может разозлиться и вообще послать все к чертовой матери. То есть, пойми, я хочу оставить тебя живым и все такое, но не знаю, смогу ли и дальше удерживать его от решительных действий. Если ты не пойдешь навстречу.

— Месснер навел меня,— произнес Карелла.— Он дал мне подробное описание.

— Так значит мы правильно сделали, что убили его, так ведь?

— Наверное, да.

— Но это все равно не даст ответа на многие вопросы.

— Какие вопросы?

— Ну, например, как ты узнал имя? Месснер, может, и дал тебе описание внешности, но откуда ты взял имя? Да и адрес, коли уж на то пошло.

— Они были в записной книжке Тинки, и имя, и адрес.

— Описание там тоже было?

— Не понимаю, о чем ты.

— Понимаешь, прекрасно понимаешь, куколка. Если у Тинки не было описания внешности в записной книжке, как ты вычислил имя того, о ком говорил Месснер?

Карелла молчал. Девушка опять улыбнулась:

— Я уверена, что она не делала записей о внешности людей в своей адресной книге, так ведь?

— Так.

— Вот и прекрасно. Я рада, что ты говоришь правду. Потому что в ту ночь, когда ты сюда ворвался, мы нашли у тебя в кармане эту записную книжку и прекрасно знаем, что никаких описаний там нет. Есть хочешь?

— Да, хочу,— ответил Карелла.

— Я покормлю тебя, не беспокойся,— опять пообещала она, но не тронулась с места.— Откуда ты узнал имя и адрес?

— Просто повезло. Я проверял все имена в книжке. Методом вычитания, вот и все.

— Опять лжешь,— сказал девушка.— Я бы не хотела, чтобы ты мне лгал.

Она подняла пистолет и, легко держа его в одной руке, другой подхватила поднос. Потом приказала:

— Отползай назад.

Карелла отодвинулся назад насколько позволяла прикованная наручниками рука. Девушка подошла к нему и, низко нагнувшись, поставила поднос на пол.

— У меня ничего под этим нет.

— Вижу.

— Догадываюсь, что видишь,— усмехнулась она, потом медленно выпрямилась и отошла к двери. Усевшись на стул, она закинула ногу на ногу; короткая юбка задралась, открывая ляжки.

— Валий,— сказала она, указывая на поднос взмахом пистолета.

Карелла налил себе чашку кофе, сделал поспешный глоток, потом взял с тарелки бутерброд и откусил его.

— Вкусно? — спросила девушка, наблюдая за ним.

— Да.

— Я сама приготовила. Ты должен признать, что я хорошо о тебе забочусь.

— Точно.

— Я бы еще больше о тебе позаботилась,— продолжала она.— Но почему ты врешь? Думаешь, это хорошо — врать мне?

— Я не вру.

— Ты сказал, что тебе просто повезло, что ты вычислил нас методом вычитания. Значит, ты не должен был знать, кого встретишь здесь, так? Ведь ты просто искал, кто среди знакомых Тинки соответствует описанию Месснера?

— Верно.

— Зачем тогда ты выбил дверь? Почему держал в руке револьвер? Понимаешь, о чем я говорю? Ты знал, кого здесь увидишь еще до того, как попал сюда. Ты знал, что это он. Как узнал?

— Я сказал тебе: просто повезло.

— Э-э, так-так-так. Лучше бы ты мне не лгал. Ты закончил есть?

— Нет еще.

— Скажешь, когда закончишь.

— Хорошо.

— Мне надо кое-что сделать.

— Хорошо.

— С тобой.

Карелла прожевал бутерброд и проглотил его, запив кофе. На девушку он не смотрел. Она сидела, покачивая ногой, рука с пистолетом лежала на коленях.

— Боишься?

— Чего?

— Того, что я могу с тобой сделать.

— Нет. Я должен бояться?

— Кто знает, может, я опять сломаю тебе нос.

— Верно, это ты можешь.

— Или возьму и выполню обещание выбить тебе все зубы.— Девушка улыбнулась.— Знаешь, это ведь тоже я придумала, выбить Месснеру все зубы. Вы ведь можете опознать человека по зубам, правда?

— Да.

— Об этом я и подумала. И ему сказала. Он признал, что мысль хорошая.

— Хорошие мысли в тебе так и кишат.

— Да, у меня много хороших идей,— согласилась девушка.— Тебе все еще не страшно, нет?

— Нет.



— Я бы на твоём месте побоялась. Действительно, побоялась бы.

— Худшее, что ты можешь сделать,— это убить меня,— сказал Карелла.— Но поскольку я уже давно умер, какая разница?

— Люблю мужиков, у которых есть чувство юмора,— проговорила девица, но не улыбнулась.— Есть кое-что похуже, чем убить тебя.

— Ну, что ты можешь сделать?

— Могу тебя подкупить.

— Я неподкупный,— ответил Карелла и улыбнулся.

— Неподкупных нет.— Она покачала головой.— Ты будешь на коленях умолять нас, чтобы мы позволили рассказать то, что ты знаешь. В самом деле. Я тебя предупреждаю.

— Я сказал тебе все, что мне известно.

— Угу,— произнесла она, вновь качая головой.— Ты там все уже съел?

— Да.

— Толкни ко мне поднос.

Карелла пихнул поднос к двери. Девушка шагнула к нему, нагнулась и подняла. Потом снова вернулась к стулу, села, закинув ногу на ногу, и стала по-прежнему покачивать туфлей.

— Как зовут твою жену? — вдруг спросила она.

— Тедди.

— Милое имя. Но скоро ты забудешь его.

— Не думаю,— ровным голосом ответил Карелла.

— Ты забудешь не только ее имя, но и ее саму.

Он отрицательно помотал головой.

— Я тебе это обещаю,— настаивала женщина.— Через неделю ты даже свое имя позабудешь.

В комнате воцарилось молчание. Девица сидела неподвижно, если не считать покачивающейся ноги. Зеленый неоновый свет, заливающий пол, вдруг мигнул и погас. Несколько секунд они сидели в темноте, потом свет вновь загорелся. Теперь девушка стояла. Оставив пистолет на сиденье стула, она двинулась в центр комнаты. Неон вновь потух, потом вспыхнул. Девушка подошла совсем близко к тому месту, где он сидел, прикованный к батарее.

— Что бы ты хотел, чтобы я сделала для тебя?— спросила она.

— Ничего.

— А что бы ты хотел сделать для меня?

— Ничего.

— Ничего? — Она улыбнулась. — Смотри, куколка.

Она развязала поясок на талии, халат раскрылся, обнажая грудь и живот. Из окна на ее тело изливался зеленый свет, потом он погас. В этих периодических вспышках света он видел, как девушка продвигалась, словно в немом кино, к выключателю возле двери, раскрывшиеся полы халатика свободно болтались вокруг ее тела. Она включила верхний свет и медленно вернулась в центр комнаты, остановившись под самой лампой. Теперь халат был распахнут совсем, красный шелк закрывал только спину и руки, ногти, покрытые лаком, спорили своей яркостью с шелком, и длинное нежное белое тело матово мерцало в этом обрамлении.

— Как тебе нравится? — спросила она и, не дождав-  
шись ответа, проговорила: — Хочешь меня?

— Нет, — сказал Карелла.

— Ты опять врешь.

— Я говорю тебе абсолютную правду.

— Я могу заставить тебя забыть о жене через мину-  
ту, — продолжала девица. — Я умею такое, о чем тебе и  
мечтать не приходилось. Хочешь?

— Нет.

— Попробуй-ка еще получи. — Девица запахла халат и плотно затянула поясок на талии. — Но мне не нравится, когда ты врешь.

— Я не вру.

— Ты же голый, парень, поэтому не говори мне, что не врешь.

Она расхохоталась, пошла к двери, открыла ее и вновь повернулась к нему. Лицо ее было серьезно, голос тихий:

— Послушай, — сказала она. — Ты же моя куколка, моя игрушка, разве ты не понял? Я могу делать с тобой все, что хочу, не забывай этого. И я тебе обещаю, что через неделю ты будешь ползать передо мной на четвереньках, целовать мои ноги, умолять меня дать тебе возможность рассказать все, что ты знаешь. А как только ты мне расскажешь, я вышвырну тебя вон, куколка, вышвырну сломленного и ополоумевшего, и ты окажешься в таком дерьме, что будешь жалеть, поверь мне, что там, в машине, мертвым нашли не тебя. Помани мое

слово,— она помолчала, потом добавила: — Подумай об этом,— и, включив свет, вышла из комнаты.

Он слышал, как повернулся ключ в замке. И внезапно ему стало страшно.

## ГЛАВА 10

Машину, если помните, нашли у основания крутой скалы, чуть в стороне от четырехста седьмого шоссе. Этой дорогой, извилистой и узкой, пользовались редко; она соединяла города Мидлбарт и Йорк, но каждый из них имел более широкие, удобные и прямые трассы. Четыреста седьмая — плохая дорога, вся в рытвинах и выбоинах; по ней ездили только подростки, выбирая ее для рискованных ночных гонок. Обочины давно уже стали рыхлыми и грязными, за исключением одного места, где дорога расширялась и приближалась к когда-то вырытому песчаному карьере. Именно на дне этого карьера и обнаружили сгоревшую машину и ее еще более серьезно пострадавшего пассажира.

На четырехста седьмой дороге стоял лишь один дом, милях в пяти с половиной от песчаного карьера. Он был построен из местного камня и бревен, обтесанных грубо, по-крестьянски, с верандой, выходящей на озеро, в котором, по слухам, водились окуни. Дом окружали белые березы и цветущая верба. Два кизилевых дерева стояли по бокам подъездной аллеи, почки их готовы были вот-вот раскрыться. Дождь перестал, но густой туман навис над озером. Огромный дуб ронял на землю собравшиеся на нем капли дождя. Здесь, вдали от города, стояла тишина. И слышно было, как капли, падая, с шумом разбиваются о землю.

Следователи Хэл Уиллис и Артур Браун вышли из машины и направились к дому мимо роняющего слезы дуба. На покрашенной в зеленый цвет входной двери выделялись огромная медная ручка и медный молоточек. Навесной замок был заперт, но скобу сорвали, и она свободно болталась, образовав углубление. Видно кто-то, стараясь проникнуть в дом, пользовался тяжелым инструментом. Уиллис открыл дверь, и они вошли внутрь.

В доме стоял смрад, чувствовался запах дыма и чего-то еще. Лицо Брауна не дрогнуло. Задержав дыхание, он вынул носовой платок из заднего кармана и закрыл им

нос и рот. Уиллис попятился обратно к двери, поворачивая лицо к потоку свежего воздуха. Браун окинул быстрым взглядом большой каменный камин в дальнем конце комнаты и, взяв Уиллиса под локоть, вышел с ним на улицу.

— У тебя есть какие-либо сомнения? — спросил Уиллис.

— Никаких, — сказал Браун. — Это запах горелого мяса.

— У нас в машине есть противогазы?

— Не знаю. Давай посмотрим в багажнике.

Они вернулись к машине. Уиллис лениво открыл багажник, и Браун стал искать.

— Чего здесь только нет, — вздохнул он. — А это что такое, черт возьми?

— Это мое.

— Да что это?

— Шляпа, что, не видишь?

— Таких шляп мне не приходилось встречать никогда в жизни, — проговорил Браун.

— Я надевал ее пару недель назад, когда распутывал одно дельце.

— И кого ты должен был изображать?

— Бригадира грузчиков.

— Где?

— В мясном магазине.

— Ну и шляпа, вот это я понимаю! — сказал Браун и хмыкнул.

— Очень хорошая шляпа. Не смей над ней насмехаться. Всем дамам, приходившим купить курочку, она понравилась. Они нашли ее милой.

— Ну, конечно, нет сомнений. Пикантная шляпа.

— Нашел противогазы?

— Один нашел, а больше нету.

— Он с коробкой?

— Да, полный комплект.

— Кто наденет? — спросил Уиллис.

— Я, — ответил Браун.

— Конечно, а я, значит, оправдывайся потом перед Национальной ассоциацией содействия прогрессу цветного населения.

— Нам придется рискнуть, — осклабился Браун в ответ на улыбку Уиллиса. — Нам просто нужно рискнуть, Хэл.

Он вытащил противогаз из сумки, нашел жестяную банку с порошком против отпотевания, насыпал немного на прилажавшуюся тряпку и протер стекла для глаз. Приложив нижнюю часть к подбородку, он отрегулировал положение коробки и головных креплений, подвигав их руками вверх и вниз, и расправил противогаз на лице.

— Плохо видно? — спросил Уиллис.

— Нет, все нормально.

Закрыв клапан двумя пальцами, Браун выдохнул, проверяя противогаз.

— Порядок, — сказал он и направился к дому.

Браун был огромным, шесть футов четыре дюйма ростом, двести двадцать фунтов весом, с широкими плечами и необъятной грудной клеткой, длинными руками и громадными кулачищами. Кожа темная, почти черная, курчавые волосы острижены совсем коротко, толстые губы и нос с крупными ноздрями. Он был вылитый негр, каковым собственно и являлся, хотите вы того или нет. Браун совсем не походил на созданное белыми представление о том, каким должен быть негр, на тот смазливый образ, который в последнее время заполнил обложки журналов и экраны телевизоров. Он был похож сам на себя. И его жене Кэролайн нравилось, как он выглядит, и дочери Конни тоже нравилось, и — что самое важное — ему самому нравилась собственная внешность, хотя, может, в данный момент с противогазом на лице и шлангами, тянущимися к коробке, закрепленной на затылке, он и не производил такого грандиозного впечатления.

Браун вошел в дом и у самой двери несколько замешкался. По полу, начиная от косяка, и далее через всю комнату шли параллельные полосы. Браун наклонился, чтобы поближе рассмотреть их. Черные, четко прочерченные, это были, вне всякого сомнения, следы, оставленные каблуками ботинок. Он поднялся и пошел туда, куда вели следы — к камину. Возле открытой топки Браун остановился, не дотрагиваясь ни до чего: пусть поработают ребята из лаборатории. Теперь он убедился, что человека, обутого в ботинки или какую-то иную обувь, протащили через всю комнату от двери до камина. Как стало известно вчера, Эрнеста Месснера сожгли в пламени, поддерживаемом дровами. В этой комнате, несомненно, была такая печь, которую топили дровами,

а смрад, который они с Уиллисом почувствовали, когда вошли, безошибочно свидетельствовал, что здесь горела человеческая плоть. А теперь еще следы каблуков, процертившие полосы от двери до камина... Ничего большего Брауну не требовалось.

Остался только один вопрос: был ли человек, сожженный в этом месте, именно Эрнестом Месснером или кем-то другим?

На этот вопрос Браун не мог ответить. К тому же стекла начинали туманиться. Браун вышел на улицу, снял противогаз и предложил Уиллису поехать либо в Мидлбарт, либо в Йорк, чтобы поговорить с агентами по продаже недвижимости, и выяснить, кому принадлежит этот вонючий камин.

Элейн Хиндс, маленькая, аккуратная, рыжая девушка с голубыми глазами и длинными ногами, предпочитала мужчин небольшого роста, поэтому ее совершенно очаровал Хэл Уиллис, самый низенький следователь во всем отделении. Она сидела на вертящемся стуле за своим письменным столом в конторе по продаже недвижимости и, закинув ногу на ногу, улыбалась. Позволив Уиллису поднести зажженную спичку к ее сигарете и милостиво мурлыкнув "благодарю вас", она попыталась вспомнить, о чем же он ее только что спрашивал. Затянувшись и поменяв положение ног, Элейн, наконец, произнесла:

— Ах, да, дом на четыреста седьмой.

— Да, знаете ли вы, кому он принадлежит? — повторил Уиллис.

Он не мог не заметить, какое впечатление производит на мисс Элейн Хиндс, и подозревал, что рассказам Брауна об этом теперь не будет конца. В то же время сам он был несколько озадачен. Многие годы он испытывал на себе действие любопытного психологического феномена, который про себя называл "Пат и Паташон" и который делал его необыкновенно притягательным для очень высоких женщин. Ему ни разу не удалось назначить свидание девушке, если росту в ней было меньше пяти футов девяти дюймов на каблуках. Одна из его подружек достигала пяти футов одиннадцати дюймов и при этом была в него безнадежно влюблена. Поэтому теперь Уиллис не мог понять, отчего миниатюрная, просто крошечная Элейн Хиндс так заинтересовалась мужчиной, в котором всего пять футов девять дюймов роста, при этом

хрупкое, как у танцовщика, телосложение и руки карточного шулера. Конечно, он служил в подводном флоте и мастерски владел дзюдо, но ведь мисс Хиндс не могла знать, что Хэл Уиллис король среди мужчин, что ему ничего не стоит простым движением брови сломать человеку хребет — ну, или почти так. Что же внезапно пробудило в ней нежные чувства? Будучи добросовестным полицейским, Хэл искренне надеялся, что это не помешает ведению расследования. А между тем, он не мог не заметить, что у нее красивые ноги, и она то сидит прямо, то скрестит их, словно девственница, у которой не хватает духу решиться их раздвинуть.

— Этот дом принадлежит, — начала она, опять меняя положение ног, — мистеру и миссис Джером Брандт. Хотите кофе или еще чего-нибудь?

— Нет, спасибо, — ответил Уиллис. — И как давно...

— Мистер Браун?

— Нет, благодарю вас.

— Как давно Брандты живут в нем?

— Они там не живут.

— Я что-то не понимаю, — сказал Уиллис.

Элейн Хиндс положила ногу на ногу и наклонилась к Уиллису так близко, словно собиралась сообщить нечто чрезвычайно интимное.

— Они купили дом для того, чтобы использовать его только летом, под дачу. Округ Мейвис прекрасное место для отдыха, как вы знаете. Здесь много озер, рек и океан недалеко. Известно, что у нас выпадает меньше осадков за год, чем...

— Когда они его купили, Мисс Хиндс?

— В прошлом году. Я ожидаю, что они откроют дом после Дня Памяти\*. Всю зиму он стоял закрытым.

— Этим и объясняется сломанная скоба на входной двери, — проговорил Браун.

— Она сломана? О, боже, — сказала Элейн и переменила ногу.

— Мисс Хиндс, можно ли сказать, что многие люди в округе знали, что дом стоит пустой?

— Да, это всем было известно. Вам нравится работа в полиции?

— Да, нравится, — ответил Уиллис.

— Должно быть, это ужасно интересно.

---

\* День Памяти погибших в войнах. Отмечается в США 30 мая.

— О, иногда бывает так жутко. Невыносимо. Приключения так надоедают, знаете ли,— вставил Браун.

— Уверена, так оно и есть,— согласилась Элейн.

— Как я понимаю,— заговорил Уиллис, выразительно глянув на Брауна,— четыреста седьмая — довольно заброшенная, пустынная дорога, ею редко пользуются. Верно?

— О, да,— кивнула Элейн.— Шоссе N 126 гораздо более удобный путь из Мидлбарта в Йорк и, конечно, мимо обоих городов проходят новые шоссе. Фактически, большинство здешних жителей избегает четыреста седьмой. Это не очень хорошая дорога, вы были там?

— Да. Значит, те, кто тут живет, должны знать, что дом пустует. Все знают также, что проходящей здесь дорогой редко пользуются. Вы могли бы так сказать?

— О, да, мистер Уиллис. Я бы с удовольствием так сказала.

Уиллис несколько опешил. Бросив взгляд на Брауна, он прочистил горло и продолжал:

— Мисс Хиндс, а что за люди эти Брандты? Вы их знаете?

— Да, я сама подбирала для них дом. Джерри служит в ИБМ\*.

— А его жена?

— Максин где-то около сорока, она на три или четыре года моложе Джерри. Очень приятная женщина.

— Уважаемые люди, как на ваш взгляд?

— О, да, несомненно.

— Вы не знаете, был ли кто-то из них здесь в понедельник вечером?

— Не знаю. Но думаю, они бы позвонили, если бы собрались приехать. Видите ли, ключи от дома хранятся у меня здесь, в конторе. Я должна организовать ремонт, если потребуется...

— Значит, они не звонили и не сообщали, что придут?

— Нет,— Элейн немного помолчала.— Это имеет какое-то отношение к сгоревшему автомобилю на четыреста седьмой дороге?

— Да, мисс Хиндс, имеет.

---

\* ИБМ (IBM) — крупнейшая в США и мире корпорация по производству компьютеров.



— Но как могут жерри и Максин быть, хотя бы отдаленно, связаны с этим?

— Вы думаете, не могут?

— Конечно, нет. Вообще-то я давно их не видела, но мы очень тесно общались, когда я помогала им найти и купить дом в октябре прошлого года. Поверьте, трудно найти более приятную пару. Это редкость, особенно у людей с такими деньгами.

— Они богаты?

— Дом стоил сорок две с половиной тысячи долларов, и они заплатили за него наличными.

— У кого они его купили?

— Ну, вам-то ее имя вряд ли известно, но жена ваша, клянусь, знает.

— Я не женат,— сказал Уиллис.

— Да? В самом деле?

— У кого они купили дом? — повторил вопрос Браун.

— У манекенщицы по имени Тинка Сакс. Знаете ее?

Если раньше им недоставало доказательств того, что в потерпевшей аварии машине действительно был Эрнест Месснер, то теперь в руках у них оказался целый пласт информации, который связал воедино всю цепь происшествий и исключал всякую возможность простого совпадения или случайности.

1) В пятницу, девятого апреля, у себя в квартире на Стаффорд-Плейс была убита Тинка Сакс.

2) В ночь ее убийства дежурным лифтером был Эрнест Месснер.

3) Эрнест Месснер поднял в лифте мужчину, который вошел в квартиру Тинки. Позднее Месснер дал точное описание его внешности.

4) В понедельник, двенадцатого апреля, поздно вечером Эрнест Месснер исчез.

5) На следующий день в потерпевшей аварии машине на дороге номер четыреста семь, соединяющей города Мидлбарт и Йорк в округе Мейвис, находят обожженный до неузнаваемости труп.

6) Медэксперт высказывает убеждение, что найденное в автомобиле тело сожжено в другом месте и лишь потом помещено в машину.

7) На дороге четыреста семь есть лишь один дом, расположенный в пяти с половиной милях от того места, где в песчаном карьере найден автомобиль.

8) Установлено, что в камине этого дома недавно жгли дрова, а в самом помещении сохранился запах горелого мяса. Найденные на полу отпечатки каблуков ясно указывают на то, что кого-то тащили от двери к камину.

9) Дом когда-то принадлежал Тинке Сакс и был продан новым владельцам только в октябре прошлого года.

Теперь имелись основания предположить: убийца Тинки догадался, что опознан, и, испугавшись разоблачения, решил убрать человека, который его видел. Разумно было также предположить, что убийца Тинки Сакс знал о пустующем доме в округе Мейвис и отвез туда тело Месснера с единственной целью — сжечь его до неузнаваемости. Казалось вероятным, что убийца был знаком с Тинкой до октября прошлого года, когда она еще являлась хозяйкой дома. Конечно, по-прежнему оставались неясные вопросы, но это было делом времени. Полницейские восемьдесят седьмого отделения так пока и не установили, кто же убил Тинку Сакс и кто убрал Эрнеста Месснера. Кто забрал у Кареллы его оружие, значок полицейского и машину и инсценировал его смерть. И где теперь сам Карелла, живой ли он.

И ответы на эти вопросы стоили дорого.

Клингу все еще не давало покоя расписание самолетов. Он знал, что его отстранили от дела, но ничто не могло заставить его забыть об этом расписании и о том, что Деннис Сакс имел реальную возможность вылететь из Феникса и вернуться обратно в промежуток времени между вечером четверга и утром понедельника. Клинг позвонил из дома в справочную, чтобы получить информацию о номере телефона отеля в Рейнфилде, штат Аризона. Его соединили со справочной службой Феникса, где он узнал, что единственный отель, сведения о котором у них имеются, это “Мейджер Роуэл” на Мейн-стрит. Тот ли это, который нужен Клингу? Клинг ответил, что он-то ему и нужен, и попросил позвонить туда. Он подумал о том, что если его в конечном счете отстранят от работы, то он лишится не только своего значка и оружия, но и жалованья до тех пор, пока дело не рассмотрят в суде. Поэтому он спросил служащего, сколько будет стоить разговор, и ему ответили, что за первые три минуты полагается заплатить два доллара десять центов, а за

каждую дополнительную — шестьдесят пять центов. Тогда Клинг сказал: давайте, звоните.

К телефону подошел человек, назвавшийся Уолтером Блаунтом, управляющим гостиницей.

— Это следователь Берт Клинг,— представился Клинг.— Мы тут расследуем убийство, и мне бы хотелось задать вам несколько вопросов, если позволите. Я звоню по междугородной.

— Задавайте, мистер Клинг.

— Начнем с того, знаете ли вы Денниса Сакса?

— Да, конечно, он живет у нас здесь, он участник экспедиции доктора Тарсмита.

— Были ли вы на работе вечером в прошлый четверг, восьмого апреля?

— Я всегда бываю на работе,— ответил Блаунт.

— Вы помните, в какое время мистер Сакс вернулся в отель из пустыни?

— Нет, точно сказать не могу. Обычно они все приезжают часов в семь или восемь, так примерно.

— Могли бы вы сказать, что и восьмого апреля они вернулись в то же время?

— Да, примерно так.

— Вы не заметили, в тот вечер мистер Сакс уходил из отеля?

— Да, он ушел где-то около десяти тридцати. Отправился на железнодорожную станцию.

— У него был с собой небольшой чемоданчик?

— Да.

— Он говорил, куда направляется?

— В Феникс, как я понял, в отель "Роял Сандс". Он просил, чтобы мы заказали ему там номер, поэтому, я думаю, он туда и направился, а вы сомневаетесь?

— Вы лично заказывали ему номер, мистер Блаунт?

— Да, сэр, лично я, одноместный, с ванной, с вечера четверга до утра воскресенья.

— В какое время мистер Сакс вернулся в понедельник?

— Около шести утра. Получил ожидавшую его здесь телеграмму о смерти жены. Это, думаю, вы знаете, ведь звоните, наверное, в связи со случившимся. Сакс сразу позвонил в аэропорт и тут же, даже не распаковав вещей, сел в поезд до Феникса.

— Мистер Блаунт, Деннис Сакс сказал мне, что по крайней мере раз в неделю он говорил с женой по телефону. Вы можете подтвердить это?

— О, конечно, он все время звонил по телефону.

— Можете сказать, как часто?

— Раз в неделю, как минимум. Даже чаще, я бы сказал.

— Насколько чаще?

— Ну... в последние примерно два месяца он звонил ей три, может даже четыре раза в неделю. Истратил массу времени, дозваниваясь к вам на восток. Оплачивал здесь приличные счета за телефон.

— Звонил только своей жене?

— Нет, не только ей.

— Кому еще?

— Я не знаю, кто был на другом конце провода.

— Но он звонил и по другим номерам в наш город?

— Да, еще по одному номеру.

— Вы случайно не знаете этот номер, мистер Блаунт?

— На память не знаю, но он записан у меня в счете. Это был точно другой телефон, потому что номер его жены я запомнил наизусть, Сакс регулярно заказывал его с того времени как приехал сюда год назад. Этот же номер был для меня новым.

— Когда он стал по нему звонить?

— Кажется, с февраля.

— И как часто?

— Обычно раз в неделю.

— Можно мне узнать этот номер?

— Конечно, подождите только, я найду его.

Клинг терпеливо ждал, рука его, сжимавшая трубку, вспотела.

— Алло? — послышался голос Блаунта.

— Да-да?

— Номер такой — СЕ — думаю, это сокращенно от "Секвойя" — СЕ 3-1402.

— Спасибо, — сказал Клинг.

— Не стоит благодарности, — ответил Блаунт.

Повесив трубку, Клинг выждал минуту, не снимая руки с телефона, потом вновь поднял ее, услышал гудок и тут же набрал номер: СЕ 3-1402. Раздался настойчивый звонок. Клинг считал их — четвертый, пятый, шестой. И вдруг послышался голос.

— Приемная доктора Леви,— отчетливо произнесла женщина.

— Следователь Клинг из восьмидесят седьмого отделения. Чей, вы сказали, это телефон?

— Доктора Леви.

— А имя?

— Джейсон.

— Не знаете, где можно его найти?

— Простите, сэр, но он уехал на выходные и будет только в понедельник утром,— женщина помолчала.— Вы звоните по делам полиции или вам нужна медицинская помощь?

— По делам полиции.

— Доктор начинает работу в десять часов в понедельник. Если вы позвоните ему, я уверена...

— А каков номер его домашнего телефона?

— Бесполезно звонить домой. Он действительно уехал из города на выходные.

— Вы не знаете, куда?

— Нет, простите, не знаю.

— Все равно, дайте мне, пожалуйста, его домашний телефон.

— Мне не положено сообщать домашний номер. Если хотите, я могу позвонить ему сама. Если он окажется дома — хотя я знаю, что его нет — я попрошу его перезвонить по вашему телефону. Скажите, пожалуйста, свой номер.

— Хорошо, это Роксбери, РО 2-7641.

— Благодарю вас.

— Не могли бы вы позвонить мне все же в любом случае, чтобы я знал, дозвонились вы до него или нет?

— Хорошо, сэр.

— Спасибо.

— Как вы сказали, ваше имя?

— Клинг. Следователь Берт Клинг.

— Да, сэр, спасибо,— и она положила трубку.

Клинг ждал у телефона.

Через пять минут женщина позвонила снова и сказала, что как она и предупреждала, номер не отвечает. Она сообщила ему расписание работы доктора и предложила еще раз позвонить в понедельник утром. На этот разговор закончился.

Эти выходные покажутся Клингу очень долгими.

Тедди Карелла долго сидела одна в гостиной после того, как ушел лейтенант Бернис. Руки ее были сложены на коленях, взгляд устремлен в глубину комнаты. Она не слышала ничего, кроме своих мыслей.

Теперь мы точно знаем, сказал ей лейтенант, что найденный в автомашине человек не является Стивом Кареллой. Имя этого человека Эрнест Месснер, тут не может быть никаких сомнений, Тедди, я хочу, чтобы ты знала. Но я также хочу, чтобы ты понимала: это не значит, что Стив жив. Мы просто пока ничего не знаем о нем, хотя и прилагаем усилия. Можно утверждать лишь одно — его смерть пока не установлена.

Бернис помолчал. Она следила за его лицом. Он внимательно смотрел на нее, стараясь убедиться, что она поняла все, что он сказал. Тедди кивнула в ответ.

Я узнал это вчера, продолжал лейтенант, но не был уверен, поэтому не хотел давать тебе надежду, пока сам не проверю все досконально. Медицинская экспертная служба занимается прежде всего этим делом, Тедди, поэтому они до сих пор не закончили вскрытие и анатомическое исследование тела Тинки Сакс. Мы, как ты понимаешь, думая, что найден мертвый Стив, сильно давили на них. Но, как оказалось, это не Стив. Так сказал Пол Блейни, а он отличный специалист. Теперь у нас есть подтверждение, понимаешь, главного медицинского эксперта. И у меня не осталось сомнений, поэтому я и сообщая тебе. Что касается всего остального, то мы работаем, ты знаешь, и как только что-нибудь получим, я тебе сообщу, Тедди. Мы делаем все, что можем.

Она поблагодарила его и предложила кофе, но он вежливо отказался, его ждали дома, ему надо бежать, он надеется, она простит его. Тедди проводила его до двери, потом прошла в детскую, где Фанни смотрела телевизор, через спальню, где посапывали близнецы, снова в гостиную. Включив свет, она села возле старенького пианино, которое Карелла купил в магазине подержанных вещей в нижней части города, заплатив за него шестнадцать долларов и договорившись о его доставке. Он говорил ей, что всегда мечтал играть на пианино и теперь начнет брать уроки. Никогда ведь не поздно учиться, правда, милая?

Тедди вся жила теперь новостью, принесенной Бернисом, но и боялась ее, вдруг это игрушка, которой дали на время поиграть, а потом снова отнимут? Сообщать ли

об этом детям? А вдруг потом подтвердится страшная весть, и им придется во второй раз хоронить собственного отца? “Что такое умер? — спросила тогда Эприл.— Это значит, он больше никогда не придет?” А Марк повернулся к сестре и зло крикнул: “Заткнись, ты, идиотка!” И убежал в свою комнату, чтобы мать не видела его слез.

Но им тоже нужна надежда.

Они имеют право знать, что есть шанс.

Тедди поднялась, прошла на кухню и что-то написала в телефонной книжке. Потом вырвала листок и отнесла его Фанни. Фанни взглянула на нее, ожидая еще худших вестей; лейтенант приносил теперь в их дом только плохие новости. Тедди протянула ей листок, и Фенни прочла:

*Разбуди детей. Скажи им, что может быть их отец жив.*

Фанни быстро подняла глаза.

— Слава богу,— прошептала она и бросилась в комнату.

## ГЛАВА 11

В понедельник утром в отделение пришел полисмен. Подождав, пока Мейер освободится, он подошел к его столу.

— Вы вряд ли меня знаете,— сказал он.— Я полисмен Анджиери.

— Кажется, я вас где-то тут видел,— ответил Мейер.

— Не знаю, может я и зря сюда пришел, вы уж сами все знаете. Да жена говорит, сходи, надо рассказать.

— А что именно?

— Я в этом участке всего только полгода работаю, можно сказать, новичок.

— Угу,— кивнул Мейер.

— Ежели вы все уже знаете, но не обращайте внимания, ладно? Жена говорит: а вдруг не знают, может, это важно.

— Ну, так что же это? — терпеливо проговорил Мейер.

— О Карелле.

— Что именно о Карелле?

— Как я уже говорил, я недавно полисменом стал, потому не знаю всех следователей-то по именам, но потом я его признал по фотографии в газете, хоть там и было фото, где он сам еще полисмен. Но все равно, это он был.

— Что вы имеете в виду? Как-то я не очень понимаю вас, Анджиери.

— Ну, это он унес куклу.

— Все равно не понял.

— Я стоял на посту, знаете? Возле квартиры. Ну, я об этом убийстве говорю, Тинки Сакс.

Мейер внезапно наклонился вперед:

— Понял, давай дальше,— сказал он.

— Ну, и Карелла туда пришел в прошлый понедельник вечером, должно быть в пять тридцать или шесть вечера. Показал, значит, мне бляшку и вошел в квартиру. А когда потом вышел, то так спешил, и куклу в руках держал.

— То есть вы утверждаете, что Карелла был в квартире Сакс в прошлый понедельник вечером?

— Правильно.

— Вы уверены?

— Конечно,— Анджиери помялся.— Так вы не знали, да? Права была жена,— он опять помолчал.— Всегда она права.

— А что вы сказали насчет куклы?

— Кукла, значит. Какими дети играют. Девочки. Большая такая. Волосы белые, знаете? Кукла.

— Карелла вышел из квартиры с детской куклой?

— Ну да.

— В прошлый понедельник вечером?

— Ну да.

— Он что-нибудь вам сказал?

— Ничего.

— Хм, кукла...— озадаченно произнес Мейер.

Было девять часов утра, когда Мейер приехал в квартиру Тинки Сакс на Стаффорд-Плейс. Он коротко побеседовал с управляющим, мистером Эммануилом Фарбером, потом поднялся лифтом на девятый этаж. Полицейский пост отсюда уже убрали. Мейер прошел по коридору и открыл дверь, воспользовавшись собственным ключом Тинки, который он заранее взял в отделе хранения.



В квартире было пусто и тихо. Сразу угадывалось, что здесь бывала смерть. Тишина в пустых квартирах бывает разной, и если ты работаешь полицейским, ты не станешь смеяться и говорить, что это выдумки поэтов. В квартире, оставленной хозяевами на целое лето, совсем другая тишина, чем в той, которая пустует лишь день и в которую к вечеру вернутся люди. Если же дома коснулась смерть, то в нем поселяется безмолвие настолько особое, что его легко узнает каждый, кому хоть раз в жизни приходилось видеть умершего человека. Мейер слишком хорошо знал молчание смерти и точно различал его среди других видов тишины, но вряд ли смог бы объяснить словами, в чем тут дело. Отключенные и потому беззвучные электроприборы; водопроводные краны, из которых не капала вода, ибо ими не пользовались; не подзывающий к себе звонками телефон; остановившие свое ритмичное тиканье часы; окна, наглухо задернутые шторами, не пропускающими уличных шумов,— все это вносило свою лепту, но лишь дополняло целое, а не составляло его сущность и не складывалось в него. Настоящую тишину можно было почувствовать, но нельзя было услышать, потому что она не имела ничего общего с отсутствием звуков. Это безмолвие затрагивало в Мейере какие-то глубинные струны, стоило ему только переступить порог дома, где воцарилась смерть. Казалось, она разливалась в самом воздухе, оставив о себе зловещее напоминание, и частица ее пугающего величия оказалась запертой внутри этих комнат. Мейер постоял, не убирая руки с дверной ручки, потом вздохнул и шагнул в глубь квартиры.

Сквозь шторы на окнах пробивался солнечный свет, пылинки парили в неподвижном воздухе. Мейер ступал осторожно, словно боясь потревожить оставшихся здесь призрачных жильцов. Проходя мимо детской, он заглянул в открытую дверь и увидел кукол, рядами сидевших на полках книжного шкафа. Множество кукол, по-разному одетых, смотрело на него немигающим взглядом стеклянных глаз, румянились их розовые щечки, немые яркие ротки застыли где-то на грани артикуляции, красные губки раскрылись, приоткрыв пластмассовые зубки, нейлоновые волосы всех цветов — черные, рыжие, белые и даже серебристо-седые — уложены в аккуратные прически.

Он уже входил в комнату, как вдруг услышал поворачивающийся в замке ключ.

Этот звук изумил Мейера. Он раздался в пустой квартире как удар грома. Замок щелкнул, входная дверь отворилась, и Мейер едва успел нырнуть в детскую. Он обвел глазами комнату — книжные полки, кровать, встроенный шкаф, ящик для игрушек. В коридоре послышались тяжелые шаги, приближающиеся к детской. Мейер открыл дверцу шкафа и достал револьвер. Шаги были совсем рядом. Он притворил за собой дверцу, оставив небольшую щель. Оказавшись в темноте, он ждал, затаив дыхание.

Вошедший в комнату мужчина был, пожалуй, шести футов двух дюймов высотой, с широкими плечами и тонкой талией. Он приостановился на пороге, будто почувствовал присутствие другого человека. Казалось, он приныряивается к воздуху, чтобы уловить чужой дух. Потом, не поверив, видимо, собственной интуиции и отбросив сомнения, быстро прошел к книжным полкам, остановился перед ними и явно наугад стал доставать кукол одну за другой. Набрал семь или восемь штук, он сгреб их в охапку, повернулся к двери и был уже на пути к ней, когда Мейер пинком открыл дверцу шкафа.

Человек изумленно обернулся, глаза его широко раскрылись. С глупым видом он прижимал к себе кукол, переводя взгляд с лица Мейера на "кольт" тридцать восьмого калибра в его руке и опять на лицо.

— Кто вы? — спросил он наконец.

— Хороший вопрос, — сказал Мейер. — Положи этих кукол, быстрее. Вон, на кровать.

— Что...

— Делайте, как я сказал, мистер!

Человек направился к кровати. Облизнув губы, он снова посмотрел на Мейера, нахмурился и положил кукол.

— Встать лицом к стене! — приказал Мейер.

— Послушайте, черт возьми, что...

— Выпрямите ноги, наклонитесь вперед, упритесь ладонями в стену. Побистрее!

— Ладно, не волнуйся.

Человек наклонился к стене. Мейер тщательно и быстро обыскал его — грудь, карманы, пояс, ноги. Потом он отошел назад и произнес:

— Повернитесь, руки держите за головой.

Человек повернулся, подняв руки. Он опять облизнул губы и посмотрел на револьвер в руке Мейера.

— Что вы здесь делаете? — спросил Мейер.

— Это что вы здесь делаете?

— Я офицер полиции. Отвечайте мне!

— А, ну слава богу, — сказал мужчина.

— Что значит “слава богу”?

— Я Деннис Сакс.

— Кто?

— Деннис...

— Муж Тинки?

— Да, бывший.

— Где ваш бумажник?

— Здесь, у меня в...

— Не двигайтесь! Повернитесь снова к стене! Давайте.

Мужчина подчинился приказаниям Мейера. Тот нащупал бумажник в правом верхнем кармане, достал и открыл, чтобы посмотреть водительское удостоверение. В нем действительно значилось имя Денниса Сакса. Мейер протянул ему бумажник.

— Ладно, опустите руки. Что вы здесь делаете?

— Моя дочь просит принести ей кукол, — сказал Сакс. — Я зашел, чтобы их взять.

— Как вы вошли сюда?

— У меня есть свой ключ. Я ведь жил тут, если вы помните.

— Насколько я понимаю, вы с женой разведены.

— Верно.

— И у вас все же оставался ключ?

— Да.

— Она знала об этом?

— Да, конечно.

— И это все, зачем вы пришли, а? Только куклы?

— Да.

— Какая-то конкретная кукла?

— Нет.

— Ваша дочь не выделяла какую-то куклу особенно?

— Нет, она просто просила, чтобы я принес ей каких-нибудь ее кукол.

— А как насчет ваших предпочтений?

— Моих предпочтений?

— Да, вы сами искали какую-то определенную куклу?

— Я?

— Вот именно, мистер Сакс. Вы.

— Нет. На что вы намекаете? Вы имеете в виду детских кукол?

— Конечно, о них я и говорю.

— Тогда объясните, зачем мне может понадобиться какая-то определенная кукла?

— Я сам хотел бы это узнать.

— Кажется, я не в состоянии вас понять.

— Тогда забудем об этом.

Сакс нахмурился, посмотрел на кукол, брошенных на кровать. Поколебавшись, он пожал плечами и спросил:

— Так мне можно их забрать?

— Боюсь, что нет.

— Почему нет? Ведь они принадлежат моей дочери.

— Мы хотим их осмотреть, мистер Сакс.

— Зачем?

— Я пока не знаю, зачем. Зачем-нибудь.

Сакс опять посмотрел на кукол, потом повернулся к Мейеру и молча уставился на него.

— Думаю, вы понимаете, что мы ведем какой-то дурацкий, бестолковый разговор,— проговорил он наконец.

— Да, наверное. Но так и бывает, когда встречаешься с загадками,— ответил Мейер.— Простите, мистер Сакс, но у меня много работы. Если у вас здесь больше нет никаких дел, то я был бы вам очень признателен, если бы вы ушли.

Сакс ничего не сказал, только кивнул. Еще раз взглянув на кукол, он прошел через комнату, коридор и вышел из квартиры. Мейер подождал, прислушиваясь. В тот момент, когда за Саксом закрылась дверь, он рванулся через коридор, остановился у самого выхода, быстро сосчитал до десяти и приоткрыл дверь не больше чем на дюйм. Ему было видно Сакса, ожидающего лифт. Вид у него был чертовски сердитый. Поскольку лифт все не приходил, он несколько раз надавил кнопку и принялся ходить взад-вперед. Приближаясь к своей бывшей квартире, он взглядывал на якобы закрытую дверь, потом опять поворачивался к лифту. Когда тот наконец прибыл, Сакс сказал лифтеру: “Чего так долго?” и ступил в кабину.

Мейер тут же вышел из квартиры, запер дверь и побежал по лестнице вниз. Он не разбирая прыгал через ступеньки и, лишь на миг задержавшись перед дверью в вестибюль, распахнул ее с резким треском. Он увидел лифтера, стоящего у входа со сложенными на груди ру-

ками. Мейер быстро прошел через вестибюль, бросил взгляд на открытые двери лифта и, миновав его, выскочил на улицу. Он заметил Сакса, когда тот уже поворачивал на угол, и бросился за ним вслед. На углу он опять задержался, а когда выглянул, то увидел, что Сакс садится в такси.

Времени, чтобы бежать к своей припаркованной возле дома машине, у Мейера не было, поэтому он тоже подождал такси и сказал водителю, как истинный полицейский: "Следуйте за той машиной". Тут же он с неудовольствием представил, как придется оплачивать проезд, и этот ущерб ему скорее всего не возместят. Водитель на миг обернулся, чтобы посмотреть на Мейера; просто, чтобы увидеть, кто тут ломает комедию "плаща и шпаги", и молча устремился за увозившим Сакса такси.

— Вы полицейский? — спросил он наконец.

— Да, — ответил Мейер.

— За кем это мы гонимся?

— За Джеком-потрошителем.

— Да?

— Вас это забавляет?

— Вы собираетесь платить за проезд или считаете, что мне и так будет интересно?

— Я заплачу, — сказал Мейер. — Только не упусти его, ладно?

Время приближалось к десяти, и улицы были забиты транспортом. Первое такси упорно прокладывало путь в верхнюю часть города; водитель Мейера уверенно следовал за ним. Город казался шумным бедламом — гудели автомобили, скрипели коробки передач, взвизгивали тормоза, кричали водители и пешеходы. Наклонившись вперед, Мейер не спускал глаз с такси, оставаясь глухим ко всему, что творилось вокруг.

— По-моему, он останавливается, — сообщил водитель.

— Хорошо. Остановитесь машин за десять позادي него.

Таксометр показывал восемьдесят пять центов. Мейер достал из бумажника доллар и протянул водителю в тот момент, когда он остановился у обочины. Сакс уже вышел из машины и двигался по направлению к жилому дому в центре квартала.

— И это все чаевые, которые платит полиция? — сказал водитель. — Всего пятнадцать центов за восьмидесятипятицентовую прогулку?

— Так то ж полиция, дурачок, — ответил Мейер, выбираясь из такси.

Он помчался по улице и подбежал к подъезду как раз тогда, когда внутренняя стеклянная дверь закрывалась позади Сакса. Подняв левую руку, Мейер быстро провел ею по всему ряду звонков на стене. Потом, дожидаясь ответного зуммера, он прижался лицом к стеклу, заслонил глаза, чтобы не мешало отражение, и стал всматриваться внутрь помещения. Сакса нигде не было видно. Лифты явно располагались за углом вестибюля. Полдюжины сигналов раздалось одновременно и дверной запор отомкнулся. Мейер открыл дверь и стремглав кинулся к лифтам. Только одна кабина двигалась, светящийся сигнал отсчитывал этажи — третий, четвертый, пятый, лифт остановился. Отметив это, Мейер вернулся обратно, чтобы посмотреть на кнопки звонков. Судя по ним, на пятом этаже было шесть квартир. Он читал обозначенные под звонками фамилии, когда позади него раздался голос:

— Вы, наверное, ищете доктора Джейсона Леви.

Мейер изумленно поднял глаза.

Рядом с ним стоял Берт Клинг.

Личный кабинет доктора Джейсона Леви сиял стерильной белизной, и единственным украшением его стен был большой календарь. Простой, без излишеств, чисто функциональный стол из серебристой стали загромождали медицинские книги и журналы, рентгеновские фотографии, образцы фармацевтической продукции, палочки для осмотра горла, бланки для рецептов. И у доктора вид тоже был серьезный: тонкогубый рот, некрасивое лицо с львиной гривой седых волос, довольно большой нос и очки с толстыми стеклами. Он сидел за столом, посматривая сначала на следователей, потом на Денниса Сакса, и ждал, когда кто-нибудь заговорит.

— Мы хотели бы знать, что вы здесь делаете, мистер Сакс, — заговорил первым Мейер.

— Я здесь в качестве пациента, — сказал Сакс.

Леви в сомнении помолчал, потом покачал своей массивной головой:

— Нет. Это не так.

— Начнем все сначала? — спросил Мейер.

— Мне нечего сказать, — произнес Сакс.

— Почему вам необходимо было звонить доктору Леви из Аризоны раз в неделю? — задал вопрос Клинг.

— Кто вам это сказал?

— Мистер Уолтер Блаунт, управляющий отеля “Мейджер Роуэл” в Рейнфилде.

— Он солгал.

— Зачем ему лгать?

— Не знаю, зачем. Пойдите и спросите у него.

— Нет, мы сделаем проще,— заявил Клинг.— Доктор Леви, звонил ли вам мистер Сакс из Аризоны раз в неделю?

— Да,— ответил Леви.

— Кажется, мнения здесь несколько разошлись,— констатировал Мейер.

— Почему он вам звонил? — спросил Клинг.

— Не отвечайте, доктор!

— Деннис, что мы стараемся скрыть? Она мертва.

— Вы же врач, вы не обязаны им рассказывать. Это врачебная тайна. Вы как священник! Они не могут заставить вас...

— Деннис, ее уже нет в живых.

— Телефонные звонки как-то связаны с вашей женой, мистер Сакс? — продолжал расспросы Клинг.

— Нет,— ответил Деннис.

— Да,— сказал доктор Леви.

— Тинка являлась вашим пациентом, доктор, не так ли?

— Да.

— Доктор Леви, я запрещаю вам говорить что-либо еще этим людям о...

— Она лечилась у меня,— подтвердил Леви.— С начала этого года.

— С января?

— Да, с пятого января. Более трех месяцев.

— Доктор, клянусь своей погибшей женой, что если вы будете продолжать, то мне придется обратиться к...

— Глупости,— раздраженно проговорил Леви.— Ваша жена умерла! Если мы сможем помочь им найти убийцу...

— Вы ничем им не помогаете! Вы только пятнаете ее память, пачкая грязью!

— Мистер Сакс,— сказал Мейер,— известно это вам или нет, но ее память уже испачкана грязью уголовного расследования.

— Почему она пришла к вам, доктор? — вернулся к теме разговора Клинг.— Что с ней случилось?

— Она сказала, что в новогоднюю ночь приняла решение обратиться за медицинской помощью и покончить с прошлым раз и навсегда. Это было очень трогательно. Она стояла такая красивая, такая незащищенная и такая одинокая.

— Я не мог больше с ней оставаться! — воскликнул Сакс.— Я же не каменный! Я не мог вынести! Поэтому мы развелись. Моей вины нет в том, что случилось с ней!

— Вас никто ни в чем не обвиняет,— успокоил его Леви.— Ее болезнь началась очень давно, задолго до того, как она встретила вас.

— Что за болезнь, доктор? — спросил Мейер.

— Не говорите им!

— Деннис, я должен...

— Вы не должны! Пусть все останется так, как было. Пусть в памяти других людей она останется прекрасной, волшебной женщиной, а не...

Деннис оборвал себя.

— А не кем? — подбодрил его Мейер.

В комнате было тихо.

— А не кем? — снова повторил Мейер.

Леви вздохнул и покачал большой головой:

— А не наркоманкой.

## ГЛАВА 12

В тот же день, сидя у себя в отделении, опустевшем и тихом, они читали журнал с историей болезни, выданной им доктором Джейсоном Леви:

*Январь, 5*

Пациентку зовут Тинка Карин Сакс. Разведена, имеет дочь пяти лет. Живет в городе, ведет активную профессиональную жизнь, это одна из причин, не позволявших ей обратиться за помощью раньше. Она утверждает, однако, что приняла в Новый год решение и намерена избавиться от вредной привычки. Употребляет наркотики с семнадцатилетнего возраста, теперь у нее стойкое привыкание к героину.

Я объяснил ей, что методы, которые я до сих пор нахожу наиболее подходящими, предполагают использование либо морфина, либо метадона. Оба эти вещества,



как доказано, являются адекватными заменителями любого наркотического средства или комбинации средств, которыми ранее пользовались мои пациенты. Я также сказал ей, что сам лично предпочитаю использовать метод лечения морфином как наиболее эффективный.

Она спросила, придется ли терпеть сильную боль? Она явно уже пыталась сама бросить "всухую" и обнаружила, что это слишком мучительно, чтобы можно было вынести. Я рассказал, что все симптомы ломки — тошноту, рвоту, понос, расширение зрачков, зевоту, гусиную кожу, запоры, чихание, потливость — ей придется терпеть при любом методе лечения. С морфином ломка будет достаточно суровой, но сравнительного улучшения можно ждать уже через неделю. С метадоном ломка протекает легче, но еще в течение месяца после этого она будет чувствовать какое-то дрожание.

Она сказала, что хорошенько обдумает свое решение и позвонит мне.

*Январь, 12*

Я уже не ждал Тинку Сакс, но сегодня она приехала сюда и спросила, не смогу ли я уделить ей десять минут. Я согласился, и мы проговорили в моем кабинете более сорока пяти минут.

Она сказала, что пока еще не решила, как ей поступить, и хочет вновь обсудить это со мной.

Она, как уже говорила прежде, работает манекенщицей, получает за каждый сеанс большие деньги и теперь опасается, что лечение вызовет такие мучения или слабость, что она может потерять работу. Следовательно, на карту поставлена ее карьера. Я сказал, что ее пристрастие к героину уже фактически превратило ее в безработную, поскольку большую часть средств она тратит на покупку наркотиков. Это замечание ей мало понравилось, и она быстро возразила, что получает все сопутствующие работе манекенщицы удовольствия — славу, признание и прочее. Я спросил ее, доставляет ли ей что-то большее наслаждение, чем героин, и думает ли она о чем-то еще, кроме героина. Она пришла в такое сильное волнение, что я думал, она уйдет.

Вместо этого она сказала, что я представления не имею, что это такое. Она напомнила, что принимает наркотики с семнадцати лет, когда впервые попробовала марихуану в компании на пляже в Малибу. Примерно

год она потом курила марихуану, не делая никаких попыток попробовать что-нибудь "настоящее". Потом, вскоре после того, как стала работать моделью, один фотограф предложил ей нюхать героин. Он также потом пытался изнасиловать ее, из-за этого она решила было оставить только что начатую карьеру манекенщицы. Но от марихуаны и от героина она не отказалась, нюхала героин то и дело, пока кто-то не предостерег ее, что вдыхание наркотика деформирует нос. И поскольку нос — это часть лица, а лицо, как она надеялась, должно принести ей богатство и счастье, она сразу прекратила это занятие.

В первый раз она попробовала ввести наркотик в вену за компанию с убежденным наркоманом, мужчиной, в квартире в Норт-Голливуде. К несчастью, к ним ворвалась полиция, и их обоих арестовали. В то время ей было девятнадцать лет, и она счастливо отделалась приговором с отсрочкой исполнения. Через месяц она приехала в наш город, решив никогда больше не баловаться наркотиками и полагая, что для этого достаточно трех тысяч миль, которые теперь отделяют ее от прежнего окружения. Но почти сразу по прибытии сюда она обнаружила, что здесь достать наркотики гораздо легче, чем в Лос-Анджелесе. К тому же через несколько недель после приезда сюда она начала сотрудничать с агентством Кутлеров и оказалась обладательницей такой суммы денег, которой с лихвой хватало не только на жительство, но и на наркотики. Теперь она вводила наркотики под кожу в мягкие части тела. Вскоре она, однако, отказалась от этого способа и стала вливать героин прямо в вену. С тех пор так и употребляет его и теперь, по сути дела, безнадежно пристрастилась к героину. Как же я могу думать, что сумею отучить ее? Как она будет просыпаться по утрам, зная, что не получит наркотика? Я объяснил ей, что это типичный для всех наркоманов страх перед предстоящим лечением. Но она восприняла мои заверения без заметного энтузиазма.

Я подумаю, вновь сказала она, и ушла. Честно говоря, я не верю, что она когда-нибудь вернется.

*Январь, 20*

Сегодня Тинка Сакс начала лечение.

Она выбрала морфин (хотя понимала, что ломка при этом будет более мучительной), потому что не хотела

из-за продолжительного отсутствия ставить под угрозу свою работу — забавное опасение со стороны того, кто рисковал своей карьерой с той минуты, как ее начал. Я предлагал ей лечь в клинику на несколько месяцев, но она категорически отказалась от какой бы то ни было госпитализации и заявила, что вообще отказывается от лечения, если нельзя обойтись без клиники. Я сказал ей, что не могу гарантировать продолжительного эффекта, если она не позволит мне госпитализировать ее. На это она ответила, что нам остается надеяться на лучшее, поскольку она ни за что не ляжет ни в какую больницу. В конце концов я добился от нее согласия посидеть дома под наблюдением сестры по крайней мере в течение первых нескольких дней, пока не кончатся самые жестокие мучения. Я предупредил ее насчет всяких нелегальных покупок наркотиков и контакта с какими-либо знакомыми наркоманами или торговцами. Мы разработали очень жесткий режим. Для начала она будет принимать одну четвертую грана морфина четыре раза в день за двадцать минут до еды. Эти дозы будут приниматься подкожно, и морфин будет распадаться на тиамин гидрохлорид. Я надеюсь, что ломка продлится не более двух недель.

*Январь, 21*

Я выписал Тинке торазин против тошноты и белладонну и пектин против поноса. Ломка идет жестоко. Всю прошедшую ночь она не спала. Я дал указания сестре, дежурящей у нее в квартире, дать Тинке сегодня на ночь три грана нембутала и, если она не уснет, повторить по полтора грана.

Тинка все эти годы прекрасно заботилась о своем теле — это наш плюс. Она очень красива, и я не сомневаюсь, что она хорошая манекенщица, только не могу понять, как фотографы не заметили ее пристрастия. Как ей удавалось не “клевать” перед камерой? Она тщательно избегала уколов в руки и голени, но внутренняя сторона бедер (она говорила мне, что не демонстрирует ни белья, ни купальных костюмов) вся усеяна отметками.

Продолжаем морфин по четверти грана четыре раза в день.

*Январь, 22*

Я сократил инъекции морфина до четверти грана два раза в день, и еще дважды по одной восьмой грана. Сим-

птомы по-прежнему остаются тяжелыми. Ей пришлось отменить все сеансы, сославшись на менструацию и сильную боль — жалобы, которые можно слышать от всех фотомоделей. У нее совершенно пропал аппетит. Я стал выписывать ей витамины.

*Январь, 23*

Симптомы несколько ослабли. Теперь Тинка принимает по одной восьмой грана морфина четыре раза в день.

*Январь, 24*

Курс морфина продолжается: одна восьмая четыре раза в день. С завтрашнего дня Тинка отказывается от услуг медсестры и будет приезжать на уколы в мой кабинет — решение, против которого я категорически возражал. Но пришлось смириться, потому что либо так, либо потерять ее окончательно.

*Январь, 25*

Стали чередовать одну восьмую грана морфина дважды в день с одним граном кодеина два раза в день. На первую инъекцию Тинка приезжает ко мне до завтрака в восемь тридцать, потом в двенадцать тридцать и в шесть тридцать. Последний укол ей делают дома в одиннадцать тридцать. В ней ощущается крайнее беспокойство, поэтому я прописал полграна фенобарбитала каждый день, чтобы снять это напряжение.

*Январь, 26*

Сегодня Тинка Сакс не приехала. Я несколько раз звонил к ней домой, но к телефону никто не подходит. В агентстве справиться я не решился, чтобы не возникли подозрения, что она проходит курс лечения. В три часа я поговорил по телефону с воспитательницей ее дочери. Она только что забрала ребенка из детского сада. Сказала, что не знает, где миссис Сакс, и предложила мне позвонить в агентство. Я еще раз звонил в полночь, но Тинка так и не появлялась. Воспитательница сказала, что я разбудил ее. Она явно не видела ничего необычного в том, что ее хозяйки нет. Ей самой позвонили из агентства и передали, чтобы она встретила ребенка из детского сада и оставалась с ним столько, сколько потре-

буется. Воспитательница сказала, что миссис Сакс часто не бывает в течение всей ночи, и в этом случае она отводит девочку утром в детсад и потом снова заходит за ней в два тридцать. Однажды миссис Сакс вообще не было три дня, сообщила она.

Я беспокоюсь.

*Февраль, 4*

Сегодня Тинка Сакс опять пришла ко мне, без конца извиняясь, и объяснила, что уезжала из города в командировку. Выпускается в свет какая-то новая модель из твида и нужно было отснять ее на фоне природы. Я обвинил ее во лжи, и она в конце концов призналась, что вовсе не была за городом, а провела прошедшую неделю в квартире своего приятеля из Калифорнии. Отвечая на мои дальнейшие вопросы, она вынуждена была сказать, что ее калифорнийский приятель сам наркоман, мало того, это именно тот человек, вместе с которым их арестовали, когда ей было девятнадцать лет. Он приехал в город в сентябре прошлого года почти без денег и без крыши над головой. Некоторое время она поддерживала его, позволила ему жить в своем доме в округе Мейвис, пока не продала его в октябре. После этого она помогла ему найти квартиру на Саут-Форт и время от времени с ним виделась.

Несомненно, она снова начала принимать наркотики.

Она выразила сожаление и сказала, что более чем когда-либо прежде намерена покончить с дурной привычкой. Когда я спросил ее, по-прежнему ли ее приятель будет жить в городе, она ответила утвердительно, но добавила, что теперь он не один и больше не нуждается в старых знакомых для того, чтобы предаваться своему пороку.

Я добился от Тинки обещания, что она никогда больше не встретится с этим человеком и не попытается найти его.

Завтра с утра мы опять начнем лечение. В этот раз я настоял на том, чтобы медсестра осталась с ней по крайней мере две недели.

И опять мы начинаем с пустого места.

*Февраль, 9*

За прошедшие пять дней мы добились отличных успехов. Инъекции морфина сокращены до одной восьмой че-

тыре раза в день, и с завтрашнего дня мы начнем чередовать их с кодеином.

Тинка сегодня в первый раз заговорила о своих отношениях с мужем в связи со своим решением бросить наркотики. Он археолог, в данное время работает в экспедиции где-то в Аризоне. Она поддерживает с ним постоянный контакт, и вчера она позвонила ему, чтобы сказать, что начала лечение и надеется на полное выздоровление. Тинка призналась, что мечтает начать с ним новую жизнь, когда полностью освободится от привычки к героину. Она знает, что он все еще любит ее, знает, что если бы не ее порок, они никогда бы не расстались.

Тинка рассказала, что он узнал о ее пристрастии к наркотику лишь через год после того, как родился ребенок. Это тем более примечательно, что девочка, еще в утробе матери посредством обмена веществ получавшая героин, естественно, стала наркоманкой от рождения. Деннис и семейный детский врач предположили, что у ребенка колики, настолько он был беспокойным, кричал ночи напролет, его рвало. Только Тинка знала, что у младенца все симптомы ломки "всухую". Не раз она испытывала искушение дать девочке втайне от всех наркотик, но сдерживала себя, и ребенок выжил, пройдя все муки принудительного отучения от героина лишь для того, чтобы вслед за этим пережить бурю расставания и развода.

Тинке удалось дать Деннису объяснение, когда месяц спустя он нашел случайно иглы для подкожных инъекций, сказав, что у нее аллергия на определенные красители в платьях, которые она демонстрирует, и врач выписал ей интигистамин, чтобы избавить от аллергической реакции. Но она не могла объяснить, куда деваются большие суммы денег с их общего счета в банке, и также не нашлась что сказать, когда мужу попались три бумажных пакетика с белым порошком, спрятанные за задней стенкой шкафа. Она, наконец, созналась, что наркоманка и была ею в течение почти семи лет и не видит в этом ничего плохого, поскольку у нее достаточно средств, чтобы оплачивать свою привычку. Ему, черт возьми, должно быть прекрасно известно, что основную часть денег приносит в дом она, так какого же черта ему еще надо?!

Он влепил ей пощечину и объявил, что утром они идут к врачу.

Утром Тинка ушла из дома.

Она вернулась только через три недели, грязная и растрепанная. В этот раз она рассказала Деннису, что была в компании трех цветных музыкантов из какого-то клуба в нижней части города; все они наркоманы. Она не могла вспомнить, что они делали столько времени. Деннис уже успел проконсультироваться у врача и сказал Тинке, что наркомания вовсе не является неизлечимой болезнью, что есть способы избавления от пристрастия, что успех почти гарантирован, если только пациент... Не смейся меня, ответила Тинка, я столько лет сижу на игле и, более того, мне это нравится. Что ты вообще в этом понимаешь? Отстань от меня, ты сам хуже, чем наркоман.

Через шесть месяцев Деннис обратился за разводом.

Все это время он отчаянно пытался достучаться до той женщины, которую когда-то принимал за жену, до этой чужой и незнакомой Тинки, этого гонимого животного, вся жизнь которого заключалась в капле героина. Их расходы необычайно возросли. Тинка не могла допустить, чтобы ее карьера прекратилась, потому что иначе она вряд ли могла бы тратить такие суммы на героин. Поэтому она одевалась, как положено знаменитой манекенщице, жила в роскошно обставленной квартире, ездила по городу во взятых напрокат лимузинах, питалась в дорогих ресторанах и появлялась на всех важных мероприятиях. Но в ней неослабно бушевала вечная жажда наркотика. Она работала до изнеможения; часть денег уходила на то, чтобы поддерживать легенду, обязательно окружающую людей ее профессии, остальное тратилось на приобретение наркотиков для себя и своих друзей.

Ее всегда окружали друзья.

Тинка могла пропадать неделями, замороженно слушая ведомую только ей страстную мелодию. Ее влекло к другим наркоманам, хотелось одобрения таких же, как она, людей общества, живущих в стране грез, понимания среди своих, где след от иглы на коже не позор, а привычка к героину не проклятье.

Деннис оставил бы ее раньше, но серьезную проблему представлял ребенок. Деннис знал, что не может целиком доверить Анну матери, но как взять ее с собой, если

он ездит по всему миру с археологическими экспедициями? Он понимал, что если порок жены будет фигурировать в бракоразводном процессе, ему гарантировано право забрать ребенка немедленно. Но это означало бы, что профессиональная карьера Тинки автоматически рухнет, и кто знает, какие неведомые несчастья такая огласка может в будущем принести Анне? Он пообещал Тинке не упоминать о наркомании, если она позволит ему нанять для ребенка надежную воспитательницу. Тинка охотно согласилась. Если не считать время от времени случающихся загулов, Тинка показала себя заботливой, любящей матерью. Раз присутствие воспитательницы успокоит Денниса и позволит не выносить на публику вопрос о ее пристрастии к наркотикам, она охотно поддержит эту идею. Соглашение было достигнуто.

Деннис, по-прежнему любящий жену и заботящийся о счастье дочери, тем не менее пошел на то, чтобы предоставить одной возможность погибать от наркотиков, а другую оставить на произвол капризам и непредсказуемости сосуществования с убежденным и неисправимым наркоманом. Тинка, со своей стороны, была рада, что он оставил ее. Он стал просто пуританином, и она не могла понять, почему она вообще вышла за него замуж. Повидимому, решила она, это было как-то связано с одним из периодов, когда ей пришлось в голову покончить с вредной привычкой и начать новую жизнь.

Что вы и делаете сейчас, напомнил я ей.

Да, согласилась она, и глаза ее сияли.

*Февраль, 12*

У Тинки больше нет зависимости от морфина. Мы сократили дозу кодеина до одного грана дважды в день, и еще два раза по полграну.

*Февраль, 13*

Сегодня мне по междугородному телефону позвонил Деннис Сакс. Просто хотел узнать, как дела у его жены, сказал, что если я не возражаю, он будет справляться о ней раз в неделю — либо в пятницу, либо в субботу, поскольку остальное время проводит в пустыне. Я сказал ему, что результаты отличные, и я надеюсь, что ломка полностью закончится в двадцатых числах месяца.



*Февраль, 14*

Вводим кодеин дважды в день по полграну, еще два раза его с сегодняшнего дня заменяет тиамин.

*Февраль, 15*

Сегодня ночью Тинка тайком ушла из дома, когда сестра задремала. До сих пор она не вернулась, и я не знаю, где она.

*Февраль, 20*

Тинку до сих пор не нашли.

*Март, 1*

Постоянно звоню на квартиру. Воспитательница продолжает заботиться об Анне, но от Тинки нет ни слова.

*Март, 8*

В отчаянии я позвонил сегодня в агентство Кутлеров и спросил, где я могу найти Тинку Сакс. Они попросили назвать себя, и я представился врачом, лечащим ее от кожной аллергии. Они сообщили, что Тинка отправилась на Виргинские острова в командировку и вернется не раньше двадцатого марта. Я поблагодарил и положил трубку.

*Март, 22*

Сегодня Тинка пришла ко мне вновь.

Командировка была столь внезапной, сказала она, что в спешке она забыла меня предупредить.

Я сразу сказал ей, что это ложь.

Ладно, призналась Тинка, действительно она не устояла перед возможностью избавиться и от меня, и от моего лечения. Неизвестно почему ее вдруг охватил страх. Она поняла, что через несколько дней, самое большее через неделю она перестанет принимать тиамин, и что тогда? Как сможет она прожить день, не впрыснув чего-нибудь в вену?

Ей позвонил Арт Кутлер, предложил командировку на Виргинские острова, и ей ужасно понравилась идея демонстрации моделей на фоне песка и солнца. По случайному совпадению ей в ту ночь позвонил друг из Калифорнии и, узнав, куда она отправляется, сказал, что тоже собирает чемодан и ждет ее там.

Я спросил, что у нее за отношения с этим “другом из Калифорнии”, который виноват в том, что уже дважды сорвалось ее лечение. Сорвалось? — удивилась она. Почему сорвалось? Клянусь, я ни до чего не дотронулась, пока была там. Этот человек — просто друг, и все.

Но вы же говорили мне, что он наркоман.

Да, он наркоман. Но он не предлагал мне наркотики, пока мы там были. Фактически, я считаю, что совершенно освободилась от этой привычки. Я справилась. И это единственная причина, из-за чего я к вам пришла: сообщить, что больше нет необходимости продолжать лечение. Я ничем не кололась, ни героином, ни морфином, ни чем-то другим. Все это время я обходилась без наркотики. Я излечилась.

Ты лжешь, сказал я.

Ну, ладно, сказала она, если вы так хотите правды, получайте ее. Именно этот калифорнийский друг спас ее много лет назад от тюрьмы. Он сообщил арестовавшему его офицеру, что торгует наркотиками — благородное и рискованное признание, и что он силой вкатил Тинке дозу геронна. Поэтому она отделалась приговором с отсрочкой исполнения, а он загремел в тюрьму на всю катушку. Естественно, что она у него в долгу. Кроме того, она не видит ничего плохого в том, что провела с ним некоторое время, пока была в командировке, вместо того, чтобы общаться с этим скопищем извращенцев, голубых фотографов и модельеров, не говоря уже о лесбиянке — редакторше журнала. Не много ли я на себя, черт возьми, беру? Кто я ей, папа?

Я спросил, не обрушилось ли внезапно на “ее друга из Калифорнии” неожиданное богатство?

Она не поняла, что это значит.

Разве он не нуждался в деньгах и крыше над головой, когда впервые прибыл в город?

Нуждался, подтвердила она.

Так как же тогда ему найти средства, чтобы баловаться наркотиками да еще ездить отдыхать на Виргинские острова, поинтересовался я.

Она признала, что оплатила его поездку. Если человек спас тебя от тюрьмы, разве можно отказать ему в такой мелочи, как билеты и счет за отель? Что тут плохого?

Я дал ей выговориться.

Наконец, она рассказала мне все. Многие годы она посылала ему деньги — не потому, что он требовал это-

но, а просто потому, что чувствовала себя в долгу. То, что он спас ее, наврал в полицию, заставило ее уехать сюда и начать новую жизнь. Единственное, что она делала для него, это время от времени посылала немного денег. Да, она поддерживала его и после того, как он приехал сюда. Да-да, она сама пригласила его с собой в поездку, никакого совпадения, никакого звонка от него ночью не было. Более того, она оплатила не только его билеты и отель, но и расходы его приятельницы, которую она назвала "чрезвычайно милой молодой женщиной".

И ни капли героина за все это время, да?

Слезы, гнев, защита...

Да, был, был героин! Героина было столько, что они могли затопить им весь остров, и она заплатила за каждую его каплю. Героин был утром, днем и вечером. Удивительно, что она вообще смогла стоять перед камерами. Ссылалась на солнце, от которого якобы ословела, от которого ее будто бы клонило в сон. Игла постоянно вонзалась в ее бедро, клевала ее, словно блестящий стеклянный петушок! Да, она сидела на игле и наслаждалась каждой минутой! Чего я вообще требую от нее?

Я хочу вылечить тебя, сказал я.

*Март, 23*

Сегодня она обвинила меня в том, что я пытаюсь убить ее. Сказала, что с самого первого дня я стремлюсь ее убить, дескать, мне известно, что она недостаточно сильна, чтобы выдержать мучения и что в конечном счете лечение приведет ее к смерти.

Ее адвокат, сказала она, готовит завещание, и завтра она его подпишет. Потом она начнет лечение, но знает, что оно приведет ее неизбежно к смерти.

Я ответил, что она говорит глупости.

*Март, 24*

Тинка сегодня подписала завещание.

Мне она принесла кусочек стихотворения, которое сочинила сегодня ночью:

Когда я думаю о том, кто я  
И кем могла быть прежде,  
Я вздрагиваю.  
Я боюсь ночи.

Ведь и средь бела дня  
Чудовища из тьмы души всплывают.  
И почему они не...

Я спросил, почему стихотворение не закончено. Она сказала, что не может написать конец, которого сама пока не знает. А какого ты хочешь конца? — поинтересовался я.

— Счастливого, — сказала она. — Я хочу вылечиться.

— Ты вылечишься, — пообещал я.

*Март, 25*

Мы снова начали курс лечения.

*Март, 28*

Деннис Сакс звонил из Аризоны, справлялся насчет жены. Я сказал, что у нее был рецидив, но мы снова начали лечение и надеемся на его завершение к пятнадцатому апреля самое позднее. Он спросил, может ли он как-то помочь Тинке, на что я ответил, что единственный человек, который может помочь Тинке, это сама Тинка.

*Март, 28*

Продолжаем лечение.

1/4 грана морфина дважды в день.

1/8 грана морфина дважды в день.

*Март, 30*

1/8 грана морфина четыре раза в день.  
Результаты хорошие.

*Март, 31*

1/8 грана морфина дважды в день.  
1 гран кодеина дважды в день.

*Апрель, 1*

Тинка призналась сегодня, что стала тайком покупать героин и принимать, пока сестра не видит. Я пришел в ярость. Она закричала: "С первым апреля, Днем дураков!" и принялась хохотать.

Думаю, в этот раз у нас есть шанс.

*Апрель, 2*

1 гран кодеина четырежды в день.

*Апрель, 3*

1 гран кодеина дважды в день.

1/2 грана кодеина два раза в день.

*Апрель, 4*

1/2 грана кодеина четыре раза в день.

*Апрель, 5*

1/2 грана кодеина и тиамина по два раза в день.

*Апрель, 6*

Тиамин четыре раза в день. Сегодня уходит сестра.

*Апрель, 7*

Тиамин три раза в день.

Мы, кажется, выбрались!

*Апрель, 8*

Тиамин дважды в день.

*Апрель, 9*

Сегодня она мне сказала, что уверена — болезнь почти побеждена. У меня такое же чувство. Отказываемся от уколов вообще. Впереди обещание новой свободной жизни.

На этом журнал истории болезни заканчивался, потому что как раз тогда Тинка Сакс была убита.

Мейер глянул на Клинга, чтобы убедиться, что он дочитал страницу. Тот кивнул, и Мейер закрыл журнал.

— Убийца забрал не одну, а две жизни, — сказал Мейер. — Ту, которую она закончила, и ту, которую только начинала.

В этот же день Пол Блейни вторично отработал свое жалование за прошедшие четверо суток. Он позвонил, чтобы сообщить, что закончил анатомическое исследование тела Тинки Сакс и обнаружил многочисленные шрамы на верхней передней части бедер обеих ног. Есть

основания утверждать, что шрамы появились в результате постоянных внутренних инъекций. По мнению Блейни, погибшая была наркоманкой.

### ГЛАВА 13

Воспользовавшись одним из периодов, когда он снова был без сознания, она надела ему наручники на заведенные за спину руки и с помощью кожаного ремня скрутила ноги. Теперь он лежал на полу голый и ждал ее появления, стараясь убедить себя, что нисколько в ней не нуждается, и зная, что отчаянно нуждается в ней.

В комнате было очень тепло, но он дрожал. Кожа его зудела, а он не мог даже почесаться, потому что руки его сковывали наручники. Он чувствовал, как пахнет его тело, ведь он не мылся и не брился все эти дни. Но ему было наплевать и на запах, и на щетину. Его волновал лишь один вопрос: почему ее нет до сих пор, чем она занята?

Он лежал в темноте и старался не считать минуты.

Она вошла в комнату совершенно голой. Свет не включила. В руках все тот же знакомый поднос, но на нем теперь не было ничего съестного. Слева на нем лежал пистолет. Рядом с ним небольшая картонная коробка, спички, ложка с загнутой дугой ручкой и пакетик из плотной бумаги.

— Здравствуй, куколка,— сказала она.— Соскучился по мне?

Карелла ничего не ответил.

— Ты меня ждал? — спросила девушка.— Что случилось, тебе что, не хочется разговаривать? — Она засмеялась своим безрадостным смехом.— Не волнуйся, милый, я тебя налажу.

Она поставила поднос на стул возле двери и подошла к нему.

— Пожалуй, я с тобой немного поиграю,— продолжала она.— Хочешь, чтобы я с тобой поиграла?

Карелла молчал.

— Ну, если ты не хочешь даже говорить со мной, то мне, наверное, лучше уйти. В конце концов, я знаю, когда мне не...

— Нет, не уходи,— проговорил Карелла.

— Ты хочешь, чтобы я осталась?

— Да.

— Скажи мне об этом.

— Я хочу, чтобы ты осталась.

— Так-то лучше. Чего же ты хочешь, малыш? Тебе хочется, чтобы я с тобой немножко поиграла?

— Нет.

— Ты не любишь, когда с тобой играют?

— Нет.

— Что же ты любишь?

Он не ответил.

— Ну, должен ведь ты сказать мне. А то как я смогу тебе помочь?

— Я не знаю,— сказал Карелла.

— Не знаешь, что любишь?

— Да.

— Тебе нравится, как я выгляжу без одежды?

— Да, ты выглядишь хорошо.

— Но тебя это не интересует, да?

— Нет.

— Что же тебя интересует?

Он опять не сказал ни слова.

— Но ты ведь должен знать, что тебя интересует. Знаешь?

— Нет, не знаю.

— Т-с,— прошептала она, поднялась и пошла к двери.

— Куда ты? — спросил он.

— Только налью немного воды в ложку, куколка,— ласково пропела она.— Не волнуйся. Я вернусь.

Она взяла ложку с подноса и вышла из комнаты, оставив дверь открытой. Он слышал, как в кухне побежала вода. Скорее, подумал он, и тут же — нет, ты не нужна мне, оставь меня в покое, черт тебя побери, оставь меня в покое!

— Вот и я,— сообщила девушка.

Она сняла поднос со стула, села и взяла в руки паке-тик. Высыпав его содержимое в ложку с водой, она за-жгла спичку и подержала ее под почерневшим углубле-нием.

— Сейчас все приготовим,— сказала она.— Все приго-товим для моего малыша. Тебе ведь страстно этого хо-чется, правда? Ничего, я о тебе позабочусь, моя кукол-ка. Так как зовут твою жену?

— Тедди.

— О, надо же,— проговорила она,— ты все еще по-мнишь! Как нехорошо, как стыдно!

Она потушила спичку, открыла принесенную коробочку и достала из нее шприц и иглу. Вставив иглу, она нажала на поршень, выдавливая воздух. Из той же коробки, в которой хранился шприц, она взяла кусочек гигроскопической ваты и, используя его в качестве фильтра, зная, что самая мельчайшая крупинка может засорить крошечное отверстие в игле, процедила жидкость в шприц, улыбнулась и сказала:

— Ну вот, все готово для моей куколки.

— Я не хочу этого,— внезапно произнес Карелла.

— О, милый, пожалуйста, не лги мне,— спокойно проговорила она.— Я знаю, что хочешь. Так как зовут твою жену?

— Тедди.

— Тедди, ну-ну, ладно.

Из той же картонной коробки она достала резиновый жгут, подошла к Карелле и, положив шприц на пол рядом с ним, обмотала жгутом ему руку чуть выше локтевого сустава.

— Ну, как зовут твою жену?

— Тедди.

— Хочешь этого, куколка?

— Нет.

— Ну что ты, это же замечательно,— сказала она.— Мы ведь уже пробовали, разве тебе было плохо? Разве у тебя сейчас не болит и не ноет все тело, требуя еще? Как зовут твою жену?

— Тедди.

— И у нее такие же груди, как у меня?

Карелла не ответил.

— А, тебя же это не интересует, правда? Все, о чем ты думаешь,— здесь, в шприце, не так ли?

— Нет.

— Это же замечательная наркота, малыш. Не какие-нибудь тебе глазные капли, ни-ни. Все чин-чином, по высшему классу. Не знаю только, как мы будем поддерживать тебя в форме — теперь, когда нашей маленькой красавицы, нашей благодетельницы не стало. Ему не следовало ее убивать, в самом деле не следовало.

— Зачем тогда он это сделал?

— Здесь я задаю вопросы, куколка. Ты помнишь имя своей жены?

— Да.

— Как ее зовут?



— Тедди.

— Ну, тогда я начну. Я прекрасно умею делать это сама.— Она подняла с пола шприц.— Начинать?

— Делай, что хочешь.

— Если я уйду из комнаты,— сказала девушка,— я ведь больше не вернусь до утра. Это будет долгая-долгая ночь, малыш. Ты воображаешь, что сможешь провести ее, не зарядившись? — Она помолчала.— Так ты хочешь или нет?

— Оставь меня в покое.

— Нет, нет и нет. В покое мы тебя не оставим. Пройдет немного времени, милый, и ты захочешь рассказать нам все, все, что знаешь. Ты расскажешь нам в точности, как нас нашел, расскажешь, потому что иначе мы оставим тебя здесь захлебываться собственной блевотиной. Ну так как зовут твою жену?

— Тедди.

— Нет.

— Да, ее зовут Тедди.

— Как же я дам тебе это, если у тебя такая хорошая память?

— Тогда не давай мне.

— Хорошо,— сказала девушка и направилась к двери.— Спокойной ночи, куколка. Увидимся утром.

— Подожди.

— Да? — обернулась она. На лице ее было написано полное безразличие.

— Ты забыла жгут,— напомнил Карелла.

— Действительно,— ответила она и, вернувшись к нему, освободила руку от повязки.— Хочется поиграть в героя? Давай. Посмотрим, на сколько тебя хватит. Завтра утром ты будешь кататься по полу, когда я приду.— Она поцеловала его в губы, глубоко вздохнула.— Ах, зачем ты вынуждаешь меня плохо обращаться с тобой?

Она вернулась к двери, убрала жгут и вату обратно в картонную коробочку, уложила на поднос спички, ложку и среди прочего шприц.

— Ну, спокойной ночи,— проговорила она и вышла из комнаты, запев за собой дверь.

Саржант Тони Крейслер, следователь полицейского управления в Лос-Анджелесе, к которому за сведениями обратился Мейер, как только они с Клингом дочитали

журнал доктора Леви, все не звонил. И только в девять вечера — у них на побережье значит было шесть — наконец раздался телефонный звонок.

— Задали вы мне работы, целый день ушел,— сказал Крейслер.— Нелегко рыться в картотеке, выискивать такие старые дела.

— Нашли что-нибудь? — спросил Мейер.

— Сказать по правде, если бы вы работали не в отделе убийств, я бы это давно бросил и послал вас к черту.

— У вас есть что-то для меня? — терпеливо повторил Мейер.

— Это дело двенадцати—тринадцатилетней давности. Вы действительно думаете, что есть какая-то связь?

— Ничего другого нам не остается,— сказал Мейер.— Видимо, стоит попытаться.

— К тому же междугородные переговоры оплачивает муниципалитет, верно? — засмеялся Крейслер.

— Верно,— признал Мейер, ожидая своего часа и надеясь, что за переговоры Крейслера тоже рассчитается его муниципалитет.

— Ну, так вот,— проговорил Крейслер, перестав, наконец, смеяться.— Вы угадали насчет того ареста. Правда, у девушки тогда была другая фамилия. Она зарегистрирована у нас как Тинка Карин Грейди. Думаете, она?

— Скорее всего, девичья фамилия.

— И я так решил. Их накрыли в квартире на Норт-Голливуд вместе с двадцатью пятью капсулами героина, больше восьми унций, но больше или меньше — значения не имеет. У нас не установлено никакого минимума, любое количество вещества, действующего как наркотик, считается нарушением закона и рассматривается в суде. У вас по-другому, насколько я знаю.

— Да.

— Так вот, парень-то оказался наркоманом со стажем, все вены у него на руках были исколоты. А Грейди — совсем девочка, явно новичок, трудно было понять, что ее привело в одну компанию с таким подонком, как он. Она заявила: я не знала, что он наркоман, он пригласил меня в квартиру, напоил вином, а потом насильно сделал укол. Других следов инъекций на ее теле не нашли, только этот, единственный...

— Подождите минутку,— попросил Мейер.

— Да, что такое?

— Девушка заявила, что он насильно сделал укол? Именно она?

— Да. Сказала, что он напоил ее.

— Значит, этот человек не выгораживал ее?

— Что вы имеете в виду?

— Он не говорил, что торгует наркотиками и насильно посадил девушку на иглу?

Крейслер опять засмеялся.

— Вам когда-нибудь попадался наркоман, который хотел бы, чтобы его арестовали как торговца наркотиками? Вы что, шутите?

— Девушка рассказывала своему врачу, будто мужчина спас ее, взяв всю вину на себя.

— Абсолютная ложь,— сказал Крейслер.— Говорила-то именно она, причем как! Она убедила судью, что невиновна, и получила приговор с отсрочкой исполнения.

— А он?

— Был осужден, отбывал срок в Соледаде, там сидят от двух до десяти лет, в зависимости от поведения.

— Так вот почему она посылала ему деньги! Не потому, что была перед ним в долгу, а потому, что чувствовала себя чертовски виноватой!

— Ей в суде дали шанс, все справедливо,— возразил Крейслер.— Ей же было девятнадцать лет. Ребенок! Откуда вы знаете? Может, он действительно вынудил ее? Заставил принимать наркотики, чтобы иметь покупателя?

— Сомневаюсь. С семнадцати лет она курила марихуану и регулярно нюхала порошки.

— А, ну мы этого не знали.

— Как звали того человека?

— Фриц Шмидт.

— Фриц? Это что, прозвище?

— Нет, такое странное имя. Фриц Шмидт.

— Какие у вас есть последние сведения о нем?

— Он был досрочно освобожден через четыре года. Ему выдали справку, что он совершенно здоров, и с тех пор у нас с ним не было никаких неприятностей.

— Он по-прежнему в Калифорнии, вы не знаете?

— Не могу вам сказать.

— Хорошо, большое спасибо.

— Пожалуйста,— ответил Крейслер и положил трубку.

Ни в одном из городских телефонных справочников имени Фрица Шмидта не оказалось. Но если верить за-

писи в журнале доктора Леви, “друг из Калифорнии” приехал к Тинке только в сентябре. Почти не надеясь на успех, Мейер позвонил в справочную, представился и спросил, нет ли в списке новых жителей телефона, принадлежащего мистеру Фрицу Шмидту.

Через две минуты, захватив оружие, Мейер и Клинт выходили из отделения.

В девять двадцать пять девица вернулась в комнату, на этот раз полностью одетой. В правой руке она держала пистолет. Тихо закрыв за собой дверь, не включая верхнего света, она молча смотрела на Кареллу несколько минут. Светились неонам просветы меж опущенных штор на другом конце комнаты. Потом она сказала:

— Ты дрожишь, милый.

Карелла молчал.

— Какой у тебя рост?

— Шесть и два.

— У нас найдется для тебя подходящая одежда.

— С чего вдруг такая забота? — спросил Карелла.

Он обливался потом и одновременно дрожал, хотел разорвать оковы, освободить руки и встать на ноги, но не имел сил сделать ни того, ни другого. Он чувствовал себя ужасно больным и знал, чем является то единственное, которым его можно вылечить.

— Совсем никакой заботы, малыш, — проговорила девушка. — Надо одеться, потому что мы собираемся увезти тебя отсюда.

— Куда?

— Куда-нибудь.

— Куда?

— Не волнуйся. Сначала мы дадим тебе хорошую дозу.

Он почувствовал внезапную радость. Он попытался скрыть ее, согнать с лица, старался не улыбнуться, надеясь и боясь надеяться, что девица не издевается над ним в очередной раз. Дрожа, он лежал на полу, а его мучительница засмеялась и сказала:

— А что, жутко, когда укольчик запаздывает, правда?

Карелла не ответил.

— А знаешь ли ты, что такое чрезмерная доза героина? — вдруг спросила она.

Дрожь прекратилась всего лишь на минуту с тем, чтобы начаться еще сильнее. Казалось, слова девушки эхом

разнеслись по комнате: знаешь, что такое чрезмерная доза героина... чрезмерная... героина... знаешь... знаешь?..

— Знаешь? — настойчиво повторила девица.

— Да.

— Тебе не будет больно, — продолжала она. — Это убьет тебя, но не причинит боли. — Она опять засмеялась. — Подумай об этом, малыш. Представляешь, сколько здесь в городе наркоманов? Двадцать тысяч, двадцать одна, как думаешь?

— Не знаю.

— Хорошо, пусть будет двадцать. Люблю круглые цифры. Двадцать тысяч наркоманов рыскают повсюду и ищут, где бы достать еще наркоты хоть на один угол. А мы тебе тут всаживаем ее столько, что семь-восемь из них спокойно существовали бы неделю. Как тебе это нравится? Какая щедрость, какое великодушие! А, малыш?

— Спасибо, — сказал он. — Чего же вы хотите... — начал он и не договорил, потому что у него стучали зубы. Подождав немного, он глубоко вздохнул и сделал еще одну попытку: — Чего вы хотите добиться, убив меня?

— Сохранения тайны, — ответила девушка.

— Каким образом?

— Ты единственный в мире знаешь, кто мы и где нас искать. Когда тебя не станет, тайну никто не разгласит.

— Нет.

— О, да, да, малыш.

— Я говорю тебе, нет. Они найдут вас.

— Ха-ха.

— Да.

— Как?

— Так же, как я.

— Ха-ха, это невозможно.

— Пока я не раскрыл вам вашей ошибки...

— Никакой ошибки не было, малыш. — Девушка помолчала. — Была только маленькая девочка, игравшая своей куклой.

В комнате стало тихо.

— Эта кукла у нас, милый. Мы нашли ее в твоей машине, помнишь? Такая красивая кукла. Очень дорогая, могу поспорить.

— Это подарок моей дочери. Я же говорил...

— Ты не стал бы дарить своей дочери подержанную куклу, правда? Нет, милый.— Она улыbnулась.— Несколько минут назад я случайно заглянула кукле под платье. Милый, для тебя все кончено, поверь мне.

Она повернулась и открыла дверь.

— Фриц,— позвала она,— иди сюда и помоги мне.

По фамилии на почтовом ящике внизу они определили, что Фриц Шмидт живет в тридцать четвертой квартире. Они поднимались вверх через две ступеньки, на третьем этаже достали револьверы и пошли по коридору, разглядывая номера квартир. В конце коридора Мейер приложил ухо к двери. Ничего не было слышно. Он отошел от двери и кивнул Клиngu. Тот сделал несколько шагов назад, широко расставил ноги и собрался с силами. Используя Клинга в качестве опоры, Мейер высоко поднял ноги и ударил в дверь изо всей силы. Замок выворотило, и дверь широко распахнулась. Мейер ворвался в квартиру с револьвером в руке, следом Клинг. Оказавшись в комнате, они сразу развернулись — один влево, другой вправо.

Какой-то мужчина бросился бежать к правой стене большой гостиной. Он был высок ростом, с массивными плечами и прямыми белыми волосами. Взглянув на полицейских, он сунул руку внутрь пиджака к поясу. Ни Мейер, ни Клинг не стали дожидаться, что будет дальше. Они выстрелили почти одновременно. Пули ударили в огромную грудь, и мужчину отбросило к стене. Мгновение он еще цеплялся за нее, потом рухнул на пол, головой вперед.

В дверях возникла еще одна персона. Это была очень крупная девица, в правой руке она держала пистолет. Панический страх пробежал по ее лицу, странно контрастируя с неподвижной, застывшей улыбкой, будто она все это время ждала их, готовилась к этому визиту и, фактически, была им рада.

— Осторожно, она вооружена! — крикнул Мейер.

Но девушка быстро повернулась, целясь пистолетом не в них, а во что-то на полу в другой комнате. В ту долю секунды, пока она поворачивалась и вытягивала руку, Клинг успел увидеть голого мужчину, лежащего возле батареи со связанными руками и ногами. Он лежал, отвернувшись от двери, но Клинг сразу понял, что это Карелла.

Автоматически и без всяких колебаний Клинг выстрелил в женщину. Впервые ему пришлось послать пулю человеку в спину. Она вошла высоко между лопатками. Почти в тот же момент грянул пистолет в руках девушки, но она уже падала, подбитая Клингом, и ее пуля прошла мимо цели. С огромным усилием девица поднялась, пока Клинг бежал в комнату, и вновь направила пистолет на Кареллу. Но Клинг ударил ногой по вытянутой руке, ее подбросило вверх в тот момент, когда грохнул выстрел. Однако девица не думала отступить. Пальцы ее все еще крепко сжимали оружие, и, целясь в третий раз, она закричала:

— Дай же мне убить его, ты, скотина! — Палец ее надавил на курок.

Но Клинг выстрелил вновь, чуть опередив ее.

Пуля попала девице в лоб, прямо над правым глазом. Поля из ее пистолета царапнула батарею и, отскочив, отлетела к задернутому шторами окну. Послышался звон разбитого стекла.

Рядом с Клингом стоял Мейер.

— Спокойно, — сказал он.

Клинг не плакал с тех пор, как четыре года назад убили Клэр. Теперь, стоя в центре залитой неоновым светом комнаты, возле одной стены которой лежала мертвая, залитая кровью девушка, а возле другой, у батареи, голый и дрожащий Карелла, он вдруг зарыдал. Все его тело сотрясало от рыданий, обессиленно болталась рука, все еще сжимавшая револьвер.

Мейер обхватил плечи Кареллы.

— Спокойно, — повторил он. — Все позади.

— Кукла, — прошептал Карелла. — Возьмите куклу.

## ГЛАВА 14

Кукла была тридцати дюймов ростом. Тридцать дюймов от белокурой макушки до кончиков черных кожаных туфель. Наряжена в белое прозрачное платье с оборками, белые носочки, нейлоновое белое белье, корсаж из черного бархата, кружевную кокетку и воротничок. В центре под воротничком блестело что-то, казавшееся поначалу золотой брошью.

Кукла называлась Болтушкой.

В пластмассовом животе куклы помещались две батарейки и девятивольтовый транзистор. Доступ к ним прикрывала пластмассовая крышечка под цвет тела, которую удерживал на месте простой пластмассовый замок-задвижка. Сразу над батарейками располагалась пластмассовая решетка тоже телесного цвета, скрывавшая за собой в кукольной груди миниатюрный электронный приборчик. Из-за него куклу и звали Болтушкой, ибо это был крошечный магнитофон.

Кнопкой, включающей запись, служила блестящая брошь у воротничка куклы. Чтобы сделать запись, ребенку достаточно было повернуть декоративную кнопку против часовой стрелки, подождать, когда появится сигнал, и потом говорить, пока он не прозвучит еще раз. После этого кнопка устанавливалась в исходное положение. Чтобы воспроизвести запись, ребенок поворачивал брошь по часовой стрелке, и записанное повторялось до тех пор, пока кнопку опять не устанавливали в первоначальную позицию.

Когда следователи повернули кнопку-брошь по часовой стрелке, они услышали сразу три голоса. Один принадлежал Анне Сакс. Он звучал отчетливо и ясно, потому что в ту ночь, когда убивали ее мать и когда была сделана запись, кукла лежала у девочки на коленях. Детский голосок снова и снова убеждал куклу: "Не бойся, Болтушка, только, пожалуйста, не бойся. Там никого нет. Не надо-бояться, Болтушечка".

Второй голос был менее четким, он доносился из-за тонкой перегородки, отделявшей детскую от спальни матери. Последующая проверка в лаборатории показала, что записывающее устройство, чрезвычайно чувствительное для прибора таких размеров, способно улавливать громко произнесенные слова на расстоянии двадцати пяти футов. Но и в этом случае второй голос вряд ли удалось бы записать, если бы Анна не сидела очень близко к тонкой, разделяющей комнаты стене. К тому же надо учесть, что голоса в спальне вопили и визжали, особенно под конец.

От сигнала до сигнала запись продолжалась лишь полторы минуты. На всем протяжении слышался голос девочки, убеждающий куклу: "Не бойся, Болтушка, только, пожалуйста, не бойся. Там никого нет. Не надо бояться, Болтушечка". А за ним, словно вихрь ужаса, немолчающий вопль Тинки Сакс. Первоначально ее слова



невозможно было разобрать, казалось, в этом крике и не было отдельных слов, а только далекий невнятный поток смертельного страха, какой-то бесконечный стон, то стихающая, то набирающая силу мольба о пощаде. Но по мере того, как отчаяние Тинки росло, по мере того, как убийца безжалостно настигал ее в комнате, сжимая в руках нож, голос ее становился громче, слова отчетливей. “Не надо! Пожалуйста, не надо!” — слышался крик, а на его фоне детский голосок умиротворяюще заклинал: “Не бойся, Болтушка, только, пожалуйста, не бойся”. Слова ужаса и умиротворения, голоса матери и дочери смешивались, переплетались: “Не надо, пожалуйста, я вся в крови!.. Там никого нет, Болтушка, не надо бояться... Фриц, остановись, прошу тебя, Фриц, перестань, перестань... пожалуйста, не бойся, Болтушка, только, пожалуйста, не бойся”.

В сумятице звуков явственно различался еще один участник — мужчина. В этой записи его голос громышал отдаленным громом. Только раз отчетливо прозвучало его слово “сука!”, втиснутое в промежуток между детским утешительным обращением к кукле и слабеющими мольбами Тинки о пощаде.

В конце Тинка еще раз громко выкрикнула имя мужчины: “Фриц!”, и потом ее голос словно угас. Она невнятно проговорила что-то вроде “пожалуйста”, которое утонуло в шепоте Анны: “Не плачь, Болтушка, постарайся не плакать”.

В молчании следователи выслушали то, что поведала им куколка. Потом посмотрели, как санитары скорой помощи выносят на одних носилках Кареллу, на других — еще дышащего Шмидта.

— Девушка мертва, — констатировал медэксперт.

— Знаю, — сказал Мейер.

— Кто ее застрелил? — спросил один из сотрудников отдела убийств.

— Я, — ответил Клинг.

— Мне нужно выяснить обстоятельства убийства.

— Останься с ним, — сказал Мейер Клинку, — а я поеду в госпиталь. Может, этот сукин сын захочет сделать признание перед смертью.

*Я не собирался ее убивать.*

*Она была чертовски счастлива, когда я пришел, смеялась и шутила, поскольку думала, что наконец-то навсегда избавилась от наркоты.*

Я сказал, что она свихнулась. От этого никогда не избавиться.

Я не кололся с трех часов дня. Голова плохо соображала. Я сказал ей, что мне нужны деньги на наркотики, а она заявила, что не может больше мне давать деньги, сказала, что не хочет больше иметь ничего общего ни со мной, ни с Пэт — так зовут девушку, которая со мной живет. Она не имела права так поступать со мной, особенно тогда, когда мне было так хреново. Она видела, что я готов лезть на стены, но попивала свой паршивый холодный чай и говорила, что больше не может содержать меня, что не собирается тратить половину своего дохода на то, чтобы я был в тонусе. Я напомнил, что она мой должник. Что я провел четыре года в Соледаде из-за нее, этой маленькой суки! Она обязана мне! Она сказала, чтобы я сматывался отсюда. Велела мне убираться и оставить ее в покое. Она, видите ли, покончила со мной и такими, как я. Ведь я же завязала, разве ты не понял, сказала она мне, я избавилась от этого!

Я умру?

Я...

Я взял...

Я взял с подноса нож.

Я не хотел убивать ее, все это из-за того, что мне нужен был укол. Разве она не видела? Христа ради просил я ее, в память о тех временах, когда мы были вместе!

Я вонзал в нее нож... не знаю, сколько раз.

Я умру?

Со стены упала картина, это я помню.

Я забрал все деньги из ее дамской сумочки, лежавшей на комод. Там было сорок долларов десятками. Я выбежал из комнаты, бросил нож где-то, кажется, в прихожей, не помню. Я понял, что ехать вниз на лифте нельзя, это я еще способен был сообразить. Поэтому я вылез на крышу, перебрался на другой дом и таким образом выбрался на улицу. На сорок долларов я купил двадцать капсул. Нам с Пэт было очень хорошо, очень.

Я не знал о том, что дочка Тины находилась там, в квартире. Только сегодня, когда Пэт случайно включила эту чертову говорящую куклу, я узнал.

*Если бы мне стало известно это тогда, я бы, наверное, дочку тоже убил. Не знаю.*

Фриц Шмидт так никогда и не подписал свое признание, потому что умер через семь минут после того, как стенограф начал перепечатывать его с диктофона.

Лейтенант Бернис стоял рядом, пока двое сотрудников отделения убийств допрашивали Клинга. Они посоветовали ему не делать никаких заявлений до приезда Берниса, и теперь, когда тот прибыл, быстро приступили к своей привычной работе. Клинг по-прежнему все никак не мог совладать с собой, и два полицейских были просто в смущении, допрашивая его — взрослого мужчину, да еще к тому же полицейского, который рыдает, как ребенок. Бернис смотрел в лицо Клингу, но ничего не говорил.

Сотрудников отдела убийств звали Карпентер и Колхаун. Они были очень похожи друг на друга. Бернису вообще не приходилось встречать полицейских из этого отдела, которые не были бы похожи. Он полагал, что на этих ребят наложена печать их особой профессии. Глядя на них, Бернис не мог вспомнить, кто Карпентер, а кто Колхаун. Даже голоса их звучали одинаково.

— Начнем с вашего имени, звания, личного номера, — сказал Карпентер.

— Бертрам Клинг, следователь третьей категории, значок номер 74579.

— Отделение? — спросил Колхаун.

— Восемьдесят седьмое, — Клинг все еще всхлипывал. Слезы не переставая катились по его лицу.

— Фактически, вы только что совершили убийство, Клинг.

— Оно квалифицируется как оправданное, — уточнил Колхаун.

— Правоправное, — поправил Карпентер.

— Оправданное, — повторил Колхаун. — Уголовный кодекс, статья 1054.

— Нет, неверно, — настаивал Карпентер. — В целях обороны, статья 1055. Убийство является правоправным, если совершается государственным служащим при задержании лица, совершившего тяжкое уголовное преступление и скрывающегося от правосудия. Правоправное.

— Эта девушка совершила тяжкое преступление? — спросил Колхаун.

— Да,— ответил Клинг. Он кивнул, попытался смахнуть слезы, но они все равно стуились по лицу.— Да, да, совершила.

— Объясните, пожалуйста.

— Она... она готова была застрелить Кареллу. Хотела убить его.

— Вы сделали предупредительный выстрел?

— Нет. Она повернулась ко мне спиной и... она прицелилась из пистолета в Кареллу, поэтому я выстрелил, как только вошел в комнату. Думаю, попал ей между лопаток. Первым выстрелом.

— Что потом?

Клинг вытер глаза тыльной стороной ладони.

— Потом она... она вновь стала стрелять. Я ударил ногой ей по руке, и пуля прошла мимо. Тогда она... хотела выстрелить в третий раз, и я... я...

— Вы убили ее,— ровным голосом проговорил Карпентер.

— Да,— признал Колхаун.— Правоправное.

— Абсолютно,— согласился Карпентер.

— Я говорил это с самого начала,— заявил Колхаун.

— Она уже до этого совершила преступление, насильно удерживая здесь офицера полиции. Вот ведь чертова баба! Потом она трижды стреляла в него. Если это не является тяжким преступлением, то я готов съесть все уголовные кодексы этого паршивого штата!

— Вам не о чем беспокоиться, Клинг.

— Кроме большого судебного жюри. Это дело будет рассматриваться большим жюри, Клинг, так, будто вы обычный гражданин.

— Все равно вам нечего беспокоиться,— повторил Колхаун.

— Она бы убила его,— сказал Клинг. Слезы его внезапно высохли, он смотрел на двух полицейских из отдела убийств так, будто впервые их видел.— Второй раз?! Я не мог этого допустить.

Ни Карпентер, ни Колхаун не понимали, о чем говорит Клинг. Бернис знал, но вовсе не собирался им объяснять. Он просто подошел к Клингу и сказал:

— Забудь о тех обвинениях, которые я тебе предъявил. Иди-ка домой и отдохни немного.

Оба сотрудника отдела убийств опять не поняли, что, черт возьми, теперь говорит Бернис. Они поглядели друг на друга, пожали плечами и отнесли это за счет эксцентричности восьмьдесят седьмого отделения.

— Ну,— проговорил Карпентер.— Думаю, теперь все.

— Я тоже так думаю,— кивнул Колхаун. Потом, поскольку Клинг явно, наконец, взял себя в руки, он позволил себе слегка пошутить.— В тюрьму не пойдем, а?

Ни Бернис, ни Клинг даже не улыбнулись.

Колхаун и Карпентер откашлялись и ушли, не попрощавшись.

Она сидела в темной больничной палате и смотрела на своего неподвижно лежащего мужа. Она ждала, когда он откроет глаза, едва веря в то, что он жив, и молясь теперь, чтобы он быстрее поправился.

Врачи обещали немедленно приступить к лечению. Они объяснили ей, что трудно точно установить время, необходимое для того, чтобы сделать человека наркоманом, главным образом потому, что в героине, продающемся нелегально, бывает различное количество примесей. Карелла сказал им, что первую инъекцию ему сделали в пятницу поздно вечером, а это значит, что он получал наркотики чуть больше трех дней. По мнению врачей, человек, психологически расположенный к наркомании, несомненно, мог бы за это короткое время обрести стойкую привычку. Но медики действовали исходя из того, что Карелла никогда прежде не принимал наркотиков, а героин, который ему насильно вводили, распространялся незаконным путем, а значит имел примеси. При таких условиях, чтобы сделать его наркоманом, потребовалось бы две-три недели. Во всяком случае, они начнут лечение (если здесь вообще применимо это слово) немедленно, и нет никаких сомнений, что оно будет успешным. Врачи объяснили, что в данном случае нет психологической зависимости, которая обычно наблюдается у заядлого наркомана, потом долго говорили насчет нарушений психики, уровня восприимчивости и физической зависимости. А потом один из врачей вдруг спокойно спросил, не проявлял ли Карелла раньше какого-то интереса к наркомании, не пробовал ли?

Тедди решительно покачала головой.

Ну и прекрасно, сказали они. Тогда мы уверены, что все пройдет хорошо. Мы убеждены в этом, миссис Каре-

лла. Что касается его носа, то утром мы проведем более основательное обследование. Пока трудно определить, когда он получил увечье, вы понимаете, и может сломанные кости уже срослись. В любом случае мы сумеем исправить его, хотя для этого, наверное, потребуется пластическая операция. Будьте уверены, мы сделаем все, что от нас зависит. Хотите его сейчас увидеть?

Она сидела в темноте.

Когда он, наконец, открыл глаза, то, казалось, удивился, увидев ее. Он улыбнулся и сказал:

— Тедди.

Она улыбнулась в ответ и осторожно коснулась его лица.

— Тедди,— снова повторил он, затем добавил что-то, но, может, потому что в комнате было темно и она плохо видела его губы, Тедди не могла с уверенностью сказать, правильно ли поняла его.

— Так тебя зовут,— прошептал он,— я не забыл.



**ЗНАКОМСТВО  
С УБИЙЦЕЙ**





## ГЛАВА I

Этот город похож на женщину. Женщины — это хорошо. Ты ведь живешь ими.

Вот он, перед тобой,— город-баба, город-дама, горделиво поднял голову в венке осенней парковой листвы. Волны реки, протекающей через город — кружевное белье, из которого выглядывают пышные выпуклые груди. Набережная — упругий нежный живот, кварталы вдоль набережной — бедра, сколько раз ты припадал к ним, потеряв голову. Город — женщина, и она принадлежит тебе. По осени она душится крепчайшей эссенцией, горьким настоем дровяного отопления домов и выхлопных газов. Она пахнет машинами и уличной толпой.

Город — женщина. Она может быть свежей после сна, чисто умытой и спокойной. Она обнажает свои стройные автострады под утренним ветерком. Она жива. Жива!

Она бывает замарашкой и звездой. Она крадется, словно львица в джунглях, и шкура ее сверкает в сиянии огней. Она страстная, злобная, ироническая. Она любит покапризничать, но тебе известны все ее причуды.

Полнотелая, порою нечистоплотная, она может корчиться от боли, а может вскрикивать от оргазма.

Город — это женщина, и больше никто. И это хорошо, потому что ты живешь женщинами.

Ты отнимаешь у них... Ты грабишь их...

Солнце, пробившись сквозь решетки на окнах, расчерчивало узором светотени лицо женщины, сидящей на жестком стуле в одном из кабинетов полицейского участка. Женщину звали Кэтрин Элио.

Ее нельзя было назвать красивой. Нос у нее был длинный, глаза тусклые, брови — слишком косматые. Из-под толстых губ выпирал острый подбородок. И нельзя сказать, чтобы синяк под глазом и глубокая ссадина на подбородке особенно украшали ее.

— Этот человек вынырнул бог весть откуда,— рассказывала мисс Элио,— то ли он долго выслеживал меня, то ли я случайно попала к нему на глаза — не знаю.

Инспектор Роджер Хевиленд смотрел на посетительницу сверху вниз. Иначе не получалось. Хевиленд был высоченный, здоровенный мужик с физиономией ангела, как это ни странно. Своим обычным громким и грубым басом он спросил:

— Вы слышали, как он шел за вами?

— Не могу припомнить.

— Надо попытаться, мисс Элио.

— Я пытаюсь.

— А что, разве фонари не горели? — продолжал допрос Хевиленд.

— Нет, не горели.

Эл Уиллис смерил взглядом посетительницу, затем коллегу Хевиленда. Уиллис не отличался ни чересчур высоким ростом, ни особо развитой мускулатурой. Но работал он здорово. Его карие глаза искрились смехом. Уиллис улыбался постоянно. Даже когда очень злился. Но сейчас он не злился. Сейчас он, откровенно говоря, скучал. Уже не в первый раз он слышал в этом кабинете историю о нападении в темноте. Если уж быть совсем точным, то он слушал ее в двенадцатый раз.

— Скажите, когда он ударил вас? — спросил Уиллис.

— Он сначала выхватил у меня сумочку...

— А, может быть, сначала ударил, а потом уже выхватил сумочку?

— Нет, нет, сначала выхватил.

— А сколько раз он ударил вас, не помните?

— Хорошо помню. Он ударил два раза.

— Никаких его слов вы не запомнили?

— Он сказал, — мисс Элио нахмурилась, — он сказал, что ударил меня нарочно, чтобы я не звала на помощь, когда он убежит.

— Ну? — Уиллис повернулся к Хевиленду.

Тот со вздохом пожал плечами и неопределенно покачал головой.

Уиллис грустно помолчал и продолжил:

— Мисс Элио, он вам случайно не называл себя?

— Да, да, — поспешно закивала женщина. Она чуть не плакала. — Я вас понимаю. Ужасно глупо! Просто невозможно поверить! Но я говорю чистую правду. Это впервые в жизни у меня такое... чтобы меня так били!

Хевиленд издал шумный вздох. Уиллис попытался успокоить потерпевшую.

— Да не плачьте, мисс Элио, прошу вас. Мы верим вам. Просто вы у нас к сожалению не первая. Нам уже рассказывали нечто подобное. Теперь мы стараемся сопоставить то, что рассказываете вы, с показаниями других женщин.

Уиллис подал мисс Элио носовой платок.

— Не плачьте...

— Благодарю,— женщина шмыгнула носом.

Хевиленд бессмысленно мигал, поглядывая на своего учтивого коллегу. Уиллис нежно улыбнулся. Мисс Элио прижала платок к глазам. Вежливость полицейского подействовала на нее. Бй стало легко, как будто она не давала показания по поводу нападения на нее с целью ограбления, а просто делала обыденные покупки у вежливого продавца.

— Вот и славно,— ласково произнес Уиллис, видя, что она успокоилась.— А теперь скажите, когда именно он вам представился?

— После того, как он ударил меня.

— Что именно он сказал?

— Но... перед этим был еще один странный поступок...

— Какой?

— Ах, это так глупо, то, что я говорю...

В ответ Уиллис очаровательно улыбнулся. Кэтрин Элио вдруг ответила ему нежной девичьей улыбкой. Хевиленд заподозрил, что эти двое, кажется, собрались влюбиться друг в дружку.

— Нет, нет, вы ничего глупого не скажете. Все это очень важно,— произнес Уиллис авторитетным тоном.

— Ну вот... Он ударил меня и сказал, чтобы я не смела звать на помощь. И вдруг он... Он почтительно поклонился мне! — Кэтрин уставилась на полицейских, ожидая увидеть на их лицах крайнее удивление. Но ничего подобного не увидела. Лица их были совершенно спокойны.

— Он поклонился...— кажется, женщина немного разочаровалась, не увидев удивления на лицах двух полицейских.

— И дальше? — подбодрил Уиллис.

— Дальше он сказал: “Мадам, примите благодарность от Клиффорда”.

— Пожалуйста, все совпало,— Уиллис обернулся к Хевиленду.

Хевиленд недоверчиво хмыкнул.

— “Примите благодарность от Клиффорда”, — повторила Кэтрин. — И растворился в темноте.

— Вы не успели заметить, как он выглядел? — спросил Хевиленд.

— Успела.

— Тогда опишите его внешность.

— Он... — женщина смутилась. — Ну, в нем не было ничего необычного.

Хевиленд и Уиллис переглянулись с терпением и пониманием.

— А что-нибудь более определенное, — Уиллис улыбнулся своей самой нежной улыбкой, — например, волосы. Темные? Светлые? Может быть, он был рыжий?

— Нет, нет. Волосы закрывала шляпа.

— А глаза?

— Он был в темных очках.

— Наверное, на него плохо действует свет фонарей, — заметил Хевиленд иронически. — Или у него глаза большие.

— Возможно, — согласился Уиллис, и снова обратился к мисс Элио. — Он был бритый или с бородой? А, может быть, усы?

— Да.

— Что “да”? — любопытствовал Хевиленд.

— Ну-у...

— То есть, бритый, уса́тый или с бородой? — уточнил Хевиленд.

— Ах да, бритый!

— А нос? Может быть, у него был длинный нос? Или курносый нос?

— По-моему, нос был обыкновенный.

— А губы? Толстые или тонкие?

— Тоже обыкновенные.

— А какого он был роста? Высокий, маленький?

— Рост средний, — определила мисс Элио.

— Толстый или худой?

— Средний... — мисс Элио явно приуныла.

Уиллис перестал улыбаться. Мисс Элио посмотрела на него и тоже посерьезнела.

— Что же мне делать? — сердито заявила она. — Я же не виновата, что у него не было родимого пятна во всю щеку, или бородавки на кончике носа! Я вовсе не хотела, чтобы он был таким вот, без особых примет. И, между прочим, он отнял у меня сумочку с кучей денег.

— Ну что ж,— пробурчал Хевиленд,— мы постараемся сделать все возможное для его задержания. Адрес вы нам оставили. Если что, мы вас вызовем. А опознать его вы смогли бы?

— Конечно! — уверенно сказала Кэтрин.— Ведь я из-за него лишилась огромной суммы!

— Сколько же у вас было денег? — захотел уточнить Уиллис.

— Десять долларов и семьдесят два цента! — выпалила гордо мисс Элио.

— А также драгоценности! — Хевиленд попытался быть остроумным.

— Что вы сказали? — мисс Элио явно не оценила его остроумия.

— Если что, мы дадим вам знать,— прорычал Хевиленд.

С этими весьма обнадеживающими словами он поднялся и, вежливо поддерживая потерпевшую под руку, вывел ее в коридор. Затем вернулся в кабинет и увидел, что Уиллис задумчиво что-то чертит карандашом на листке бумаги.

— Голые задницы рисуешь? — поинтересовался Хевиленд.

— Ты о чем?

— О том, что ты сексуальный маньяк,— уверенно констатировал Хевиленд.

— Ну, конечно! А кстати, как тебе то, что рассказала мисс Элио?

— Ну как! Начиталась газетных статей про этого Клиффорда! Бедная старая дева просто пропадает со скуки в своей конуре. Вчера заглянула под кровать, в тайной надежде обнаружить там Клиффорда. Споткнулась о ночную вазу, получила синяк и решила поискать в полиции острых ощущений,— Хевиленд выпалил все это одним духом.— Но вы с ней здорово подходите друг к дружке. Может получится отличная семейная пара. И почему бы вам не пожениться?

— Сегодня вторник,— заметил Уиллис.— Твое остроумие лучше всего проявляется именно по вторникам. Так значит, ты не веришь ничему из того, что она рассказала?

— Не верю. И думаю, она это здорово выдумала насчет темных очков. И чего только люди не придумают, чтобы приукрасить свою унылую жизнь.

— Но почему бы ему не быть в темных очках,— осторожно сказал Уиллис.

— И в клетчатых шортах, да? Ночью темные очки! Боже ты мой! Глазки у него заболели! — Хевиленд хрюкнул.— И эта фраза насчет благодарности! Конечно, она это вычитала в газетах. Да кто теперь не знает о старине Клиффорде, который сначала стукнет бабу, а потом кланяется!

— А я уверен, что она сказала правду,— решительно возразил Уиллис.

— Ну вот ты и составь протокол,— обрадовался Хевиленд.— Если честно, то меня уже тошнит от этого Клиффорда.

Уиллис поднял голову и довольно долго и внимательно смотрел на своего коллегу.

— Ну, что тебе? — сердито рыкнул Хевиленд.

— Что-то я не могу вспомнить, когда ты в последний раз составлял протокол.

— А почему тебя это так беспокоит?

— Такой уж я беспокойный,— сказал Уиллис.

— Может, тебя уже повысили в должности и назначили комиссаром полиции?

— Пока нет. Но твоя небрежная работа все равно не нравится мне,— осуждающе произнес Уиллис.

Он пододвинул столик на колесиках, где помещалась пишущая машинка, открыл ящик стола и достал бланки.

— А никто у нас особенно не старается,— вызывающе заявил Хевиленд.— Вот, например, Карелла. Он, по-твоему, гробится на работе?

— Да ведь он только что женился!

— Нашел уважительную причину! Эта тетка просто спятила. Да эту чушь, которую она здесь несла, и записывать-то не стоит. Но если тебе так уж нейдет, давай, трудись как следует!

— Может быть, ты все-таки соизволишь посмотреть в папку, где данные о Клиффорде?

— Да я наизусть помню. Клиффорд в темных очках, в клетчатых шортах, вежливо благодарящий ограбленных дам!

— А если мы чего-то не учли? Но тебе ведь шага три до шкафа. Тяжело!

— Да сто раз я просматривал все данные! — рассердился Хевиленд.— Ну ничего стоящего, просто ничего! И болтовня этой идиотки нам не поможет!

— И все-таки?

— Нет, нет, и нет! — Хевиленд упрямо замотал головой. — И даже могу сказать, почему не поможет. Потому что она все придумала. И все это случилось вовсе не на улице.

— Ну а где же?

— В ее дурацком воображении, вот где! — уверенно произнес Хевиленд. — В башке этой твоей красотки Кэтрин Элио!

## ГЛАВА 2

Плечо перестало ныть.

Это было даже забавно. Казалось, простреленное плечо должно ныть до самого конца твоей жизни. А оно не ноет.

Берт Клинг с удовольствием вернулся бы на свою полицейскую службу в 87 участок. Но капитан Фрик решительно заявил, что его нисколько не касается мнение врачей о том, что Берт совершенно здоров, и именно поэтому Берт должен еще с неделю отдохнуть.

Берт отдыхал, но ему было скучно. Неделя отдыха началась вчера, в понедельник, сегодня был уже вторник. День выдался отличный, погожий осенний день. Осень Клингу всегда нравилась, но сегодня он пропадал с тоски.

Сначала в больнице было неплохо. С пулей в плече Клинг вполне сходил за героя. Его беспрерывно навещали коллеги и даже инспектора. Но вскоре ранение Клинга перестало быть сенсацией. Клинг, растянувшись, на плотном больничном матрасе, тоскливо выздоравливал.

Он с нетерпением вычеркивал дни в настенном календаре. Флирт с медицинскими сестрами не принес ни малейшего удовольствия. Даже самые смелые попытки оканчивались без результата, роль пациента не представляла больших возможностей. Один за другим он вычеркивал дни, и думал о том, что хорошо бы поскорее вернуться на службу.

И тут этот Фрик приказывает отдохнуть еще с неделю.

Клинг хотел прямо ему заявить, что вовсе не нуждается в отдыхе. Он чувствовал себя жутко сильным. Он

способен был охранять вдвое больше улиц, чем положено.

Но Фрик не послушался бы. Фрик был туп, как бревно, убеждать его было бесполезно. Пришлось терпеть. Но Клинг очень устал терпеть. Он предпочел бы получить еще одно ранение, чем так загибаться со скуки.

Но, конечно, это было смешно. Кто бы еще стал рваться на службу, при которой можно запросто схлопотать пулю в плечо. Но если честно, его подстрелили во внеслужебное время. Он как раз выходил из бара. И стреляли, честно говоря, случайно. Собирались застрелить совсем другого субъекта.

Субъект носил фамилию Сэвидж и был репортером. Он совал нос глубже, чем следует. При расследовании дела о подростковой банде задавал много лишних вопросов, вот ему и решили отомстить.

Клингу просто не повезло. Он выходил из того самого бара, где Сэвидж выпрашивал парня из банды. И еще у Клинга волосы были светлые, совсем как у Сэвиджа. Парни из банды, по-своему понимавшие принципы справедливости, накиннулись на Клинга. Но он успел выхватить револьвер.

Так вот и стал героем.

Клинг передернул плечами.

Не больно! И почему только он должен торчать дома, вместо того, чтобы обходить вверенный ему участок.

Клинг подошел к окну и загляделся на то, что происходило на улице. Ветер бесстыдно приподнимал девичьи юбочки, не давая девушкам опомниться. Очень интересное зрелище.

Клинг любил девушек. Всех! Обходя свой участок, он с удовольствием озирает именно девушек. Клингу исполнилось двадцать четыре года, он участвовал в войне в Корее. Там он видел много женщин, но их и сравнить нельзя было с американскими девушками.

Там, в Корее, женщины прижимались к земле под летящими воющими бомбардировщиками. Женщины умирали от голода, одежда просто болталась на них. Отвисшими, высохшими грудями они кормили голодных младенцев.

Молодые женщины, девушки, совсем девочки, рылись в кучах мусора. Их глаза были полны страха и скорби.

А сейчас он наслаждался. Потому что у американских девушек были здоровые крепкие груди и сильные строй-



ные ноги. Его бодрили их белые зубы, загорелые лица, светлые волосы. Глядя на них он тоже начинал чувствовать себя сильным и бодрым.

В дверь постучали. Клинг вздрогнул. Он поспешно отвернулся от окна и спросил:

— Кто?

— Это я, Питер,— ответили из-за двери.

— Кто? — не понял Клинг.

— Питер. Питер Белл.

Что за Питер Белл? Клинг не мог вспомнить. На всякий случай он подошел к комоду и вынул свой револьвер тридцать восьмого калибра. Револьвер всегда лежал наготове возле коробочки с зажимами для галстуков. Клинг опустил руку с револьвером, приблизился к двери и немного приоткрыл ее. Когда тебе всаживают пулю в плечо, ты потом как-то отвыкаешь сразу открывать двери.

— Это Питер Белл! — кричали из-за двери.— Берт, старина, открывай!

— Кто вы? — Клинг опасливо всматривался в щель приоткрывшейся двери. Он боялся, что раздастся выстрел.

— Как же ты не помнишь? Питер Белл. Мы ведь выросли вместе. В Риверхеде!

Клинг решил и еще приоткрыл дверь. На площадке он увидел молодого человека лет двадцати семи. Высокого и сильного, одетого в коричневую кожаную куртку. На голове у парня красовалась фуражка яхтсмена. Клинг начал узнавать знакомые черты. Он подумал, что, наверное, выглядит очень глупо с револьвером в руке. И поспешил распахнуть дверь.

— Входите!

Человек вошел. Револьвер, конечно, сразу бросился ему в глаза и вызвал недоуменное удивление.

— Ты что, Берт?

Берт теперь узнал его окончательно. Но вертел оружие и чувствовал себя полным дураком.

— Вот, чищу,— он приподнял револьвер и попытался улыбнуться. Но улыбка, конечно, вышла неестественной.

— Ты хоть узнал меня? — спросил Белл. Клингу сразу стало ясно, что Белл не поверил в чистку револьвера.

— Узнал. Ну, как живешь?

— Да неважно,— Питер подал Клингу руку. Тот внимательно разглядывал его озаренное осенним солнцем лицо. Белл мог показаться очень даже милым, если бы

не невероятной величины нос, эта часть тела помещалась между яркими карими глазами. Этот нос не запомнился Клиngu. Они виделись пятнадцать лет назад, потом Белл переехал. Вот за это долгое время нос и вырос. Клиngu стало неловко. Наверное, Белл заметил, как старый приятель разглядывает его нос.

— Паяло, да? — смешливо бросил Питер Белл.

Клинг улучил момент и сунул оружие обратно в ящик комода.

— Ты, должно быть, не можешь догадаться, зачем я к тебе явился? — спросил гость.

Честно говоря, именно об этом Клинг и собирался спросить. Но услышав вопрос Белла, смутился еще больше.

— Ну что ты! Старый друг... — Клинг замолчал.

Неудобно было так нагло врать. Они вовсе не дружили с Беллом, да к тому же пятнадцать лет не виделись.

— Вот узнал о твоём ранении, — сказал Белл. — Я поклонник газет. Каждый день прочитываю по несколько штук. Спорим, ты и понятия не имеешь о том, сколько газет выходит в нашем городе! А я вот читаю, от корки до корки.

Клинг не знал, что на это ответить, и улыбнулся.

— Так-то, мистер, — продолжал Белл. — Мы с Молли в ужас пришли, когда прочитали о том, что тебя ранили. И тут я как раз случайно встретил твою мать. Так она мне сказала, что, конечно, ей с отцом пришлось поперезживать, но если честно говорить, они всегда ждали чего-то подобного.

— Да не стоило им шум поднимать. Плечо царапнули...

— Царапнули, значит? — Берт кивнул с понимающим видом. — А ты молодцом!

— А как ты встретил мою мать? Ты опять живешь на нашей улице?

— Что? Да нет. Я вожу такси. Частное такси. Своя машина, есть разрешение. Обычно я работаю в другом районе. А тут занесло к вам. Вот и встретились с твоей матерью.

И тут Клинг понял, что на голове у Белла не фуражка яхтсмена, а обычная форменная фуражка таксиста.

— Ну, стало быть, я узнал из газет о твоём героическом подвиге. Даже адрес твой напечатали. Значит, предков ты оставил?

— Да, я больше не живу с родителями. После Кореи...

— А я там не был,— вставил Белл.— Оказалось, у меня ухо не в порядке. Хотя, честно говоря, я думаю, меня забраковали из-за носа,— он дернул себя за нос.— Кстати, в газетах написано, что тебе дали неделю отпуска.

У Белла оказалась очень симпатичная улыбка. Зубы белые, ямочка на подбородке. Вот только нос все портил.

— Ну и как ты себя чувствуешь в роли звезды? — продолжал Белл.— Того и гляди, тебя покажут по телевизору. Интервью возьмут, спросят, какие пьесы Шекспира ты предпочитаешь.

Клинг смущенно охнул.

Ему было неловко признаваться, но очень хотелось, чтобы Питер поскорее ушел. Клинг пытался оправдаться перед собой, ведь он не приглашал в гости этого надоеду и болтуна.

— Нет, ты молодец! — произнес Белл.

Началась тоскливая пауза.

Клинг молчал долго, но Белл не уходил.

— Хочешь выпить? — предложил Клинг.

— Я не пью,— с гордостью признался Белл.

Снова повисло тяжелое молчание.

Вдруг Белл снова дернул себя за нос.

— Да, я совсем забыл, то что называется, о цели своего визита,— вспомнил он.

— Так скажи,— Клинг почти обрадовался.

— Честно говоря, я не собирался, это все Молли,— Белл запнулся.— Я ведь женат.

— Я не знал.

— На Молли. Она просто чудо! У нас двое малышей, и снова ждем прибавления.

— Замечательно,— Клинг не знал, что сказать.

— Ну ладно, давай о деле. У Молли есть младшая сестренка. Очень славная. Семнадцать лет. Два года назад умерла их мать. Теперь Джинии — ее зовут Джинни — живет с нами. Да, два года...— Белл замолчал.

— Хорошо,— откровенно говоря, Клинг не мог понять, зачем Белл рассказывает ему все это.

— Очаровательная девушка! Вылитая Молли в семнадцать лет! А Молли и сейчас не назовешь некрасивой, хотя двое детей и третьего ждет, и всякое такое.

— Вообще-то я ничего не понимаю,— решил на признание Клинг.

— Дело в том, что девушка вроде бы пустилась во все тяжкие.

— Во все тяжкие?

— То есть, это Молли так кажется,— Белл смутился.— Молли заметила, что Джинни не общается ни с кем из знакомых парней, а между тем, часто уходит из дома. И вот Молли думает, что Джинни попала в неподходящее общество. Ты меня понимаешь? Молли очень тревожится, ведь девушка потрясающе красива. То есть, я тебе все объясню. Конечно, она мне приходится свояченицей, но если говорить о груди и кое о чем другом, то этого у нее побольше, чем у иных девиц постарше нас. Есть на что посмотреть!

— Да, да,— бросил Клинг.

— Джинни очень скрытная,— продолжал Белл.— Мы ее спрашиваем, спрашиваем, а она молчит. Молли даже хотела было детектива нанять из частного агентства, чтобы следил за Джинни. Но я столько не зарабатываю. Да, честно говоря, я и не думаю, что с Джинни что-то не в порядке.

— Ты хочешь, чтобы я узнал, где она бывает? — догадался Клинг.

— Нет, нет. Мы ведь пятнадцать лет не виделись, и вдруг такая просьба. Нет.

— Тогда в чем же дело?

— Может, ты согласишься поговорить с девочкой? Чтобы Молли успокоилась. По-моему, это у нее из-за беременности, каприз. Вообразила, будто Джинни в дурной компании или что-то подобное.

— Поговорить? — растерялся Клинг.— Но я не знаком с этой девушкой. Что это даст...

— Все дело в том, что ты полицейский. А для Молли порядок и соблюдение законности — превыше всего. Увидит полицейского и сразу успокоится.

— Я совсем недавно в полиции...

— Да не в этом дело. Ты носишь форму, вот что важно. А потом, вдруг ты и вправду повлиаешь на Джинни. Вдруг она и вправду в беде, а нам не хочет говорить.

— Питер, прости, но я не смогу.

— Ты же целую неделю отдыхаешь! Если бы я не прочел об этом в газетах, я никогда бы не стал беспокоить тебя.

— Нет, Питер. Дело вовсе не в том, занят я или свободен. У меня просто нет опыта в подобных делах. Я не знаю, что говорить...

— Ну, Берт! Ну помоги нам. Ради старого знакомства! Но Клинг решительно отказался.

— А вдруг девчонка и вправду связалась бог знает с кем,— продолжал наседавать Белл.— Разве это не долг полицейского — предотвратить преступление? Ты меня огорчаешь, Берт.

— Мне очень жаль.

— Да уж, ладно, я не сержусь,— добродушно сказал Белл.— Вот на всякий случай оставляю адрес. Решись — приходи.

Он вынул из кармана бумажник, а из бумажника — листок с адресом.

— Не нужно,— пытался возразить Клинг.

— Да нет, все бывает. Решайся. Де Уит-стрит. Высокий дом. Приходи завтра вечером. Мы никуда не отпустим Джинни до девяти.

— Не могу,— отказался Клинг.

— И все-таки,— Белл не верил,— ты бы нам очень помог, Берт. Завтра среда. Ждем. Держи адрес.

Он отдал Клингу листок.

— Здесь я и телефон записал, вдруг ты не найдешь наш дом. Положи в свой бумажник, так надежнее.

Белл не сводил глаз с друга детства. Клингу ничего другого не оставалось, как сунуть листок в бумажник.

— Ждем тебя,— еще раз объявил Белл уже у двери.— И заранее благодарны. Приятно было увидеться.

— Мне также,— проямлил Берт.

— До встречи,— дверь захлопнулась.

Стало очень тихо.

Клинг снова очутился у окна. Он увидел, как Белл уселся в свое такси и укатил. Такси, разумеется, стояло в самом что ни на есть недозволённом месте.

### ГЛАВА 3

Люди любят воспевать субботний вечер.

Почему-то считается, что в субботу человек чувствует себя особенно одиноким. Это сделалось настоящим американским мифом. Спросите хоть кого, от мала до вели-

ка: “Когда одинокому человеку бывает особенно одиноко?”, и вам обязательно ответят, что в субботний вечер.

Впрочем, и во вторник не сладко.

Вторник, конечно, не предмет воспевания и не миф американской культуры. Но одиноким людям, честно говоря, все равно, суббота или вторник. Кому хуже: мужчине на необитаемом острове в субботу вечером, или певице, вечером во вторник поющей сентиментальную песенку в шумном ночном клубе? Кто из них более одинок? Одиночеству все равно: суббота, вторник, понедельник...

Двенадцатого сентября, во вторник, вечером, на одной одинокой улице в одиноком черном автомобиле двое одиноких мужчин занимались таким делом, от которого они чувствовали себя еще более одинокими.

В Лос-Анжелесе это называется “наблюдать исподтишка”, в том городе, где работали наши герои, это называлось попросту: “засада”.

Если уж ты сидишь в засаде, ты не должен засыпать, должен быть очень терпеливым и не должен бояться одиночества.

Самым терпеливым в черном автомобиле был инспектор Мейер. В восемьдесят седьмом участке не было другого такого терпеливого полицейского, а, возможно, и во всем городе не было. Отец Мейера считал себя замечательным шутником. Имя отца было Макс. Сына своего он назвал Мейер. Фамилия их была Мейер. Отец решил, что Мейер Мейер — это звучит очень смешно. Да, если уж тебя угораздило родиться евреем, приходится быть терпеливым. А если тебя, благодаря отцу-шутнику, зовут Мейер Мейер, твоё терпение увеличивается по меньшей мере вдвое. Мейер был очень терпеливым человеком. Но когда жизнь до предела заполнена терпением, она протекает весьма напряженно. Мейеру едва исполнилось тридцать семь лет, а волос на голове у него уже не осталось ни одного.

Коллега Мейера Темпл, между тем, начал дремать. Мейер обычно сразу чувствовал, что Темпл вот-вот заснет. Темпл был настоящим великаном и потому, должно быть, ему было необходимо спать вдвое дольше, чем обычным людям.

— Подъем! — проговорил Мейер.

— Что случилось?

Темпл растерянно нахмурил густые брови.

— Все в порядке. Просто хотел спросить твое мнение об этом Клиффорде, который грабит женщин.

— Давно пора его прикончить,— решительно высказался Темпл.

Он повернулся к Мейеру и встретил испытующий взгляд его светлых глаз.

— Согласен,— Мейер усмехнулся.— А ты что, закимарил?

— Я? Никогда! — Темпл яростно зачесался.— Внизу у меня чешется. Не знаю, что делать.

— Паховка,— со знанием дела Мейер поставил диагноз.

— Пропадаю,— Темпл помрачнел.— Жена вот не дает которую ночь! Бойтся, что заразится.

— А, может быть, это ты от нее заразился,— предположил Мейер.

— Неужели? А, пожалуй, почему бы и нет.— Темпл снова зачесался.

— Если бы мне пришлось в голову заняться грабежами,— Мейер считал, что если он будет занимать коллегу беседой, тот не заснет,— так вот, я бы ни за что не назвался Клиффордом!

— Да, дурацкое имя. Самое подходящее для педераста.

— Я бы выбрал имя Стив.

— Ты что? Это ведь нашего Кареллу зовут Стивом!

— Ну, какое-нибудь другое имя. Только не Клиффорд. Интересно, его и вправду так зовут?

— Наверное. Ведь он себя так называет.

— Что ж, верно.

— Я думаю, у него не все дома. Выхватывает сумку, а потом кланяется. Сумасшедший! Но тринадцать сумочек он уже обчистил. Сегодня еще одна приходила. Тебе Уиллис не рассказывал?

Мейер посмотрел на часы.

— Она вчера приходила. Уиллис мне все рассказал. Может после тринадцатого раза этому Клиффорду перестанет везти?

— Не исключено. Не люблю я таких, как он,— Темпл снова почесался.— Мне нравится, когда преступник ведет себя, как джентльмен.

— Это как?

— Ну, как джентльмен, и все! Даже убийца благороднее, чем такой вот ворышка.

— Ничего, он еще развернется! — предположил Мейер.

Они помолчали. Мейер о чем-то думал. Потом снова заговорил:

— Тут одно дело. Кажется, в тридцать третьем участке. Я в газетах читал.

— И что же это?

— Человек ворует кошек.

— Интересно! — Темпл изумился. — Кошек?

— Кошек, — повторил Мейер. — Домашних кошек. За эту неделю восемнадцать штук украдено. Это да!

— Чудной!

— Я читаю газеты. Когда его поймают, я тебе расскажу, — пообещал Мейер.

Мейер поглядывал на Темпла искрящимися светлыми глазами. Мейер терпеливо толковал Темплу о кошках. И вдруг Темпл зашевелился.

— Что такое? — спросил Мейер.

— Тише! — прошептал Темпл.

Оба прислушались. На другом конце улицы по асфальту застучали каблучки женских туфелек. Город вокруг замер, словно церковь ночью. Каблучки гулко стучали по тротуару. Полицейские молча слушали.

Женщина шла очень быстро. Она даже не обернулась в сторону автомобиля. На вид ей можно было дать лет тридцать, блондинка с длинными волосами. Она прошла мимо автомобиля, шаги смолкли. Мейер и Темпл продолжали молчать.

Вскоре слышались еще шаги. Но это шел мужчина, шел тяжелым шагом.

— Это Клиффорд! — громко прошептал Темпл.

— Может быть.

Полицейские сидели, не шевелясь. Шаги слышались все ближе. В зеркальце отразилась мужская фигура. Оба, как по команде, выпрыгнули из автомобиля, не захлопнув за собой дверцы.

Человек испуганно замер.

— Что случилось? Кто вы? Воры? — затараторил он.

Мейер и Темпл стали на дороге, бросившись ему наперерез.

— Клиффорд? — спросил Темпл.

— Что? — спросил растерявшийся человек.

— Твое имя случайно не Клиффорд? — решил уточнить Темпл.



— Вы ошиблись...— человек покачал головой.

— Мы из полиции,— Темпл показал мужчине значок.

— Полиция? Но я ничего плохого не сделал!

— Куда вы идете? — спросил Мейер.

— Возвращаюсь домой из кинотеатра.

— Поздно возвращаетесь. Все сеансы давно закончились.

— Да. Но мы были в баре.

— Где вы живете?

— Вот на этой самой улице,— мужчина показал рукой, пальцы его дрожали.

— Как вас зовут?

— Френк. Вам каждый скажет. Меня знают.

— Хорошо. Фамилия.

— Оролло.

— Что вам нужно было от той женщины? — вдруг бросил Мейер.

— Какая женщина? Вы с ума сошли!

— Вы шли следом за ней. Что вам было нужно? — насел Темпл.

— Мне? — Оролло экспансивно скрестил руки на груди.— Мне? Вы ошибаетесь. Вы путаете. Это ошибка!

— Мимо только что прошла женщина, блондинка, волосы длинные. Вы шли за ней. Зачем?

— Женщина? Блондинка? О, Господи! — воскликнул Оролло.

— Да, женщина, блондинка,— кивнул Темпл.— Что вам от нее нужно?

— В голубой куртке? — спросил Оролло.— Куртка голубая. Вы о ней говорите?

— Да, о ней,— подтвердил Темпл.

— Господи!

— При чем здесь Господь? — рассердился Темпл.

— Да ведь вы говорите о моей жене.

— Как?

— О моей жене. О Кончетте,— Оролло помотал головой.— Вы видели Кончетту. Только никакая она не блондинка. Просто крашенная.

— Но...

— Честное слово!

— Мистер!..

— Мы ходили в кино. Потом пошли в бар, выпить пива. Поцапались немного. Тут Кончетта и ушла. Она вообще со странностями.

— Неужели? — засомневался Мейер.

— Да, честное же слово! Если уж на Кончетту нашло, она сразу уходит. А я подожду, подожду, и иду за ней. И больше ничего. Стану я бегать за чужими блондинками!

Темпл посмотрел на Мейера.

— Зайдемте ко мне, — суетился Оролло. — Познакомьтесь с ней. Моя жена Кончетта. И ничего больше!

— Ну пусть жена, — Мейер вздохнул.

Затем терпеливо обернулся к Темплу.

— Полезай в машину, Джордж. А я пойду проверю на всякий случай.

— Потеха! — в голосе Оролло слышалось облегчение. — То есть, получается, будто я бегаю за собственной женой. Потеха!

— Бывают случаи и посмешнее, — заметил Мейер.

— Например? — полюбопытствовал Оролло.

— Ну, предположим, это окажется чужая жена.

Человек замер в пустынном переулке. Ночь окутала его своим непроницаемым плащом. Он тяжело переводил дыхание. Городские шумы стихали. Так бормочет, засыпая, толстая женщина. Некоторые окна еще светились, словно желтые сторожкие глаза. Но человек был вне их досягаемости. Темнота дружески укрывала его. Его мучило нетерпение. Глаза его блестели.

Наконец он заметил женщину.

Она тихо шла в туфлях на резиновом ходу. Он вжался в грязную кирпичную стену. Она размахивала сумочкой. На вид она казалась крепкой.

Ему нравились другие, более изящные. А эта шагала уверенно и упруго. Может быть, она любительница пеших прогулок по утрам и перед сном? Она радостно улыбалась. Ей было хорошо. Возможно, она играла в карты в клубе, или с приятельницами. И выиграла. И сейчас у нее в сумочке полно денег.

Он сделал шаг вперед.

Он согнул руку в локте, схватил ее за шею и потащил за собой. Потом с силой повернул к себе. Схватил за ворот, толкнул к стене.

— Тихо! — он и сам говорил тихим и потому зловеще звучащим голосом. Он посмотрел на нее. Глаза у женщины были зеленые, взгляд — жестокий и пристальный. Кожа на лице сальная, нос картошкой.

— Что ты хочешь? — грубо спросила она.

— Давай сумку!

— А ты почему в темных очках? — вдруг спросила она.

— Сумку!

Он хотел было выхватить сумку, но женщина сильным движением отвела руку. Он снова ухватил женщину за ворот, рванул на себя, ударил о стену.

— Отдай!

— Нет!

Он ударил женщину в лицо. Голова ее мотнулась.

— Слышишь ты! — заговорил он. — Я тебе ничего плохого не сделаю. Я ударил тебя, чтобы ты не звала на помощь. Отдавай сумку и молчи. Я уйду, а ты молчи, понятно?

Женщина тронула пальцем разбитые губы. Кровь!

— Только попробуй еще ударить!

Он сжал кулак. Но тут она двинула его коленом. У нее очень хорошо получилось, но все же он согнулся надвое от боли. Она размахивала здоровенными кулаками, пытаясь попасть ему в лицо.

— Идиотка! — он ударил ее спиной о стену и с силой нанес два удара в лицо. Она застонала и растянулась у его ног.

Он стоял над телом и тяжело переводил дыхание. Потом сдвинул на лоб темные очки и посмотрел в темноту. Никого не было. Он быстро наклонился и схватил лежавшую рядом с женщиной сумочку.

Женщина лежала, не двигаясь.

Он посмотрел на нее неуверенно. И чего эта дура вздумала драться! Ему вовсе не хотелось ее убивать. Наклонился, приложил ухо к груди. Грудь оказалась совсем мужская, широкая и плоская. Он услышал стук сердца. Встал над ней, улыбаясь с довольным видом.

Прижал к груди сумочку и отвесил лежавшей без сознания жертве вежливый поклон.

— Мадам, Клиффорд выражает вам свою благодарность! — с этими словами он кинулся бежать.

## ГЛАВА 4

Полицейские из восьмьдесят седьмого участка имели различные мнения по самым различным вопросам. И, конечно, каждый из них по-своему относился к доносчи-

кам. Недаром же, старая дева из анекдота, поцеловавшись с коровой, справедливо отметила, что это дело вкуса.

Короче, все в участке признавали, что надежнее Денниса Джимпа никого не найти. Хотя были такие доносчики, от которых можно было получить больше информации. Но Деннис зато был самым надежным. Все инспектора зависели в той или иной степени от доносчиков. Вопрос заключался в том, услугами какого доносчика лучше пользоваться. Но, впрочем, все доносчики были связаны с миром бандитов.

У Эла Уиллиса был доносчик, которого звали Фетс Доннер.

Уиллис ему хорошо платил, а тот хорошо помогал Уиллису в раскрытии многих дел. Все в участке полагали, что в деле Клиффорда также не обойтись без услуг доносчиков.

Но контактировать с Доннером было нелегко. Он слишком любил турецкие бани. Худощавый Уиллис терял в весе всякий раз, когда общался со своим доносчиком. Уиллису это вовсе не нравилось.

А Доннер был настоящей гигантской бочкой, и без хорошей парилки не мог обойтись.

Вот и сейчас он сидел, закутавшись в махровое полотенце: складки жира колыхались на его животе. Он наслаждался паром. У Доннера было жирное белокожее тело. Уиллис подозревал, что его доносчик не брезгует наркотиками. Но обвинять Доннера в хранении наркотиков Уиллис не собирался, Доннер ему был нужен.

Сейчас Доннер сидел в клубах пара, как мраморный Будда и с наслаждением вдыхал пар. Уиллис, весь в поту, ждал, пока доносчик ответит на его вопрос.

— Клиффорд? — переспросил Доннер. Он говорил таким низким голосом, что было просто удивительно, как этот голос не переходит в предсмертное хрипенье.

— Клиффорд, — Уиллис кивнул. Бедняга Уиллис изнывал от жары и обливался потом. Его мучила жажда. Он смотрел на Доннера, которому явно было очень хорошо, и ругал про себя толстяков.

— Клиффорд, — снова повторил Уиллис. — Не может быть, чтобы вы о нем не читали в газетах!

— Я газет не читаю. Там редко бывает что-то интересное.

— Клиффорд — вор. Он в темноте вырывает у женщин сумочки. Сначала ударяет, вроде как предупреждает, чтобы женщина не вздумала звать на помощь, потом берет сумку, потом кланяется и объявляет, что Клиффорд, мол, благодарит ограбленную даму.

— Стало быть, он именно баб грабит?

— Других случаев пока за ним не замечалось.

— Нет, ничего такого не припомню,— Доннер качнул головой. На кафель стен брызнули дождем капли пота.— И имени такого не припомню. А что еще о нем можно сказать?

— Он в темных очках. Две последние жертвы точно указывают на темные очки.

— Да ведь он действует по ночам...

— И что с того?

— А не балуется ли он наркотиками?

— Не знаем.

Доннер задумался. В парилке было страшно жарко. Уиллис еле дышал. Какие-то чертовские устройства нагоняли пар.

— Клиффорд,— задумчиво произнес Доннер.— Интересно, это кличка или настоящее имя?

— Откуда нам знать.

— Вот что, друг, я знаком с уличными ворами. Но Клиффорда среди них нет. Правда, может, за этим что-то совсем другое кроется. Или он это со скуки...

— Да он четырнадцать женщин ограбил! Разве такое со скуки сделаешь.

— Насилие применяет?

— Вроде нет.

— Значит, сексом с бабами не интересуется. Может быть, он гомосексуалист?

— Откуда нам знать?

— Суммы крупные?

— Самое большее — пятьдесят четыре доллара. А так — мелочь.

— Да, негусто,— согласился Доннер.

— А что среди уличных воров бывают такие, которым достаются суммы покрупнее?

— Бывают. Я знал таких,— Доннер разлегся на мраморном возвышении, прикрываясь полотенцем. По лицу Уиллиса катился пот.

— Слушайте, а почему бы нам не встречаться в других местах? — предложил Уиллис.

— То есть?

— Ну, почему бы нам не встретиться где-нибудь, где есть воздух для дыхания?

— А-а! Да, летом можно и на природе встретиться. Вот это лето было просто замечательное.

Уиллис подумал, что этим летом, необыкновенно жарким, случилось рекордное количество солнечных ударов.

— Замечательное,— на всякий случай согласился Уиллис.— Но вы все-таки скажите ваше мнение, Фетс.

— О Клиффорде? Пока ничего сказать не могу. Наверное, непрофессионал, новенький.

— Вы думаете, в городе таких новеньких много?

— Каждый день кто-нибудь появляется. Хотя уличным воровством мало кто занимается. Это работа для малолеток. Ваш Клиффорд, что, мальчишка?

— Потерпевшие так не считают.

— Старик?

— Женщины, которых он ограбил, думают, что ему чуть побольше двадцати.

— Тяжело в таком возрасте,— посочувствовал Доннер.— Между мальчиком и женщиной, так сказать.

— Бьет он по-мужски,— заметил Уиллис.— Женщину, которую он ударил вчера, положили в больницу.

— Знаете что,— произнес Доннер.— Послушаю-ка я, что люди говорят, а после позвоню вам. Хорошо?

— А когда позвоните?

— Да уж не задержусь!

— Но когда все-таки?

— Смотря, что вам нужно. Навести на след — одно, а поймать — другое,— Доннер почесал кончик носа.

— Если вы наведете нас на след, это будет хорошо,— дипломатично отметил Уиллис.

— Договорились. Стало быть, я буду слушать. Сегодня у нас какой день?

— Среда.

— Среда — это хорошо. Значит, ждите моего звонка сегодня вечером.

— Если вы точно позвоните, я буду ждать. Обычно я ухожу с работы в четыре.

— Я непременно позвоню.

— Буду ждать,— Уиллис крепче повязал полотенце и пошел к двери.

— Вы тут ничего не забыли? — позвал Доннер.

Уиллис обернулся.

— У меня с собой было только полотенце,— произнес он удивленно.

— Я здесь парюсь ежедневно,— стал объяснять Доннер.— На это приходится тратить много денег.

— Сделаете дело, будут деньги,— пообещал Уиллис.

Берт Клинг не понимал, зачем он все-таки пошел.

Он узнал этот район. Когда-то мальчиком он любил бродить здесь, и сейчас ему стало грустно.

Он видел знакомые улицы, рельсы метро, выбегающие наружу. Вот колесо обозрения на пустыре. Здесь все было похоже на тот квартал, где Клинг жил в детстве. Национальный состав был самый пестрый: итальянцы, евреи, ирландцы, негры.

Но тем не менее, здесь не бывало ни расовых, ни религиозных конфликтов. Берт и сейчас полагал, что их никогда и не будет. Лет двадцать назад подобные конфликты между черными и белыми произошли в одном из районов города. Тогда в Риверхеде все боялись, чтобы такое не случилось и у них. Черные и белые одинаково не хотели этого.

Берт тогда был совсем соплюшкой. Отец строго предупредил его, что выдерет немилосердно, если сын замешается в подобные дела.

Сын не замешался.

Сейчас он узнавал знакомые улицы и магазины. Вот итальянская молочная, вот еврейская мясная лавка, вот кафе Сэма. Когда-то там было очень вкусное мороженое. Берту захотелось прийти и поздороваться, но в открытую дверь он увидел за прилавком какого-то приземистого невысокого человека, это был не Сэм. Берту стало снова грустно. Да, многое изменилось.

Клинг снова подумал, зачем он идет к дому Питера Белла? Для того, чтобы поговорить с незнакомой девушкой? И что же он ей скажет? Чтобы она хорошо себя вела?

Берт передернул плечами. Сегодня он надел новый синий костюм, ярче оттенявший его светлые волосы. Клинг вынул из кармана бумажку с адресом. Здесь были в основном частные владения. Большей частью деревянные, но попадались и кирпичные строения. Вдоль тротуара выстроились старые деревья, осеняя крыши домов пышной осенней листвой.

Улица была тихая, спокойная. Какой-то человек сгребал листья в кучи. Неподалеку приятно дымил костерок. Было приятно вдохнуть воздух, в котором осенняя свежесть смешивалась с горьковатым дымком. Как это было не похоже на шумные улицы, которые он обязан был патрулировать. И эти аккуратные домики тоже не походили на многоэтажные, битком набитые людьми, грязноватые здания. Правда, и на его участке был парк с деревьями. Но там из-за дерева мог выскочить преступник или хулиган, а здесь такое было просто невозможно.

Темнело. Зажглись фонари. Берту было хорошо.

Скоро он нашел дом Белла. В самом центре квартала, высокий дом на две семьи, обшитый тесом кирпич. Позади — добротный гараж, к которому вела мощенная кирпичом дорожка. Широкие каменные ступени вели к двери. Клинг еще раз заглянул в бумажку с адресом. Затем быстро поднялся на ступени и надавил на звонок. Что-то зажужжало и щелкнуло. Дверь открылась. В прихожей Клинга широкой улыбкой встретил Белл.

— Как хорошо, что ты пришел, Берт. Я так благодарен тебе.

Клинг тоже улыбнулся. Белл схватил его за руку.

— Идем, — Белл зашептал, — Джинни еще не ушла. Я скажу ей, что ты мой друг-полицейский, а потом мы с Молли оставим тебя с ней наедине. Хорошо?

Клинг согласился.

Белл провел его в гостиную. В комнатах аппетитно пахло вкусной домашней едой. Клинг снова вспомнил детство. Здесь было так тепло и уютно, особенно после уличного легкого холодка.

Белл подошел к одной из дверей и позвал:

— Молли!

Клинг заметил, что в доме комнаты связаны. Из одной можно было переходить в другую. В гостиную они попали прямо из прихожей. Гостиная Беллов оказалась небольшой комнатой. Мебель здесь стояла обычная, с дешевыми претензиями на роскошь — диван и два кресла. Над диваном — зеркало, над одним из кресел — аляповатый пейзаж. В углу — обязательный телевизор. Вдоль одной из стен — батареи.

— Садись, Берт, — пригласил Белл и снова позвал жену. — Молли, иди же сюда!

Молли откликнулась из дальней комнаты, должно быть, из кухни.



— Она посуду моет,— сказал Белл.— Сейчас она появится. Присаживайся пока.

Клинг уселся в кресло. Рядом суетился Белл.

— Пива хочешь? Или сигарету?

— Последний раз я пил пиво как раз перед тем, как мне прострелили плечо,— неловко пошутил Клинг.

— Здесь ничего подобного не случится,— возразил Белл.— Так что можешь пить спокойно. Нарочно для тебя пиво охлажденное.

— Спасибо, не хочется,— Клинг мягко отказался.

В это время в комнате появилась хозяйка. Она поспешно вытирала руки кухонным полотенцем.

— Вы — Берт? — спросила она.— Питер о вас так много рассказывал.

Она приблизилась к Берту и подала ему только что вытертую руку. Он осторожно взял ее ладошку. Она сердечно ответила на его пожатие. Белл уверял, что Молли и сейчас еще красива, но Питер никак не мог согласиться с тем, что Белл говорил во время своего визита к нему. Может, она когда-нибудь и была красива, но сейчас от этого ничего не осталось. Даже если не принимать в расчет того, что она ждала ребенка, выглядела она усталой и глаза у нее давно выцвели. Чувствовалось, что она очень устает. Под глазами пролегла сеть морщинок. Блеклые пряди повисли в беспорядке. Молли пыталась улыбаться весело и даже задорно, но это лишь подчеркивало общую бесцветность ее облика. Клинг был удивлен, ведь ей наверняка было не больше двадцати пяти лет.

— Как ваше здоровье, миссис Белл? — смущенно спросил он.

— Называйте меня просто Молли,— она говорила так доброжелательно, что сразу понравилась Клингу; а вот на Белла он немного сердился. Для чего тому понадобилось выдумывать байки о красоте жены? Интересно, окажется ли Джинни такой красивой, как об этом рассказывал Белл. Теперь Клингу уже не верилось.

— Я все-таки возьму пиво из холодильника,— объявил Белл.

— Да не нужно...— начал было Клинг.

— Ничего, ничего,— и Белл убежал на кухню.

Когда они остались вдвоем, Молли сразу заговорила о деле:

— Я рада, что вы пришли, Берт. Я надеюсь, что для Джинни будет полезно поговорить с вами.

— Я буду стараться,— ответил Клинг.— А где ваша младшая сестра?

— У себя,— Молли указала в глубь жилья.— Заперлась.— Молли грустно качнула головой.

— Теперь ты, наверное, понимаешь меня? С Джинни что-то происходит. И мне было семнадцать, но ничего такого я за собой не помню. Нет, Берт, с ней что-то не так.

Берт повел плечами.

Молли аккуратно села.

— Когда я была в возрасте Джинни,— ее голос приобрел мечтательное воображение,— я любила веселье. Можешь спросить у Питера. Но у Джинни совсем другое. Она что-то таит от меня.

Молли снова грустно кивнула.

— Я должна быть ей и старшей сестрой и матерью одновременно. Но она стала такая молчаливая. Ни о чем не хочет рассказывать. Раньше такого не было. Иногда мне кажется, она не любит меня. Но почему? Я ведь ничем не обидела ее,— Молли вздохнула с грустью.

— Дети, они такие...— Клинг просто не знал, что сказать этой молодой женщине.

— Я все знаю,— грустно сказала Молли.— Мне ведь только двадцать четыре, Берт. Выгляжу я, конечно, ужасно. Двое малышей, да еще и третьего ждем. И Джинни... Все это не молодит. Но все же семнадцать мне было не так уж давно. Я еще не успела забыть. Нет, с девочкой что-то случилось. Что-то мучает ее. Сейчас в газетах столько пишут об этих подростковых бандах. Берт, мне страшно. Она вполне могла оказаться в такой шайке. Может быть, ее заставляют заниматься бог знает чем. Потому она и стала такая. Ничего не могу понять. Может быть, она тебе расскажет.

— Попытаюсь расспросить ее.

— Я буду очень тебе благодарна. Я уж даже хотела, чтобы Питер взял частного сыщика. Но, конечно, это невозможно, Питер прав. Мы едва сводим концы с концами,— Молли снова грустно вздохнула.— Но если бы я только знала, что же случилось с Джинни. Девочку словно подменили. Еще год назад она была совсем не такая. А теперь... Я ее не понимаю.

В комнате появился Белл с бутылкой и стаканами.

— Хочешь немного пива, голубка? — предложил он жене.

— Нет, нет. Врач и так сказал, что я очень располнела.

Белл налил Клиngu стакан и сказал:

— Видишь, в бутылке есть еще. Так что имей в виду.

Клинг поблагодарил и поднял стакан:

— За вашего будущего малыша!

— Спасибо вам! — Молли ласково улыбнулась.

— Я и повернуться не успею, — начал Белл, — а Молли уже ждет ребенка. Чудо какое-то!

— Питер, прекрати, — укоризненно произнесла Молли.

— Правда, правда, я только вздохну и — готово. Молли меня даже в больницу водила для анализа. Так в больнице сказали, что меня на миллионы женщин хватит.

— Ну-ну, — Клинг чувствовал смущение.

— Питер у нас просто супермен, — иронически заметила Молли. — Только вот ухаживать за детьми приходится мне одной.

— О нашей Джинни она тебе уже сказала? — спросил Белл.

— Да, — быстро ответил Клинг.

— Я сейчас позову ее, — пообещал Белл. — Мне пора работать, а по дороге я подкину Молли в кино. А вы с Джинни поговорите одни. Потом придет вечерняя няня, присмотреть за детьми.

— Ты часто выезжаешь на работу вечером? — спросил Клинг, просто потому, что надо было что-то спросить.

— Обычно, три-четыре раза в неделю. Смотря сколько заработаю днем. Машина ведь моя, я сам себе хозяин.

— Да, — Клинг отпил из стакана. Пиво было вовсе не холодное. Должно быть, все, что говорит Белл, не отвечает истине. Наверное, и Джинни вовсе не окажется красоткой.

— Позову девочку, — наконец сказал Белл.

Клинг мотнул головой. Молли тревожно напряглась. Они услышали, как Белл стучит в дверь дальней комнаты.

— Джинни, — звал Белл, — Джинни.

Кажется, ему отвечали сердито и неразборчиво. Слышно было плохо. Но вот раздался отчетливый голос Белла:

— Это мой друг. Очень славный. Иди же сюда.

Снова прозвучало что-то неразборчивое. Затем дверь открылась. Звонкий девичий голос поинтересовался:

— Кто там?

— Мой друг,— повторил Белл.— Идем, Джинни.

Шаги приближались. Клинг уткнулся в стакан. Затем, будто случайно, поднял голову. Девушка остановилась прямо перед ним. Да, Питер был прав.

Джинни была выше сестры. Волосы были совсем коротко острижены. Таких золотых волос Берту никогда еще не приходилось видеть. Почему-то он сразу понял, что девушка не красит их и не высветляет какими-нибудь хитрыми средствами. Все в ней было свое, естественное, и волосы, и лицо, безупречный овал с чуть курносым носиком и большими светлыми голубыми глазами. Зато брови были черные-черные, будто природа колебалась, кем же все-таки сделать эту девушку: брюнеткой или блондинкой. Эти черные брови, голубые глаза и золотые волосы вместе создавали впечатление удивительной красоты. Нежные губы были чуть подкрашены светлой помадой. Но не похоже было, чтобы эта девушка любила улыбаться.

На Джинни была черная юбка прямого покроя и голубая кофточка с рукавами до локтей. Джинни была стройная, тонкая, но при этом у нее были крутые бедра и упругая грудь, которую кофточка соблазнительно обтягивала. На ногах были совсем простенькие туфли без каблучков. Но сами стройные ноги с изящными икрами были изумительно хороши.

Это была даже не девушка, а молодая женщина, и к тому же красавица.

— Познакомься с Бертом Клингом, Джинни,— суетился Белл.— Берт, это Джинни Пейдж, сестренка моей жены.

Клинг встал.

— Добрый вечер,— вежливо приветствовал он девушку.

— Привет,— она стояла, словно и не хотела присаживаться.

— Берт — полицейский,— пояснил Белл.— Ты, наверное, слышала о нем. Ему в баре прострелили плечо.

— Я выходил из бара,— заметил строго Клинг.

— Да, да, конечно,— невозмутимо согласился Белл и тотчас обратился к девушке.— Нам с Молли надо уйти,

а Берт пришел совсем недавно. Посиди с ним, пока няня не придет.

— Куда это вы? — любопытствовала Джинни.

— Я — на работу, а Молли вот отправлю в кино.

— Интересно, — девушка посмотрела на гостя с подозрением.

— Так пообщаешься с Бертом? — спросил Белл.

— Хорошо, — коротко ответила Джинни.

— Пойду сниму передник и сделаю прическу, — сказала Молли.

Клинг проследил, как она тяжело поднялась с дивана. Теперь он заметил, что сестры действительно похожи. Теперь Клинг верил, что когда-то Молли была очень красивой девушкой. Но дети, заботы уничтожили ее красоту. Сейчас ей нечего было и равняться с младшей сестрой. Молли ушла.

— Погода хорошая, — неловко заговорил Берт.

— Да? — равнодушно бросила Джинни.

— Да, да, — подхватил Клинг.

— Молли, скорее, — поторопил Берт.

— Я сейчас, — отозвалась Молли из глубины квартиры.

— Погожая выдалась осень, — продолжил Клинг.

Джинни ничего не ответила.

Вскоре вернулась Молли. Она аккуратно причесалась и подкрасилась. Уже надевая пальто, она сказала сестре:

— Если надумаешь уходить, не возвращайся слишком поздно, Джинни.

— Ладно, ладно, — резковато отозвалась младшая сестра.

— Ну, до свидания. Очень приятно было с вами познакомиться. Приходите к нам, Берт, — простилась Молли.

— Спасибо, непременно.

Белл уже стоял у двери.

— Оставляю Джинни на тебя, Берт. Всего доброго, — сказал он.

Беллы ушли. Входная дверь хлопнула.

В гостиной стало совсем тихо. На улице проехала машина. Должно быть, это было такси Питера.

— Ну, и кто это придумал? — вдруг вызывающе произнесла Джинни.

— Ты о чем? — с удивлением спросил Клинг.

— О том, почему вы здесь. Это ведь ее идея?

— Нет. Просто Питер — мой старый приятель.

— Неужели?

— Это правда.

— Сколько вам лет? — задала неожиданный вопрос девушка.

— Двадцать четыре.

— Она что же, решила нас сосватать?

— Теперь я не понимаю вас.

— Ну, Молли решила свести нас?

— Решительно не пойму, что ты хочешь сказать.

Джинни посмотрела пристально. Глаза у нее были такие яркие. Берту стало не по себе от ее красоты.

— Вроде вы не такой дурак, каким притворяетесь, — сказала Джинни.

— Я не притворяюсь никем, — возразил Клинг.

— Тогда скажите, что за планы у моей сестры насчет меня и вас?

Клинг улыбнулся с облегчением.

— Полагаю, она не думает ничего такого.

— Она и не то может придумать, — с неожиданной враждебностью произнесла девушка.

— Похоже, ты не испытываешь особой нежности к старшей сестре?

Джинни напряглась.

— Почему? У нас все в норме.

— Однако... — начал было Клинг.

— Никаких однако. У меня лучшая в мире сестра.

— Но ты говоришь о ней таким тоном...

— Просто я знаю, что это не в характере Питера — звать полицию. Это могла придумать только Молли.

— Но я здесь не в роли полицейского, я просто гость, старый приятель.

— Да уж, — иронически бросила Джинни. — Пейте свое пиво, а то мне пора.

— У тебя что, свидание? — Клинг старался, чтобы его голос звучал равнодушно.

— А кому это нужно знать?

— Ну, допустим мне.

— Почему?

— Значит, не доверяешь?

— Понимайте, как хотите, — Джинни пожала плечами.

— Судя по твоему поведению и виду, тебе больше семнадцати, — заметил Клинг.

Джинни прикусила губку.

— А мне и на самом деле больше семнадцати,— вдруг произнесла она горестно.— Намного больше, мистер Клинг.

— Зови меня просто Берт. И скажи мне, что с тобой? Ты, похоже, разучилась улыбаться?

— Все нормально.

— В школе что-то не так?

— Все в порядке.

— С парнем поссорилась.

— Нет,— в голосе Джинни почувствовалась неловкость.

— Значит, угадал? — Клинг обрадовался.— В семнадцать это бывает.

— Нет у меня парня.

— Что же? Влюбилась, а он не обращает внимания?

— Перестаньте! — Джинни почти кричала.— Оставьте меня в покое. Не лезьте в чужие дела.

— Прости,— Клинг уступил.— Я хотел бы помочь тебе. Может, у тебя что-то серьезное стряслось?

— У меня все в порядке.

— А законы не нарушаешь?

— Если бы и нарушала, все равно полицейскому бы не созналась.

— Я не только полицейский, я друг.

— Мне такие друзья ни к чему.

— Ты очень красива, Джинни.

— Не вы первый говорите.

— Красивые девушки легко попадают в беду, в плохую компанию, например. Ведь красивая девушка...

— Все,— оборвала его Джинни.— Не попала я ни в какую компанию. И ничего со мной не случилось. Я здоровая обыкновенная девица. И не лезьте ко мне.

— С мальчиками общаешься?

— Общаюсь.

— А друг есть?

— Нет.

— Может быть, нравится кто-нибудь?

— А вы часто общаетесь с девушками? — перехватила инициативу Джинни.

— Да нет...

— А подруга у вас есть?

— Нет,— Берт смущенно улыбнулся.

— Это почему же? Вы ведь герой!

— Да я застенчивый,— признался Берт.

— Похоже на то, — съязвила Джинни. — Я минут десять как пришла в эту комнату, а вы уже лезете в мои дела. Что вам еще рассказать? Какого размера у меня лифчик? Это?

Клинг невольно задержал взгляд на упругой груди, обтянувшейся под кофточкой.

— Не трудитесь определять на глаз. Сама расколюсь. Четвертый номер.

— Я сразу догадался.

— Ну, конечно! Полицейские должны быть наблюдательными. А вы, должно быть, самый ловкий инспектор?

— Да я простой полицейский, — неохотно уточнил Клинг.

— С таким умом — и простой, — иронизировала Джинни.

— Что с тобой? — вдруг громко спросил Клинг.

— Ничего. А с вами?

— Никогда не видел такой, как ты. Живешь в хорошей семье, дом что надо, собой красавица. А ведешь себя так, будто...

— Да я просто королева этого района. Все парни...

— Ведешь себя так, будто тебе уже шестьдесят стукнуло, — докончил, не слушая ее, Клинг. — Ты лучше скажи мне, что произошло?

— Абсолютно ничего. Просто я не люблю, когда меня допрашивает полицейский.

— Питеру и Молли показалось, что ты нуждаешься в помощи. Не понимаю, почему им так кажется. По-моему, ты спокойно можешь быть укротительницей тигров. Воля у тебя железная.

— Благодарю за комплимент.

Клинг поднялся.

— Береги себя, девочка, — сказал он. — А то годам к тридцати пяти от твоей красоты ничего не останется.

Он шагнул к двери.

— Берт! — остановил его голос Джинни.

Клинг повернул голову. Девушка смотрела в пол.

— Извини. Я не такая дрянь, как может показаться.

— Ну все же, что у тебя случилось?

— Ничего страшного. Я сама со всем справлюсь, — она смущенно улыбнулась. — Все обойдется.

— Ну пусть, — согласился он. — Только ты не расстраивайся. В жизни всякое случается. А в семнадцать лет особенно.



— Я понимаю.

— А, может, мне угостить тебя мороженым. Станет повеселее.

— Спасибо,— Джинни взглянула на часы.— У меня сегодня свидание.

Ну что ж. Желаю приятно провести вечер,— Клинг внимательно посмотрел на девушку.— Ты красивая, Джинни. И жизнь у тебя должна быть красивая.

— Я понимаю,— повторила Джинни.

— А если тебе все-таки понадобится помощь, звони в восемьдесят седьмой участок,— Клинг усмехнулся.— Я там работаю.

— Спасибо. Буду знать.

— Не хочешь сейчас пройтись со мной?

— Но мне нужно подождать няню.

— Ну да,— Клинг досадливо прищелкнул пальцами.— А может, мне с тобой посидеть?

— Не стоит.

— Хорошо.

Клинг снова внимательно посмотрел на девушку. Какая она встревоженная, усталая. Он очень хотел сказать ей что-нибудь ободряющее, но не находил слов.

— Побереги себя,— наконец нашелся он.

— Спасибо, буду беречь.

— Не стоит благодарности.— Клинг прошел в прихожую. Он услышал, как за ним защелкнулся замок.

## ГЛАВА 5

Уиллису вовсе не нравилось работать сверх положенного. В общем-то это никому не нравится, особенно когда за это не платят. Уиллису давно было присвоена третья категория, получал он пять тысяч двести тридцать долларов в год. Ему платили не за то время, что он проводил на работе и не за то, сколько преступлений ему удалось раскрыть, а просто платили именно такую сумму и все.

Когда Фетс Доннер не позвонил в уговоренное время, Уиллиса охватила досада. Он не находил себе места, и то и дело хватался за трубку, но ему не звонили. Мейер рассказывал Темплу о том, как расследуется дело похитителя кошек. Уиллис присел было послушать, но ему показалось скучно. Он все время поглядывал на часы.

В девять он ушел в полной уверенности, что Доннер не позвонит.

Но когда наутро Уиллис явился в участок, оказалось, что Доннер все же звонил в двенадцать. Дежурный записал номер телефона. Доннер просил, чтобы Уиллис как можно скорее позвонил ему. Уиллис помчался к себе в кабинет. Утро выдалось пасмурное, электрический свет освещал запыленную мебель. Уиллис набрал номер Доннера и, ожидая ответа, поглядывал на дверь в кабинет лейтенанта Бернса. Дверь была раскрыта, значит, Бернс еще не явился на службу.

— Что-то вытанцовывается, Эл? — спросил Хевиленд.

— Да, да, — кивнул Уиллис, и тут же в трубке раздалось мрачное “алло”.

Кажется, Доннер не выспался, да и настроение у него было явно скверное.

— Фетс, это я, Уиллис. Вы ведь звонили вчера?

— Чего? Кого? — проворчал Доннер.

— Уиллис, инспектор из восьмьдесят седьмого участка.

— А-а! Здорово! Сколько время?

— Скоро восемь.

— Вы что, не ложились вчера?

— Вы что-нибудь хотите мне сообщить? — официально поинтересовался Уиллис.

— Знакомо вам такое имя: Скиппи Рендольф?

— Кажется, нет. А кто это?

— Вообще-то он из Чикаго, но и в нашем городе за ним водятся грешки. Уличный вор.

— Точно?

— Точно! Познакомиться желаете?

— Может, и желаю.

— Тогда могу свести в одно место, где он будет.

— Где это?

— Пойдете со мной, — Доннер помолчал и продолжил, — но учтите, баня мне дорого обходится.

— Но сперва я проверю его данные по нашей картотеке. Вдруг в нем нет ничего интересного. И он действительно будет вечером?

Доннер клятвенно заверил, что будет.

— Я вам перезвоню, — пообещал Уиллис. — Застану я вас по этому телефону?

— Я здесь буду до одиннадцати. Потом уйду в баню.

Уиллис посмотрел на лежащие перед ним бумаги.

— Скиппи Рендольф,— повторил он.— Его и вправду так зовут?

— Рендольф — точно, а — Скиппи — не знаю.

— А это верно, что он промышляет уличными кражами?

Доннер снова клятвенно заверил.

— Хорошо, я перезвоню,— Уиллис подумал и позвонил в отдел, где хранились данные о рецидивистах.

Один из сотрудников предложил ему выпить кофе. Уиллис только успел согласиться, как ему ответили по телефону. Он попросил отыскать данные Рендольфа.

Картотечный отдел работал без выходных и перерывов. Здесь имелись самые подробные данные на всех преступников: отпечатки пальцев, сведения об освободившихся из тюрьмы. Здесь имелись описания того, как они предпочитают “работать”; хранились их фотографии. В отделе хранилось огромное количество карточек. И ответить на запрос Уиллиса сотрудникам отдела было не так уж трудно. Вскоре он получил карточку с отпечатками пальцев.

Но сами по себе отпечатки не могли помочь Уиллису. Он принялся просматривать другие данные. Из них он узнал, что подозреваемый родился в Чикаго в 1918 году, Рендольф — его настоящая фамилия, имя Сэнфорд Ричард, Скиппи — кличка. Рендольф был светлокожим и голубоглазым, по профессии он был водителем грузовика. Имелись и особые приметы: шрамы от ножевых и пулевых ранений, татуировка.

Семь лет назад Рендольф был задержан за попытку ограбления на улице пожилого человека. Неудачливого вора приговорили к одному году лишения свободы.

Но за хорошее поведение Рендольф был досрочно освобожден из колонии. Ему было разрешено вернуться в Чикаго. В Чикаго за ним не было замечено ничего предосудительного.

Оказалось также, что во время Второй мировой войны Рендольф служил в морской пехоте, отличился, был ранен.

А после войны пытался ограбить на улице беззащитного старика.

И вот Доннер уверяет, что Рендольф снова взялся за старое.

Взглянув на часы, Уиллис вновь позвонил Доннеру.

— Алло! — раздалось в трубке.

— Значит, вечером мы с вами идем в компанию, где будет Рендольф,— объявил Уиллис.

Эта компания собиралась в разных местах. На этот раз на складе близ шоссе. Уиллис облачился в пеструю рубашку и спортивный пиджак. Доннера он с трудом узнал. В строгом темном костюме тот выглядел даже величественно, и совсем не походил на тушу, парившуюся в турецких банях. Уиллис пожал Доннеру руку, незаметно передав при этом ему десять долларов. Затем они отправились на склад.

Доходяга, стоявший “на стреме” пропустил их. Доннер назвал Уиллиса своим старым приятелем Уилли Гаррисом. В помещении склада было полутемно. Тусклая лампочка свешивалась с потолка. Прямо под ней собралась кучка людей. Все вокруг было забито громоздкими предметами; похоже, это были кухонные плитки и холодильники.

— Тут у нас есть договоренность со сторожем и патрульным полицейским,— сказал Доннер.— Так что никто нас беспокоить не станет.

Их шаги гулко отдавались в помещении.

— Вон Рендольф,— указал Доннер.— Вон тот, в зеленом костюме. Познакомить вас с ним, или сами хотите?

— Сам,— решил Уиллис.— Если придется его брать, не хочу, чтобы на вас падало подозрение. Вы нам нужны.

— Да ведь я вас сюда привел,— заметил Доннер.

— Нет, это не то. Я просто мог оказаться таким пройдохой, что даже вас одурачил.

— Идет! — Доннер шепотом польстил Уиллису.— А вы и есть пройдоха.

Уиллис сделал вид, будто не расслышал. Под лампой была расстелена клеенка. Здесь играли в кости. Уиллис занял место рядом с Рендольфом. Приземистый человек в свитере бросал кости.

Уиллис спросил Рендольфа, давно ли тот это делает.

Рендольф глянул на Уиллиса. Глаза у него и вправду были голубые. Его довольно приятное лицо портил шрам.

Рендольф ответил Уиллису; что приземистый человек бросает кости шестой раз.

— Везет ему? — спросил Уиллис.

— Да так себе.

Между тем банкомет зажал кости в кулаке и кинул на клеенку.

— Шестерку давай! — крикнул один из игроков.

— Тише! — строго предупредил другой.

Вместе с Доннером и Уиллисом здесь было семь человек. Кости упали на простыню.

— Шестерка! — объявил банкомет. Затем он собрал деньги и сказал, что ставит двадцать пять долларов.

Высокий игрок согласился. Банкомет бросил кости.

— Семерка! — воскликнул он.

Уиллис оглядывал кости.

— Четыре, — сказал банкомет.

Уиллис вступил в игру, продемонстрировав десять долларов.

Высокий игрок поставил еще пять долларов.

Банкомет оставил на клеенке пятьдесят долларов. Высокий и Уиллис поставили по двадцать пять.

— С ума ты сошел, — обратился Рендольф к Уиллису.

— Просто мне хочется играть, — пояснил Уиллис.

Банкомету выпало семь очков.

Высокий был огорчен.

Банкомет удовлетворительно улыбнулся и поставил сто долларов. Уиллис согласился.

Доннер глянул на него, сомневаясь и сочувствуя. Высокий удивился.

— Ну, наконец-то хоть кто-то играет в этой компании, — иронически заметил банкомет.

— Ну, здесь ведь не дамская комната! — бросил Уиллис.

Выпала восьмерка.

— Шесть и пять против восьми, — сказал Уиллис.

Молчание.

— Ну, восемь и пять, — Уиллис повысил ставку, хотя это не было естественно для обычного игрока.

Высокий согласился и протянул Уиллису пять долларов.

— Бросай, — приказал Уиллис банкомету.

Тот бросил кости.

Рендольф первым заметил, что выпали две четверки.

Он внимательно посмотрел на Уиллиса и предложил:

— Восемь долларов.

— Против пяти? — спросил высокий.

— Да.

Высокий согласился.

Снова выпала восьмерка. Высокий выиграл. Курносый игрок горестно вздохнул.

Банкомет заявил, что ставит двести долларов.

— Не много ли? — спросил курносый.

— Боишься, уходи, — вмешался Рендольф.

— Кто согласен на двести? — подначивал банкомет.

— Пятьдесят! — вздохнул курносый.

— Кто добавит остальное? — обратился к играющим банкомет.

— Я ставлю сто! — откликнулся Уиллис.

— Я добавлю пятьдесят, — вступил в игру Рендольф.

— Крупные ставки пошли! — заметил мордастый парень рядом с Уиллисом.

Банкомет бросил кости. Одна костяшка показала пять, вторая — двойку.

— Семь! — обрадовался банкомет.

— Везуха! — позавидовал мордастый.

— Как нарочно, — недоверчиво добавил курносый.

— Ставь, — предложил банкомету высокий.

— Четыре сотни! — банкомет вызывающе посмотрел на остальных.

— Так ты нас по мирупустишь! — сказал курносый.

Уиллис внимательно оглядывал каждого. Курносый, банкомет и высокий явно имели при себе оружие.

— Двести! — сказал Уиллис.

— Кто добавит остальное? — спросил банкомет.

— Не будет тебе все время везти, — Рендольф поставил недостающие двести долларов.

На клеенку упали две банкноты.

— Бросай! — приказал Уиллис банкомету. — Только тряхни как следует.

— Помогай, костяшка! — с этими словами банкомет кинул кости.

Выпало одиннадцать очков.

— Ну и везуха! — удивился банкомет. — Поставлю-ка я на все. Кто согласен?

— Потихе, — остановил его Уиллис.

— Восемьсот! — продолжил банкомет.

— Дай-ка посмотреть кости, — попросил Уиллис.

— Что тебе нужно?

— Хочу кости посмотреть. Слишком уж они везучие.

— Дело не в костях, а в руках! — похвалился банкомет.

— Для начала посмотрим на костяшки.

— Кто поддержит ставку? — банкомет сделал вид, будто не замечает просьбы Уиллиса.

— Покажи кости! — вмешался Рендольф.

Уиллис глянул на него. Только что Рендольф проиграл две сотни долларов. Уиллис явно хотел доказать, что кости крапленые. Рендольфу передалось его недоверие.

— С костями все в порядке, — уверял банкомет.

Высокий странно посмотрел на Уиллиса.

— Все в порядке, — заявил высокий. — У нас обмана не бывает.

— Нет, что-то не то, — продолжал уверять Уиллис.

— Не хочешь играть, не играй! — враждебно пробурчал курносый.

— Я пятьсот проиграл, — заявил Уиллис. — Имею право!

— Он ведь с тобой пришел, Фетс? — спросил высокий.

— Да, — хмуро ответил Доннер. По лицу его тек пот.

— Откуда ты его взял?

— В баре разговорились, — Уиллис пришел на помощь Доннеру. — Мне хотелось развлечься. Не думал я, что здесь дураят.

— Здесь все в порядке, — сердито сказал высокий.

— Тогда почему не даешь посмотреть?

— Вот сорвешь банк, тогда и посмотришь, — банкомет оказался крепким орешком.

— Нет, — решительно заявил Уиллис. — Прежде, чем я не проверю кости, ты бросать их не будешь.

— Что-то ты слишком развоевался! — пробурчал сквозь зубы Высокий.

— Ты так думаешь? — полюбопытствовал Уиллис с притворной ласковостью.

Высокий пристально посмотрел на Уиллиса; явно пытался понять, есть ли у того оружие. Наконец решил, что нет. И пригрозил:

— Убирайся, недоносок. Не то от тебя мокрое место останется.

— Ты, мешок с мусором! — пренебрежительно бросил Уиллис.

Высокий злобно посмотрел на Уиллиса. Высокому показалось, что никакой опасности для него Уиллис не представляет. Так многие воображали до Высокого. И ошибались. Глядя на Уиллиса, трудно было предположить, что он — мастер кулачного боя, что он в совершенстве владеет дзюдо и может переломить позвоночник одним легким ударом. Высокий решил, что быстро расправится с этим надоедой.

Но уже в следующую минуту Высокого ждал сюрприз.

Уиллис все понял и с самого начала следил за ногами Высокого. Когда тот выставил правую ногу, Уиллис быстро нагнулся и схватил противника за левую ногу.

— Ты что... — начал было Высокий, — но тут же получил удар ребром ладони в живот. Он вдруг упал навзничь и едва мог перевести дыхание.

Когда он очнулся, Уиллис стоял над ним и усмехался.

— Ловко, ничего не скажешь, — пробурчал Высокий и кинулся на Уиллиса.

Уиллис спокойно ждал, чуть покачиваясь на полусогнутых ногах.

Затем схватил противника за локоть и ткнул ладонь ему под мышку. Затем он дернул противника за руку. Высокий почувствовал, как почва уходит у него из-под ног.

Уиллис отпустил Высокого, он не хотел ломать Высокому руку. Тот сидел на полу и приходил в себя; попытался подняться, но снова шлепнулся. Курносый сунул руку в карман пиджака; конечно, с целью вытащить нож.

— Стоять всем! — вдруг раздалась команда.

Оглянувшись, Уиллис увидел, что Рендольф держит пистолет, наведя его на остальных.

Уиллис поблагодарил Рендольфа.

— Бери восемьсот долларов, — скомандовал Рендольф. — Я мошенников не люблю.

— Но это мои деньги! — рассердился баикомет.

— Теперь наши, а не твои, — спокойно ответил Рендольф.

Уиллис сунул доллары в карман.

— Пойдем! — Рендольф потянул Уиллиса.

Они двинулись к двери. Рендольф держал пистолет наготове. Тот, что стоял на стреме, пропустил их без звука. Пистолет производил сильное впечатление. Новоиспеченные приятели кинулись бежать, затем поймали такси.

— Хочешь кофе? — спросил Рендольф.

— Хорошо бы, — ответил Уиллис.

Рендольф протянул руку.

— Скиппи Рендольф.

— А я — Уилли Харрис.

— Где учился дзюдо? — поинтересовался Рендольф.

— Я служил в морской пехоте.

— Я сразу догадался. Я ведь тоже там служил.



— Неужели? — Уиллис притворился удивленным.

— В шестой дивизии, — гордо произнес Рендольф.

— А я служил в третьей, — обманул его Уиллис.

— Значит штурмовал Эво?

— Да.

— А я был на Окинаве...

— Нелегко пришлось.

— И говорить нечего! Но в морской пехоте мне нравилось. Хотя на Окинаве меня чуть не подстрелили.

— А у меня — ни царапины, — Уиллис прищелкнул пальцами.

— Как ты думаешь, эти гады к нам больше не пристанут? — спросил Рендольф.

— Думаю, мы навеки от них избавились, — заверил Уиллис.

Рендольф попросил шофера остановиться. Они вышли. Рендольф заметил кафе.

Уиллис сунул руку в карман и протянул Рендольфу четыреста долларов.

— Мне тоже показалось, что они жульничают, — сказал Рендольф.

— Почему же ты молчал? — спросил Уиллис с некоторой обидой.

Они вошли в кафе, присели в углу и заказали кофе с булочками.

— Хороший кофе, — сказал Рендольф, отпив.

— Хороший, — согласился Уиллис.

— Ты здешний.

— Да. А ты?

— Я из Чикаго. Вот попал сюда, да так и торчу...

— А когда ты ушел из армии?

— В сорок пятом.

— Где же ты кантовался столько лет?

— Пришлось посидеть, — Рендольф посмотрел на Уиллиса.

— Бывает, — заметил Уиллис. — А за что тебя посадили?

— Грабеж!

— А здесь ты зачем?

Но Рендольф не ответил, и сам, в свою очередь, спросил:

— А тебя за что посадили?

Уиллис принялся отнекиваться, но Рендольф настаивал.

Наконец Уиллис пробормотал, что его посадили за изнасилование.

Рендольф покачал головой.

Уиллис принялся объяснять, что встречался с девкой, которая долго водила его за нос, пока наконец он...

— Понятно! — прервал его Рендольф.

— И вправду понятно? — недоверчиво спросил Уиллис.

— Понятно. Я ведь и сам не хотел грабить. Просто позарез нужны были деньги.

— А сейчас как ты их добываешь?

— Выкручиваюсь.

— Рассказал бы!

— Я шофер, — неохотно объяснил Рендольф.

Уиллис не поверил.

Рендольф уклончиво сказал, что кое-чем занимается.

— А ты что, безработный? — спросил, в свою очередь, Рендольф.

— Вроде того.

— Могли бы вдвоем работать.

Уиллис сделал вид, что не понимает. Рендольф объяснил, что предлагает ему стать уличным грабителем.

— Да разве так можно заработать?

— Можно, надо только уметь.

— Да неохота мне связываться со стариками и бабами.

— Я и сам не связываюсь с ними, — заверил Рендольф. — Припают изнасилование и сиди.

Уиллис согласился, но чувствовал себя разочарованным. Между тем, Рендольф горячо доказывал, почему грабить одиноких женщин невыгодно.

— Будем работать вместе. Город будет наш, — уверял Рендольф.

Уиллис уже окончательно убедился в том, что Рендольф не тот, кого он ищет. Он старался вытянуть из него побольше сведений для того, чтобы иметь возможность арестовать его.

Пока в одном конце города шел этот важный разговор, в другом юная девушка лежала ничком в зарослях кустов.

Девушка скатилась с крутизны и лежала в странной позе.

Чулки ее порвались, юбка задралась. Ноги у нее были красивые, но одна из них оказалась нелепо подвернута.

Лицо ее было разбито в кровь во время падения. Одну ладонь она прижала к груди, другая беспомощно раскрылась на земле.

Рядом с телом девушки лежали темные очки с выбитым стеклом.

Светлые волосы девушки слиплись от крови. Кто-то пробил ей череп чем-то твердым.

Девушка лежала на земле, бездыханная.

Это была Джинни Пейдж.

## ГЛАВА 6

Лейтенант Бернс внимательно читал какой-то документ. Это было предварительное заключение о смерти Джинни-Риты Пейдж.

Доктор Артур Бергер писал, что тело осмотрено Бертрамом Нельсоном, врачом госпиталя святой Иоанны. Причиной смерти было пока признано сотрясение мозга, но вскрытие и анализы еще не производились.

Бергер уведомлял также о том, что труп был опознан сестрой девушки, миссис Питер Белл, которая хотела взять труп после вскрытия. Далее писалось, что акт о вскрытии будет представлен.

Все это, конечно, было полной чепухой, то, что, изучив искалеченное лицо и тело, врач решил, что причиной смерти явилось сотрясение мозга. Труп привезли ночью и никому не хотелось возиться.

Лейтенант был раздражен; убитой оказалось семнадцать лет, как и его сыну.

Крепкий человек, лейтенант, не любил, когда убивали, особенно таких вот молодых.

Он подошел к двери и позвал Уиллиса.

Уиллис читал бумаги за своим столом.

Бернс пригласил его в свой кабинет.

Оказалось, что на темных очках, найденных возле трупа, всего один отпечаток большого пальца, по которому почти невозможно будет установить личность убийцы.

— Ну, а как твой друг, которого ты привел вчера?

— Вы о Рендольфе? Он просто рвет и мечет. Ведь получилось, что он все выложил полицейскому, то есть, мне. Теперь он требует адвоката.

— А как насчет отпечатка пальца?

— Это не Рендольф.

— Может быть, это был палец убитой?

— Нет.

— Ну, я так и думал, что это не Рендольф. Ведь когда ее убивали, он как раз беседовал с тобой. Но что же делать? А как в отделе убийств?

— Они начали проверять тех, кто раньше арестовывался за сексуальные дела.

— Надо бы им помочь. Достань-ка наши досье. Ты думаешь, что тот самый грабитель?

— Темные очки...

— Стало быть, этот Клиффорд все же стал убийцей.

— Возможно. Но меня раздражает мысль о том, что все это произошло на нашем участке.

— Преступления случаются и на других участках,— заметил Бернс.

— Мы должны поймать этого грабителя. И у меня есть идея.

— Слушаю,— сказал Бернс.

В гостиной Беллов стояла тишина. Молли и Питер сидели на диване. Берту Клингу было неловко.

Клинг помнил красавицу Джинни, чем-то встревоженную, испуганную. Он чувствовал себя виновным в ее гибели.

— Она так ничего тебе и не рассказала? — спросил Белл.

— Ничего. Она показалась мне старше своего действительного возраста. Что-то ее мучило.

— Я знала, что с ней что-то не так,— Молли уже не могла плакать, только сжимала носовой платок.

— Полиция думает, что это тот вор,— сказал Белл жене.

— Я знаю,— ответила Молли.

— Я все понимаю,— начал было Питер.

— Что она делала на другом конце города? — прервала его Молли.— Кто привел ее туда? Или она пришла сама?

— Наверное, сама,— предположил Белл.

— Но зачем? Что она делала в этой глухомани?

— Не мучайся, Молли, полиция найдет его,— утешал Белл жену.

— Но зачем, зачем ей понадобилось забираться в такую даль, Питер?

— Не знаю,— грустно ответил Питер.

— Мы найдем этого человека, Молли,— твердо сказал Берт Клинг.

— Но разве это воскресит мою сестру? — грустно спросила Молли.

Клинг видел эту несчастную женщину, состарившуюся в двадцать четыре года, ждущую ребенка и оплакивающую смерть сестры. Берт заторопился. Молли хотела, чтобы он выпил кофе, но он решительно отказался и вышел на залитую солнцем улицу.

Из школы выбежали дети, шумные веселые здоровые мальчишки, хорошенькие девочки. Они весело бегали друг за дружкой.

Не так давно и Джинни была такой же школьницей.

Клинг шел не спеша.

Ветер был холодным. Клингу захотелось, чтобы скорее наступила осень. А потом зима. Но почему ему так нравится осень? Ведь осенью так уныло, все умирает...

На углу возле школы продавец сосисок протянул девочке лет четырнадцати сосиску, намазанную горчицей. Девочка с удовольствием ела, а Клингу было грустно.

Щенок догонял резиновый мячик. Водитель автомобиля поспешно затормозил, но не мог не улыбнуться, глядя на потешную собачку.

Разноцветные осенние листья летели на тротуар. Клинг думал о том, как несправедливо то, что погибла такая юная девушка.

Порыв холодного ветра заставил его поежиться.

Клинг подошел к метро.

Собирался дождь.

Клинг пожалел о том, что не надел пальто с воротником.

Думая о Джинни Пейдж, он спустился в метро.

## ГЛАВА 7

На втором этаже полицейского участка номер восемьдесят семь, положив ногу на ногу, сидела девушка. У нее были красивые стройные ножки в туфельках на каблучках.

Это была очаровательная, рыжеволосая и зеленоглазая девушка. Глаза ее светились сообразительностью и жи-

вым умом. Под строгого покроя блузкой очерчивалась высокая грудь.

Девушка получала более пяти тысяч долларов в год.

В ее изящной сумочке лежал револьвер.

Девушка работала инспектором полиции и звали ее Айлин Берк.

— Вы можете и не браться за это дело,— обратился к ней Бернс.

— Но дело любопытное,— обронила Айлин.

— Конечно, Эл Уиллис будет следовать за вами по пятам, но это, к сожалению, не гарантирует благополучного исхода.

Девушка кивнула.

— Этот Клиффорд — не так уж вежлив, как может показаться,— вмешался Уиллис.— Он и дерется и может убить. Короче, это не увеселительная прогулка.

— Кажется, он не вооружен. Но то убийство девушки... Если это он... Короче, риск есть, мисс Берк.

— Мы вовсе не навязываем вам это дело. Мы хотим, чтобы вы поняли, что мы вам ничего не навязываем,— подчеркнул Бернс.

— Не могу я понять, вы уговариваете меня или отговариваете,— подвела итог Айлин.

— Мы хотим, чтобы вы решили сами. Ведь вам предстоит быть чем-то вроде подставной утки.

— У меня револьвер.

— И все-таки наш долг — предупредить вас.

— Мой отец был полицейский,— сказала Айлин.— Его убили на улице, когда из тюрьмы бежал убийца. Короче, я согласна.

— Я это знал,— Бернс улыбнулся.

— Мы будем с вами вдвоем? — спросила Айлин Уиллиса.

— Да. Но я не знаю, что получится из всего этого. Ведь если я буду рядом с вами, Клиффорд не приблизится к вам. А если я пойду слишком далеко, от меня толка не будет.

— Но все же вы на что-то надеетесь?

— Не знаем. Пока все получалось у него. Убийца ли он, вот в чем вопрос. Пока он действовал без всякого плана, просто подкарауливал жертву где попало. Мы надеемся, что, увидев красивую девушку ночью одну, он клюнет.

— Возможна попытка изнасилования? — спросила Айлин.

— Раньше за ним такого не замечалось, — почти в один голос сказали Уиллис и Бернс.

— Я думаю, что бы мне надеть, — призадумалась Айлин.

После долгих обсуждений остановились на ярком белом свитере и непокрытых рыжих волосах. Бернс попросил Айлин, чтобы она была осторожнее. Когда девушка вышла из кабинета, уговорившись предварительно о встрече, мужчины решили, что с заданием она справится.

А в другом кабинете в это самое время Мейер и Темпл увлеченно обсуждали дело таинственного похитителя кошек. Но тут как раз принесли акт вскрытия тела семнадцатилетней Джинни-Риты Пейдж. Это была холодная казенная бумага, в которой сообщалось холодными казенными словами, что на теле обнаружены множественные ушибы, что голова проломлена твердым предметом, что перед убийством девушка изнасилована не была, и что вот уже три месяца она ждала ребенка.

## ГЛАВА 8

Клинг все время думал об убитой девушке.

В сущности, он должен был бы радоваться, приступив к работе. Стояла погожая осень — его любимое время года. Вот только мысль об этой девушке...

Клинг обходил свой участок. Участок был сложный. Здесь жили бедные люди, в основном пуэрториканцы. Девушки здесь были красивы, все бурлило жизнью. Но Берг думал о смерти.

Он как раз переводил через дорогу мальчика, когда вдруг увидел Молли Белл. Меньше всего он ожидал увидеть ее. Она выглядела измученной, одета была небрежно. Пальто, сшитое, должно быть, в лучшие времена, не сходило с талии будущей матери.

Молли окликнула Берга и замахала ему рукой. Ее жесты были исполнены такой женственности, что Клинг сразу вспомнил ее сестру. Он поспешил навстречу Молли и, подойдя, поздоровался с ней.

— Я думала, ты в участке, но мне сказали, ты сегодня обходишь улицы, — сказала Молли.

Берт кивнул.

Молли предложила поговорить и он согласился.

Они свернули в переулок и шли мимо деревьев парка.

— Ты знаешь о результатах вскрытия? — спросила Молли.

— Да, — ответил Берт.

— Не верится.

— Они не могли ошибиться, — решительно сказал Берт.

— Я знаю, — Молли тяжело вздохнула.

Берт внимательно посмотрел на нее и спросил, не вредно ли ей много ходить.

Молли ответила, что наоборот, полезно. И вдруг она решительно попросила Берта помочь ей. Она говорила спокойно и решительно.

Но Берт начал объяснять, что этим делом занимаются инспектора, что он, простой полицейский, не имеет права вмешиваться в ход поисков преступника.

— Но ведь эти люди не знали мою сестру, — прервала его Молли. — Для них она — всего лишь еще один труп...

Берт снова принялся объяснять, что в полиции делают все возможное.

— Но я очень прошу тебя, — настаивала Молли.

Берт отказывался.

Молли упорствовала.

— В полиции думают, что это дело рук того уличного вора, — говорила Молли. — Но оказывается, моя сестра ждала ребенка. Ее убили далеко от дома. Как она туда попала? Неужели у нее не было друзей? Неужели она никому не доверилась?

Клинг заметил, что не понимает, кого же хочет найти Молли: убийцу или отца ребенка.

— Но ведь это может быть один и тот же человек. Да, в полиции занимаются этим делом. Но ведь именно ты понимаешь, чем была для меня моя сестра, — горестно проговорила Молли.

— Ты знаешь кого-нибудь из ее друзей, Молли?

— Да, я знаю, что она последнее время ходила в один клуб. Он назывался "Темпо". Помогите мне, Берт!

Наконец Берт сдался. Он согласился помочь ей, но после работы; то, что называется, в частном порядке. Он спросил адрес клуба "Темпо". Молли приблизительно



рассказала, как туда пройти, точного адреса она не знала. Чуть помолчав, она грустно добавила, что когда была девчонкой, тоже ходила в один такой молодежный клуб. Берт у название "Темпо" было незнакомо. Но он согласился после работы сходить туда. Молли поблагодарила его и сказала, что будет ждать от него вестей. Он хотел, чтобы она вернулась домой на такси, но она отказалась. Берт смотрел, как она шла к метро. Со спины даже нельзя было понять, что она ждет ребенка, у нее была красивая фигура и стройные ноги.

Когда она скрылась в метро, Берт продолжил обход своего участка, здороваясь с знакомыми.

## ГЛАВА 9

У инспекторов — свое расписание, которое они сами для себя придумывают, в зависимости от своих планов. Но у дежурных полицейских график очень строгий. Порою случается дежурить и в праздники и в выходные дни.

В понедельник Клинг работал с семи утра. В половине четвертого его сменили. Он переоделся в свой обычный костюм и снова вышел на улицу.

Последнее время Клинг часто обходил свой участок после дежурства. Он уже знал, где собираются наркоманы, кого можно подозревать в ограблении большого магазина. Все подозрительное он заносил в свой блокнот. Клинг знал, что если ему удастся провести несколько задержаний, он получит звание инспектора, и ему очень хотелось этого. Именно поэтому он и бродил по своему участку в обычной одежде, чтобы не очень бросаться в глаза.

Но сегодня у него были другие дела. Он направился на поиски клуба "Темпо". Для начала Берт заглянул в один из клубов своей юности. Там ему подробно рассказали, как найти "Темпо".

Клуб занимал подвальный этаж. Дверь была заперта. Слышались только приглушенные звуки музыки. Берт принялся стучать, но, вероятно, музыка все заглушала. Наконец он изо всех сил заколотил кулаком.

Из-за двери мальчишеские голоса начали выпрашивать его, кто он. Клинг не хотел сразу признаваться, что он из полиции, и просто назвал свое имя. Голоса за

дверью недоуменно спросили, кто это “Берт Клинг”. Берт сказал, что хочет арендовать клуб. Наконец ему открыл дверь светловолосый парнишка с пластинками в руках. Собственно, парнишек было двое: Томми и Эд.

Стены в комнатах были выложены патефонными пластинками, стояли диваны и кресла. Обстановка была уютной и не без оригинальности.

Эд принялся рассказывать, что в клубе все сделано своими руками. Берт спросил, является ли Эд членом клуба. Тот с гордостью пояснил, что нечленов пускают сюда только по пятницам и воскресеньям, на танцевальные вечера. И тут же поинтересовался, для чего Берт хочет снять клуб. Берт ответил, что он хочет собраться здесь с друзьями, ветеранами корейской войны, и снова повторил, что в клубе очень уютно. Эд собрался было положить пластинки, но вдруг обернулся к Берту.

— А на какой вечер вы хотите снять клуб?

Берт ответил, что на субботу.

Мальчики обрадовались, ведь по пятницам и воскресеньям в клубе устраивались танцы. Берт предупредил, что будут и девушки. Эд сказал, что это все равно, что у них в клубе равноправие и двенадцать девушек состоят членами клуба.

— Я когда-то жил в этих местах, — сказал Берт. — И знал многих девчонок. Может, кто из их младших сестер сейчас в вашем клубе?

— Не исключено, — коротко бросил Эд.

Его приятель Томми подозрительно отнесся к интересу Берта к девушкам и спросил об оплате аренды клуба. И тут Берт Клинг неожиданно задал вопрос о том, часто ли приходила в клуб Джинни Пейдж.

Ребята принялись отнекиваться. Наконец они категорически заявили, что Джинни никогда не появлялась в клубе “Темпо”.

— Вообще-то я из полиции, — признался Клинг.

— А где значок? — спросил Эд.

Клинг показал значок.

Но ребята продолжали упрямиться.

— Когда она приходила сюда в последний раз? — решительно спросил Клинг.

— Томми заявил, что здесь никто никакого отношения не имеет к убийству этой девушки.

— Значит, она все же приходила сюда?

Ребятам пришлось признаться, что да, Джинни бывала в клубе, и одна из девушек — членов клуба хотела рекомендовать Джинни в члены клуба.

— Джинни приходила в прошлый четверг?

— Нет,— ответил Томми.— В четверг у нас уборка. Мы дежури́м вшестером, трое ребят и трое девушек.

— А та девушка, приятельница Джинни, случайно не дежурила в четверг?

Оказалось, что да, как раз дежурила.

Клинг спросил, как звали приятельницу Джинни.

Но вместо того, чтобы ответить ему, мальчики начали рассуждать о странном поведении Джинни: красивая девушка, она держалась в клубе необычайно холодно, сидела молча, ни с кем не танцевала, не хотела знакомиться.

— Как же зовут приятельницу Джинни? — перебил своих юных собеседников Клинг.

Томми и Эд заметно смутились и снова попытались перевести разговор на поведение девушки. Но Клинг не дал им отвлечься. Наконец ребята смущенно сознались, что приятельница Джинни была старше их.

— Ну и что? — Клинг не понял.

Ребята принялись мяться и явно чего-то не договаривали. Наконец выяснилось, что они просто побаловались с этой Клер. Клинг сейчас же потребовал фамилию Клер. Мальчики в конце концов назвали и фамилию и адрес, но при этом просили, чтобы их забавы с этой Клер не разглашались.

Клинг посоветовал им держаться подальше от взрослых девиц.

— Лучше мускулы качайте или штангу поднимайте!

## ГЛАВА 10

В городе было множество домов для людей среднего достатка. Воздвигнуты эти дома были из желтого кирпича. С балконов свешивалось самое разнообразное белье, чистое, выстиранное. Под сенью сохнущего белья на стульях располагались женщины, вязали и болтали. Здесь в одно мгновение чернились самые незапятнанные репутации и перемывались косточки всем без исключения соседям.

В тот день стояла прекрасная погода. Необычайно погожий осенний день. Женщины не спешили к домашним очагам, хотя отчетливо сознавали, что этим подводят своих мужчин, которые вот-вот вернутся с работы. Появление высокого молодого блондина вызвало оживление среди представительниц женского пола, сидевших у подъезда. Они принялись на все лады обсуждать и догадываться, к кому же он идет. А молодой человек между тем поднялся на четвертый этаж и позвонил в квартиру сорок семь. Когда ему не ответили, он в нетерпении позвонил снова.

На этот раз дверь быстро распахнулась и перед ним предстала босая девушка. Она приняла его за коммивояжера и тотчас же заявила, что ничего покупать не собирается.

— А я как раз собираюсь продать вам автомат для удаления косточек из яблок.

И Клинг принялся вдохновенно рекламировать автомат, который не только удаляет косточки, но и превращает их в волокно, из которого можно плести самые разнообразные коврики, самых фантастических расцветок.

Ему даже удалось привести девушку в замешательство.

— Вы что, сошли с ума? — воскликнула она.

— Нет, — спокойно признался Клинг. — Я просто из полиции и вот мой значок.

— А в чем я провинилась? Поставила машину в неподложенном месте?

— Нет, нет. Меня отослали к вам мальчики из клуба "Темпо". Вы ведь Клер Таунсенд?

Клер впустила его в квартиру. Это была высокая, очень красивая девушка. У нее были черные волосы того самого поэтического оттенка, который в литературе именуется вороновым крылом. Брови у нее тоже были черные. На ней была свободная блузка и черные облегающие брюки. На ногтях — алый маникюр.

Они долго сидели молча. Клинг чувствовал себя смущенным.

— Почему в "Темпо" послали вас именно ко мне? — наконец спросила девушка.

— Мне сказали, что вы были знакомы с Джинни Пейдж.

Клер покраснела. Клинг незаметно оглядел комнату. Она была обставлена без роскоши, но чувствовался хороший вкус. Клер предложила ему сигарету и переспросила его фамилию.

— Клинг. Берт Клинг.

— Вы инспектор полиции?

— Нет, обычный полицейский.

— Почему вас интересует Джинни Пейдж?

— Я выполняю просьбу ее сестры.

— Что ж,— Клер затянулась сигаретой.— Спрашивайте.

— Вы работаете, учитесь?

— Учусь. Буду работать в сфере оказания социальной помощи, чтобы людям не нужны были ваши услуги.

— Это хорошо,— похвалил Клинг.— А почему вы стали членом клуба “Темпо”?

Она холодно посмотрела на него.

— Просто мне показалось, что ребята из этого клуба слишком молоды для вас,— без обиняков заявил Клинг.

— А вам не кажется, что вы бы могли быть повзжелее?

— Кажется. И все равно Эду и Томми не больше восемнадцати. Вы в сто раз умнее их. Что же вы делаете в этом “Темпо”?

Клер резко загасила окуроч в пепельнице.

— По-моему, нам нет смысла продолжать разговор,— проговорила она.

— Но я ведь только что пришел.

— Что ж,— резко заговорила Клер.— Я была привязана к Джинни и я хочу помочь найти ее убийцу. Но лезть ко мне в душу и задавать бестактные вопросы я не позволю.

Клинг принялся многословно и смущенно извиняться. Внезапно Клер рассмеялась, оборвав его на половине чрезвычайно вежливой фразы и предложила ему выпить. Клинг отказался было, но Клер так горячо рекомендовала ему коньяк, что пришлось согласиться. Она наполнила два бокала.

— Посмотрите, бокал налит лишь до половины. Взболтайте. Погрейте бокал в ладонях. Чувствуете аромат.

Клинг сделал большой глоток. Клер возмущенно пояснила, что коньяк полагается смаковать медленными маленькими глоточками. Оба замолчали. Клингу было приятно смаковать этот напиток в компании такой девушки,

как Клер Таунсенд, очень приятной девушки. Но усилием воли он заставил себя сосредоточиться на том, ради чего он, собственно, и явился сюда.

— Скажите, Клер, вы хорошо знали Джинни?

— Обыкновенно. Она была не из тех, у кого много подруг.

— Почему вы так думаете?

— Это было сразу видно. Прелестная девочка, но какая-то растерянная, испуганная.

— Где вы познакомились с ней?

— В клубе. Она пришла такая робкая. Сидела, а мысли ее витали бог знает где. Такое случается и со мной. Поэтому я заговорила с ней. В клуб ее отправил, должно быть, ее парень. Она пришла с маленькой белой карточкой, где от руки были начерчены название клуба и адрес. А в конце вечера мы с ней обменялись номерами телефонов.

— Джинни звонила вам, бывала у вас?

— Нет, никогда. Мы общались только в клубе.

— И долго продолжалось ваше знакомство?

— Где-то с год. Я сразу разгадала тайну Джинни. Она просто была влюблена.

— Как вы это поняли? — вежливо спросил Клинг.

— Просто я знаю, что это такое.

— И с кем же она встречалась? Кто он был?

— Об этом она никогда не говорила. Совсем никогда и никому. Она просто замкнулась в каком-то своем мире. Она ведь была совсем еще зеленая девчушка; птенец, еще только расправляющий крылышки. Совсем ничего не понимала. И при этом выглядела, как взрослая сформировавшаяся девушка. Вы видели ее?

Клинг кивнул.

— Ну, тогда вы понимаете меня. У нее было вполне женское тело и совершенно детская душа.

— А почему вам так кажется? — Клинг подумал о беременности Джинни.

— Да ведь это сразу бросалось в глаза. Она одевалась, как девочка, почерк у нее был детский, а уж вопросы, которые она задавала — ребенок, сущий ребенок!

— Вы говорите о почерке, — перебил ее Клинг. Почерк. Значит что-то написанное убитой.

— Да, да, почерк. Я сейчас посмотрю. Вдруг я выбросила.

Клер поспешно раскрыла сумочку.

— Вообще-то это мой недостаток: ничего не заносу в записную книжку, просто закладываю листки между страницами.

Девушка подала Клиngu белый клочок бумаги.

— Это она написала в тот первый вечер, когда мы познакомились. Имя, фамилия, номер телефона. Посмотрите на ее почерк!

Клинг внимательно смотрел на карточку.

— Но здесь только название клуба и адрес,— недоуменно произнес он.

— Ах, да. Это ведь та самая карточка, с которой она пришла в клуб. А вот на обороте то, что написала она. Видите, совсем детский почерк.

— Вообще-то мне интереснее та надпись, которую сделал ее парень. Вы думаете, что это он написал название и адрес клуба?

— Да, мне кажется, что это он послал ее в клуб. Да и видно, что писал мужчина.

— Вы правы. Могу я взять эту карточку?

— Конечно. Мне она больше никогда не понадобится.

Клинг аккуратно спрятал карточку в бумажник.

— Вы говорили, она вас о многом спрашивала. О чем же?

— Ну, например, как надо целоваться, как открывать рот, что делать с языком. И при этом смотрела на меня во все глаза. Она и не подозревала о том, какое действие может произвести ее красота.

— Кажется, в конце концов она это поняла. Когда ее убили, она ждала ребенка.

— Боже! Неужели! — Клер вздрогнула.

Клинг кивнул.

— Бедный птенец! Какая подлость!

— Но парня ее вы не знали?

— Я вам уже сказала, что нет.

— Девушка не рассталась с ним? Ведь вы были знакомы целый год. Она могла увлечься кем-то другим.

— Нет, нет. Она постоянно виделась с ним. Она ведь и в клуб ходила только ради этого.

— Он тоже ходил в клуб? — Клинг привскочил.

— Нет, нет! Просто, наверное, сестра и ее муж не хотели, чтобы Джинни встречалась с этим парнем. Джинни говорила им, что отправляется в клуб, на всякий случай, вдруг бы они решили проверить. Она и

вправду приходила в клуб, недолго сидела, потом уходила.

— То есть она всегда сначала приходила в клуб, а из клуба уходила на свидание. Так?

— Да, хотя иногда она оставалась в клубе до самого закрытия.

— Эти свидания происходили где-то близко от клуба?

— Думаю, что нет. Однажды я провожала ее до метро.

— Когда она обычно уходила?

— Где-то между десятью и половиной одиннадцатого.

— И ехала на метро на свидание? Так вы полагаете?

— Нет, я точно знаю. В тот вечер, когда я провожала ее, она сказала, что едет к нему в центр города.

— А куда именно?

— Не говорила.

— Как он выглядел?

— Я ведь его не видела.

— Разве Джинни не рассказывала о нем?

— Говорила только, что красивее его нет никого на свете. Кто может описать свою первую любовь? Разве что писатели.

— Да, писатели,— подтвердил Клинг.— И семнадцатилетние парни и девчонки. В этом возрасте хочется всем рассказать о своей любви.

— Да,— проговорила Клер упавшим голосом,— это так.

— Но с Джинни было не так. Интересно, почему?

— Не могу понять. А этот вор, который убил ее...

— Какой вор?

— Ну, ведь в полиции думают, что ее убил тот самый Клиффорд, что грабит женщин на улицах.

— В полиции я единственный, кто знает о ее возлюбленном.

— Но вряд ли он мог убить ее. Джинни с таким восторгом говорила о его нежности, мягкости.

— Но никогда не говорила, как его зовут?

— Никогда.

— Мне, пожалуй, пора,— Клинг встал.— Время обеденное, а на обед я не напрашиваюсь.

— Да, скоро вернется мой отец. Мама умерла. После занятий я обычно готовлю ему обед и ужин.

— Вы делаете это каждый день? — вдруг спросил Клинг.



Девушка не вполне поняла его и он повторил свой вопрос, прибавив:

— Бываете ли свободны по вечерам?

— Да, конечно.

— Может быть, вы не отказались бы пообедать со мной?

— Нет, благодарю,— решительно отказалась Клер.

— Ну, что ж, спасибо за чудесный коньяк. До свидания.

Клинг почувствовал, что девушка ушла в себя. А ему так хотелось бы, чтобы девушка была с ним.

Клер улыбнулась на прощанье и заперла дверь.

Клинг вошел в будку телефона-автомата и набрал номер Беллов.

— Кто это? — сонно спросил Питер.

— Я тебя разбудил?

— Да нет, все нормально. А что случилось, Берт?

— Можно Молли?

— А ее нет. А что случилось?

— Ничего. Просто Молли просила, чтобы я тут проверил...

— Молли просила?

— Да. По ее просьбе я сегодня был в клубе "Темпо", потом разговаривал с одной славной девушкой, Клер Таунсенд.

— Что же тебе удалось узнать?

— У Джинни были постоянные встречи с каким-то парнем.

— Кто же это?

— Клер Таунсенд не знает. Джинни никогда не называла его имени. Но, может быть, она говорила о нем с Молли?

— Кажется, нет.

— Это плохо. Была бы хоть какая-то зацепка.

— Жаль! А, впрочем... О, Боже!

— Что, Питер?

— Джинни называла своего парня! Однажды она была в хорошем настроении, разговорилась со мной и сказала, что встречается с одним парнем...

— Как его звали, не сказала?

— В том-то и дело, что сказала. Я сейчас вспомнил.

— Говори же!

— Клиффорд! Берт, Клиффорд!

## ГЛАВА II

Роджер Хевиленд нашел человека, который мог бы оказаться Клиффордом. Это был молодой пуэрториканец Сиксто Танкес. Когда-то он состоял в уличной банде, потом ушел из банды, женившись на девушке по имени Анхелита, которая теперь ждала ребенка.

Одна из местных проституток заявила, что Сиксто избил ее и отнял деньги. В другое время Хевиленд, пожалуй, не обратил бы внимания на это заявление, но тут как раз газеты подняли шумиху о Клиффорде и Джинни, стали кричать о том, что полиция ничего не делает. И Хевиленд решил проявить инициативу.

Он задержал Сиксто и отвел в комнату для допросов. Там Хевиленд запер дверь на ключ. Сиксто остался наедине со здоровенным Хевилендом. Однажды, когда Хевиленд пытался разнять уличную драку, и ему сломали руку. С тех пор у него завелась собственная тактика и стратегия. И главное, он решил, что "добрым" быть не обязательно.

Плюгавый Сиксто не сводил глаз с Хевиленда. Хевиленда на этих улицах боялись.

— Ну что, попался, Сиксто? — начал Хевиленд.

Сиксто кивнул нервно.

— Что это ты вдруг избил бедную Кармен?

Сиксто знал, что Кармен была со многими полицейскими, но какие у нее отношения с Хевилендом, ему не было известно. Сиксто молчал.

— Ну? — повторил Хевиленд ласково и это-то и было страшно. — Зачем это тебе понадобилось бить ее?

Сиксто не отвечал.

— Может, ты ее хотел?

— У меня жена.

— А как насчет того, чтобы позабавиться на стороне?

— У меня жена, я с проститутками не общаюсь.

— Тогда что же у тебя было с Кармен?

— Она мне деньги была должна.

— И много?

— Сорок долларов.

— Зачем же ей эти деньги?

— Ясно зачем. Наркотики.

— Значит, ей хотелось колоться и она побежала к те-

бе?

— По-другому все было. Я сидел в баре. И она там была. И вдруг попросила в долг. А когда я попросил деньги назад, уже четыре месяца прошло, она стала говорить, что, мол, у нее дела плохи. А я не собираюсь ей давать даром деньги. У меня семья. Скоро ребенок будет.

— А ты работаешь?

— Да, в ресторане.

— А зачем тебе вдруг так занавоились твои деньги?

— На врачей. Ведь жена ждет ребенка.

— Почему же ты избил Кармен?

— Я ей сказал, что у меня нет времени на разговоры со шлюхами. Тут она шлюхой обозвала мою жену. А моя жена чиста, как пресвятая Дева. Ну, я и стукнул Кармен.

— И в сумочку к ней залез?

— Взял мои деньги.

— Но там было только тридцать два доллара?

— Да, восемь еще за ней.

Хевиленд улыбнулся и повел могучими плечами.

— Давай-ка начистоту, Сиксто.

— Но я все сказал.

— Нет, ты давай про тех, которых ты грабил. Про тех баб.

С этими словами он ударил Сиксто по лицу.

Тот провел рукой по разбитым губам.

— За что?

Но Хевиленд продолжал бить.

— Как ты убил ту девку, говори!

Сиксто корчился на полу, не в силах отвечать. Хевиленд, схватив его за галстук, колотил его головой о стену. Молодой пуэрториканец потерял сознание.

Хевиленд присел и закурил. Он уже понял, что Сиксто не тот, кого они ищут. Можно задержать его за Кармен, но к уличным ограблениям и к убийству Джинни Пейдж он явно не имеет отношения.

Хевиленд открыл дверь в канцелярию и небрежно попросил вызвать врача.

В это время Мейер и Темпл тоже вели допрос, хотя и иными методами. На очках, оставленных возле трупа Джинни Пейдж, углядели букву "К". Оказалось, это первая буква фамилии владельца фирмы — Джимми Кендрел.

Сейчас толстяк Кендрел поглядывал на очки настороженно, словно они были ядовитой змеей, которая прикинулась мертвой.

— Да,—наконец сказал он,— это сделано в нашей фирме.

— Что вы можете сказать об этих очках? — спросил Мейер.

— Такие очки мы выпускаем уже пятнадцать лет...

Кендрел пустился в подробнейшее изложение сложного процесса изготовления оправы.

Мейер и Темпл напрасно пытались прервать его.

Наконец Мейер приподнял сломанные очки и попросил сказать что-нибудь конкретно о них.

— Кендрел снова пустился в объяснения, из которых стало ясно, что данные очки относятся к разряду самых дешевых.

— А где их можно купить?

— Да в любом городском магазине, в любой лавчонке! — с гордостью сказал бизнесмен.

## ГЛАВА 12

Поздней ночью по городу, в белом свитере и в узкой юбке, шагала Айлин Берк. Она была красива, но чувствовала себя так, как должен чувствовать себя усталый измученный полицейский. На всякий случай Айлин решила выглядеть сексуально, ведь у преступлений Клиффорда вполне могла оказаться сексуальная подоплека.

Айлин бродила по городу уже пятую ночь. К ней частенько приставали солдаты и матросы, даже предлагали деньги. Это было даже забавно. Она легко отделялась от них. Уиллиса она не могла заметить. Он следовал за ней незаметно. Клиффорда тоже не было. Неужели Клиффорд трусил, испугался после того, как случайно убил девушку? Или Клиффорд просто выжидает пока уляжется шумиха?

Где ты, Клиффорд? Иди ко мне!

Уиллис шел по пятам за Айлин Берк. Она, конечно, была бесподобна со своими рыжими волосами и в белом свитере. Но Уиллис очень устал.

Когда-то он был простым полицейским и патрулировал улицы. Но это было гораздо легче, чем его теперешнее

хождение. Можно было заглянуть в бар, в кафе, поговорить “за жизнь”. А теперь...

И куда это Айлин так несется? Будто у нее внутри заведен мотор. Нет, Клиффорду он не завидует!

Каблучки стучали по асфальту. Засветился белый свитер. Вспыхнули рыжие волосы...

А сумка-то через плечо ничего себе. Хотя иной раз бабы не бог весть что таскают в сумке. Но здесь он просто носом чует: у нее есть деньги. Кто она? Проститутка, идущая с “работы”? Или просто женщина, вышедшая пройтись?

Какой шум подняли газеты из-за этой Джинни Пейдж! Но что делать? Ему нужны деньги. Он стал прикидывать, как бы ему лучше прижать эту рыжую.

Уиллиса он не видел. И Уиллис не заметил его.

Айлин уже подсчитала все фонари. И почему только Уиллис решил, что она ходит слишком быстро? Погулял бы он с ее братом!

Но вот он, мужчина! Синий костюм! Рослый, здоровый! Клиффорд?

Она пощупала револьвер в сумочке.

— Эй ты! — окликнули ее.

На минуту ей стало страшно и она застыдилась своего страха. Но это оказался не Клиффорд, а всего лишь матрос без шапки, но в форме. Айлин издала нервный смешок.

— Киска, а мне, кажется, повезло! — сказал он.

— Давай отсюда! — незлобиво ответила Айлин.

Но матрос отчаливать не собирался. Он упорно приставал к Айлин и шагал рядом с ней.

Айлин была в отчаянии. Ведь пока рядом с ней матрос, Клиффорд ни за что не подойдет к ней.

Уиллис тоже негодовал по этому поводу. И почему она не стукнет хорошенько этого моряка?

Третий с досадой наблюдал за девушкой и матросом. А вдруг она и в самом деле проститутка? Тогда она просто пойдет с ним и на этом для него все кончится.

Девушка и матрос повернули за угол. Он кинулся в задний двор, чтобы в случае чего выбежать прямо перед ней. Ее увесистая сумочка не давала ему покоя.

Между тем, моряк решительно продолжал свои назойливые ухаживания. Айлин совершенно вышла из себя и пригрозила ему револьвером. Он не поверил. Но, когда дуло очутилось прямо перед его физиономией...

— До свидания... леди... всего доброго!

Он кинулся бежать.

Айлин положила оружие в сумочку и свернула на темную улицу. И тут вдруг ее крепко схватили за шею.

Матрос неся со всех ног. Это даже рассмешило Уиллиса.

— Эй! — окликнул его матрос.— Тут одна... У нее револьвер!

— Да ну! — Уиллис фыркнул.

— Точно тебе говорю!

Когда матрос скрылся из вида, Уиллис огляделся в поисках Айлин. Но ее не было. Должно быть, свернула за угол. Уиллис подумал, что эта встреча с матросом явилась для них хоть каким-то развлечением.

Айлин хотела достать из сумочки револьвер. Но ремешок соскользнул с ее плеча. Девушку ударили спиной о стену.

— Тихо! — послышался голос.

Айлин поняла, что это и есть Клиффорд и что это серьезно.

Он был без темных очков, но шляпа, низко надвинутая на глаза, скрывала его лицо.

Он ударил ее так быстро, что она не заметила, когда же он успел замахнуться.

— Молчи, а то хуже будет! — прошипел он.

В голове у Айлин гудело. Но она понимала, что Клиффорда надо задержать, пока не подоспеет Уиллис.

— Что тебе нужно? — крикнула она.

— Молчи! — новый удар.— Я ухожу, а ты чтобы молчала!

Что же делать? Нет, если это Клиффорд, у нее еще есть шанс. Да, вот оно!

— Клиффорд очень благодарен вам, леди! — он склонил голову и тотчас получил удар по затылку.

Этого он вовсе не ожидал и выпустил сумочку. Айлин уже успела сбросить туфлю и кинулась в атаку.

Но Клиффорд уже оправился и бил кулаками куда попало. Айлин позабыла о своей полицейской квалификации и царапалась ногтями, как обычная женщина.

В переулок влетел Уиллис с револьвером.

Клиффорд с силой швырнул в него сумочку.

Удар пришелся в висок. Револьвер выстрелил. У Уиллиса потемнело в глазах. А когда он очнулся, Клиффорда уже не было.

Уиллис кинулся к Айлин Берк. Она сидела, раздвинув ноги, в задравшейся юбке, обхватив руками голову. Под глазом у нее красовался огромный синяк.

— Вот так-так! — воскликнул Уиллис.

— Где ты был? — сердито спросила Айлин.

— Я потерял тебя из вида. Стало быть, это и есть Клиффорд!

— А кто еще? И, кажется, он сломал мне ребро,— она застонала, пытаясь подняться.

— Ты рассмотрела его?

— Да темно же. Но вот,— она протянула Уиллису лоскут, который оторвала от одежды преступника.

— Хорошо,— обрадовался Уиллис.— А это что?

Он увидел начатую пачку сигарет, осторожно поднял ее, обернув руку носовым платком, и положил в карман. На ней могли остаться отпечатки пальцев.

— Хорошо бы раздобыть сырой бифштекс и приложить к синяку,— простонала Айлин.

— Подожди. Если он выронил сигареты, значит, и спички должны быть где-то поблизости. А, вот они. И кажется, нам повезло. Это фирменные спички. Из одного заведения “Три туза”. Может, там мы и найдем Клиффорда.

— А, может, ты согласишься заняться и мной?

Айлин с трудом поднялась и, опершись на Уиллиса, надела туфлю. Они медленно двинулись по улице.

### ГЛАВА 13

В обеденный перерыв Клинг улучил минуту и позвонил Клер Таунсенд. Дежурство выдалось хлопотным. Сначала какая-то женщина полоснула мужа бритвой за то, что он назвал ее “малышкой”. После пришлось разнимать драчунов-подростков. Затем разгонять игроков в кости, разбирать странную жалобу торговца, который утверждал, что маленький мальчик украл у него целый рулон ткани. Под конец Клинг предупредил владельца бара, что если тот будет позволять проституткам работать в открытую, у него отберут разрешение.

Наконец он переоделся и кинулся звонить Клер. Она не сразу сняла трубку. С отчаянно колотящимся сердцем он ждал, пока она ответит. Оказалось, он вытащил ее

из-под душа. Клинг извинился и повторил свое приглашение на обед.

— Совсем не нужно этого,— заупрямилась Клер.— Лучше купите матери подарок.

Клинг ответил, что подарок он уже купил и пока хватит, и что если Клер хочет, они будут платить каждый за себя.

Он принялся уламывать девушку.

— Давай рискнем, Клер. В армии мне много раз приходилось рисковать.

— Ты был в Корее? — на этот раз в голосе Клер звучал интерес.

— Да.

Наконец они договорились о встрече вечером. Но едва повесив трубку, Клинг понял, что забыл спросить, где ему встречать Клер, где она учится. Мелких монет у него не осталось, пришлось бегать менять деньги. И, конечно же, он снова вытащил ее из-под душа. Зато узнал, что учится она в женском университете.

Стояла чудесная погожая осень. На улицах было полно народа. Разве можно в такую погоду и в предвкушении встречи с Клер думать о Клиффорде? Оказалось, можно. Любой из этих прохожих мог оказаться Клиффордом. Клинг спустился в метро и подошел к кассе.

Человек, сидевший там и листавший комикс, укоризненно посмотрел на Клинга. Клинг поздоровался. Человек ответил без особого дружелюбия. Клинг объяснил, что ищет красивую девушку, блондинку. Наконец выяснилось, что да, молодая блондинка спускалась в метро, по вечерам, в половине одиннадцатого, и однажды даже разменивала деньги. Клинг спросил, на какой станции он окажется через полчаса, если сядет сейчас в электричку. Но кассир не знал и предложил это проверить опытным путем. Что Клинг и сделал.

Колеса застучали. Клинг разглядывал город, когда поезд вынырнул наружу. Наконец прошло полчаса.

Это был центр города. Высокие здания, кинотеатр, китайский ресторан. Если Джинни именно здесь виделась со своим парнем по имени Клиффорд, то найти его здесь, все равно, что иголку в стоге сена. Но Клинг решил, что Джинни могла сойти и на предыдущей остановке. Он доехал и вышел из вагона. Все было примерно так же, как и на первой остановке. Но нет. Была одна



деталь. Полицейское чутье Клинга неосознанно зафиксировало ее и сохранило в памяти. Но сейчас эта деталь не могла быть ему полезной.

## ГЛАВА 14

Криминалистическая лаборатория — это вам не фунт изюма. Конечно, если повезет.

Пока везло не очень. Да, на разбитом стекле очков остался отпечаток пальца. Но найти по нему человека было ох как нелегко, не сказать невозможно.

В лаборатории работал Сэм Гроссман. Он был лейтенантом. Это был высокий, худой и добродушный парень с простецким лицом. Но голова у него работала отлично. Кроме того, он был человеком впечатлительным и за все время работы в лаборатории так и не привык к смерти.

Одного из своих сотрудников Сэм отправил на место гибели Джинни Пейдж. Тот явился туда с карандашами и планшетом, вооруженный линейкой, и тщательно зарисовал место преступления. Чертеж размножили и разослали тем, кому он был нужен. Чертеж был черно-белым, цвет в данном случае роли не играл.

Гроссман сидел за столом и внимательно изучал чертеж.

Тропинка, асфальтированный пятачок. И... ни малейших следов. Все же было установлено, что девушку привезли на автомобиле. Раскроили череп тупым и тяжелым орудием. Стеклышко очков было разбито еще до совершения преступления. По отпечатку шины эксперты сделали полную характеристику этой шины, самой обычной, ее можно было приобрести где угодно.

Делать было нечего. Сэм положил перед собой клочок ткани, который Айлин Берк оторвала от одежды уличного вора.

В пятницу в лабораторию явился Роджер Хевиленд. Увы, результаты экспертизы клочка ткани оказались неутешительными. Синий мужской костюм из нейлона. Такой можно было купить по крайней мере в семидесяти магазинах города.

— И что за болван носит осенью костюм из нейлона! — с досадой буркнул Хевиленд.

В кабинет влетел Мейер.

— Накрыли!

— Кого? — удивился Темпл.

— Того! Похитителя кошек. Позвонила женщина, мол, украли породистую кошку. Выслали полицейских и что же? В переулке этот тип жег кошку. Прямо-таки жег.

— Не верю!

— Жег. Сжигал до золы. В квартире у него стояли полки, заполненные золой от сожженных кошек. Но ту-то кошку спасли.

— И зачем же он это делал?

— А черт его знает!

## ГЛАВА 15

Выяснилось, что к сигаретной коробочке и к пачке спичек “Три туза”, оброненных Клиффордом, прикасались множество людей. И соответственно, там было множество отпечатков пальцев, совершенно никчемных.

“Трех тузов” вернули полицейским из участка. Теперь вся надежда была элементарно на их ноги. Надо было отыскать заведение.

Берт Клинг тщательно оделся, готовясь к свиданию с Клер Таунсенд. Он чувствовал, что с этой девушкой надо обращаться осторожно. Она не давала приблизиться к себе. И все-таки она согласилась пообедать с ним. Значит, возможно, он сумеет покорить ее.

То, что расследование убийства Джинни Пейдж никак не продвигалось, заставляло Клинга чувствовать себя дураком. А ему так хотелось превратиться из простого патрульного в инспектора. Но вот уже две недели прошло, а ничего не сделано. Впрочем, он нашел Клер, и это было очень важно для него.

Клинг чистил ботинки, когда в дверь постучали.

— Полиция!

Изумленный Клинг открыл.

— Моноган и Монро из отдела по расследованию убийств.

Клинг не знал, что и думать. И на всякий случай предложил коллегам виски. Те не отказались.

— А ты не выпьешь с нами?

— У меня сегодня свидание. Надо чтобы голова была свежая.

Но дальше разговор пошел совсем скверно. Моноган и Монро откуда-то узнали, что Клинг в частном порядке

расследует дело Пейдж. Они принялись издеваться над ним.

— Понимаешь, парень, мы специалисты по убийствам. Ведь если у тебя заболит нос или сердце, ты не станешь вызывать просто патрульного полицейского!

Клинг все понял. Ему не придется больше заниматься этим делом. Но откуда они узнали?

— Мы забираем тебя в полицию, парень!

— Но у меня свидание...

— Позвони, скажи, что свидание отменяется.

— Но она на занятиях.

— Ага, совращаем малолетних.

— Да, она взрослая. Скажите, ребята, к семи вы меня отпустите.

— Не знаем.

Клинг попросил разрешения вымыть руки, испачканные кремом для обуви. И уныло поплелся за Моноганом и Монро.

В отделе по расследованию убийств было шумно и противно. Сустились люди. Клингу велели ждать, пока напишут приказ. Время летело с ужасающей быстротой. Клер! Нет, это не приказ, это, должно быть, подробная история жизни Берта Клинга.

— Поторопите вашего лейтенанта с приказом,— умоляюще попросил Клинг одного из полицейских, проходивших по коридору. Но тот и не подумал сделать это. А Моноган и Монро уже давно ушли домой.

Наконец Клинга вызвали к лейтенанту Генри Готорну.

Это оказался лысый низкорослый человек с закатанными до локтей рукавами. Снисхождения в нем не чувствовалось ни малейшего.

— Вы что же, Шерлок Холмс вы этакий, лезете в дело об убийстве?

Клинг принялся оправдываться. Выяснилось, что в отдел расследования убийств позвонили и сообщили, что он самовольно занимается делом Джинни Пейдж. В отделе расследования убийств решили, что это Бернс направил Клинга.

Короче, Готорн пригрозил Клингу, что если он еще посмеет сунуться в дело Джинни Пейдж, его выбросят из полиции раз и навсегда.

Ничего не оставалось, как снова извиниться.

Ни о каком свидании с Клер не могло быть и речи. Он позвонил ей в начале двенадцатого ночи. И, конечно,

разбудил. И, конечно, оказалось, что она долго ждала его. И, конечно, он объяснил ей, что у него неприятности. И, конечно, она решила, что это дурное предзнаменование и лучше им вовсе не встречаться. И, конечно, ему удалось уговорить ее встретиться с ним на следующий день.

С тяжелым сердцем Клинг вышел из будки автомата и заказал в ресторане роскошный бифштекс с грибами, салат, три куска торта и четыре стакана молока.

Затем купил плитку шоколада и съел.

Затем вернулся домой и тотчас уснул.

## ГЛАВА 16

Многие почему-то думают, что официанты симпатизируют влюбленным парочкам. Берт Клинг много раз бывал в ресторанах с самыми разными девушками, но не замечал никакой симпатии со стороны официантов. Конечно, Берт и Клер не походили на влюбленных с сияющими глазами.

Сначала они собирались поехать за город, но помешал дождь.

Потом у Клер разболелась голова и они ждали, пока подействует таблетка. Клер поставила пластинки с классической музыкой. Затем они отправились в кино, где просмотрели два ужасающих фильма: один — про индейцев, и второй — про супружескую пару, которая решила не разводиться ради маленькой дочки.

Теперь они находились в ресторане на самом верхнем этаже одной из лучших гостиниц города.

Они заказали виски с лимонным соком для Клер и коктейль “Мартини” для Берта. Разговор не клеился. Берт чувствовал себя то грубияном, то полным дураком.

Наконец все прояснилось.

— Да, у меня был парень! — в отчаянии призналась Клер. — И я была влюблена безоглядно, как Джинни Пейдж. Мне было семнадцать, ему — девятнадцать. Мы любили друг друга, мы хотели быть вместе. Его убили в Корее.

Клинг стиснул пальцы.

— И не спрашивай меня,— продолжала Клер,— зачем я хожу в “Темпо” и общаюсь с мальчишками. Я хочу найти его, его лицо, его молодость.

— Ты не найдешь его,— с грубой беспощадностью начал Клинг.— Он убит. Его нет. А ты в двадцать лет надела траур, как вдова. Ты не вернешь его, но ты убьешь себя!

— Замолчи!

На них начали оглядываться.

— Мне все равно! — крикнул Берт.— Можешь убить себя. Но нет, ты просто притворяешься. Пойдем отсюда. Я уйду.

И вдруг она разрыдалась. Плечи тряслись, слезы капали градом по щекам. Это было отчаянное, неподдельное горе.

— Что будете заказывать? — подошел к ним официант.

— Виски покрепче.

Официант отошел.

— Я больше не буду пить,— заявила Клер.

— Будешь,— уверенно сказал Клинг.

Она уже не плакала.

— Прости,— сказала она.

— Это хорошо, что ты выплакалась,— сказал он.

Официант принес бокалы.

— За новое начало! — неожиданно сказала Клер и подняла бокал.

— Крепко! — Клер сморщилась.

— Так надо!

— Ты должен дать мне время, Берт. Ты славный и красивый. И не думай, что я шучу. Я серьезная девушка. Спасибо тебе, Берт.

Берт внезапно почувствовал себя очень счастливым, ну, просто полным дураком от счастья.

— Что ты делаешь завтра, Клер?

— Ничего. А ты?

— Позвоню Молли и скажу, что больше не могу заниматься этим делом. И поедем за город. Если будет солнце.

— Оно будет.

Клер наклонилась и поцеловала его. И вдруг как бы испугалась этого поцелуя, как совсем юная девочка.

— Потерпи, Берт. Дай мне время.

— Я буду терпеть, сколько ты захочешь.

Подошедший к ним официант весь сиял.

— Почему бы вам не поставить свечи на столик.

В свете свечей леди будет еще более очаровательна.

— Она и без свечей хороша! — отрезал Клинг.

Но, увидев разочарование на лице официанта, поспешно добавил:

— Но все равно обязательно принесите свечи.

— А теперь сделаем заказ,— распорядился официант.— Я кое-что хотел бы предложить вам. Ведь сегодня прекрасный вечер!

— Замечательный! — откликнулась Клер.

## ГЛАВА 17

Но иногда полицейским везет. Так, например, повезло Хевиленду и Уиллису в заведении “Три туза”.

Это было довольно жалкое заведение. Когда полицейские явились туда, у стойки было всего несколько человек, столики еще были пусты. И даже намалеванные на зеркале три туза не украшали бар.

Уиллис и Хевиленд взобрались на высокие стулья. Бармен сначала делал вид, будто занят с другими клиентами, затем приблизился к ним.

— Что надо?

Уиллис предъявил коробок с фирменной наклейкой “Три туза”.

— Спички ваши?

Помявшись, бармен согласился.

— Давно у вас эти спички?

— Месяца три. Вот завели фирменные наклейки на коробки. А кому это мешает?

— А никому! Просто проверяем. Вы продаете сигареты?

— Вон автомат.

— И спички в автомате?

— Нет, на стойке, каждый может подойти и взять.

Хевиленд на всякий случай начал угрожать.

— Остыньте и выпейте что-нибудь,— предложил бармен...

Вошла женщина в зеленом свитере.

— Пьянчуга! — кивнул бармен.— Надо бы ее выгнать. Да уж пусть сидит, пока кто-нибудь не угостит ее.

— Значит, что-то вроде постоянной клиентки. Постоянных клиентов помните?

— Кое-кого. Да неужели вы хотите лишить меня разрешения из-за той драки, что случилась недавно? Пустяшная драчка.

— Мы пока ничего не сказали.

— Сколько? — спросил бармен.

— Взятку хочет всучить! — констатировал Хевиленд.

— Да что вы? — с деланным изумлением воскликнул бармен. — Я просто интересуюсь ценами на автомобили. Да ничего ведь у нас и не случилось. Повздорили двое парней. Ну, Джеку и врезали. Такой фонарь поставили, что пришлось неделю в темных очках ходить.

Полицейские встрепнулись.

— Ну-ка повтори, — сказал Уиллис.

— Что? У Джека, значит, фонарь под глазом. Черные очки ему пришлось нацепить.

— Он курит, этот твой Джек? — спросил Уиллис. Рядом напрягся Хевиленд.

— А какие сигареты?

— “Пэл-мэл”.

— И его зовут Джек?

— Да, он мой старый клиент. Джек Клиффорд!

Джек Клиффорд появился в “Трех тузах” в начале четвертого. Женщина в зеленом свитере сидела за столиком. Бармен едва приметно кивнул. Уиллис и Хевиленд перехватили Джека.

— Джек Клиффорд? — спросил Уиллис.

— Да. И что?

— Подозреваете в ограблениях и убийстве.

Клиффорд метнулся к двери. Хевиленд выхватил револьвер. Но Клиффорд вдруг растянулся на полу. Женщина за столиком подставила ему ножку. Он медленно начал подниматься, когда получил удар от Хевиленда. Хевиленд надел ему наручники.

— Спасибо, — сказал Уиллис бармену.

Задержанный и двое полицейских направились к выходу.

У столика, где сидела женщина, Хевиленд приостановился, приложил к сердцу ладонь и произнес:

— Хевиленд благодарит вас, леди!

Клиффорд, как оказалось, совершил двадцать три ограбления, жертвы которых не обратились в полицию. Жертвы остальных его нападений в полицию обраща-

лись. Всего ограблений оказалось тридцать четыре. Последней его жертвой была женщина-полицейский, Айлин Берк.

Но Клиффорд твердо заявил, что Джинни Пейдж он не убивал.

Его задержание оформили, сфотографировали его, сняли отпечатки пальцев. Начался допрос. Хевиленд наверняка бы занялся рукоприкладством, но здесь кроме него присутствовали Мейер, Бернс и Уиллис.

Разговор шел о четверге, когда была убита Джинни Пейдж. Клиффорд упорно отпирался.

— Нечего мне шить убийство. Я всю ночь просидел с больным товарищем. У него было пищевое отравление.

— Как его зовут?

— Дэви Лонстэйн.

— Сколько ты у него просидел?

— С восьми вечера.

— Чем вы занимались?

— Анекдоты рассказывали. В шашки играли. Поели. Яйца всмятку.

— Это с пищевым отравлением?

— Утром ему легче стало.

— Почему ты убил Джинни Пейдж?

— Да не убивал я ее. В глаза не видел! Пальчиком не трогал! Я и места того не знаю.

— Она кричала?

— Кто?

— Джинни?

— Да не убивал я ее!

— Но других баб ты бил?

— Было дело.

— Мы нашли твои очки с отпечатками пальцев. Так что, сознавайся.

— Не в чем мне сознаваться. Я был с больным товарищем. И сроду я не видел эту девицу!

— А кто убил ее?

— Не знаю.

— Ты!

— Нет!

— Почему ты убил ее?

— Да нет же!

Вошел ненадолго отлучившийся Мейер.

— Я от Лонстэйна, — мрачно начал он.

— Ну?



— Все правда. Клиффорд всю ночь просидел у него. Отпечатки пальцев Клиффорда также не совпали с тем единственным отпечатком, что остался на очках. Да, Клиффорд не убивал Джинни Пейдж.

## ГЛАВА 18

Надо было позвонить Молли Белл.

И тогда он забудет об этом деле. Он честно старался помочь Молли. Но он не может лишиться мундира и значка, это никому не принесет пользы.

Сейчас он наберет номер Молли, попросит прощения, скажет, что бессилён и поставит точку.

Клинг расположился в своем единственном кресле и пододвинул аппарат. Вынул из кармана бумажник, начал среди множества клочков бумаги отыскивать телефон Питера Белла. Сколько же бумажного мусора он, Клинг, таскает в кармане.

Старый лотерейный билет, номер телефона и женское имя. А вот карточка, которую дала ему Клер. А вот и клочок, на котором Питер написал номер телефона.

И вдруг Клинг выронил трубку. Он вспомнил! Вспомнил, что он видел возле одной из станций метро, где могла выйти Джинни Пейдж. Клинг зачихал все бумажные обрывки в карманы. Звонить он не стал. А просто поспешно натянул пальто и выбежал на улицу.

Он дожидался убийцу.

Он сошел на той, первой остановке, встал возле уличного дорожного знака и ждал, когда появится убийца.

Было холодно и поздно. Магазин мужской одежды был уже закрыт. Несколько запоздавших зрителей скрылись в дверях кинотеатра.

Подъехал автомобиль. Клинг ждал.

Из машины вышел шофер, славный приятный молодой человек. Высокий, белозубый, ямочка на подбородке. Вот только нос великоват.

— Привет, — окликнул его Клинг.

Шофер вздрогнул. Берт стоял, опираясь на знак, где указывалось, что здесь могут останавливаться только три автомобиля-такси, не более.

— Берт? — удивился Питер Белл.

Клинг теперь стоял прямо под уличным фонарем.

— Да, это я, Питер.

— Я рад, Берт,— Белл казался смущенным.— Что ты здесь делаешь?

— Да вот, к тебе.

— Отлично. Выпьем кофе или чего покрепче?

— Нет, пить мы не будем. Ты сейчас пойдешь со мной в участок.

— Да что с тобой, Берт, старина?

— Ты задержан за убийство своей свояченицы Джинни Пейдж,— спокойно сказал Клинг.

— Что за шутки! — Белл смущенно усмехнулся.

— Это не шутки, Питер.

— Нет, это дикость какая-то...

— Да тебя убить мало! — не выдержал Берт.

— Ты что?!

— Ты что? Ты за кого меня принял? За дурака? Мол, приведу дурака-полицейского, успокою жену и все у меня будет в норме. Подлец!

— Но...

— Газеты читаешь, мерзавец. Прочел обо мне и решил затащить меня в свой дом. Повешу Молли лапшу на уши и все будет хорошо.

— Ты что-то путаешь, Берт!

— Ничего я не путаю. Ты думал, что все уладил. А тут оказалось, что Джинни ждет ребенка.

— Послушай...

— Нечего мне слушать! В тот вечер, когда я у вас был, ты назначил Джинни свидание. А потом ты убил ее, когда узнал обо всем.

— Да не со мной у нее было свидание.

— А с кем?

— Она была у врача. И все, все было не так. Поверь мне, Берт! Я очень любил ее!

— Оно и видно!

— Так получилось. Семейная жизнь мне надоела. Молли так изменилась. А ведь она была такой красивой, как...

— Как Джинни! Ты сам мне это говорил, помнишь?

— Помню! Джинни выросла на моих глазах. Она была так похожа на Молли. Я влюбился до беспамятства. Неужели ты не понимаешь?

— Я другого не понимаю. Как ты мог убить ее?

— Берт, она просто сошла с ума. Хотела все рассказать Молли. Билась в истерике. Я не мог...

— И ты убил ее, — Клинг почувствовал, как ледяная ярость охватила его.

— Мы... ехали в моей машине. Остановились на шоссе. У меня был разводной ключ. Так, на всякий случай.

Клинг хотел было что-то сказать, но Белл не слушал его, Белл вспоминал.

— Я два раза ударил ее. Она покатилась вниз. Застряла в кустах, как разбитая кукла. Я вспомнил о Клиффорде, о нем все время писали газеты. Я взял свои темные очки, выдавил стекло, будто они упали и разбились. Положил очки рядом с ней, и оставил ее лежать, мертвую, в крови.

— Ты жаловался на меня в отдел убийств?

— Я. Я не знал, к каким выводам ты придешь, а рисковать не хотел.

— А ты ведь рискнул в самый первый раз. И проиграл. Когда написал свой адрес и телефон. Я узнал твой почерк. Ты написал адрес клуба "Темпо" на карточке, которую дал Джинни.

— Я хорошо знал этот клуб. Я решил, пусть Джинни ходит туда на случай, если Молли захочет проверить. А ты ничего не докажешь. Почерк — не доказательство!

— Доказательства есть и кроме почерка. Отпечаток твоего пальца на очках.

— Я любил ее! — внезапно выкрикнул Белл, словно это могло доказать его невиновность.

— Эта бедная девчушка любила тебя. Из-за тебя она таила свою первую любовь. А ты, как вор, украл у нее жизнь. Подлец!

— Но она мертва, Берт, ее не вернуть. Давай договоримся.

— Нет.

— Но Молли! Подумай о ней. Что с ней будет? Что я скажу ей?

Берт с отвращением посмотрел на Питера Белла.

— Идем в участок.

## ГЛАВА 19

В понедельник инспектор Стив Карелла приступил к работе после медового месяца. Он весело вбежал в кабинет.

Его приветствовали веселыми возгласами.

- Как жизнь? — поинтересовался Темпл.
- Чудесно. Во Флориде стояла отличная погода.
- Ну, таким делом можно чудесно заниматься в любую погоду, — ухмыльнулся Мейер.
- Развратники! — вознегодовал Карелла.
- Мы — твои братья и ты — один из нас! — промолвил Мейер.
- Ничего себе братья! Сидели тут и получали деньги за безделье.
- Как сказать, — уклончиво заметил Мейер.
- Расскажи про кошек, — посоветовал ему Темпл.
- Что за кошки? — поинтересовался Карелла.
- Об этом потом, — уклонился Мейер.
- Мы раскрыли убийство, — поскромничал Хевиленд.
- Да ну!
- Ну да. И еще у нас новый инспектор появился, третья категория.
- Откуда перевели? — спросил Карелла.
- Ниоткуда. Повысили, был патрульным полицейским.
- Кто это?
- Берт Клинг.
- Рад за него. А что же он такого совершил? Спас жену комиссара полиции?
- Да ничего он не совершил. Бездельничал и получал за это деньги.
- Как тебе нравится семейная жизнь? — спросил у Кареллы Хевиленд.
- Хороша!
- Так вот, значит, про кошек... — начал Мейер. — Ужасное дело.
- Заинтересованный Карелла подсел к столу и налил себе кофе. Ему было тепло и уютно. Он вдруг понял, что не жалеет о том, что пришла пора вернуться на работу.
- Жуть! — говорил Мейер. — Тут один маньяк воровал кошек домашних...
- Карелла отпил кофе. Солнце пробилось сквозь решетки окон. Огромный город просыпался за окнами.
- Пора было приступать к работе.



## **ПОЛИЦИЮ ПРЕДУПРЕДИЛИ**



## ГЛАВА I

Может, на прошлой неделе вам тоже подбросили липу?

Липа — это когда человек набирает номер Фредерик 7-8024 и говорит: “Мне надоело твердить вам про эту китайскую прачечную внизу. Владелец пользуется паровым утюгом, и шипение не дает мне спать. Может, вы арестуете его наконец?”

Липа — это когда человек присылает в 87 участок письмо следующего содержания: “Меня окружают убийцы. Я нуждаюсь в полицейской охране. Русские узнали, что я изобрел сверхзвуковой танк”.

Каждый день каждый полицейский участок в мире получает свою долю липовых писем и звонков. Письма и звонки бывают разные: от искренних и благородных до идиотских. Есть люди, которые готовы предоставить сведения о тех, кто, по их мнению, являются коммунистами, похитителями, убийцами, фальшивомонетчиками, содержателями подпольных абортариев и фешенебельных публичных домов. Есть люди, которые жалуются на телеактеров-комиков, мышей, домовладельцев, оружие проигрыватели, странное тиканье в стенах и автомобили, у которых клаксон играет песенку: “Крошка, увезу тебя я на такси”. Есть люди, которые заявляют, что им угрожали, у них вымогали, их шантажировали, надули, оклеветали, оскорбили, избили, изувечили и даже убили. Классическим примером может служить случай, когда в 87 участок позвонила женщина и возмущенно заявила, что ее застрелили четыре дня назад, а полиция до сих пор не обнаружила убийцу.

Бывает и так, что таинственный анонимный абонент попросту сообщает: “В кинотеатре “Эйвон” в коробке из-под обуви лежит бомба”.

Липовые звонки могут довести до иступления. Они отнимают у городских властей уйму времени и средств. Вся беда в том, что “липу” невозможно отличить от “нелипы” без надлежащей проверки.

Может, на прошлой неделе вам тоже подбросили липу?

Была среда, 24 июля.

В городе стояла жара, и, наверное, не было в нем места жарче, чем дежурная комната восьмьдесят седьмого участка. Дейв Мерчисон сидел за высоким столом налево от входа и проклинал свои тесные трусы. Было только восемь часов утра, но за предыдущий день город буквально раскалился докрасна, а ночь не принесла облегчения. И теперь, хотя солнце едва взошло, город уже пылал. Трудно было представить себе пекло страшнее этого, но Дейв Мерчисон знал, что в течение томительного долгого дня в дежурной будет все жарче и жарче и что без толку ждать прохлады от маленького вращающегося вентилятора на углу стола, и еще он знал, что трусы, будь они неладны, не станут свободней.

В 7.45 утра начальник участка капитан Фрик закончил инструктаж группы полицейских, которым предстояло сменить на посту своих коллег.

— Сегодня, кажется, припечет, а, Дейв? — сказал он.

Мерчисон нехотя кивнул. За свои пятьдесят три года он пережил не одно удушливое лето. Со временем он усвоил, что сетовать на погоду бесполезно — она от этого не изменится. Ее нужно пересидеть тихо, без суеты. Насчет теперешней жары он придерживался особого мнения: всему виной эти дурацкие ядерные испытания в Тихом океане. Человек начал совать нос в дела Господа Бога и получает по заслугам.

Недовольно поморщившись, Мерчисон одернул трусы под брюками.

Он безразлично глянул на мальчика, который поднялся по каменным ступенькам к участку и открыл дверь. Паренек посмотрел на табличку с просьбой к посетителям останавливаться перед столом, подошел к ней и стал по слогам разбирать написанное.

— Что тебе, сынок? — спросил Мерчисон.

— Вы дежурный?

— Я дежурный. — На секунду Мерчисон задумался о прелестях работы, обязывающей тебя отчитываться перед каждым сопляком.

— Вот, — сказал мальчишка и протянул Мерчисону конверт. Тот взял его. Мальчик направился к выходу.



— Постой-ка, малыш,— сказал Мерчисон.

Малыш не остановился. Он продолжал идти: вниз по ступенькам, на тротуар, в город, во вселенную.

— Эй! — позвал Мерчисон. Он быстро огляделся в поисках полицейского. Ну, разумеется, вот так всегда. Он не помнил случая, чтобы коп\* в нужную минуту оказался под рукой. С кислой физиономией Мерчисон одернул трусы и вскрыл конверт, в котором лежал единственный листок. Он прочел его, сложил, убрал в конверт и крикнул:

— Черт побери, неужели на первом этаже, кроме меня, нет ни одного копа?

В одну из дверей просунулась голова полицейского.

— Что случилось, сержант?

— Какого дьявола, куда все запропастились?

— Никуда,— ответил полицейский,— мы тут.

— Отнесите это письмо в сыскной отдел,— сказал Мерчисон и протянул конверт.

— Любовное послание? — спросил полицейский. Мерчисон промолчал: слишком жарко, чтобы отвечать на тупые остроты. Полицейский пожал плечами и пошел на третий этаж, где, согласно указателю, находился отдел сыска. Дойдя до перегородки из редко сбитых реек, он толкнул маленькие воротца и направился к столу Котона Хоуза.

— Дежурный сержант велел передать это вам.— Он протянул конверт.

— Спасибо,— поблагодарил Хоуз и развернул письмо.

В письме говорилось: "Сегодня в восемь вечера я убью Леди. Ваши действия?"

## ГЛАВА 2

Детектив Хоуз прочел письмо раз, другой. Первая мысль была: липа. Вторая: а если нет?

Вздыхнув, он отодвинул стул и прошел в другой конец комнаты. Высокий, шесть футов два дюйма без обуви, он весил сто сорок фунтов. У него были голубые глаза, тяжелый квадратный подбородок с ямочкой и рыжие волосы, только над левым виском, куда ему однажды нанесли ножевую рану, волосы росли почему-то бе-

---

\* К о п (cop — *англ. жарг.*) — полицейский

лые. Нос прямой, красивый, с уцелевшей переносицей, хорошо очерченный рот с полной нижней губой. И увесистые кулаки, одним из которых он стучал сейчас в дверь лейтенанта.

— Войдите! — крикнул лейтенант Бернс.

Хоуз открыл дверь и шагнул в угловой кабинет. Стол лейтенанта обдувал вращающийся вентилятор. Бернс, плотный, небольшого роста мужчина, сидел за столом. Узел его галстука был приспущен, ворот рубашки растегнут, а рукава закатаны почти до плеч.

— Газеты обещают дождь, — сказал он. — Куда же провалился этот проклятый дождь? — Хоуз ухмыльнулся. — Вы собираетесь испортить мне настроение, Хоуз?

— Не знаю. Что вы на это скажете? — Хоуз положил письмо перед Бернсом.

Бернс быстро пробежал глазами послание.

— Вечно одно и то же. Стоит температуре подняться до тридцати, и психи тут как тут. Жара пробуждает в них жажду деятельности.

— Думаете, это липа, сэр?

— Откуда же мне знать? Одно из двух: либо это липа, либо святая правда. — Он улыбнулся. — Не правда ли, блестящее применение дедуктивного метода? Неудивительно, что я уже лейтенант.

— Что будем делать? — спросил Хоуз.

— Который час?

Хоуз взглянул на часы.

— Начало девятого, сэр.

— Значит, если это правда, в нашем распоряжении около двенадцати часов, чтобы спасти некую леди от возможного убийства. Двенадцать часов, чтобы найти убийцу и жертву в городе с восьмимиллионным населением при помощи одного только письма. Если это правда.

— Не исключено, сэр.

— Знаю, — задумчиво произнес Бернс. — Не исключено также, что кому-то пришла охота позабавиться. Нечем заняться? Время некуда девать? Так напиши копам письмо. Пусть побегают за призраком. Все возможно, Коттон.

— Да, сэр.

— Не пора ли звать меня Пит?

— Да, сэр.

Бернс кивнул.

— Кто держал в руках это письмо, кроме вас и меня?

— Очевидно, дежурный сержант. Я сам до листка не дотрагивался, сэр... Пит... если вы имеете в виду отпечатки пальцев.

— Именно. Кто сегодня дежурит?

— Дейв Мерчисон.

— Мерчисон хороший работник, но готов биться об заклад, что он заляпал весь этот дурацкий листок. Откуда ему знать, что в конверте? — Бернс задумался. — Ну вот что. Сделаем все как положено, Коттон. Пошлем письмо в лабораторию вместе с отпечатками пальцев — моих, ваших и Дейва. Это сэкономит ребятам Гроссмана уйму времени. Время — это, пожалуй, единственное, чем мы пока располагаем.

— Да, сэр.

Бернс снял трубку и дважды нажал кнопку селектора.

— Капитан Фрик, — слышалось в трубке.

— Джон, говорит Пит, — начал Бернс. — Ты можешь...

— Привет, Пит. Сегодня, кажется, припечет, а?

— Еще как, — ответил Бернс. — Джон, ты можешь на часок отпустить Мерчисона?

— Пожалуй. А зачем?

— И пусть кто-нибудь приготовит валик и подушечку. Мне нужно немедленно снять отпечатки пальцев.

— Кого ты взял, Пит?

— Никого.

— Чьи же отпечатки тебе нужны?

— Мои, Хоуза и Мерчисона.

— Ах, вон что, — протянул сбитый с толку Фрик.

— Мне понадобятся патрульная машина с сиреной и один человек. Я также хочу задать Мерчисону несколько вопросов.

— Ты говоришь загадками, Пит. Хочешь...

— Мы сейчас спустимся снимать отпечатки, — перебил его Бернс. — Все будет готово?

— Конечно, конечно, — заверил вконец озадаченный Фрик.

— Пока, Джон.

У трех человек взяли отпечатки пальцев.

Отпечатки и письмо положили в большой плотный конверт и вручили пакет полицейскому. Полицейский

получил приказ срочно ехать в Главное управление на Хай-стрит, расчищая себе путь сиреной. Там он должен передать пакет заведующему лабораторией лейтенанту Сэму Гроссману, подождать, пока его люди снимут фотокопию письма, и затем доставить его обратно в восемьдесят седьмой участок, где ею займутся сотрудники сыскного отдела, а тем временем оригинал обработают в лаборатории Гроссмана. Гроссману уже звонили и просили поторопиться с результатами. Посыльного также предупредили, что дело срочное. Когда патрульная машина рванулась со стоянки возле участка, шины под ней взвизгнули, и надрывно завывла сирена.

В участке, в комнате сыскного отдела, сержант Дейв Мерчисон отвечал на вопросы Бернса и Хоуза.

— Кто принес письмо, Дейв?

— Ребенок.

— Мальчик или девочка?

— Мальчик.

— Сколько лет?

— Не знаю. Десять—одиннадцать. Что-то в этом роде.

— Цвет волос?

— Светлые.

— Глаза?

— Я не заметил.

— Рост?

— Средний для ребят его возраста.

— Во что одет?

— Джинсы и полосатая футболка.

— Какого цвета полосы?

— Красные.

— Это будет нетрудно,— сказал Хоуз.

— Какой-нибудь головной убор? — спросил Бернс.

— Нет.

— Что на ногах?

— Я не видел из-за стола.

— Что он сказал?

— Спросил дежурного сержанта. Я сказал, что это я. Тогда он отдал мне письмо.

— Не сказал, от кого?

— Нет. Просто дал его мне и сказал: "Вот..."

— А дальше что?

— Ушел.

— Почему вы не остановили его?

— Я был там один, сэр. Крикнул, чтобы остановился, но он не послушал. Уйти я не мог, а поблизости никого не оказалось.

— А дежурный лейтенант?

— Фрэнк пошел выпить чашку кофе. Не мог же я и сидеть у пульта, и гнаться за мальчишкой.

— Ладно, Дейв, не кипятитесь.

— Черт побери, что ж, теперь нельзя отойти кофе выпить? Фрэнк только на минутку поднялся в канцелярский отдел. Кто мог знать, что случится такое?

— Я же сказал — не кипятитесь, Дейв.

— Я не кипячусь. Просто говорю, ничего нет дурного в том, что Фрэнку захотелось кофе, вот и все. В такую жару можно сделать поблажку. Сидишь за этим столом и уже начинаешь...

— Ладно, Дейв, ладно.

— Послушайте, Пит,— продолжал Мерчисон,— я готов провалиться сквозь землю. Если б знать, что мальчишка понадобится...

— Ничего, Дейв. Долго вы вертели в руках это письмо?

Мерчисон потупился.

— И письмо, и конверт. Извините, Пит. Я не думал, что это будет...

— Ничего, Дейв. Когда вернетесь на пульт, наладьте радиосвязь, хорошо? Дайте описание мальчишки всем патрульным машинам в зоне нашего участка. Пусть одна из машин оповестит всех постовых. Как только мальчишка объявится, немедленно везти его ко мне.

— Будет исполнено,— сказал Мерчисон. Он взглянул на Бернса.— Пит, извините, если я...

Бернс хлопнул по его плечу.

— Пустяки. Свяжитесь с машинами, ладно?

Максимальный заработок рядового полицейского в городе, где находился восемьдесят седьмой участок, составляет 5015 долларов в год. Не Бог весть какие деньги. Кроме того, полицейский ежегодно получает 125 долларов на форму. Но и это не так уж много.

А если учесть все вычеты, которые производятся два раза в месяц в получку, так остается и того меньше. Четыре доллара автоматически отчисляются на случай госпитализации, еще полтора доллара идут в счет платы за спальное место в участке. Из этих денег выплачива-

ют пособие полицейским вдовам, которые присматривают за десятком коек — ими пользуются в экстренных случаях, когда одновременно работают две смены, а иной раз кое-кто не прочь вздремнуть и в обычное время. Еще одну брешь в зарплате проделывает федеральный подоходный налог. Не остается в стороне и Добровольная ассоциация полицейских, нечто вроде профсоюза для блюстителей порядка. Большинство полицейских, как правило, подписываются на свой печатный орган "Хай-стрит джорнал", значит, опять плати. Если тебя наградили, будь добр выделить сумму в пользу полицейского Почетного Легиона. Если ты человек верующий, изволь жертвовать бесчисленным обществам и благотворительным организациям, которые ежегодно наносят визиты в участок. В результате такого дележа слуге закона остается чистыми 260 долларов в месяц.

Тут уж как ни крути, а больше шестидесяти пяти монет в неделю не выходит.

И если некоторые полицейские берут взятки,— а некоторые берут,— это, возможно, потому, что они немного голодны.

Полиция — маленькая армия, тут, как и у военных, принято выполнять приказ, пусть даже на первый взгляд нелепый. Когда утром 24 июля патрульные машины и постовые восемьдесят седьмого участка получили приказ, он им показался странноватым. Одни пожали плечами. Другие выругались. Третьи просто кивнули. Но все подчинились.

Приказано было разыскать мальчика лет десяти, светловолосого, в джинсах и футболке в красную полоску.

Проще, кажется, не бывает.

В 9.15 из лаборатории прислали фотокопию письма. Бернс созвал у себя в кабинете совещание. Он положил письмо на середину стола и вместе с тремя другими детективами принялся внимательно изучать его.

— Что вы об этом думаете, Стив? — начал Бернс.

Он спросил первым Стива Кареллу по многим причинам. Прежде всего потому, что считал Кареллу лучшим в своем отделе. Безусловно, Хоуз тоже начинает показывать себя, хотя после перевода с другого участка у него поначалу что-то не ладилось. Но все равно Хоузу, считал Бернс, еще далеко до Кареллы. Во-первых, неза-

висимо от того, что Карелла хорошо знал свое дело и слыл грозой правонарушителей, Бернс питал к нему личную симпатию. Он всегда помнил, что Карелла рисковал жизнью и даже едва не погиб, разбирая дело, в котором был замешан его, Бернса, сын. И теперь для него Карелла стал почти вторым сыном. А потому, подобно всякому отцу, ведущему с сыном одно дело, ему прежде всего захотелось услышать мнение Кареллы.

— У меня своя теория насчет людей, которые пишут такие письма,— сказал Карелла. Он взял письмо и посмотрел его на свет. Это был высокий, обманчиво крупный мужчина, во внешности которого не было и намек на мощь, но чувствовалась сила. Слегка раскосые глаза и чисто выбритые щеки подчеркивали широту скул и придавали лицу что-то восточное.

— Выкладывайте, Стив,— сказал Бернс.

Карелла постучал пальцем по фотокопии.

— Прежде всего я задаюсь вопросом: зачем? Если ваш шутник замышляет убийство, он не может не знать, что за это положено по закону. Чтобы избежать кары, убивать надо тихо и незаметно,— это ясно. Но нет. Он посылает нам письмо. Зачем он посылает нам письмо?

— Ему так интересней,— сказал Хоуз, который внимательно слушал Кареллу.— Перед ним встает двойная задача: расправиться с жертвой и остаться безнаказанным, несмотря на поднятую им самим тревогу.

— Это один вариант,— продолжал Карелла, а Бернс с удовольствием наблюдал, как два детектива удачно дополняют друг друга.— Но есть и другой. Он хочет, чтобы его поймали.

— Как тот мальчишка Хейренс несколько лет назад в Чикаго? — спросил Хоуз.

— Точно. Помада на зеркале. Поймайте меня, прежде чем я снова убью.— Карелла опять постучал пальцем по письму.— Возможно, он тоже хочет, чтобы его поймали. Возможно, он боится этого убийства как огня и хочет, чтобы мы поймали его, прежде чем ему придется убить. А вы как думаете, Тип?

Бернс пожал плечами.

— Это все домыслы. Так или иначе, мы все равно должны его поймать.

— Знаю, знаю,— сказал Карелла.— Но если он хочет

быть пойманным, то это письмо приобретает особый смысл. Вы понимаете?

— Нет.

Детектив Майер кивнул.

— Я понимаю тебя, Стив. Он не просто предупреждает нас. Он дает нам зацепку.

— Вот именно,— подтвердил Карелла.— Если он хочет, чтобы мы остановили, поймали его, письмо должно нам в этом помочь. Оно укажет нам, кого должны убить и где.

Он положил письмо на стол.

К столу подошел детектив Майер и углубился в письмо. Он обладал редким терпением и потому рассматривал письмо долго и очень тщательно. Надо сказать, что его отец обожал всякие шутки и розыгрыши. И вот он, Майер-старший (звали его Макс), с удивлением узнает, что его жена ждет ребенка, хотя в ее возрасте об этом давно пора забыть. Когда новорожденный появился на свет, Макс сыграл с человечеством, а заодно и со своим сыном невинную шутку. Он нарек младенца Майером, что в сочетании с фамилией Майер давало полное имя Майер Майер. Шутка, несомненно, относилась к числу шедевров. Так считали все, за исключением, возможно, самого Майера Майера. Мальчик рос в религиозной еврейской семье, в районе, где почти не было его соплеменников. У детей принято выбирать козла отпущения и вымешать на нем ребячью злобу, а где еще найдешь такого, чтобы его имя позволило сложить замечательную песенку:

Сожжем Майера Майера —  
Спалим жида и фраера.

Справедливости ради надо сказать, что свою угрозу они в исполнение не привели. Тем не менее, в свое время бедняге перепало немало тумачков, и столкновение с такой вопиющей несправедливостью породило в нем необычайное терпение по отношению к окружающим.

Терпение — довольно обременительная добродетель. Возможно, на теле Майера Майера не осталось следов увечий и шрамов. Возможно. Но волос на голове у него тоже не осталось. Лысый мужчина, конечно, не редкость. Но Майеру Майеру было всего тридцать семь лет.

Терпеливо, внимательно он рассматривал сейчас письмо.



— Не так уж много в нем сказано, Стив,— проговорил он.

— Прочтите вслух,— попросил Бернс.

— Сегодня в восемь вечера я убью Леди. Ваши действия?”

— По крайней мере, здесь говорится — кого,— сказал Карелла.

— Кого? — спросил Бернс.

— Леди.

— И кто же это?

— Не знаю.

— М-м-м.

— И непонятно, как и где,— сказал Майер.

— Зато указано время,— вставил Хоуз.

— Восемь. Сегодня в восемь вечера.

— Стив, ты действительно думаешь, что этот тип хочет быть пойманным?

— Честно говоря, не знаю. Я просто предлагаю версию. Но одно я знаю точно.

— Что именно?

— Пока нет результатов экспертизы, можно начать с того, что у нас есть.

Бернс взглянул на письмо.

— И что же у нас есть?

— Леди,— ответил Карелла.

### ГЛАВА 3

Толстяк Доннер был стукачом.

Стукачи бывают разные, и нет закона, который запрещал бы получить информацию от кого угодно. Если вы любите турецкие бани, то лучшего стукача, чем Толстяк, вам не найти.

Когда Хоуз работал в тридцатом участке, у него был свой круг осведомителей. К сожалению, все его “сплетники” отличались узкой специализацией, и диапазон их сведений о преступлениях и преступниках ограничивался территорией тридцатого участка. В огромном, беспорядочном восьмидесяти седьмом они были бессильны. Вот почему в то утро, в 9.27, пока Стив Карелла организовывал встречу со своим штатным стукачом Хромым Дэнни, пока Майер перебирал картотеку в поисках преступницы, которой подошла бы кличка “Леди”, Коттон

Хоуз поговорил с полицейским детективом Хэлом Уиллисом, и тот посоветовал ему повидаться с Доннером.

На телефонный звонок в квартире Доннера никто не ответил.

— Наверное, он в бане, — решил Уиллис и дал Хоузу адрес. Хоуз взял служебную машину и поехал в центр.

Вывеска на доме гласила: “Турецкие Бани Ригана. Оздоровляющий пар”.

Хоуз вошел в здание, поднялся по деревянной лестнице на второй этаж и остановился в холле перед столом. На лбу у него выступила испарина. “Ну и ну, — подумал Хоуз, — охота же кому-то сидеть в турецкой бане в такую жару. А впрочем, — возразил он сам себе, — некоторые любят поплавать в январе, да и черт с ними со всеми”.

— Чем могу служить? — спросил человек за столом, маленький и востроносый. На его белой футболке красовалась зеленая надпись “Бани Ригана”. Лоб был прикрыт зеленым козырьком.

— Полиция, — сказал Хоуз и показал жетон.

— Ошиблись адресом. В этих банях закон уважают. У вас плохой наводчик.

— Я ищу человека по имени Толстяк Доннер. Не знаете, где его можно найти?

— Знаю. Доннер наш постоянный клиент. На меня ничего вешать не будете?

— А вы кто?

— Эльф Риган. Я заправляю здесь. Все по закону.

— Я только хочу поговорить с Доннером. Где он?

— Четвертый номер, в центре зала. Так входить нельзя, мистер.

— А что нужно?

— Ничего, кроме собственной кожи. Но я дам вам полотенце. Раздевалка вон там, сзади. Ценные вещи можете оставить у меня, я положу их в сейф.

Хоуз выложил бумажник и снял часы. Затем, после минутного колебания, отстегнул кобуру с револьвером и положил на стол.

— Эта штука заряжена? — спросил Риган.

— Да.

— Мистер, вы бы лучше...

— Он на внутреннем предохранителе. Если не нажмешь курок, не выстрелит.

Риган с сомнением посмотрел на револьвер тридцать восьмого калибра.

— Хорошо, хорошо,— сказал он,— хотел бы я только знать, сколько людей случайно застрелились из таких вот пушек с внутренними предохранителями.

Хоуз хмыкнул и направился к шкафчикам для одежды. Пока он раздевался, Риган принес ему полотенце.

— Будем надеяться, что вы толстокожий,— сказал он.

— А что такое?

— Доннер любит париться. По-настоящему.

Хоуз обмотался полотенцем.

— У вас неплохая фигура. Боксом не занимались?

— Немного.

— Где?

— На флоте.

— И был толк?

— Пожалуй.

— Ударьте-ка,— попросил Риган.

— Что?

— Ударьте меня.

— Зачем?

— Валяйте, валяйте.

— Я спешу,— сказал Хоуз.

— Только один свинг. Мне хочется кое-что проверить.— Риган принял стойку.

Хоуз пожал плечами, сделал обманное движение левой, и тотчас правая едва не свернула Ригану челюсть — в последнее мгновение Хоуз задержал удар.

— Почему же вы не ударили? — возмутился Риган.

— Жалко стало вашу голову.

— Кто научил вас этому финту?

— Один лейтенант по имени Боуэн.

— Он знал свое дело. Я занимаюсь с парой боксеров, по совместительству, так сказать. Нет желания поработать на ринге?

— Никакого.

— Подумайте. Стране нужны чемпионы-тяжеловесы.

— Я подумаю,— сказал Хоуз.

— И получать будете куда больше, чем платят вам городские власти, уж за это я ручаюсь. Даже если договориться с партнером о проигрыше, все равно будет намного больше.

— Ладно, я подумаю,— повторил Хоуз.— Так где Доннер?

— Прямо по залу. Слушайте, возьмите мою визитку. Если решите попробовать, позвоните. Кто знает? Может, передо мной второй Демпси, а?\*

— Хорошо,— сказал Хоуз. Он взял визитку, протянутую Риганом, потом взглянул на полотенце.— Куда же я ее дену?

— Ах, да. Ну, давайте ее сюда. Я вас на обратном пути перехвачу. Доннер в четвертом номере прямо по залу. Вы его легко найдете. Там столько пара, что хватит на "Куин Мэри".

Хоуз отправился в указанном направлении. Он поравнялся с художавым человеком, который поглядел на него довольно подозрительно. Человек был голый, и подозрение вызвало полотенце Хоуза. Хоуз виновато проследовал дальше, чувствуя себя фотографом в колонии nudистов. Он нашел четвертый номер, открыл дверь, и в лицо ему ударила горячая волна, от которой захотелось бежать прочь. Он попытался разглядеть комнату сквозь плавающие пласты пара, но ничего не увидел.

— Доннер? — позвал он.

— Здесь я,— ответил голос.

— Где?

— Здесь, здесь, приятель. Сижу. Кто это?

— Меня зовут Коттон Хоуз. Я работаю с Хэлом Уиллисом. Он посоветовал мне связаться с вами.

— Вон оно что. Проходите, приятель, проходите,— произнес голос ниоткуда.— Закройте дверь. Вы впускаете сквозняк и выпускаете пар.

Хоуз закрыл дверь. Если когда-нибудь он и задумывался над тем, что чувствует буханка хлеба, когда за ней захлопывается печная дверца, то сейчас ощутил это на собственной шкуре. Хоуз с трудом пробивался вперед. Жар душил. Он попробовал сделать вдох, но в горло хлынул раскаленный воздух. Неожиданно из горячего плавающего тумана возникла фигура.

— Доннер? — спросил Хоуз.

— Здесь варятся только два цыпленка, начальник,— это мы с вами,— ответил Доннер, и Хоуз улыбнулся, хотя едва мог вздохнуть.

---

\* Д е м п с и — знаменитый американский боксер двадцатых годов.— *Примеч. переводчиков*

Доннер и вправду оказался толстяком из толстяков. Он был как город, как страна, да что там страна — континент. Подобно гигантскому шару из белой колышущейся плоти, восседал он на мраморной скамье у стены с полотенцем на бедрах, изнемогая под тяжестью обжигающего пара. И с каждым его вздохом складки жира тряслись и подрагивали.

— Вы коп, что ли? — спросил он Хоуза.

— Верно.

— А то вы сказали, что работаете с Уиллисом, да неясно было где. Так вас прислал Уиллис?

— Да.

— Настоящий мужчина, Уиллис. Я видел, как он посадил на задницу парня, который весил верных 400 фунтов. Дзюдо. Он специалист по дзюдо. К нему только сунься: толчок — удар — хрясть — хрясть! — и рука в гипсе. Уф, приятель, наша жизнь в опасности.— Доннер довольно хмыкнул. Когда он хмыкал, подобные же звуки издавали и его телеса. Хоуза от этого слегка подташнивало.

— Так что вы хотите? — спросил Доннер.

— Вы знаете кого-нибудь по прозвищу Леди? — Хоуз решил, что лучше сразу перейти к делу, пока пар не отнял у него последние силы.

— Леди,— проговорил Доннер.— Вывеска с претензией. Связана с нелегальным бизнесом?

— Может быть.

— В Сент-Луисе я знал одну по прозвищу Леди Сорока. Она стучала. У нее это здорово получалось. Вот ее и прозвали Леди Сорока, сплетница, улавливаете?

— Улавливаю,— сказал Хоуз.

— Ей было все известно, понимаете, приятель, все! И знаете, как она добывала информацию?

— Догадываюсь.

— Догадаться не трудно. Именно так она ее и добывала. Клянусь Богом, она могла расколоть даже Сфинкса. Прямо в пустыне, она бы...

— А сейчас ее в городе нет?

— Нет. Она умерла. Получила информацию от одного парня, но оказалось, что это опасно для здоровья. Профессиональный риск. Бам! И нет Леди Сороки.

— Он убил ее за то, что она настучала на него?

— Во-первых, это, а потом еще одно. Кажется, она наградила его триппером. А парень был чистюлей, в бы-

товом, так сказать, плане. Бам! И нет Леди Сороки.— Доннер на секунду задумался.— Если разобраться, не очень-то она была похожа на леди, а?

— Пожалуй, не очень. А как насчет нашей Леди?

— Вы что-нибудь знаете о ней?

— Сегодня вечером ее собираются убить.

— Да-а? Кто?

— Это мы и пытаемся выяснить.

— М-мм. Крепкий орешек, а?

— Да. Послушайте, может, мы выйдем и поговорим в коридоре?

— В чем дело? Вам холодно? Я могу попросить, чтобы прибавили...

— Нет-нет,— поспешно отказался Хоуз.

— Значит, Леди,— задумчиво произнес Доннер.— Леди.

— Да.

Казалось, жар набирает силу. Будто чем дольше Доннер сидит и думает, тем пуще раскаляется пар.словно с каждой секундой в парилке нагнетается еще более нестерпимая духота. Хоуз хватал ртом воздух, пытаясь восстановить дыхание. Ему хотелось снять полотенце, хотелось сбросить кожу и повесить ее на вешалку. Ему хотелось выпить стакан ледяной воды. Стакан холодной воды. Хотя бы теплой воды. Он не отказался бы даже от горячей воды: и та наверняка прохладней этого воздуха. Доннер думал, а он сидел, и из каждой его поры струился пот. Бежали секунды. Пот чертил дорожки по его лицу, струился по широким плечам, стекал по позвоночнику.

— В старом клубе “Белое и Черное” была цветная танцовщица,— сказал наконец Доннер.

— Она сейчас здесь?

— Нет, в Майами. Большая мастерица по части стриптиза. Ее называли Леди. Она тут была нарасхват. Но сейчас она в Майами.

— А кто здесь?

— Стараюсь припомнить.

— Нельзя ли побыстрее?

— Думаю, думаю,— сказал Доннер.— Была еще одна Леди, торговка наркотиками. Но, по-моему, она переехала в Нью-Йорк. Сейчас там можно хорошо заработать на наркотиках. Да, она в Нью-Йорке.

— Так кто же здесь? — раздраженно спросил Хоуз, вытирая потной рукой взмокшее лицо.

— Ха, знаю.

— Кто?

— Леди. Новая проститутка на Улице Шлюх. Слышали?

— Краем уха.

— Она работает у мамы Иды. Ее заведение знаете?

— Нет.

— Ваши ребята в участке знают. Проверьте ее. Леди. У мамы Иды.

— Вы знаете ее?

— Леди? Только по работе.

— По чьей работе? Ее или вашей?

— По моей. Недели две назад она дала мне кое-какую информацию. Господи, как это я сразу о ней не вспомнил? Правда, я никогда не зову ее Леди. Это ей нужно для работы. Ее настоящее имя Марсия. Девочка — первый класс.

— Расскажите о ней.

— Рассказывать-то особенно нечего. Вам нужно все как есть или ее легенду? Короче, рассказывать про Марсию или про Леди?

— И то и другое.

— Ладно. Вот что рассказывает мама Ида. Эта история сделала ей состояние, можете мне поверить. Каждый, кто попадет на Улицу, ищет заведение мамы Иды, а попав туда, хочет иметь дело только с Леди.

— Почему?

— Потому что у мамы Иды богатое воображение. Она выдумала ей легенду. Будто бы Марсия родилась в Италии. Она дочь какого-то итальянского графа, у которого есть вилла на Средиземном море. Во время войны Марсия против воли отца выходит замуж за партизана, который дерется с Муссолини. Прихватывает драгоценностей на десять тысяч долларов и уходит с ним в горы. Представляете: изысканный цветок, девочка, севшая в седло раньше, чем научилась ходить, в компании бородачей в пещере. Однажды во время налета на железную дорогу ее мужа убивают. Человек, принявший командование, заявляет свои права на Марсию, а скоро ее начинают домогаться и остальные головорезы. Как-то ночью она сбегает. Они гонятся за ней по горам, но ей удается уйти. Драгоценности помогают Марсии уехать в

Америку. Но, чтобы ее не приняли за шпионку, она должна скрываться. Языка она почти не знает, работу найти не может, и ей приходится идти на панель. Занимается этим и по сей день, но к своей профессии испытывает отвращение. Держит себя как светская дама, и свидание с очередным клиентом для нее все равно что изнасилование. Вот вам Леди и ее история, со слов мамы Иды.

— А на самом деле? — спросил Хоуз.

— Ее зовут Марсия Поленска. Родом из Скрэнтона. На панели с шестнадцати лет, умна и хитра, как змея, не без способностей к языкам. Итальянский акцент такая же игра, как и сцены изнасилования.

— Враги у нее есть?

— Что вы имеете в виду?

— Кто-нибудь хотел бы убить ее?

— Пожалуй, все ее коллеги по улице. Но я сомневаюсь, что они пойдут на это.

— Почему?

— Славные девочки. Они мне нравятся.

— Ну, ладно, — сказал Хоуз, чтобы что-нибудь сказать. Он встал. — Я пошел.

— Надеюсь, Уиллис меня не забудет? — спросил Доннер.

— Не забудет. Скажете ему о нашем разговоре. Пока, — заспешил Хоуз. — Спасибо.

— De nada\*, — отозвался Доннер и откинулся на стену из пара.

Одевшись и выслушав рассуждения Ригана о доходности бокса, которые тот сопровождал своей визитной карточкой и наставлением не потерять ее, Хоуз вышел на улицу и позвонил в участок. Ответил Карелла.

— Уже вернулся? — спросил Хоуз.

— Да. Я ждал твоего звонка.

— Ну, что у тебя?

— Хромой Дэнни говорит, что на Улице есть проститутка, которую зовут Леди. Возможно, это то, что нам нужно.

— То же самое сказал мне Доннер.

— Хорошо, давай повидаемся с ней. Может, все окажется проще, чем мы думали.

---

\* Не стоит (исп.)



- Может быть. Мне вернуться?
  - Нет. Встретимся на Улице. Бар Дженни знаешь?
  - Найду.
  - Сколько сейчас на твоих?
- Хоуз посмотрел на часы.
- Десять ноль три.
  - К десяти пятнадцати будешь?
  - Буду, — ответил Хоуз и повесил трубку.

## ГЛАВА 4

Ла Виа де Путас — так называлась улица в Айзоле, протянувшаяся с севера на юг на три квартала. С течением лет она не однажды меняла свое название, но профессию — никогда. Переименование совершалось только в угоду очередной волне иммигрантов, и “Улица Шлюх” переводилась на столько языков, сколько есть народов на земле. Профессия же, не менее денежная и доходная, чем предпринимательство, благополучно выстояла под ударами времени, судьбы и полицейских. В сущности, полиция была в известном смысле составной частью профессии. Чем промышляли на улице, ни для кого не было секретом. Не замечать это было бы все равно что не замечать слона. Вряд ли нашелся бы в городе даже приезжий, не говоря уже о местных жителях, который не слышал о Ла Виа де Путас и о заведенных там порядках, причем в большинстве случаев горожане получали эти сведения из первых рук, непосредственно на месте действия.

Именно здесь древнейшая из профессий ударила по рукам с коллегой помоложе. И каждое новое рукопожатие сопровождалось передачей денежных знаков различного достоинства, дабы Улица могла продолжать свое бойкое дело без вмешательства закона. Однажды Отделу по борьбе с проституцией вздумалось приостановить падение нравов, и сразу же положение восемьдесят седьмого участка усложнилось. Но и тогда полицейские быстро сообразили, что деньжата не обязательно делить на двоих — можно и на троих. Этого добра хватило бы на десятерых и, конечно, глупо было вставать в позу, когда речь шла о таких общечеловеческих вещах, как секс.

Кроме того — и тут же сказались соображения высшего порядка, — не лучше ли, когда проститутки живут

на одной улице длиной в три квартала, а не разбросаны по всему участку? Безусловно, лучше. Преступление сродни материалу для диссертации: коли знаешь, где искать, считай, что полдела сделано.

Полицейские из восьмьдесят седьмого знали, где искать... и как не находить. То и дело они заходили перемолвиться словечком с мамами — предводительницами “веселых” заведений. Мама Лу, мама Тереза, мама Кармен, мама Ида, мама Инесс — все это было порядочные мадам, и полицейские хорошо знали, что комисионный сбор в их пользу не станет достоянием гласности. В знак благодарности они ничего не замечали. Случалось, после обеда, когда клонит в сон и улицы пусты, они заглядывали к девочкам в “будуары”, пили с ними кофе, а то и пользовались своим служебным положением. Мадам не обижались. В конце концов если торгуешь фруктами с лотка, полицейскому всегда перепадает одно—два яблочка, не так ли?

А вот детективы из восьмьдесят седьмого редко слышали звон монет, которые переходили от клиента к проститутке, потом к мадам и наконец к постовому. У них была своя жила, побогаче, так зачем же обижать ближнего? Кроме того, они знали, что Отдел по борьбе с проституцией получает свою долю, и не хотели слишком уж крошить пирог, пока пекарня работает исправно. Помня о профессиональной этике, они тоже ничего не замечали.

В среду 24 июля в 10.21 утра Карелла и Хоуз решительно ничего не замечали. Бар Дженни был маленькой распивочной на углу Улицы Шлюх. Они говорили о Леди.

— Насколько я понимаю,— сказал Карелла,— нам, вероятно, придется постоять в очереди, чтобы повидаться с ней.

Хоуз ухмыльнулся.

— Почему ты не хочешь отпустить меня одного, Стив? У тебя все-таки жена. Мне не хотелось бы тебя совращать.

— Я не вчера родился.— Карелла посмотрел на часы.— Сейчас еще нет половины одиннадцатого. Если нам повезет, мы опередим убийцу на девять с половиной часов.

— Если повезет,— сказал Хоуз.

— Ну ладно, пошли.

Карелла помолчал, потом спросил:

— Ты когда-нибудь бывал в подобных заведениях?

— У нас в тридцатом участке было много фешенебельных домов,— ответил Хоуз.

— Эти дома не фешенебельные, сын мой. Они самого что ни на есть низкого пошиба, так что, если у тебя есть прищепка, советую зажать нос.

Они расплатились и вышли на улицу. Впереди они увидели патрульную машину, стоящую у тротуара. Рядом, окруженные детьми, двое полицейских разговаривали с мужчиной и женщиной.

— Что-то случилось,— сказал Карелла. Он ускорил шаг. Хоуз поспешил за ним.

— Да тише вы! — увещевал полицейский.— Не надо кричать!

— Не кричать? — гремела женщина.— Как я могу не кричать? Этот человек...

— Кончайте базар! — взорвался второй полицейский.— Хотите, чтобы сюда прикатил комиссар?

Карелла пробрался сквозь тесную толпу ребятишек. Он сразу узнал полицейских и подошел к тому, который был ближе:

— В чем дело, Том?

Женщина расплылась в улыбке.

— Стиви! — воскликнула она.— *Dio gracias\**. Скажи этим бестолочкам...

— Привет, мама Лу,— поздоровался Карелла.

Мама Лу, очень полная женщина с черными волосами, собранными сзади в пучок, и белой, как алебастр, кожей была одета в свободное шелковое кимоно. Ее необъятный бюст, начинавшийся, казалось, прямо от шеи, вздымался, словно морская пучина. Аристократическое лицо с изящными чертами хранило благочестивое выражение. Из всех содержательниц публичных домов в городе она пользовалась самой дурной славой.

— В чем дело? — спросил полицейского Карелла.

— Этот парень не хочет платить,— ответил тот.

Это был небольшой мужчина в легком костюме в полоску. Рядом с мамой Лу он казался еще меньше ростом. Под носом у него чернели усики щеточкой, темные волосы беспорядочно падали на лоб.

— То есть? — переспросил Карелла.

---

\* Слава Богу (*ит.*)

— Не хочет платить. Был наверху, а теперь собирается улизнуть.

— Я всегда говорю им: сначала получите dinero\*, — закудаhtала мама Лу. — Сначала dinero, потом — amor\*\*. Нет. Эта бестолочь, эта новенькая, она вечно забывает. А теперь видишь, что из этого получается. Скажи ему, Стиви. Скажи, пусть отдаст мои деньги.

— Ты стала небрежно вести дела, Лу.

— Да, да, знаю. Но скажи ему, пусть отдаст мои деньги. Стиви! Скажи этому Гитлеру!

Карелла взглянул на мужчину, который пока не вымолвил ни слова, и только теперь заметил сходство. Тот стоял возле мамы Лу, скрестив на груди руки и поджав губы под щеточкой усов. Глаза его метали молнии.

— Вы детектив? — неожиданно спросил он.

— Да, — ответил Карелла.

— И вы допускаете в городе подобные вещи?

— Что именно?

— Открытую проституцию.

— Я не вижу никакой проституции.

— Вы что, сводник? Или инкассатор у здешних шлюх?

— Мистер... — начал Карелла, но Хоуз легонько тронул его за руку. Создавшаяся ситуация была чревата осложнениями, и Хоуз сразу понял это. Не замечать — одно дело. Открыто покрывать — совсем другое. Он чувствовал, что, независимо от взаимоотношений Кареллы с мамой Лу, сейчас не время лезть в бутылку. Один звонок в Главное управление — и не оберешься неприятностей.

— Нам нужно кое-кого повидать, Стив, — сказал он.

Их глаза встретились, и Хоуз понял, что его послали ко всем чертям.

— Вы были наверху, мистер? — спросил Карелла.

— Да.

— Так. Я не знаю, чем вы там занимались, и не хочу знать. Это ваше дело. Но, судя по обручальному кольцу на вашей руке...

Мужчина быстро спрятал руку за спину.

— ...вам не улыбается получить повестку в суд для дачи показаний по делу об открытой проституции. У

---

\* Деньги (ит.)

\*\* Любовь (ит.)

меня своих забот по горло, мистер, поэтому оставляю все на вашу совесть. Пойдем, Коттон.

И он пошел дальше по улице. Хоуз последовал за ним. Через некоторое время Хоуз оглянулся.

— Он платит.

Карелла хмыкнул.

— Ты сердишься?

— Немного.

— Я думал сделать как лучше.

— Мама Лу всегда помогает нам. Кроме того, она мне нравится. Никто не просил этого типа появляться на нашем участке. Он пришел, получил что хотел и, мне кажется, по справедливости должен заплатить. Девушка, с которой он был, делает это не ради удовольствия. Ей приходится в миллион раз тяжелей, чем самому заштатному клерку.

— Тогда почему бы ей не стать таким клерком? — возник у Хоуза логичный вопрос.

— Сдаюсь, — улыбнулся Карелла и добавил: — Пришли, это здесь.

Заведение мамы Иды ничем не отличалось от соседних жилых домов. На ступеньках у парадной двери двое мальчишек играли в крестики-нолики.

— Марш отсюда! — прикрикнул Карелла, и ребят как ветром сдуло. — Вот что меня больше всего мучит: дети. Ведь все происходит у них на глазах. Хорошенькое воспитание.

— Только недавно ты, кажется, говорил, что это вполне честная профессия.

— Ты что, хочешь поймать меня на слове?

— Нет, просто интересно, почему тебя так разобрало.

— Согласен: преступление бесчестно. Проституция — это преступление, во всяком случае, так считается у нас в городе. Возможно, закон прав, а возможно, и нет, но критиковать его — не мое дело. Мое дело — насаждать закон. Согласен: в нашем участке и, насколько мне известно, во всех других участках проституция — это преступление, которое не считается преступлением. Те двое патрульных собирают мзду со всех заведений на улице и следят, чтобы у мадам не было неприятностей. Мадам, в свою очередь, соблюдают правила “гигиенты”: никакого воровства, чистая коммерция. Но парень, который хотел пожить за счет Лу, он ведь тоже совершал преступление, так? И что прикажешь делать ко-

пу? Закрывать глаза на все преступления или только на некоторые?

— Нет,— ответил Хоуз,— только на те, за которые ему платят.

Карелла смерил Хоуза взглядом.

— За все время, что я работаю в полиции, я не взял ни гроша. Запомни это.

— У меня и в мыслях не было тебя задеть.

— Так вот, коп не может всегда следовать букве закона. Мое понятие о добре и зле не имеет ничего общего с законом. И по мне, этот Гитлер творил зло. Детали не в счет. В принципе. Может, я зря полез в бутылку, а может, и нет. И хватит об этом, к черту.

— Ладно,— согласился Хоуз.

— Теперь ты сердишься?

— Нет. Просто мотаю на ус.

— И еще одно,— сказал Карелла.

— Что именно?

— Дети, стоящие вокруг. Было бы лучше, если бы они еще и сейчас стояли там, разинув рты? Разве не следовало прекратить это безобразие?

— Чтобы прекратить это безобразие, не обязательно было заставлять парня платить.

— Ты сегодня в ударе,— сдался Карелла, и они вошли в дом. В холле Карелла позвонил.

— Мама Ида порядочная стерва,— сказал он.— Считает себя хозяйкой Улицы и города тоже. С ней церемонии ни к чему.

Дверь открылась. Вплотную к порогу стояла женщина с гребенкой в руках. Черные распущенные волосы свободно падали вдоль узкого лица с пронизательными карими глазами. На женщине был голубой свитер и черная юбка. Она была босиком.

— Что надо? — спросила она.

— Это я, Карелла. Впусти нас, Ида.

— Что тебе нужно, Карелла? Фараоны тоже хотят пожить?

— Нам нужна девушка, которую ты называешь Леди.

— Она занята.

— Мы подождем.

— Она может не скоро освободиться.

— Мы подождем.

— Подождите на улице.

— Ида,— сказал Карелла мягко,— освободи проход.

Ида отступила назад. Карелла и Хоуз вошли в темный коридор.

— Что вам от нее нужно?

— Мы хотим поговорить с ней.

— О чем?

— Это наше дело.

— Вы не заберете ее?

— Нет. Только спросим кое о чем.

Ида довольно улыбнулась. Спереди у нее сиял золотой зуб.

— Хорошо,— сказала она.— Заходите. Садитесь.

Она провела их в маленькую неуютную гостиную. В комнате стоял запах благовоний и пота. Пот перешибал благовония.

Ида взглянула на Хоуза.

— А это кто такой?

— Детектив Хоуз,— ответил Карелла.

— Симпатичный,— равнодушно заметила Ида.— А что у тебя с волосами? Откуда эта бела прядь?

Хоуз дотронулся до виска.

— Старею.

— Долго еще она? — спросил Карелла.

— Кто ее знает. Она не привыкла спешить. На нее большой спрос. Ты же знаешь, она — Леди. А Леди любят приятное обхождение. С ними надо побеседовать для начала.

— Ты, должно быть, теряешь на ней много денег.

— Я беру за нее вдвое дороже.

— И она стоит того?

— Если платят, значит, наверное, стоит.— Она снова взглянула на Хоуза.— Могу спорить, тебе никогда не приходилось платить за любовь.

Хоуз спокойно встретил ее взгляд. Он понимал, что для нее это всего лишь разговор на профессиональную тему. Все проститутки и бандерши, с которыми ему приходилось сталкиваться, болтали о сексе так же непринужденно, как обычно женщины о тряпках или детях. Он ничего не ответил.

— Как ты думаешь, сколько мне лет? — спросила она его.

— Шестьдесят,— ответил он не моргнув глазом.

Ида рассмеялась.

— Ах ты, паршивец. Мне только сорок пять. Заходи как-нибудь после обеда.

— Спасибо.

— Шестьдесят,— ухмыльнулась она.— Я покажу тебе шестьдесят.

Наверху открылась и закрылась дверь. Из коридора послышались шаги. Ида посмотрела вверх.

— Она освободилась.

По лестнице спустился мужчина. Он робко заглянул в гостиную и вышел через парадную дверь.

— Пошли,— сказала Ида и поглядела, как встает Хоуз.

— Здоровый парень,— заметила она будто про себя и направилась к лестнице впереди детективов.— Надо бы с вас получить за ее время.

— Мы всегда можем отвезти ее в участок,— сказал Карелла.

— Я шучу, Карелла. Ты что, шуток не понимаешь? Как тебя зовут, Хоуз?

— Коттон.

— Неужели твой приятель не понимает шуток, Коттон? — Она задержалась на ступеньке и обернулась к Хоузу.— Так этим ножкам шестьдесят лет?

— Семьдесят,— ответил Хоуз, и Карелла расхохотался.

— Вот паршивец,— сказала Ида, но не удержалась и тоже хихикнула. Они оказались в коридоре. В одной из комнат девушка в кимоно, сидя на краю кровати, делала себе маникюр. Двери остальных комнат были закрыты. Ида подошла к одной из закрытых дверей и постучала.

— Si? Кто это? — ответил мягкий голос.

— Я, Ида. Открой.

— Одну минуту, *per piacere*\*.

Ида недовольно поморщилась, но пришлось подождать. Дверь открылась. Женщине, стоявшей в дверном проеме, было по меньшей мере года тридцать два. Черные волосы обрамляли спокойное лицо с глубоко посаженными карими глазами, в которых таилась грусть. В осанке ее чувствовалось благородство: гордо посаженная голова, отведенные назад плечи, бука, изящно придерживающая кимоно на высокой груди. В ее глазах был страх, словно каждый миг таит в себе опасность.

— Si? — спросила она.

---

\* Пожалуйста (*ит.*)



— К тебе два джентльмена,— сказал Ида.

Та с мольбой посмотрела на Иду.

— Опять? Пожалуйста, синьора, не надо. Прошу вас. Я так...

— Кончай спектакль, Марсия. Они из полиции.

Страх улетучился из глаз Марсии. Рука упала с груди, и кимоно распахнулось. В осанке и лице не осталось и тени благородства. Возле глаз и у рта обозначились морщинки.

— Что мне хотят пришить?

— Ничего,— ответил Карелла.— Нам надо поговорить.

— Это все?

— Все.

— Вваливаются какие-то копы и думают...

— Угомонись,— прервал ее Хоуз.— Нам надо поговорить.

— Здесь или внизу?

— Где хочешь.

— Здесь.— Она отступила, и Карелла с Хоузом вошли в комнату.

— Я вам нужна? — спросила Ида.

— Нет.

— Я буду внизу. Коттон, выпьешь перед уходом?

— Нет, спасибо.

— В чем дело? Я тебе не нравлюсь? — Она кокетливо склонила голову набок.— Я могла бы тебя кое-чему научить.

— Я от тебя без ума,— сказал Хоуз, улыбаясь, и Карелла бросил на него удивленный взгляд.— Просто боюсь, ты умрешь от переутомления.

— Ну паршивец,— рассмеялась мама Ида и вышла. Из коридора донеслось ее добродушное ворчанье: "Это я умру от переутомления!"

Марсия села, скрестив ноги совершенно не подобающим леди образом.

— Ну что у вас? — спросила она.

— Ты давно здесь работаешь? — начал Карелла.

— Около полугода.

— Прижилась?

— Прижилась.

— Никаких неприятностей за это время не было?

— Что вы имеете в виду?

— Размолвки? Ссоры?

— Как обычно. Здесь двенадцать девушек. Кто-нибудь всегда вопит, что у нее стянули заколку. Вы же знаете.

— Ничего серьезного?

— Потасовки, что ли?

— Да.

— Нет. Я стараюсь держаться в стороне от остальных. Мне больше платят, и им это не нравится. Зачем мне неприятности? Это теплое местечко. Лучшего у меня никогда не было. Черт, здесь я гвоздь программы.— Она подтянула полы кимоно и обнажила колени.— Жарковато у нас?

— Да,— сказал Карелла.— А с клиентами у тебя когда-нибудь были неприятности?

Марсия стала обмахиваться полами кимоно, как веером.

— А что случилось-то? — спросила она.

— Так были?

— Неприятности с клиентами? Не знаю. Откуда я помню? А в чем дело-то?

— Мы пытаемся выяснить, не хочет ли кто-нибудь убить тебя,— объяснил Хоуз.

Марсия перестала обмахивать ноги. Шелк выскользнул из ее пальцев.

— Не поняла.

— Разве я не ясно сказал?

— Убить меня? Какая чушь. Кому нужно убивать меня? — Она помолчала, потом с гордостью добавила: — В постели мне цены нет.

— И у тебя никогда не было неприятностей с кем-нибудь из клиентов?

— Какие еще неприятности...— Она замерла на полуслове. На лицо легла тень задумчивости. На какое-то мгновение она снова приняла облик аристократки — Леди. Но с первым же словом образ исчез.— Думаете, он?

— То есть?

— Меня взаправду кто-то хочет убить? Откуда вы знаете?

— Мы не знаем. Мы предполагаем.

— Ну, был один парень...— Она помолчала.— Не-е, он просто трепался.

— Кто?

— Да один хахаль. Моряк. Он все вспоминал, где видел меня. И вспомнил-таки. В Нью-Лондоне. Я там ра-

ботала во время войны. Ну, на базе подводных лодок. Неплохой заработок. Он вспомнил меня и давай базарить: его, мол, надули, никакая я не дочь итальянского графа, а шарлатанка, и деньги его должна вернуть. Я не стала упираться, сказала, что я из Скрэнтона, но что за свои деньги он получил сполна, а если ему не понравилось, пусть проваливает. И он сказал, что еще вернется и тогда убьет меня.

— Когда это было?

— Около месяца прошло.

— Ты помнишь, как его звали?

— Да. Обычно-то я не помню, но этот поднял такой шум. Вообще, они все говорят мне свои имена. Первым делом. С порога. Я Чарли, я Фрэнк, я Нед. Ты ведь запомнишь меня, да, милочка? Как же! Запомнишь их! Иных не знаешь, как и забыть-то.

— Но моряка-то ты запомнила, да?

— Конечно. Он сказал, что убьет меня. А вы бы запомнили? И потом у него дурацкое имя.

— Какое?

— Микки.

— Микки... А дальше?

— Вот и я его спросила: "А дальше? Микки Маус?" А казалось, совсем не Микки Маус.

— А как?

— Микки Кармайл. Я еще помню, как он это сказал. Микки Кармайл. Артиллерист второго класса. Так прямо и сказал. Можно подумать, он говорит: "Его Величество король Англии!" Вот выпендривался...

— Не сказал, где его база?

— Он был на корабле. Это было его первое увольнение.

— На каком корабле?

— Не знаю. Он назвал его консервной банкой. Это линкор, что ли?

— Эсминец,— поправил Хоуз.— Он еще что-нибудь говорил о корабле?

— Ничего. Только радовался, что удалось вырваться оттуда. Погодите минутку. Забастовка!.. Что-то такое говорилось про забастовку.

— Пикетчик? — спросил Карелла. Он повернулся к Хоузу.— Это, кажется, из военно-морского лексикона?

— Да, но я не понимаю, какое это имеет отношение к сержантскому составу? Он ведь сказал — артиллерист

второго класса? Не матрос второго класса? Не артиллерист — пикетчик?

— Нет-нет, он или сержант, или кто-то в этом роде. У него были красные нашивки на рукаве.

— Две красные нашивки?

— Да.

— Тогда он старшина второго класса,— сказал Хоуз.— Она права, Стив.— Он повернулся к женщине.— Но он сказал что-то насчет забастовки?

— Что-то в этом роде.

— Волнения?

— Что-то в этом роде. То ли забастовка, то ли еще что-то.

— Забастовка,— проговорил Хоуз будто про себя.— Забастовщики, пикеты, охранение, дозоры...— Он щелкнул пальцами.— Дозор! Он сказал, что служит на корабле радиолокационного дозора?

— Да,— подтвердила Марсия, удивленно раскрыв глаза.— Да. Слово в слово. Он, видать, очень этим гордился.

— Эсминец радиолокационного дозора,— произнес Хоуз.— Это нетрудно проверить. Микки Кармайкл.— Он кивнул.— Стив, у тебя еще есть вопросы?

— У меня все.

— У меня тоже. Спасибо, мисс.

— Вы думаете, он на самом деле хочет убить меня? — спросила Марсия.

— Мы это выясним,— ответил Хоуз.

— Что мне делать, если он придет сюда?

— Мы до него раньше доберемся.

— А если он проберется мимо вас?

— Не выйдет.

— Я знаю. А все-таки?

— Попробуй спрятаться под кроватью,— предложил Карелла.

— Умник какой нашелся.

— Мы позвоним,— успокоил ее Карелла.— Если он тот, кого мы ищем, и ты его предполагаемая жертва, мы дадим тебе знать.

— Пожалуйста, сделайте одолжение. Дайте мне знать в любом случае. Я не хочу сидеть тут и вздрагивать от каждого стука в дверь.

— Ты что, боишься?

— А вы как думали?

— Для твоей роли это будет в самый раз,— заключил Карелла, и они ушли.

Администрация граничащего с городом военно-морского района располагалась в центре, на Молельной улице. Вернувшись в участок, Хоуз взял телефонную книгу, отыскал нужный номер и позвонил.

— Военно-морское управление,— ответил голос.

— Говорят из полиции,— представился Хоуз.— Попросите к телефону старшего офицера.

— Подождите, пожалуйста.— Наступила тишина, потом в трубке что-то щелкнуло.

— Лейтенант Дэвис,— раздался голос.

— Вы старший офицер? — спросил Хоуз.

— Нет, сэр. Что вы хотели?

— Говорят из полиции. Мы ищем одного матроса...

— Это в ведении береговой охраны, сэр. Подождите, пожалуйста.

— Постойте, я только хотел...

Хоуза прервало щелканье в трубке.

— Да, сэр? — услышался голос телефониста.

— Соедините господина с лейтенантом Джергенсом из береговой охраны.

— Есть, сэр.

Опять щелканье. Хоуз ждал.

— Береговая охрана, лейтенант Джергенс,— сказал голос.

— Говорит детектив Коттон Хоуз,— произнес Хоуз, решив, что этим бряцающим званиями воякам не меша-ет пустить немного пыли в глаза.— Мы разыскиваем старшину по имени Микки Кармайл. Он служит на...

— Что он натворил? — перебил Джергенс.

— Пока ничего. Мы хотим предотвратить...

— Если он ничего не натворил, у нас нет о нем дан-ных. Он работает у вас?

— Нет, он...

— Одну минуту, вам нужно обратиться в отдел лич-ного состава.

— Да мне только...

Но щелканье опять не дало ему договорить.

— Телефонист? — сказал Джергенс.

— Да, сэр.

— Соедините господина с капитаном Эллиотом из от-дела личного состава.

— Есть, сэр.

Хоуз ждал.  
Щелк-щелк.  
Щелк-щелк.

— Отдел личного состава, — сказал голос.

— Это капитан Эллиот?

— Нет, сэр. Старший писарь Пикеринг.

— Попросите к телефону капитана, Пикеринг.

— Простите, сэр, но его сейчас нет, сэр. Кто говорит, сэр?

— Тогда попросите его начальника, — потребовал Хоуз.

— Его начальник, сэр, это начальник нашего отдела, сэр. Кто говорит, сэр?

— Говорит адмирал Хоуз! — заорал Хоуз. — Немедленно соедините меня с начальником вашего отдела.

— Есть, господин адмирал. Есть, сэр!

Теперь защелкало определенно быстрее.

— Да, сэр? — отозвался телефонист.

— Соедините с капитаном первого ранга Финчбергером, — сказал Пикеринг. — Срочно.

— Есть, сэр!

Снова щелчки.

— Приемная капитана первого ранга Финчбергера, — сказал голос.

— Позовите его к телефону! Говорит адмирал Хоуз! — приказал Хоуз, войдя во вкус.

— Есть, сэр! — отчеканил голос.

Хоуз ждал.

Судя по голосу, который раздался в трубке, дальше валять дурака не имело смысла.

— Какой еще адмирал?! — прогремел голос.

— Сэр, — сказал Хоуз, вспоминая свою службу на флоте. Капитан первого ранга — это вам не армейский капитан. Капитан первого ранга — большая шишка, увешанная множеством блестящих железяк. Принимая это во внимание, Хоуз переключился на почтительный тон. — Прошу извинить меня, сэр, ваш секретарь, очевидно, не понял. С вами говорит детектив Хоуз из восьмьдесят седьмого городского полицейского участка. Мы хотели бы обратиться в ваше управление с просьбой о содействии в одном довольно трудном деле.

— В чем дело, Хоуз? — спросил Финчбергер уже спокойней.

— Сэр, мы разыскиваем матроса, который был в го-

роде месяц назад и который, возможно, еще здесь. Он служил на эсминце радиолокационного дозора, сэр. Его имя...

— Да, верно, в июне здесь был один эсминец “Перриуинкл”. Но он уже ушел. Четвертого числа.

— С полным экипажем на борту, сэр?

— Командир корабля не докладывал, что кто-то остается по болезни или находится в самовольной отлучке. Корабль ушел укомплектованный полностью.

— А с тех пор, сэр, больше не было эсминцев?

— Нет.

— Может, какие-то другие эсминцы?

— Один должен прийти в конце недели. Из Норфолка. Это все.

— Случайно не “Перриуинкл”, сэр?

— Нет. “Мастерсон”.

— Спасибо, сэр. Следовательно, вероятность того, что этот матрос еще в городе или должен прибыть в город в ближайшее время, исключена?

— Да, если ему не вздумается спрыгнуть с корабля посреди Атлантического океана. “Перриуинкл” следует в Англию.

— Спасибо, сэр, за исчерпывающую информацию.

— Не вздумайте еще раз воспользоваться званием адмирала, Хоуз,— сказал на прощанье Финчбергер и повесил трубку.

— Нашел? — спросил Карелла.

Хоуз опустил трубку на рычаг.

— Он на пути в Европу.

— Значит, отпадает.

— Но не отпадает наша знакомая с “Улицы Шлюх”.

— Это верно. Она остается возможной жертвой. Я позвоню ей, скажу, чтобы не беспокоилась насчет моряка. А потом попрошу Пита — пусть выделит наряд патрульных присмотреть за домом Иды. Если она и есть предполагаемая жертва, при полицейских наш подопечный едва ли сунется.

— Будем надеяться.

Хоуз посмотрел на белый циферблат настенных часов. Было ровно одиннадцать утра.

Через девять часов неизвестный пока убийца должен нанести удар.

Где-то на другой стороне улицы, должно быть в Гровер-парке, блестящий предмет отразил солнечный луч и

послал его сквозь раскалившееся окно прямо в комнату детективов, где луч вспыхнул на лице Хоуза, на мгновение ослепив его.

— Стив, будь добр, опусти жалюзи,— попросил Хоуз.

## ГЛАВА 5

Сэм Гроссман, лейтенант полиции, знаток своего дела, возглавлял полицейскую лабораторию Главного управления на Хай-стрит.

Сэм был высокого роста, с нескладной фигурой, угловатыми движениями и разболтанной походкой. Лицо этого мягкого человека состояло сплошь из выступов и впадин, среди которых примостились очки — результат неумного чтения в детстве. Глаза были голубые и простодушно добрые — никому бы и в голову не пришло, что им приходится постоянно заглядывать в тайны правонарушений, насилия, а зачастую и смерти. Свою работу Сэм обожал, и если только он не возился с пробирками, стараясь в очередной раз доказать пользу экспертизы для расследования, то его, как правило, видели с каким-нибудь детективом, которого он горячо убеждал в необходимости сотрудничать с лабораторией.

В то утро, как только из восьмьдесят седьмого участка привезли письмо, Сэм немедленно запустил его в работу. Еще раньше ему звонили и просили поторопиться. Его люди сфотографировали письмо и тут же отправили фото назад, в восьмьдесят седьмой. Затем предстояло выявить отпечатки пальцев на письме и на конверте.

С письмом обращались крайне осторожно. У Сэма мелькнула, правда, неприятная мысль, что половина полицейских в городе, наверное, уже приложила к письму свои руки, но еще больше усложнять задачу он не собирался. Осторожно, не торопясь, его люди нанесли на письмо тонким ровным слоем десятипроцентный раствор азотнокислого серебра, пропустив лист бумаги между двумя влажными валиками. Они подождали, пока бумага высохнет, а затем засветили ее ультрафиолетовыми лучами. Чего Сэм Гроссман и не ждал. Письмо состояло из наклеенных на лист бумаги газетных или журнальных вырезок. Сэм предполагал, что при наклеивании отпечатки должны были остаться на всем листе, так оно



и вышло. Каждая отдельная вырезка придавливалась к бумаге, так что на каждом слове отпечатков было хоть отбавляй.

И каждый отпечаток был безнадежно смазан, затемнен или перекрыт другими — за исключением двух отпечатков большого пальца. Они были оставлены с левой стороны листа: один — у верхней кромки, другой — чуть ниже центра. Оба ясные, отчетливые.

И оба, к несчастью, принадлежали сержанту Дейву Мерчисону.

Сэм вздохнул. Какое вопиющее невезение! Ему никогда ничего не дается легко.

Когда Гроссман позвонил в восемьдесят седьмой, Хоуз сидел в комнате для допросов над фотокопией письма. Было 11.17.

— Хоуз?

— Да.

— Говорит Сэм Гроссман. Я насчет письма. Так как у вас мало времени, я решил воспользоваться телефоном.

— Валяй,— одобрил Хоуз.

— От отпечатков пользы мало. Только два стоящих отпечатка, и те — вашего дежурного сержанта.

— Это на лицевой стороне?

— Да.

— А сзади?

— Все смазано? Письмо было сложено. Тот, кто это делал, провел кулаком по складкам. К сожалению, ничего, Хоуз.

— А конверт?

— Отпечатки Мерчисона и твои. И еще какого-то ребенка. Ребенок держал в руках конверт?

— Да:

— Эти отпечатки хорошие. Если хочешь, я их пришло.

— Да, пожалуйста. Что еще?

— Мы выяснили кое-что относительно самого письма. Это может вам пригодиться. Клеили письмо дешевым клеем фирмы "Бранди". Он бывает в пузырьках и в тюбиках. В одном уголке письма обнаружена микроскопическая крупинка синей краски. Поскольку фирма выпускает тюбики синего цвета, то, вероятно, ваш корреспондент пользовался тюбиком. Но вообще толку от этого

мало, потому что тюбики эти — товар ходовой, и он мог купить его где угодно. А вот бумага...

— Да, да, что там за бумага?

— Это плотная мелованная бумага, выпускается компанией “Картрайт” в Бостоне, штат Массачусетс. Мы сверились с нашей картотекой водяных знаков. Ее номер по каталогу 142-Y. Стоимость — пять с половиной долларов за стопу.

— Значит, компания бостонская?

— Да, но они поставляют продукцию во все штаты. У нас есть их агент. Запишешь координаты?

— Да, конечно.

— “Истерн шиппинг”. Это на Гэйдж-бульвар в Маджесте. Телефон нужен?

— Да.

— Принстон 4-9800.

Хоуз записал.

— Еще что-нибудь?

— Да. Мы выяснили, откуда сделаны вырезки.

— Откуда?

— Нам помогла буква “т” в слове “что”. Это “т” хорошо известно, Хоуз.

— Из “Нью-Йорк таймс”, да?

— Совершенно верно. Она продается во всех городах страны. Признаться, в лаборатории мы старых подшивок почти не держим. Но основной текущий материал — основные ежедневные газеты и крупные издания — у нас, в общем-то, есть. Иногда, к примеру, в газеты или обрывки газет заворачивают разрезанные на куски трупы, поэтому иметь подшивку невредно.

— Понимаю,— сказал Хоуз.

— На этот раз нам повезло. Взяв “Нью-Йорк таймс” за отправную точку, мы просмотрели свою подшивку и установили, какими разделами он пользовался, и число.

— И что же?

— Он пользовался журнальным и книжным обозрением воскресного выпуска от двадцать третьего июня. Мы нашли достаточно слов, так что совпадение исключается. Например, “Леди”. Взята из книжного обозрения, из рекламы романа Конрада Рихтера. Буквы “де” в слове “действия” вырезаны из рекламного заголовка “Юная дева” в журнальном обозрении. Это одно из торговых названий фирмы дамского белья.

— Продолжай.

— Цифра восемь, не вызывает сомнений, тоже из журнального обозрения. Реклама пива “Баллантайн”.

— Еще что-нибудь есть?

— Найти слова “я убью” было и того легче. Не всякий рекламный агент употребит такое слово, если оно не имеет прямого отношения к его товару. В той рекламе было что-то про дурной запах. “Я убью дурной запах в вашей уборной...” и название товара. Короче, мы твердо уверены, что он воспользовался выпуском “Нью-Йорк таймс” от двадцать третьего июня.

— А сегодня двадцать четвертое июля,— заметил Хоуз.

— Да.

— Другими словами, план созрел у него еще месяц назад, он состряпал свое письмо и хранил его, пока не назначил день убийства.

— Похоже, что так. Если только он не схватил первую попавшуюся старую газету.

— В любом случае, липа исключается.

— И мне так кажется, Хоуз,— согласился Гроссман.— Я говорил с нашим психологом. Он тоже так считает: когда человек отсылает письмо через месяц после написания,— это мало походит на липу. Еще он считает, что это вынужденный шаг. По его мнению, парень хочет, чтобы его остановили, и письмо должно подказать, как это сделать.

— И как? — спросил Хоуз.

— Этого он не сказал.

— М-м-м. Ну ладно, это все?

— Все. Нет, постой. Парень курит сигареты. В конверте были табачные крошки. Мы их обработали, но такой табак входит в состав большинства популярных сортов.

— Хорошо, Сэм. Большое спасибо.

— Не стоит. Я пришлю отпечатки пальцев ребенка. Пока.

Гроссман повесил трубку. Хоуз взял фотокопию письма, открыл дверь и направился в кабинет лейтенанта Бернса. И тут только до него дошло, какой невообразимый шум в комнате дежурного. Пронзительные голоса, протесты, крики. В следующий миг перед ним открылась картина, похожая на празднование Дня Независимости. В глазах рябило от красного, белого и синего. Хоуз растерянно заморгал. По меньшей мере тысяч

восемь мальчишек в синих джинсах и белых в красную полоску футболках подпирали деревянную перегородку, облепили столы, шкафы, подоконники, стенды для сводок, выглядывали из всех углов комнаты.

— А ну, тихо! — раздался крик лейтенанта Бернса. — Прекратите этот галдеж!

В комнате постепенно установилась тишина.

— Добро пожаловать в детский сад “Гровер-парк”, — сказал Карелла Хоузу, улыбнувшись.

— Ну и ну, — протянул Хоуз. — Нашим полицейским не откажешь в оперативности...

Полицейские в точности следовали полученному приказу и забирали всех мальчишек десяти лет в джинсах и красно-белых футболках. Они не спрашивали у них свидетельства о рождении, поэтому возраст детей колебался от семи до тринадцати. Футболки тоже не все оказались футболками. Некоторые были с воротниками и пуговицами. Но полицейские сделали свое дело, и приблизительный подсчет внес поправку в ранее мелькнувшую у Хоуза в уме цифру восемь тысяч — ребят было тысяч семь. А точнее, десятка три—четыре явно набралось. Очевидно, в этом районе города белые футболки в красную полоску считались криком моды. А может, сложилась новая уличная банда, и это была их униформа.

— Кто из вас сегодня утром передал нашему дежурному письмо? — спросил Бернс.

— Че за письмо-то? — прозвучал встречный вопрос.

— Какая разница? Ты передавал его?

— Не-а.

— Тогда помолчи. Кто из вас передал письмо?

Молчание.

— Ну, ну, говорите же.

Восьмилетний малыш, явно воспитанный на голливудских боевиках, пропищал:

— Я хочу вызвать своего адвоката.

Раздался дружный смех.

— Замолчите! — прогремел Бернс. — Слушайте, вам нечего бояться. Просто мы ищем человека, который просил передать письмо. Поэтому если кто-то из вас принес его, пусть скажет.

— А что он сделал, этот парень? — спросил один, с виду двенадцатилетний.

— Ты передал письмо?

— Нет. Я только хотел узнать, что он сделал, этот парень.

— Кто из вас передал письмо? — в который раз спросил Бернс. Ребята качали головами. Бернс повернулся к Мерчисону. — А вы, Дейв? Узнаете кого-нибудь?

— Трудно сказать. Но за одно я ручаюсь: он блондин. Можете отпустить всех темноволосых. Они ни при чем. Тот блондин.

— Стив, оставь только блондинов, — сказал Бернс, и Карелла стал ходить по комнате, производя отбор и отправляя детей по домам. Когда "чистка" была закончена, в комнате осталось четыре светловолосых мальчика. Остальные вышли за перегородку и остановились поглазеть, что будет дальше.

— Ну что встали? — прикрикнул Хоуз. — Марш домой.

Ребята нехотя ушли.

Из четверых оставшихся блондинов двум было не меньше двенадцати.

— Эти слишком взрослые, — сказал Мерчисон.

— Вы двое можете идти, — разрешил Бернс, и те исчезли за дверью. Бернс повернулся к двум оставшимся.

— Сколько тебе лет, сынок? — спросил он.

— Восемь.

— Что скажете, Дейв?

— Это не он.

— А другой?

— Тоже нет.

— Ну, это... — Бернса точно ударили ножом. — Хоуз, верните детей, пока они не разбежались. Запишите, ради Бога, их имена. Мы передадим их по радио на наши машины. Иначе нам весь день будут водить одних и тех же. Быстрей!

Хоуз выбежал из комнаты и понесся вниз по лестнице. Некоторых мальчишек он застал еще в дежурке, остальных вернул с улицы. Один паренек недовольно вздохнул и погладил по голове огромную немецкую овчарку.

— Подожди, Принц, — сказал он. — Придется мне еще задержаться. — И вошел в участок.

Хоуз посмотрел на собаку. У него возникла шальная мысль. Он побежал назад в здание участка, одним махом проскочил лестницу и влетел в комнату своего отдела.

— Собака! — запыхавшись, выпалил он. — Что, если это собака?!

— А? — спросил Бернс. — Вы вернули детей?

— Да, но это может быть собака!

— Какая собака? О чем ты?

— Леди! Леди!

Сразу заговорил Карелла.

— Возможно, он прав, Пит. Как ты думаешь, сколько в нашем участке собак по кличке Леди?

— Не знаю, — сказал Бернс. — Вы думаете, этот негодяй, написавший письмо?..

— Не исключено.

— Ладно. Садись на телефон. Майер! Майер!

— Да, Пит?

— Запиши имена этих детей. Господи, это же сумасшедший дом!

И Бернс исчез в своем кабинете.

Позвонив в бюро регистрации собак, Карелла выяснил, что по их участку зарегистрирована тридцать одна Леди. Сколько собак с той же кличкой остались неучтенными, можно было только догадываться.

Он доложил об этом Бернсу.

Бернс ответил, что если человеку приспичило убить какую-то суку по кличке Леди, это его личное дело, и он, Бернс, не собирается ставить свой отдел на уши и гоняться за каждой шавкой на участке. В любом случае, если убийство собаки и произойдет, они об этом узнают и тогда, возможно, попытаются найти этого собаконенавистника. А пока он предлагает, чтобы Хоуз позвонил в “Истерн шиппинг” и узнал, продается ли бумага, на которой выклеено письмо, в каких-либо магазинах их участка.

— И закройте эту чертову дверь! — крикнул он вдогонку Карелле.

## ГЛАВА 6

11.32.

Солнце неумолимо ползло вверх по небосклону и уже почти достигло зенита, его лучи прожигали асфальт и бетон, над тротуарами струился жар.

В парке не было ни ветерка.

Человек с биноклем сидел на самом верху огромного

камня, но там было ничуть не прохладней, чем на петлявших по парку дорожках. На человеке были синие габардиновые брюки и спортивная сетчатая рубашка. Он сидел, по-турецки скрестив ноги, уперев локти в колени и разглядывал в бинокль здание полицейского участка на другой стороне улицы.

На лице человека играла довольная улыбка. Он увидел, как из участка высыпали дети, и улыбка стала шире. Его письмо приносило плоды, оно привело в движение местную полицейскую машину. И теперь, наблюдая за результатами своей работы и гадая, поймут его или нет, он чувствовал, как его разбирает азарт.

Им не поймать меня, думал он.

А может, и поймают.

Им владели противоречивые чувства. Он не хотел пасть к ним на крючок и в то же время предвкушал погоню, отчаянную перестрелку и кульминацию — тщательно подготовленное убийство. Сегодня вечером он убьет. Это решено. Да. Отступать поздно. Придется убить, он знал это, другого выхода нет, никуда не денешься, да. Сегодня вечером. Им не удастся остановить его, а может, и удастся. Все-таки не удастся.

Из участка, спустившись по каменным ступенькам, вышел человек.

Он навел бинокль на лицо человека. Это, несомненно, детектив. По его делу? Он ухмыльнулся.

У детектива были рыжие волосы. Волосы блестели на солнце. Над виском выделялась белая прядь. Он проследил за детективом. Тот сел в автомобиль, конечно же, полицейскую машину без опознавательных знаков. Машина резко рванула с места.

Они спешат, подумал он, опустив бинокль. И взглянул на часы.

11.35.

У них не так уж много времени, подумал он. У них не так уж много времени, чтобы остановить меня.

На территории восемьдесят седьмого участка почти не было книжных магазинов. Редкий книготорговец счел бы эту округу подходящей для своего ремесла. В таких районах все чтиво продается, как правило, в аптеках, где с полок глядят в основном книги ужасов вроде шедевра "Я, палач", исторические романы наподобие "Взгляни на грудь мою", кровавые драмы Дикого Запада в духе "Ковбоя из Невады".

Книжный магазин приютился в полуподвале между двумя жилыми домами одного из переулков. Вы проходите через старые железные ворота, спускаетесь на пять ступенек вниз и оказываетесь перед зеркальной витриной магазина, где выставлены книги. Вывеска в витрине гласит: "В продаже имеются книги на испанском языке", и тут же вторая вывеска: "Aquí habla Español!"\*.

В правом углу витрины на стекле блестит позолотой надпись: "Владелица — Кристин Максуэлл".

Хоуз спустился по ступенькам и отодвинул металлическую ширму перед дверью. Звякнул звонок. И сразу же магазин всколыхнул что-то, запрятанное в дальних уголках его памяти. Ему показалось, что он уже бывал здесь, видел эти запыленные полки и стеллажи, вдыхал этот запах подернутых плесенью книжных корешков, милый сердцу запах хранилища знаний. Не в таком ли магазинчике, не в таком ли переулочке квартала, где прошло его детство, листал он книги в дождливые дни? Хоуз вспомнил читанное в школьные годы и пожалел, что нет времени порыться в пыльных томах, что так много зависит сейчас именно от времени. В магазине было приветливо и уютно, и Хоузу захотелось окунуться в его тепло, пропитаться им до мозга гостей и забыть, что он пришел сюда по срочному делу, по делу, связанному с насильственной смертью.

— Да? — спросил голос.

Мысли тотчас оборвались. Голос был очень мягкий и нежный, как раз такой и должен звучать в этом магазине. Хоуз обернулся.

Девушка стояла перед рядами книг, словно окутанная сияющей дымкой, изящная, нежная, хрупкая — на фоне потрескавшихся и подернутых пылью коричневых корешков. Легкие светлые локоны обрамляли овал лица. Большие голубые глаза цвета теплого весеннего неба. Чувственные губы улыбались. А поскольку она все же была созданием земным, а не воспоминанием, не сном, не девой из сказаний о короле Артуре, Хоуз сразу влюбился в нее.

— Привет, — сказал он. Сказал с некоторым изумлением в голосе, не как бывалый ухажер, его "привет" походил скорее на трепетный шепот. Девушка посмотрела на него и снова спросила:

---

\* Здесь говорят по-испански (исп.)



— Да?

— Надеюсь, вы сможете мне помочь,— ответил Хоуз, размышляя, что слишком уж он влюбчивый, и если теория насчет любви с первого взгляда верна, значит, каждый раз он влюбляется навеки. Эти мысли, однако, не мешали ему рассматривать девушку и думать: “Катись ты, Хоуз, к черту со своими рассуждениями, я ее люблю, и баста”.

— Вы ищете какую-нибудь книгу, сэр? — спросила она.

— Вы мисс Максуэлл? — спросил он.

— Миссис Максуэлл,— поправила она.

— Ах, вот оно что,— протянул он.

— Вам нужна книга?

Он посмотрел на ее левую руку. Обручального кольца она не носила.

— Я из полиции,— представился он.— Детектив Хоуз, восемьдесят седьмой участок.

— Что-нибудь случилось?

— Нет. Я пытаюсь установить происхождение листка писчей бумаги. В “Истерн шиппинг” мне сказали, что ваш магазин единственный в участке, где продается такая бумага.

— Какая именно?

— Картрайт 142-У.

— Да, конечно.

— Она у вас есть?

— Да, и что же? — ответила она вопросом на вопрос.

— Вы ведете это хозяйство вдвоем с мужем? — спросил Хоуз.

— Моего мужа нет в живых. Он служил в морской авиации. Его сбили во время сражения в Коралловом море.

— Простите,— произнес Хоуз с неподдельным сочувствием.

— Не стоит извиняться. Это было давно. Человек ведь не может всегда жить прошлым.— Она мягко улыбнулась.

— Вы молодо выглядите для своих лет. Я имею в виду, для женщины, которая уже была замужем во время войны.

— Я вышла замуж в семнадцать лет.

— Значит, сейчас вам?..

— Тридцать три.

— На вид вы гораздо моложе.

— Спасибо.

— Я едва дал бы вам двадцать один.

— Спасибо, но это не так. Правда.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга.

— Странно,— сказал Хоуз.— Такой магазин и в таком районе.

— Да, я знаю. Именно поэтому я здесь.

— То есть?

— Люди в этом районе и без того лишены многого. Так пусть хоть книги у них будут.

— У вас много покупателей?

— Сейчас больше, чем вначале. Честно говоря, магазин держится на канцелярских товарах. Но теперь дела идут лучше. Вы не поверите, как много людей хотят читать хорошие книги.

— Вы не боитесь здешних жителей?

— С какой стати? — удивилась она.

— Ну... для такой интересной женщины это, пожалуй, не совсем подходящее место.

На ее лице отразилось удивление.

— Район, конечно, бедный, но бедный еще не значит опасный.

— Да, вы правы,— согласился он.

— Люди есть люди. И люди, живущие здесь, ничуть не хуже и не лучше тех, кто живет в шикарном Стюарт-сити.

— Где вы живете, мисс... миссис Максуэлл?

— В Айзоле.

— Почему вы спрашиваете?

— Я хотел бы увидеться с вами.

Кристин помолчала. Она внимательно посмотрела на Хоуза, точно хотела прочесть его мысли. Потом она сказала:

— Хорошо. Когда?

— Скажем, сегодня вечером?

— Хорошо.

— Подождите.— Он задумался.— Ну да, в любом случае в восемь все будет кончено,— сказал он, словно про себя.— Да, сегодня было бы неплохо.

— Что будет кончено в восемь?

— Дело, над которым мы работаем.

— А откуда вы знаете, что все кончится в восемь? У вас есть волшебное зеркало?

Хоуз улыбнулся.

— Об этом я расскажу вечером. Так я заеду за вами? В девять не поздно?

— Завтра рабочий день,— напомнила она.

— Я знаю. Думаю, мы немного выпьем и поболтаем.

— Хорошо.

— Куда мне заехать?

— Сороковой бульвар, семьсот одиннадцать. Вы знаете, где это?

— Найду. Счастлиное число. Семь — одиннадцать.

Кристин улыбнулась.

— Как мне одеться?

— Если вы не против, я предлагаю посидеть в каком-нибудь тихом коктейль-баре.

— С удовольствием. Только, пожалуйста, с кондиционером.

Они помолчали.

— Скажите, вы очень не любите, когда вам напоминают о белой пряди на виске? — спросила она.

— Совсем нет.

— Если да, я не буду спрашивать.

— Можете спрашивать. Меня ударили ножом. На этом месте выросли белые волосы — загадка, которую медицине еще предстоит разрешить.

— Ножом? Вы хотите сказать, какой-то человек ударил вас ножом?

— Совершенно верно.

— О-о...

Хоуз посмотрел на нее.

— Такое... знаете... Иногда и такое случается.

— Да, конечно. Наверное, детективы...— Она замолчала.— Что вы хотели узнать насчет бумаги?

— Много у вас ее?

— Вся бумага поступает ко мне от Картрайта. Эта приходит в стопах и в пачках поменьше — по сто листов.

— Расходится много?

— Маленьких пачек много, а стоп поменьше.

— Сколько маленьких пачек вы продали за последний месяц?

— Это трудно сказать. Много.

— А стоп?

— Со стопами легче. Я получила в конце июня шесть стоп. Можно посчитать, сколько осталось.

— Будьте добры,— попросил Хоуз.

— Конечно.

Она прошла в глубь магазина. Хоуз взял с полки книгу и стал листать ее. Когда Кристин вернулась, она сказала:

— Это одна из моих самых любимых книг. Вы ее читали?

— Да. Очень давно.

— Я прочла ее еще девочкой.— Она улыбнулась, потом перешла к делу: — Остались две стопы. Хорошо, что вы заглянули. Надо сделать новый заказ.

— Значит, вы продали четыре, правильно?

— Да.

— Кому — не помните?

— Я знаю, кому продала две стопы, насчет двух других не помню.

— И кому же?

— У меня есть постоянный клиент — молодой человек, который покупает не меньше стопы каждый месяц. Главным образом для него я и заказываю бумагу.

— Вы знаете его имя?

— Да. Филип Баннистер.

— Он живет в этом районе?

— Думаю, да. Он всегда одет так, словно на минутку вышел из дому. Однажды он пришел в шортах.

— В шортах? — с удивлением переспросил Хоуз.— В этом районе?

— Люди есть люди,— напомнила она.

— Но вы не знаете, где он живет?

— Нет. Должно быть, где-то поблизости.

— Почему вы так думаете?

— Он часто приходит с полной сумкой продуктов. Я уверена, что он живет рядом.

— Проверим,— сказал Хоуз.— Итак, увидимся в девять.

— В девять,— подтвердила Кристин. Она помолчала.— Мне... хочется, чтобы скорее наступил вечер.

— Мне тоже,— ответил он.

— До свидания.

— До свидания.

Когда он выходил, над дверью звякнул звонок.

Согласно телефонной книге, Филип Баннистер проживал на Десятой Южной улице, 1592. Хоуз позвонил

в участок, чтобы Карелла знал, куда он поехал, и отправился к Баннистеру.

Десятая Южная была типичной для этой части города улицей, где толпятся в тесноте многоквартирные дома без балконов. Поэтому в тот день площадки пожарных лестниц несли двойную нагрузку: здешние женщины забросили домашние дела, надели самое невесомое и расцелись на площадках в надежде, что хоть слабенький ветерок проберется в это бетонное ущелье. Рядом с ними стояли приемники, в глубь квартир тянулись провода, и по улице лилась музыка. Женщины, кто подобрал платье выше колен, кто в купальнике, а кто и просто в комбинации, сидели, пили и обмахивались, пытаясь хоть как-то спастись от жары. Тут же стояли запотевшие кувшины с лимонадом, пивные банки, молочные бутылки с ледяной водой.

Хоуз остановил машину у тротуара, выключил двигатель, отер лоб, вылез из своей маленькой духовки на колесах и попал в большую печь улицы. На нем были легкие брюки и открытая спортивная рубашка, тем не менее он весь взмок. Он вдруг вспомнил Толстяка Доннера в турецких банях, и ему сразу стало прохладней.

Дом 1592 оказался уродливым серым зданием — между двумя такими же уродливыми и серыми собратями. Поднимаясь по ступенькам к подъезду, Хоуз прошел мимо двух молоденьких девушек, болтавших об Эдди Фишере. Одна из них не понимала, что он нашел в Дебби Рейнольдс; у нее-то фигура получше, чем у Дебби Рейнольдс, и в тот раз, когда она подкараулила Эдди у служебного входа, чтобы заполучить его автограф, он наверняка обратил на нее внимание. Хоуз вошел в подъезд, искренне сожалея, что не стал певцом.

На маленькой белой табличке было аккуратно написано, что Филип Баннистер живет в квартире 21. Хоуз смахнул пот с верхней губы и поднялся на второй этаж. Все двери на этаже были открыты в жалкой попытке вызвать сквозняк. Увы, на площадке стоял полный штиль. Дверь квартиры двадцать первой тоже была открыта. Откуда-то из глубины до Хоуза донеслась трескотня машинки. Он постучал по дверному косяку.

— Есть кто-нибудь?

Машинка продолжала тарыхтеть без умолку.

— Эй! Есть кто-нибудь?

Перестук клавишей резко оборвался.

— Кто там? — крикнул голос.

— Полиция, — сказал Хоуз.

— Кто? — удивился голос.

— Полиция.

— Одну минуту.

Снова заработала машинка и, постучав в бешеном темпе еще минуты три, замолкла. Отодвинули стул, едва слышно прошлепали по полу босые ноги. Через кухню к входной двери вышел худошавый мужчина в майке и полосатых трусах. Он склонил голову набок, в его карих глазах плясали огоньки.

— Вы сказали — полиция? — спросил он.

— Да.

— Вряд ли вы по поводу деда — ведь он уже умер. Я знаю, что папаша прикладывался к спиртному, но неужто из-за этого у него были неприятности с полицией?

Хоуз улыбнулся.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов. Если, конечно, вы и есть Филип Баннистер.

— Он самый. А вы?

— Детектив Хоуз из восьмьдесят седьмого участка.

— Коп собственной персоной, — восхитился Баннистер. — Настоящий живой детектив. Так-так. Входите. В чем дело? Я слишком громко печатаю? Вам пожаловалась эта стерва?

— Какая стерва?

— Домовладелица. Проходите сюда. Она пригрозила позвать полицию, если я еще буду печатать по ночам. Вы по этому поводу?

— Нет, — ответил Хоуз.

— Садитесь, — пригласил Баннистер, указывая на стул у кухонного стола. — Хотите холодного пива?

— Не откажусь.

— Я тоже. Как вы думаете, дождь когда-нибудь будет?

— Затрудняюсь сказать.

— И я тоже. И метеослужба тоже. Мне кажется, они берут свои прогнозы из вчерашних газет. — Баннистер открыл холодильник и вынул две банки пива. — В этой жаре лед тает на глазах. Вы не против — прямо из банки?

— Отнюдь.

Он открыл обе банки и протянул одну Хоузу.

— За благородных и непорочных,— провозгласил он и сделал глоток. Хоуз последовал его примеру.

— Эх, хорошо,— крикнул Баннистер.— Наши маленькие радости. Что может быть лучше? Совершенно незачем гоняться за деньгами.

— Вы здесь один живете, Баннистер?

— Совершенно один. За исключением тех случаев, когда у меня гости, что бывает редко. Я люблю женщин, но не располагаю достаточными средствами.

— Вы где-нибудь работаете?

— Везде и нигде. Я писатель.

— Журналы?

— В данный момент я работаю над книгой.

— Кто ваш издатель?

— У меня нет издателя. Будь у меня издатель, я не жил бы в этой крысиной норе. Я бы прикуривал сигареты от двадцатидолларовых бумажек и крутил романы с лучшими манекенщицами в городе.

— Так поступают все преуспевающие писатели?

— Так будет поступать данный писатель, когда преуспеет.

— Вы купили недавно стопу бумаги Картрайт 142-Y? — спросил Хоуз.

— А-а?

— Картрайт...

— Да-а,— удивился Баннистер.— Откуда вы знаете?

— Вы знакомы с проституткой по кличке Леди?

— А?

— Вы знакомы с проституткой по кличке Леди? — повторил Хоуз.

— Нет. Что? Как вы сказали?

— Я сказал...

— Вы что, шутите?

— Я говорю серьезно.

— Проститут... Черт, нет! — Баннистер вдруг возмутился.— Откуда мне знать прости?... Вы шутите?

— Знаете вы какую-нибудь женщину, которую зовут Леди?

— Леди? Что это значит?

— Леди. Подумайте.

— Нечего мне думать. Не знаю я никаких Леди. Что это значит?

— Можно взглянуть на ваш письменный стол?

— У меня нет письменного стола. Послушайте, шутка

зашла слишком далеко. Не знаю, откуда вам известно, какой бумагой я пользуюсь, мне это безразлично. Но вы сидите здесь, пьете пиво, купленное на деньги, которые не так-то легко достаются моему отцу, и задаете глупые вопросы о какой-то проститутке... В чем дело, наконец? Что это значит?

— Разрешите, пожалуйста, взглянуть на ваш письменный стол.

— Нет у меня никакого дурацкого письменного стола! Я работаю за обыкновенным столом!

— Можно его посмотреть?

— Ну ладно, валяйте! — заорал Баннистер. — Поиграем в загадочность! Тоже мне, таинственный король детективов. Валяйте. Будьте как дома. Стол в другой комнате. Но если вы, черт побери, что-нибудь там перепутаете, я пожалуюсь комиссару.

Хоуз прошел в другую комнату. На столе стояла машинка, рядом лежала стопка отпечатанных листов, пачка копирки и начатая пачка бумаги.

— У вас есть клей? — спросил Хоуз.

— Конечно, нет. Зачем мне клей?

— Какие у вас планы на вечер, Баннистер?

— А вам зачем знать? — спросил Баннистер, расправив плечи и приняв высокомерную позу, — вылитый Наполеон в исподнем.

— Надо.

— А если я не скажу?

Хоуз пожал плечами. Жест говорил сам за себя. Баннистер подумал и сказал:

— Хорошо. Я иду с матерью на балет.

— Куда?

— В Городской театр.

— Во сколько?

— Начало в полдевятого.

— Ваша мать живет в городе?

— Нет. Она живет на Песчаной Косе. Восточный Берег.

— Она хорошо обеспечена?

— Да, пожалуй.

— Ее можно назвать обеспеченной леди?

— Пожалуй.

— Леди?

— Да.

Хоуз помедлил.



- Вы ладите с ней?
- С мамой? Конечно.
- Как она относится к вашей писательской деятельности?
- Она считает меня очень талантливым.
- Она одобряет то, что вы живете в бедном квартале?
- Ей больше хочется, чтобы я жил дома, но она уважает мои желания.
- Родители помогают вам, верно?
- Верно.
- И сколько вы от них получаете?
- Шестьдесят пять в неделю.
- Ваша мать никогда не была против этого?
- Чтобы помогать мне деньгами? Нет. С какой стати? Я тратил гораздо больше, когда жил дома.
- Кто купил билеты на балет?
- Мать.
- Где вы были сегодня утром часов в восемь, Баннистер?
- Здесь.
- Один?
- Да.
- Вас кто-нибудь видел?
- Я печатал,— сказал Баннистер,— спросите соседей. Только мертвый мог не услышать стука. А что? Что я такого натворил сегодня в восемь утра?
- Какие газеты вы читаете по воскресеньям?
- "График".
- А центральные газеты?
- Например?
- Например, "Нью-Йорк таймс".
- Да, я покупаю "Таймс".
- Каждое воскресенье?
- Да. Я каждую неделю просматриваю списки бестселлеров.
- Вы знаете, где находится здание участка?
- Вы имеете в виду полицейский участок?
- Да.
- Кажется, около парка?
- Кажется или точно?
- Точно. Но я не помню...
- Во сколько вы встречаетесь со своей матерью?
- В восемь.

- Сегодня в восемь вечера. У вас есть пистолет?
- Нет.
- Другое оружие?
- Нет.
- В последнее время у вас не было размолвок с матерью?
- Нет.
- С какой-нибудь другой женщиной?
- Нет.
- Как вы зовете свою мать?
- Мама.
- Еще?
- Мапочка.
- Больше никак?
- Иногда Кэрл. Это ее имя.
- Вы никогда не зовете ее Леди?
- Нет. Опять начинаете?
- Кого-нибудь вы зовете Леди?
- Нет.
- Как вы зовете свою хозяйку, ту стерву, которая грозила позвать полицию, если вы будете печатать по ночам?
- Я зову ее миссис Нелсон. Еще я зову ее стервой.
- Она вам много досаждаёт?
- Только насчет машинки.
- Она вам нравится?
- Не очень.
- Вы ненавидите ее?
- Нет. По правде сказать, она для меня просто не существует.
- Баннистер...
- Да?
- Возможно, сегодня вечером вас будет сопровождать полицейский. Он будет с вами с того момента, как...
- Что это значит? В чем вы меня подозреваете?
- ...как вы выйдете из квартиры и потом, когда встретитесь с матерью, и даже когда усядетесь в кресло. Я предупреждаю вас на тот случай, если...
- Мы что, черт возьми, в полицейском государстве?
- ...если в вашей голове бродят опасные мысли. Вы понимаете меня, Баннистер?
- Нет, не понимаю. Моя самая опасная мысль состоит в том, что после спектакля я собираюсь угостить мать содовой с мороженым.

— Отлично, Баннистер. Продолжайте в том же духе.

— Ох, эти копы,— процедил Баннистер.— Если вы кончили, я хотел бы вернуться к работе.

— Я кончил. Извините, что отнял у вас время. И не забудьте. С вами будет полицейский.

— Идиотизм,— заключил Баннистер, сел за стол и начал печатать.

Хоуз вышел из квартиры. Он проверил показания Баннистера у трех его соседей по площадке, двое из которых поклялись, что в восемь утра тот действительно стучал на своей дурацкой машинке. Более того, начал он в половине седьмого, и с тех пор стук не прекращался.

Хоуз поблагодарил их и поехал обратно в участок.

12.23.

Хоуз проголодался.

## ГЛАВА 7

Майер Майер поднял жалюзи на зарешеченном окне, выходящем в сторону парка, и солнце залило стол, к которому детективы подсели, чтобы перекусить.

Карелла сидел против окна и со своего места видел часть улицы — густую зелень, которая волнами откатывалась от каменной ограды в глубь парка.

— А что, если это вовсе не какая-то конкретная леди? — сказал Майер.— Что, если мы на ложном пути?

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Карелла, откусывая кусок бутерброда. Бутерброд был заказан в кулинарии Чарли за углом и не шел ни в какое сравнение с теми шедеврами, которые приготавливала жена Кареллы, Тедди.

— Мы исходили из того, что этот псих имеет в виду конкретную женщину,— объяснил Майер.— Женщину по прозвищу Леди. Возможно, мы ошибаемся.

— Продолжай,— сказал Хоуз.

— Совершенно несъедобный бутерброд,— вставил Карелла.

— С каждым разом они все хуже,— согласился Майер.— Недавно открылось новое заведение, Стив. “Золотой котелок”. Не видел? На Пятой, рядом с Калвер-авеню. Уиллис закусывал там, говорит, неплохо.

— А доставка у них налажена?

— Наверное. В нашем районе столько обжор, что это просто золотое дно.

— Так что там насчет Леди? — перевел разговор Хоуз.

— Он хочет, чтобы я думал еще и в обеденный перерыв, — укоризненно произнес Майер.

— Давайте-ка опустим жалюзи, — предложил Карелла.

— Зачем? Пусть в комнате будет солнце, — возразил Майер.

— Мне что-то отсвечивает.

— Так передвинь стул.

Карелла отодвинул стул чуть в сторону.

— Что же все-таки... — начал Хоуз.

— Ну ладно, ладно, — сказал Майер. — Ему больше всех надо. Он хочет пролезть в комиссары.

— И добьется своего, — заметил Карелла.

— Допустим, вы составляете такое письмо, — перешел, наконец, к делу Майер. — Допустим, ищите нужные слова в “Нью-Йорк таймс”. И, допустим, хотите написать так: “Сегодня в восемь вечера я собираюсь убить женщину. Попробуйте остановить меня”. Я понятно излагаю?

— Понятно, — сказал Хоуз.

— Так вот. Вы начинаете искать. Не можете найти слово “восемь”. И импровизируете: вырезаете часть рекламы пива “Баллантайн” — вот вам и восьмерка. Не можете найти слов “Я собираюсь убить”, но находите “Я убью” и довольствуетесь этим. Тогда почему то же самое не может случиться и с Леди?

— То есть?

— Вы хотите написать “женщину”, прочитываете всю газету до последней строчки и не находите нужного слова. А просматривая книжный раздел, натываетесь на рекламу романа Конрада Рихтера. Почему бы и нет? — говорите вы себе. Женщина, леди — какая разница? И вырезаете “Леди”. По случайности слово начинается с заглавной буквы, поскольку это название романа. Подобный пустяк вас не тревожит, коль скоро мысль выражена. Но этот пустяк может заставить полицейских гоняться за женщиной-призраком, за несуществующей Леди — с большой буквы.

— Если у этого парня хватило терпения вырезать и наклеить по отдельности каждую букву в слове “вече-

ром”, — возразил Карелла, — значит, он точно знал, что хотел сказать; не находя слова, он составил его.

— Может, так, а может, и нет, — усомнился Хоуз.

— Ну со словом “вечера” большого выбора у него не было, — заметил Майер.

— Он ведь мог написать просто “в 20.00”, — сказал Карелла, — если следовать твоей теории. Но он хотел сказать “сегодня в восемь вечера” и вырезал для этого слова каждую букву в отдельности. Нет, Майер, ты меня не убедил. — Он снова передвинул свой стул. — Все-таки в парке блестит какая-то штуковина.

— Пусть так, не спорю, — сказал Майер. — Я только хочу сказать, что этот псих, возможно, собирается убить не какую-то определенную женщину, именуемую Леди, а вообще любую женщину.

Карелла задумался.

— Если так, — сказал Хоуз, — у нас вообще не остается никаких зацепок. Любая женщина в городе может оказаться жертвой. Что же нам делать?

— Не знаю, — пожал плечами Майер и отхлебнул кофе. — Не знаю.

— В армии, — медленно проговорил Карелла, — нас всегда предупреждали насчет...

Майер повернулся к нему.

— А?

— Бинокль, — сказал Карелла. — Это бинокль.

— Какой еще бинокль?

— В парке, — объяснил он. — Отсвечивает. Это бинокль.

— Да, ладно, — сказал Майер, не придав этому значения. — Но если он имел в виду женщину вообще, считайте, у нас нет шансов.

— Кому это понадобилось рассматривать участок в бинокль? — спросил Хоуз с расстановкой.

Все вдруг замолчали.

— Ему видна наша комната? — спросил Хоуз.

— Возможно, — ответил Карелла.

Они непроизвольно перешли на шепот, словно невидимый наблюдатель мог не только видеть их, но и слышать.

— Не двигайтесь, продолжайте разговаривать, — прошептал Хоуз. — Я выйду через заднюю дверь.

— Я пойду с тобой, — сказал Карелла.

— Нет. Если он увидит, что выходят несколько человек, то может скрыться.

— Ты думаешь,— начал Майер,— что это...

— Не знаю,— сказал Хоуз, поднимаясь.

— Ты можешь сэкономить нам уйму времени,— прошептал Карелла.— Ни пуха тебе, Коттон.

Хоуз оказался в аллее, как раз за зданием участка, куда выходили камеры для задержанных, расположенные на первом этаже. Он с грохотом закрыл за собой тяжелую стальную дверь и пошел по аллее. Что за черт — у него бешено колотилось сердце.

"Не спеши,— сказал он себе,— спешкой можно все испортить". Если птичка упорхнет, мы снова останемся ни с чем, снова придется искать Леди или еще того хуже — просто Женщину. Хорошенькое дело, найти Женщину в городе, наводненном женщинами всех возрастов и размеров. Так что не спеши. Спешить некуда. Сцапай его, а если сукин сын побежит, дай ему по мозгам или подстрели, но главное, действуй не спеша, спокойно и не спеша, как будто у тебя времени хоть отбавляй и надо допросить самого медлительного собеседника в Штатах".

Он пробежал по аллее и выскочил на улицу. По тротуару, задыхаясь от спертого воздуха, потоком шли люди. Чуть в стороне дети играли в лапту, подальше, в конце квартала, мальчишки открыли пожарный кран и плескались одетые в мощном фонтане воды, вырвавшемся на волю. Хоуз обратил внимание, что некоторые из них в джинсах и полосатых футболках. Он свернул вправо, оставив позади играющих и пожарный кран.

Как быть честному полицейскому в такую жару, думал он. Разрешить детям осушать городской водопровод, подвергая опасности целый квартал в случае пожара? Или, раздобыв разводной ключ, закрыть кран и обречь ребят на томительное, нудное безделье, от которого они сколачивают уличные банды, затевают драки, возможно, более опасные, чем пожар? Как быть честному полицейскому? Встать на сторону хозяйки заведения или добропорядочного гражданина, который обманывает ее?

И почему полицейский должен терзаться философскими проблемами, недоумевал Хоуз, не переставая, однако, терзать себя.

Он бежал.

Он бежал, пот заливал глаза, и казалось, что он стоит на месте, а парк надвигается на него, и где-то в этом парке был человек с биноклем.

— Он еще там? — спросил Майер.

— Да, — ответил Карелла.

— Господи, я боюсь пошевелиться. Как ты думаешь, он не напал на Хоуза?

— Вряд ли.

— Во всем этом есть только один плюс.

— Какой же?

— От волнения бутерброд не кажется мне таким противным.

Скрестив ноги, человек сидел на огромном валуне и рассматривал в бинокль здание участка. Теперь за столом сидели только двое, они ели и разговаривали. Третий, большой и рыжеволосый, несколько минут назад встал и не торопясь вышел из комнаты. За стаканом воды или чашкой кофе? Интересно, разрешается им варить кофе в участке? Во всяком случае, на улицу он не выходил, значит, он где-то внутри.

Может, его вызвал капитан, лейтенант или еще какой-нибудь начальник? Может, капитан взбеленился из-за письма и требует, чтобы его люди действовали, а не набивали брюхо, посиживая за столом?

В какой-то мере их завтрак раздражал его. Он, конечно, понимал, что им нужно поесть — все должны есть, даже полицейские, — но разве они не приняли его письмо всерьез? Разве они не знают, что он собирается убить? Ведь это их работа — предотвращать убийства. Разве он не предупредил их? Не дал им карты в руки? Так какого же черта они рассиживают там, уплетают бутерброды и чешут языки? Разве за это платит им город?

От негодования он даже опустил бинокль.

Он вытер пот с верхней губы. Губа показалась какой-то чужой, набухшей. Проклиная жару, он достал из заднего кармана носовой платок.

— Пропал, — сказал Карелла.

— Что? Что?

— Блик пропал.

— Может, Хоуз уже добежал?

— Нет, еще рано. Наверно, этот тип уходит. Проклятье, почему мы не...

— Есть! Блестит, Стив! Он еще там!

Карелла перевел дыхание. Руки его словно прилипли к поверхности стола. Он заставил себя поднять чашку и отхлебнуть кофе.

— Ну же, Коттон, — думал он, — шевелись!

Хоуз бежал по дорожкам парка, прикидывая, где может быть человек с биноклем. На него оборачивались. В любое время бегущий человек приковывает к себе внимание, а в такой жаркий день особенно. Все без исключения прохожие оглядывались посмотреть, кто за ним гонится, ожидая увидеть полицейского в полной форме и с оружием в руках.

Наверно, высокое место, решил Хоуз. Если ему виден третий этаж участка, должно быть, это высокое место. Пригорок или большой камень, что-то высокое и рядом с улицей, там ведь местность повышалась.

Вооружен ли он?

Если вечером у него намечено убийство, то не исключено, что оружие при нем. Непроизвольно Хоуз потянулся к заднему карману брюк и ощутил успокаивающую тяжесть пистолета. Не достать ли его? Нет. В парке слишкомлюдно. Может начаться паника. Кто-нибудь еще решит, что Хоуз не в ладах с законом, и захочет геройски задержать удирающего преступника. Нет. Пусть уж лежит пока на месте.

Теперь он продирался сквозь кусты, чувствуя, что начался подъем. — Где-то высоко, — думал он. — Непременно высоко, иначе ему ничего не увидеть. Подъем стал круче, мягкая трава и земля уступили место почти отвесным обломкам скал. Где же? На каком камне сидит эта птичка? Здесь?

Он достал пистолет.

От подъема дыхание его стало прерывистым. На спине и под мышками выступили пятна пота, в ботинки набились мелкие камушки.

Он взобрался наверх. Там никого не было.

В отдалении виднелся участок.

А слева, на соседнем камне, скорчившись, прильнув к биноклю, сидел человек.

От неожиданности сердце у Хоуза подскочило и заколотилось чуть ли не в горле.

— Ты что-нибудь видишь? — спросил Майер.

— Ничего.

— Он еще там?

— Стекла блестят.



— Куда же провалился Хоуз?

— Парк большой, — резонно заметил Карелла.

Человеку, сидевшему на камне, показалось, что из кустов донесся какой-то звук. Опустив бинокль, он медленно повернулся и, затаив дыхание, прислушался.

Он почувствовал нервный озноб. Его вдруг прошиб пот. Он отер липкие струйки, стекавшие по непривычно набухшей верхней губе.

Ошибки быть не могло — раздался звук шагов.

Он слушал.

Ребенок?

Влюбленные?

Или полицейский?

Бежать — требовало все его существо. Мысль стучала в висках, но его будто пригвоздило к камню. Попался, решил он.

Но так быстро? Так быстро? После всех приготовлений? Так быстро попасться?

Шаги приближались. Он заметил блеснувший на солнце металл. Черт, почему он не взял с собой пистолет? Почему не предусмотрел такую возможность? Глаза в панике скользнули по унылой поверхности валуна. На самом краю рос высокий куст. Прильнув к камню, с биноклем в правой руке, он отполз к кусту. Солнце высветило что-то яркое, на этот раз не металл. Рыжие волосы! Детектив, который встал из-за стола! Он затаил дыхание. Звук шагов оборвался. Согнутый в три погибели, он видел из-за куста рыжие волосы — больше ничего. Голова пропадала, снова появлялась. Полицейский продвигался вперед. Его путь лежал как раз мимо куста.

Человек с биноклем ждал. Рука, сжимавшая металл, вспотела. Теперь полицейский был у него как на ладони: с пистолетом в правой руке, он медленно приближался.

Человек терпеливо ждал. Может, его не заметят. Может, если он притаится за кустом, его не найдут. Нет, это глупо. Надо выпутаться. Выпутаться или попасться, а попадаться еще рано, ох как рано.

Занеся бинокль, словно палицу, он ждал.

Пробираясь через кусты, Хоуз не слышал ни звука. Парк внезапно затих. Не щебетали больше птицы на деревьях. Звук приглушенных голосов, который, как жужжанье насекомых, только что висел в воздухе, пла-

вал над дорожками, озером, деревьями, тоже внезапно смолк. И было только яркое солнце над головой, скалы, огромный куст слева и внезапная пугающая тишина.

Он почувствовал опасность, ощутил ее каждым нервом, пропитался ею до мозга костей. Так уже было в тот раз, когда его ударили ножом. Он навсегда запомнил неожиданно мелькнувшее лезвие, неуютный отблеск лампочки на металле, запоздалую отчаянную попытку дотянуться до заднего кармана, до пистолета. Он навсегда запомнил сильный удар, непривычное тепло над левым виском, хлынувшую на лицо кровь. Он уже не успевал вытащить пистолет — ему нанесли бы второй, смертельный удар, — и тогда он пустил в ход кулаки и молотил ими до тех пор, пока нож не стукнулся о пол коридора, пока нападавший не превратился в стонущий, подрагивающий мешок у стены, а он все бил, бил, пока не разбил в кровь костяшки пальцев.

Сегодня он вооружен. Сегодня он готов. И все же опасность щекотала корни волос, судорогой пробежала по позвоночнику.

Он осторожно шел вперед.

Удар пришелся по правой кисти.

Удар был сильный, железо будто ужалило кость. Рука разжалась, и пистолет звонко стукнулся о камень. Хоуз быстро повернулся и, увидев, как человек поднял бинокль над головой, закрыл лицо руками. Бинокль опустился, в стеклах отразилось солнце, и они ослепительно сверкнули. Мгновение остановилось. Сразу предстало безумное, искаженное бешенством лицо, и тут же бинокль обрушился на его руки. Он почувствовал удар и увидел, как бинокль снова поднимается и опускается, и теперь, он знал, удар придется в лицо. Он инстинктивно ухватился за бинокль.

Ладони столкнулись с металлом, он сжал пальцы и рванул бинокль что было сил. Бинокль остался у него в руках. На долю секунды человек замер с онемевшим от удивления лицом. Потом бросился бежать.

Хоуз выронил бинокль.

Когда он подобрал пистолет, человек уже скрылся в кустах.

Он выстрелил в воздух раз, потом другой и бросился вслед за беглецом.

Услышав выстрелы, Карелла выскочил из-за стола, бросив только:

— Пошли, Майер.

Они нашли Хоуза сидящим на траве в парке. Он сказал, что упустил человека. Они осмотрели его руки. Кости были, кажется, целы. Он отвел их к камню, где подвергся нападению, и снова сказал:

— Я упустил его. Упустил этого подлеца.

— Может, еще и не упустил,— заметил Карелла.

Расправив на ладони носовой платок, он поднял бинокль.

## ГЛАВА 8

Сэм Гроссман определил, что бинокль выпущен фирмой “Питер-Вондигер”. Судя по серийному номеру, он был изготовлен примерно в 1952 году. В то время фирма выпускала много военной продукции, но поскольку на внешней поверхности стекол противотражательного покрытия не было, бинокль явно не предназначался для армии. Связавшись с фирмой по телефону, Сэм установил, что эта модель уже снята с производства, заменена новой и в продажу не поступает. Тем не менее, пока люди Сэма снимали с бинокля отпечатки пальцев, сам он взялся за составление его технической характеристики для работников участка. Сэм Гроссман отличался методичностью и считал, что для тех, кто расследует дело, важны мельчайшие, самые, казалось бы, незначительные подробности. Поэтому он не упустил ни одной детали.

На бинокле были найдены отпечатки двух людей. Одни, понятно, принадлежали Коттону Хоузу. Другие представляли собой четкие рисунки пальцев обеих рук — такие отпечатки можно было оставить, лишь используя бинокль по назначению, следовательно, они принадлежали нападавшему. Фотографии отпечатков были немедленно посланы по фототелеграфу в Бюро учета правонарушителей, а также в ФБР с просьбой срочно провести опознание.

Сэм Гроссман молил Бога, чтобы пальцы, отпечатавшиеся на бинокле, уже наследили в прошлом хоть в каком-нибудь уголке Соединенных Штатов.

13.10.

Лейтенант Бернс развернул на столе газету.

— Как вам это нравится, Хоуз? — спросил он.

Пробежав страницу глазами, Хоуз наткнулся на объявление:

ТОЛЬКО В "БРИССОН РУФ"  
ДЖЕЙ ЛЕДИ ЭСТОР —  
ФОРТЕПЬЯНО И ВОКАЛ —  
В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ  
ЛЕДИ ЭСТОР!

С фотографии улыбалась молодая темноволосая женщина в облегающем вечернем платье.

— Я не знал, что она в городе,— произнес Хоуз.

— Что-нибудь о ней слышал?

— Да. Она котируется достаточно высоко. Довольно своеобразная манера исполнения. Что-то в стиле Кола Портера, представляете примерно? Много у нее всякой белиберды, и песенки сомнительные, но в способностях ей не откажешь.

— Как ваша кисть?

— Отлично,— сказал Хоуз.

— Думаете, следует заняться этой дамочкой?

— Конечно.

На столе зазвонил телефон. Бернс поднял трубку.

— Бернс,— сказал он и стал слушать.— Конечно, Дейв, давай его сюда.— Он прикрыл рукой трубку.— Из лаборатории,— сообщил он Хоузу и, убрав руку, принялся ждать.— Привет, Сэм, что нового? — Бернс слушал, лишь время от времени вставляя "угу". Так прошло минут пять. Наконец, Бернс сказал: — Ну, спасибо, Сэм,— и повесил трубку.

— Что-нибудь есть?

— На бинокле нашли четкие отпечатки. Сэм уже послал фотографии в Вашингтон. Теперь остается уповать на Бога. Вместе с биноклем Сэм посылает нам свой отчет. Бинокль образца пятьдесят второго года, модель снята с производства. Как только мы его получим, я отправлю Стива и Майера по лавкам подержанных товаров. Ну, а что с этой Леди Эстор? Думаете, она и есть мишень?

Хоуз пожал плечами.

— Надо проверить.

— Это вполне возможно,— сказал Бернс и, в свою очередь, пожал плечами.— А почему бы и нет? Лич-

ность она известная. Может быть, какому-то крестину не нравятся ее пошлые песенки. Что вы об этом думаете?

— Я думаю, стоит попытаться.

— Только быстро,— предупредил Бернс.— Чтобы никаких там песенок. Вполне возможно, что до восьми вечера нам предстоит еще не одна попытка.— Он взглянул на часы.— Черт возьми, время-то как летит,— пробормотал он.

Хоуз позвонил в “Бриссон Руф”, и ему ответили, что первое выступление Джей Эстор начинается в восемь вечера. Однако адрес ее менеджер наотрез отказался сообщить — даже детективу. Менеджер потребовал, чтобы Хоуз назвал ему номер своего телефона. Хоуз назвал, и менеджер тотчас перезвонил. Он был полностью удовлетворен разговором с дежурным сержантом, который соединил его с отделом сыска: теперь ясно, что с ним хочет говорить настоящий коп, а не какой-нибудь воздыхатель из толпы поклонников Леди Эстор. Он назвал Хоузу адрес, по которому Хоуз тотчас же и отправился.

Хоуза несколько удивило, что мисс Эстор живет не в отеле, где выступает, но, видимо, она считала, что работать и развлекаться нужно в разных местах. Квартира ее находилась в одном из фешенебельных районов в южной части Айзолы, в коричневом каменном доме. Хоуз доехал туда за десять минут. Поставив машину у тротуара и поднявшись по ступенькам к входной двери, он вошел в маленький чистенький вестибюль. Пробежав глазами фамилии на почтовых ящиках, он не обнаружил Джей Эстор ни на одном из них. Пришлось выйти на улицу и на площадке перед дверью еще раз проверять адрес. Адрес был правильный. Тогда Хоуз вернулся в вестибюль и позвонил управляющему. Раздался громкий звонок. Затем где-то открылась и закрылась дверь, слышались шаги, и, наконец, открылась занавешенная дверь, за портьерой.

— Что вам угодно? — спросил старик в домашних тапочках и выцветшем голубом халате.

— Я хотел бы видеть мисс Джей Эстор.

— Никакой мисс Эстор здесь нет,— отрезал старик.

— Я не поклонник и не газетчик,— объяснил Хоуз.— Я из полиции.— Вытащив бумажник, он раскрыл его и показал жетон.

Старик внимательно рассмотрел его.

— Вы детектив?

— Да.

— У нее что, какие-нибудь неприятности?

— Все может быть,— неопределенно ответил Хоуз.— Мне нужно с ней поговорить.

— Подождите минутку.— Старик прошаркал за портьеру. Хоуз услышал, как тот набрал номер и начал говорить. Через минуту он вернулся.

— Она сказала, что вы можете подняться. Номер четыре-А. Эту дверь она использует для входа. Вообще-то, весь верхний этаж ее: четыре-А, четыре-В, четыре-С. Но для входа она использует только четыре-А, а остальные двери изнутри заставлены мебелью. Можете подняться.

Хоуз поблагодарил и прошел мимо старика вглубь по коридору. Из коридора наверх вела устланная ковром лестница, с одной ее стороны тянулись резные перила. Стояла удушающая жара. Взираясь наверх, Хоуз думал о том, что Карелла и Майер сейчас, должно быть, прочесывают лавки подержанных товаров. Обратится ли Бернс за помощью в другие участки? Или посчитает, что его парни смогут прочесать весь город сами? Нет, он, конечно, попросит подключить людей из других участков. Не может не попросить.

В медном прямоугольнике, привинченном к дверному косяку квартиры 4-А, торчала маленькая табличка. В табличку было вписано всего одно слово: Эстор.

Хоуз нажал кнопку звонка.

Открыли так быстро, что оставалось предположить одно: Джей Эстор стояла под дверью.

— Вы детектив?

— Да.

— Входите.

Он вошел. Взглянув на Джей Эстор, он испытал по меньшей мере разочарование. На фотографии в газете она выглядела волнующей и соблазнительной, а облегающее платье подчеркивало изящные изгибы тела. Там, на фотографии, в глазах ее читался вызов, в многообещающей улыбке искрился порок. Здесь же не было и следа вызова или соблазна.

Джей Эстор вышла в шортах и легкой блузке. У нее была высокая красивая грудь, но чересчур мускулистые ноги теннисистки. Зубы, которые она обнажила в улыбке, были довольно крупные, и у Хоуза невольно возник-

ло сравнение с холеной кобылой. Впрочем, возможно, он судил слишком строго. Быть может, не попадись ему фотография в газете, он посчитал бы Леди Эстор привлекательной женщиной.

— У меня в гостиной кондиционер, — сказала она. — Пойдемте туда, а эту дверь закроем.

Комната, куда они вошли, была обставлена весьма элегантно. Закрыв за Хоузом дверь, Джей Эстор облегченно вздохнула.

— Ну вот. Здесь куда лучше. Эта жара становится совершенно невыносимой. Я вернулась из турне по Южной Америке всего две недели назад, и можете мне поверить, там не было так жарко. Итак, чем я могу быть вам полезной?

— Сегодня утром мы получили одно письмо, — начал Хоуз.

— Вот как? О чем же? — Джей Эстор подошла к бару, который вытянулся вдоль длинной стены. — Вы что-нибудь выпьете? Джин? “Том Коллинз”?

— Спасибо, ничего.

На лице ее мелькнуло легкое удивление. Она невозмутимо принялась готовить себе джин с тоником.

— В письме говорится: “Сегодня в восемь вечера я убью Леди. Ваши действия?”

— Миленькое письмецо. — Она скорчила мину и выжала в бокал лимон.

— Кажется, оно вас не очень впечатлило, — заметил Хоуз.

— А что, должно впечатлить?

— Но ведь вы известны как Леди, разве нет?

— Ах, вот что! Вот что! — воскликнула она. — Ну, конечно. Леди. “Сегодня вечером я убью Леди...” Понятно. Да. Да.

— И что же?

— Псих.

— Возможно. Вам никто не угрожал — по телефону или письменно?

— В последнее время?

— Да.

— Нет, в последнее время все тихо. А вообще-то угрожают время от времени. Типы вроде Джека Потрошителя. Они называют меня бесстыжей. Говорят, что убьют меня и смоят мирскую грязь кровью ягненка. И

тому подобный бред. Чокнутые. Психи.— Она с улыбкой обернулась.— Тем не менее я еще жива.

— Вы, мисс Эстор, по-моему, слишком легко к этому относитесь.

— Называйте меня просто Джей,— предложила она.— Да, слишком легко. Если я буду всерьез принимать каждого чокнутого, которому вздумалось писать или звонить, я быстро чокиусь сама. Реагировать на это — только нервы себе портить.

— И все-таки не исключено, что речь в письме идет именно о вас.

— Так что же теперь делать?

— Прежде всего, если вы не возражаете, мы хотели бы на сегодня обеспечить вас охраной.

— На весь вечер? — спросила Джей, кокетливо подняв брови, и на какое-то мгновение ее лицо стало соблазнительным и кокетливым, что так отчетливо получалось на фотографии.

— Ну, с момента вашего выхода из этого дома и до конца выступления.

— Последнее выступление у меня в два. Вашему копу придется несладко. Или этим копом будете вы?

— Нет, не я,— ответил Хоуз.

— Не везет мне,— откликнулась Джей, потягивая коктейль.

— Ваше первое выступление начинается в восемь, верно?

— Верно.

— В письме говорится...

— Это может быть совпадением.

— Да, может. В котором часу вы отправляетесь в "Бриссон"?

— Около семи.

— Вас будет сопровождать полицейский.

— Красивый ирландец, я надеюсь.

— Таких у нас хватает,— улыбнулся Хоуз.— А пока расскажите-ка мне, не случилось ли за последнее время чего-нибудь такого, что могло бы...

— ...заставить кого-то поторопить меня на тот свет? — Джей на минуту сосредоточилась.— Нет,— уверенно сказала она.

— Совсем ничего? Какая-нибудь ссора? Спор по контракту? Обиженный оркестрант? Хоть что-нибудь?

— Нет,— задумчиво произнесла она.— Со мной



очень легко ладить. Это вам скажет любой, кто со мной работает. Сговорчивая леди.— Она усмехнулась.— Звучит несколько двусмысленно, я совсем не то хотела сказать.

— Вы говорили об угрозах по телефону и в письмах. Когда в последний раз было что-нибудь подобное?

— О-о, еще до моего отъезда в Южную Америку. Уже целая вечность прошла. А вернулась я всего две недели назад. Вряд ли эти чокнутые успели пронюхать, что я вернулась. Когда они услышат мой новый диск, наверняка снова начнут пускать свои ядовитые стрелы. А вы, кстати, его слышали? — Она покачала головой.— Конечно, нет, откуда же. Ведь он еще не вышел.

Она подошла к стоящей у стены стереоустановке, открыла один из ее шкафчиков и вытащила с верхней полки пластинку. На конверте обнаженная Леди Эстор мчалась верхом на белой лошади. Длинные черные волосы были распущены и падали на грудь, закрывая ее. Глаза блестели тем же загадочным, озорным и манящим огнем, что и на фотографии в газете. Диск назывался “Любимый конек Эстор”.

— Это сборник ковбойских песен,— объяснила Джей.— Только слова подработаны, теперь стало чуть позадорнее. Хотите немножко послушать?

— Да я...

— Всего одна минутка,— сказала Джей, подходя к проигрывателю и ставя пластинку на вертушку.— Считайте, что попали на закрытое прослушивание. Вы будете единственный детектив в городе, который сможет этим похвастать.

— Я только хотел...

— Садитесь,— приказала Джей, и пластинка заиграла.

Сначала зазвучали традиционные аккорды старомодной ковбойской гитары, затем из динамика поплыл вкрадчивый, волнующий голос Джей Эстор.

Душа моя рвется в трущобы, домой.  
Там птиц не услышишь ты клич озорной,  
И “травку” тебе там предложит любой.  
Полно там подонков, убийц и бродяг,  
Торчат самопалы из-под рубаш.  
И музыка пуль барабанит в ушах...

С точки зрения Хоуза, забавного в песне было мало.

Он слишком хорошо знал воспеваемую действительность, поэтому пародия на нее не казалась ему смешной. “Домой, на просторы” сменила пародия на “Глубоко в сердце Техаса”.

— Тут я немного переборщила, — призналась Джей. — Полно всяких туманных намеков. Публике это скорее всего не понравится, но мне наплевать. Мораль — штука заметная, вам не кажется?

— Что вы имеете в виду?

— Еще давным-давно я пришла к выводу, что мораль — дело сугубо личное. Дохлый номер, если артист пытается примирить свои моральные принципы с моралью толпы. Потому что примирить их невозможно. Мораль есть мораль, у меня она своя, а у других — своя. Есть вещи, которые я воспринимаю совершенно спокойно, а у какой-нибудь канзасской домохозяйки от них волосы дыбом встают. И артист запросто может угодить в эту ловушку.

— В какую ловушку?

— Артисты — во крайней мере те, что связаны с шоу-бизнесом, — живут в больших городах. Приходится жить: ведь работа-то твоя здесь. Так вот, городская мораль очень здорово отличается от морали захолустья. И то, что подойдет городскому прохвосту, никак не устроит фермера, который косит пшеницу или молотит. Бог знает, что он там с ней делает. А будешь стараться всем угодить — сам чокнешься. Поэтому я стараюсь угодить себе. А если есть вкус, то и с моралью как-нибудь уладится.

— Ну и у вас улаживается?

— Когда как. Я же говорю: то, что кажется простым и естественным мне, фермер воспринимает совсем иначе.

— Например? — невинно спросил Хоуз.

— Например? Вы бы хотели переспать со мной?

— Хотел бы, — без раздумья ответил Хоуз.

— Тогда пошли. — Она поставила бокал на стол.

— Прямо сейчас?

— А что? Сейчас, потом — какая разница?

Хоуз почувствовал, что ответ его будет донельзя смешотворным, но что еще он мог ответить?

— Сейчас у меня нет времени, — сказал он.

— Из-за этого писаки?

— Из-за этого писаки.

— Вы можете упустить редчайшую возможность.

— Обстоятельства выше нас,— пожал плечами Хоуз.

— Мораль — это всего лишь вопрос средств и возможностей,— сказала Джей.

— Как и убийство,— ответил Хоуз.

— Хотите строить из себя чистюлю — дело ваше. Просто я хочу сказать, что сейчас у меня есть желание поразвлечься с вами, а завтра от него может и след простыть. От него может не остаться следа даже через десять минут.

— Ну вот, теперь вы все испортили.

Джей вопросительно подняла бровь.

— Я уж было возомнил о себе. А это, оказывается, всего лишь минутная прихоть.

— Что вы от меня хотите? Чтобы я вас раздела и изнасиловала?

— Нет,— сказал Хоуз, поднимаясь.— Давайте отложим рейс из-за нелетной погоды.

— Погода, между прочим, летная.

— Вдруг еще испортится.

— Да? Есть хорошая старая поговорка: “Молния в одно и то же место два раза не ударяет”.

— Вы знаете,— сказал Хоуз,— я сейчас, кажется, пойду и застрелюсь.

Джей улыбнулась.

— Вам не кажется, что вы слишком самоуверенны?

— Неужели?

Какое-то мгновение они пристально смотрели друг на друга. В ее лице не было чувственности, не было и гнева оскорбленной женщины, только грустное одиночество маленькой девочки, живущей в огромной квартире на верхнем этаже с кондиционером в гостиной.

Леди Эстор пожалала плечами.

— Ну, черт с вами, можете когда-нибудь позвонить. Вдруг прихоть вернется.

— Ждите нашего полицейского,— ответил Хоуз.

— Подожду. Он может перебежать вам дорогу.

Хоуз с философским видом пожал плечами.

— Везет же некоторым,— сказал он и вышел из комнаты.

## ГЛАВА 9

Кому везет, а кому и нет. В этот знойный день Стив Карелла и Майер Майер безусловно относились к последним.

Часы показывали без двадцати два, и дома накались до такой степени, что, казалось, вот-вот станут вишневыми, тротуары горели, люди усыхали, автомобильные шины таяли, и всем, не только любителям научной фантастики, стало ясно, что Землю каким-то непостижимым образом занесло слишком близко к Солнцу. Еще немного — и она запылает огромным костром. Это был последний день, Ричард Матесон\* накликать беду: земной цивилизации суждено было погибнуть в разжиженной лаве.

Словом, стояла чудовищная жара.

Майера Майера можно было выжимать. Он потел даже зимой, почему, этого никто объяснить не мог. Возможно, просто нервная реакция, считал он. Во всяком случае, пот выделял всегда. Сегодня же Майер просто тонул в нем. Детективы таскались по замызанной Крайтон-авеню от одной лавки подержанных товаров к другой, от одной открытой двери к другой, и Майер думал, что вот сейчас он умрет, причем самым недостойным бравого полицейского образом. Он умрет от теплового удара, и в газетах в отделе извещений о смерти напишут просто: "Коп хлопнулся". А если заголовок об этом событии появится где-нибудь в "Верайети", тогда это может быть: "Потный коп сыграл в гроб".

— Как тебе нравится заголовок в "Верайети" насчет моей смерти от теплового удара? — спросил он Кареллу, когда они входили в очередную лавку. — "Потный коп сыграл в гроб".

— Звучит, — одобрил Карелла. — А насчет моей хочешь послушать?

— Где? В "Верайети"?

— Конечно.

— Ну, давай.

— Потный итальяшка-коп в полдень сыграл в гроб.

— Да ты, я смотрю, парень с предрассудками, — расхохотался Майер.

---

\* Американский писатель-фантаст. — *Примеч. переводчиков*

Они приблизились к клетушке хозяина лавки, и тот поднял голову.

— Слушаю вас, джентльмены,— затараторил он.— Чем могу быть полезен?

— Мы из полиции,— заявил Карелла. Он бухнул бинокль на прилавок.— Узнаете?

Хозяин лавки осмотрел бинокль.

— Отличный бинокль,— сказал он.— “Питер-Вондигер”. Он, что же, улика по какому-то делу?

— Именно.

— И им пользовался преступник?

— Пользовался.

— М-м,— промычал хозяин.

— Вы его узнаете?

— Вообще-то мы продаем много полевых биноклей. Когда они у нас есть.

— А этот продавали?

— Вряд ли. “Питера-Вондигера” у меня не было с января. У вас с восьмикратным увеличением, а у меня был с шестикратным. И стекла ваши лучше.

— Значит, вы этот бинокль не продавали?

— Нет, не продавал. Он краденый?

— Таких сведений у нас нет.

— Извините, ничем не могу помочь.

— Ничего,— кивнул Карелла.— Спасибо.

Они снова вышли на пылающий тротуар.

— Сколько еще наших брошено на поиски? — поинтересовался Майер.

— Пит попросил выделить по два человека от каждого участка. Может, они на что-то наткнутся.

— Я уже устал. Как думаешь, это чертово письмо — липа?

— Не знаю. Даже если и липа, этого мерзавца надо засадить под замок.

— Это точно,— воодушевился Майер, проявив необычный для такой жары энтузиазм.

— Может, что-то дадут отпечатки пальцев,— предположил Карелла.

— Может,— согласился Майер.— А может, пойдет дождь.

— Может.

Они вошли в следующую лавку. За прилавком стояли двое. Завидев Майера и Кареллу, они расплылись в улыбке.

- Добрый день,— произнес один, улыбаясь.
- Чудесная погода,— произнес второй, улыбаясь.
- Джейсон Блум,— представился первый.
- Джейкоб Блум,— эхом отозвался второй.

— Здравствуйте,— ответил Карелла.— Мы детективы Майер и Карелла из восьмьдесят седьмого участка.

— Рады познакомиться, джентльмены,— поклонился Джейсон.

— Добро пожаловать к нам,— пригласил Джейкоб.

— Мы ищем владельца этого бинокля.— Карелла положил бинокль на прилавок.— Узнаете его?

— "Питер-Вондигер",— объявил Джейсон.

— Прекрасный бинокль,— похвалил Джейкоб.

— Исключительный.

— Великолепный.

Карелла безжалостно прервал эту хвалебную песню.

— Вы его узнаете?

— "Питер-Вондиген",— протянул Джейсон.— Уж не тот ли...

— Именно,— подтвердил Джейкоб.

— Тот человек с...

И братья одновременно захохотали. Карелла и Майер выжидающе смотрели на них, но не было никаких признаков, что смех идет на убыль. Наоборот, он стремился к апогею, к истерии, достигал высот ураганного веселья и безудержной радости. Детективы ждали. Наконец смех утих.

— Ох, Боже мой,— еле вымолвил Джейсон.

— Они еще спрашивают, помним ли мы этот бинокль,— отозвался Джейкоб.

— Помним ли мы?

— Ох, Боже мой,— квакнул Джейкоб.

— Так помните вы или нет? — спросил Карелла. Ему было нестерпимо жарко.

Джейсон мгновенно посерьезнел.

— Этот тот самый бинокль, Джейкоб? — спросил он.

— Разумеется,— ответил Джейкоб.

— А ты уверен?

— Помнишь царапину сбоку? Так вот она, эта царапина. Помнишь, он еще на нее обратил внимание? Мы из-за этой царапины скинули ему доллар с четвертью. А он-то всю дорогу...— И Джейкоб снова захохотал.

Майер взглянул на Кареллу. Карелла взглянул на

Майера. Надо полагать, температура воздуха в лавке оказалась для братьев чересчур высокой.

Карелла покашлял. Смех снова затих.

— Вы этот бинокль кому-то продали? — спросил Карелла.

— Да, — сказал Джейсон.

— Безусловно, — подтвердил Джейкоб.

— Кому?

— Человеку с леденцом! — выкрикнул Джейсон и тут же задохнулся в новом приступе истерического смеха.

— Человеку с леденцом! — в унисон повторил Джейкоб, не в состоянии сдержать рвущийся из горла смех.

— У этого человека был леденец? — спросил Карелла, сохраняя на лице каменное выражение.

— Да, да! Ох, Боже мой!

— Он сосал его все время, пока мы препирались насчет... насчет... поди, Боже мой! Сколько мы еще смеялись, когда он вышел от нас! Ты помнишь, Джейкоб?

— Еще бы, разве можно такое забыть? Красный леденец! А с каким наслаждением он его сосал! Да ни один ребенок в мире так не наслаждался леденцом! Это было прекрасно! Прекрасно!

— Великолепно! — просиял Джейсон.

— Фантастически...

— Как его звали? — спросил Карелла.

— Кого? — спросил Джейсон, пытаясь успокоиться.

— Человека с леденцом.

— А-а, его, как его звали, Джейкоб?

— Не знаю, Джейсон.

Карелла взглянул на Майера. Майер взглянул на Кареллу.

— А счет разве у нас не остался, Джейкоб?

— Разумеется, Джейсон.

— Когда он был у нас?

— Думаю, недели две назад.

— В пятницу?

— Нет, в субботу. Или... нет, все-таки в пятницу.

— Когда это было? Какого числа?

— Не помню. Где у нас календарь?

Братья бросились к висевшему на стене календарю.

— Вот, — указал Джейкоб.

— Правильно, — согласился Джейсон.

— Пятница.

— Двенадцатое июля.

— Проверьте, пожалуйста, свои счета,— попросил Карелла.

— Разумеется.

— Конечно, конечно.

И братья удалились в комнату за прилавком.

— Очень мило,— сказал Майер.

— Что?

— Братская любовь.

В ответ Карелла хмыкнул.

Братья вернулись, держа в руках желтую бумажку — копию счета.

— Он самый,— объявил Джейсон.

— Двенадцатое июля, как мы и думали.

— Так как его зовут? — спросил Карелла.

— Эм Самалсон,— прочитал Джейсон.

— А имя полностью?

— Только первая буква,— огорченно произнес Джейсон.

— Мы всегда записываем только первую букву,— вступился за брата Джейкоб.

— А адрес есть? — спросил Майер.

— Ты можешь это прочитать? — спросил у брата Джейсон, указывая на каракули в строке “адрес”.

→ Это же твой почерк.

— Нет, нет, это писал ты,— упорствовал Джейсон.

— Нет, ты,— не уступал Джейкоб.— Посмотри, как перечеркнуто i. Это явно твой почерк.

— Ну, может быть. Что же там написано?

— Вот это i, уж точно,— ткнул пальцем Джейкоб.

— Да, да. А-а, так это Камз Пойнт! Ну, конечно! Камз Пойнт!

— А адрес какой?

— 31—63, Джефферсон-стрит, Камз Пойнт,— прочитал Джейсон, испытывая при этом счастье завершившего работу дешифровальщика.

Майер переписал адрес.

— Леденец! — воскликнул вдруг Джейсон.

— Ох, Боже мой! — подхватил Джейкоб.

— Большое вам спасибо за...— начал было Карелла, но братья уже грохотали громче любого оркестра, поэтому оба детектива вышли из лавки не попрощавшись.

— Камз Пойнт,— произнес Карелла.— Это же у черта на рогах, другой конец города.



— Да, где-то там,— подтвердил Майер.

— Давай вернемся в отдел. Может, Пит передаст это дело ребятам из того участка.

— Давай,— согласился Майер. Они подошли к машине.— Хочешь за руль?

— Все равно. Ты устал?

— Нет. Просто подумал, может, ты хочешь повести машину.

— Ладно,— сказал Карелла.

Они сели в машину.

— Как ты думаешь, по отпечаткам они уже что-нибудь прислали?

— Надеюсь. Тогда, может, и в Камз Пойнт звонить не придется.

Майер хмыкнул.

Машина тронулась с места. Они помолчали, потом Майер сказал:

— Стив, сегодня печет, как на сковородке.

Когда Карелла и Майер вернулись в отдел, сведения из Бюро учета правонарушителей и из ФБР уже были получены. Обе службы сообщили, что отпечатки пальцев, обнаруженные на бинокле, в их объемистых картошках не значатся.

Карелла и Майер знакомились с полученными сведениями, когда в комнату вошел Хоуз.

— Что-нибудь удалось откопать? — спросил он.

— Ни черта,— ответил Карелла.— Зато мы узнали имя парня, который купил бинокль. Хотя какой-то проблеск.

— Пит хочет его взять?

— Он еще об этом не знает.

— Как его зовут?

— Эм Самалсон.

— Давайте по-быстрому доложите Питу,— посоветовал Хоуз.— Парня, что меня долбанул, я запомнил хорошо. Если он и есть Самалсон, я сразу его узнаю.

— А если тебя подведет память, можно сравнить отпечатки,— сказал Карелла. Помолчав, он спросил: — А как успехи с Леди Эстор?

Хоуз подмигнул, но ничего не ответил.

Вздохнув, Карелла поднялся и пошел к двери Бернса.

Из полицейских участков в Камз Пойнте ближе всех к дому М. Самалсона находился сто второй. Бернс позвонил тамошним детективам и попросил как можно бы-

стрее задержать Самалсона и доставить его в восемьдесят седьмой участок.

В два часа в отдел привели новую партию мальчишек в джинсах и полосатых футболках. Из комнаты дежурного вызвали Дейва Мерчисона. Оглядев мальчишек, он остановился перед одним из них и сказал:

— Это он.

Бернс подошел к мальчику.

— Это ты принес письмо сегодня утром? — спросил он.

— Нет, — ответил мальчик.

— Это он, — повторил Мерчисон.

— Как тебя зовут, сынок? — спросил Бернс.

— Фрэнк Аннучи.

— Это ты принес письмо сегодня утром?

— Нет, — ответил мальчишка.

— Ты входил сегодня утром в это здание и спрашивал дежурного сержанта?

— Нет, — ответил мальчишка.

— Ты передавал письмо этому человеку? — Бернс указал на Мерчисона.

— Нет, — ответил мальчишка.

— Врет, — уверенно заявил Мерчисон. — Это он.

— Ну же, Фрэнки, — мягко произнес Бернс. — Ведь ты принес сюда письмо, разве нет?

— Нет.

Большие голубые глаза мальчика были полны страха, страха перед законом, прочно укоренившегося в сознании каждого живущего в этом квартале.

— Тебе нечего бояться, сынок, — попытался успокоить его Бернс. — Мы хотим найти человека, который дал тебе это письмо. Это ведь ты принес его сюда, правда?

— Нет, — ответил мальчишка.

Терпение Бернса явно подходило к концу, и он повернулся к другим детективам. Ему на помощь пришел Хоуз.

— Тебе ничто не угрожает, Фрэнки. Мы просто ищем человека, который дал тебе это письмо, понимаешь? Скажи, где ты первый раз с ним встретился?

— Я ни с кем не встречался, — ответил мальчишка.

— Майер, остальные дети нам не нужны, отпустите их, — приказал Бернс. Майер начал выталкивать всю ораву за дверь. Когда Фрэнки понял, что остается один, глаза его стали еще больше.

— Ну, так что же, Фрэнки? — спросил Карелла. Он машинально шагнул вперед и вступил в круг, смыкавшийся вокруг мальчишки. Майер вернулся и тоже встал вместе с Берисом, Хоузом и Кареллой. Сцена выглядела довольно забавно. Комизм ситуации дошел до всех детективов одновременно. Они совершенно машинально избрали такое построение для интенсивного перекрестного допроса, готовые выпустить в окруженную жертву очереди вопросов, только на сей раз их жертвой был всего лишь десятилетний мальчишка, и они чувствовали себя какими-то уличными хулиганами. И все же этот мальчуган мог дать им ниточку к человеку, которого они искали, ниточку, возможно, куда более полезную, чем мифическое пока что имя М. Самалсон. Они не хотели открывать огонь сами и словно ждали, когда командир даст сигнал к атаке.

Бернс выстрелил первым.

— Итак, Фрэнки, мы зададим тебе несколько вопросов, — начал он мягко, — и хотим, чтобы ты на них ответил. Хорошо?

— Хорошо.

— Кто дал тебе это письмо?

— Никто.

— Это был мужчина?

— Не знаю.

— Женщина? — спросил Хоуз.

— Не знаю.

— Ты знаешь, что написано в письме? — спросил Карелла.

— Нет.

— Ты открывал его? — спросил Майер.

— Нет.

— Но письмо все-таки было?

— Нет.

— Ты ведь приносил письмо?

— Нет.

— Где ты встретился с этим человеком?

— Я ни с кем не встречался.

— Возле парка?

— Нет.

— Возле кондитерской?

— Нет.

— В переулке?

— Нет.

- Он был в машине?
- Нет.
- Но человек все-таки был?
- Не знаю.
- Мужчина или женщина?
- Не знаю.
- В письме написано, что сегодня вечером он хочет кого-то убить. Ты знаешь об этом?
- Нет.
- Ты хочешь, чтобы этот человек, мужчина это или женщина, кого-то убил?
- Нет.
- А вот он хочет кого-то убить. Так написано в письме. Он хочет убить какую-то леди.
- Этой леди может быть твоя мама, Фрэнки.
- Ты хочешь, чтобы этот человек убил твою маму?
- Нет.
- Тогда скажи нам, кто он. Мы хотим ему помешать.
- Не знаю я, кто он! — вдруг взорвался Фрэнки.
- Ты что, раньше его не видел?
- Фрэнки начал плакать.
- Нет, — просипел он. — Никогда.
- Расскажи, Фрэнки, как все получилось, — произнес Карелла, протягивая мальчику платок.
- Фрэнки потер платком глаза, потом высморкался.
- Он просто подошел ко мне, и все, — сказал он. — Я не знал, что он хочет кого-то убить, клянусь Богом!
- Мы знаем, Фрэнки, что ты не знал. Он был на машине?
- На машине.
- Какой марки?
- Не знаю.
- А цвет?
- Голубой.
- С откидным верхом?
- Нет.
- Значит, седан?
- Что такое седан?
- С твердой крышей.
- Да.
- А номер не заметил?
- Нет.
- И как все получилось, Фрэнки?

— Он из машины позвал меня. Мне мама говорила, чтобы я никогда не садился в машины к незнакомым людям, но он-то меня в машину и не звал. Он просто спросил, не хочу ли я заработать пять зелененьких.

— И что ты ответил?

— Я спросил как.

— Продолжай, Фрэнки,— подбодрил Бернс.

— Он сказал, что я должен отнести письмо в полицейский участок за углом.

— На какой это было улице, Фрэнки?

— На седьмой. Как раз за углом.

— Хорошо. Продолжай.

— Он сказал, что я должен войти, спросить дежурного сержанта, передать ему письмо и уйти.

— Пять долларов он тебе дал сразу или потом?

— Сразу,— сказал Фрэнки.— Вместе с письмом.

— Они еще при тебе? — спросил Бернс.

— Кое-что я уже истратил.

— Банкнота нам бы все равно ничего не дала,— заметил Майер.

— Конечно,— кивнул Бернс.— Ты хорошо его запомнил, Фрэнки?

— Очень хорошо.

— Описать его можешь?

— Ну, у него были короткие волосы.

— Очень короткие?

— Да.

— А глаза какого цвета?

— Вроде бы голубого. Светлые — это уж точно.

— Никаких шрамов не заметил?

— Нет.

— Усы?

— Нет.

— Во что он был одет?

— В желтую спортивную рубашку,— сказал Фрэнки.

— Он самый,— вмешался Хоуз.— Тот, с которым я сцепился в парке.

— Мне нужен полицейский художник,— заявил Бернс.— Майер, займитесь этим. Если вариант с Самалсоном лопнет, разошлем рисунок по всем участкам.— Он круто повернулся. В его кабинете звонил телефон.

— Одну секунду, Фрэнки,— бросил он, прошел к себе в кабинет и поднял трубку.

Вернувшись, он сказал:

— Звонили из сто второго. Они были у Самалсона дома. Там его нет. Его домовладелица сказала, что он работает в Айзоле.

— Где именно? — спросил Карелла.

— В нескольких кварталах отсюда. Магазин самообслуживания “Бивер Бразерс”. Знаете, где это?

— Считайте, что я уже там, — крикнул Карелла, выходя из комнаты.

Майер Майер говорил в это время по телефону:

— Звонят из восьмьдесят седьмого участка. Лейтенант Бернс просит срочно прислать сюда художника.

Едва Коттон Хоуз взглянул на человека, которого привел в отдел Карелла, он сразу понял: в парке на него напал кто-то другой.

Мартин Самолсон был худой высокий человек в белом фартуке, какие носят продавцы из магазинов самообслуживания. Фартук, казалось, еще больше подчеркивал его худобу. Волосы были светлые, волнистые и длинные. Глаза — карие.

— Ну что, Коттон? — спросил Бернс.

— Не он, — ответил Хоуз.

— Этот человек дал тебе письмо, Фрэнки?

— Нет.

— Какое письмо? — удивился Самалсон, вытирая руки о фартук.

Бернс взял лежавший на столе Кареллы бинокль.

— Это ваш? — спросил он.

Самалсон был поражен.

— Ух ты! Ну и дела! Где же вы его нашли?

— А где вы его потеряли? — спросил Бернс.

Внезапно до Самалсона дошел смысл происходящего.

— Эге, минуточку, минуточку! Я потерял этот бинокль в прошлое воскресенье. Не знаю, зачем вы меня сюда притащили, но, если это связано с биноклем, можете обо мне забыть. Я тут ни при чем — и баста! — Он рубанул ладонью воздух, начисто отмежевываясь от этого дела.

— Когда вы его купили? — спросил Бернс.

— Пару недель назад, в лавке на Крайтоне. Можете проверить.

— Уже проверили, — успокоил его Бернс. — Знаем про ваш леденец.

— А-а?

— Когда вы туда пришли, вы сосали леденец.

— Ах, это.— Самалсон чуть смешался.— У меня болело горло. А когда болит горло, нужно, чтобы рот был всегда влажный. Вот я и сосал леденец. Законом это не запрещается.

— И этот бинокль был у вас до прошлого воскресенья, так? А в воскресенье, как вы утверждаете, вы его потеряли?

— Именно так.

— Уверены, что вы не одолжили его кому-нибудь?

— Абсолютно. В то воскресенье я ездил кататься на пароходе. Тогда, должно быть, и потерял. А что этот чертов бинокль успел натворить с тех пор, я не знаю и знать не хочу. После того воскресенья я за него не отвечаю, это уж точно!

— Уймись, Самалсон,— предупредил Хоуз.

— Пусть ваша задница уймется! Притащили в полицейский участок.

— Уймись, я вам сказал! — повторил Хоуз. Взглянул на него, Самалсон тотчас же притих.

— На каком пароходе вы катались в то воскресенье? — спросил Хоуз. В голосе его и на лице все еще сохранялась угроза.

— На "Александре",— обиженно произнес Самалсон.

— Куда он направлялся?

— Вверх по Ривер-Харб. В сторону Пейсли-Маунтин.

— И когда вы потеряли бинокль?

— Наверное, на обратном пути. Во время пикника он был еще при мне.

— Вы считаете, что потеряли его на пароходе?

— Возможно. Точно не знаю.

— А потом вы где-нибудь были?

— То есть?

— Когда пароход причалил.

— А-а, да. Я же был с девушкой. Причал как раз недалеко отсюда, вы же знаете. На Двадцать пятой Северной. У меня там стояла машина, и мы поехали в бар около нашего магазина. Я туда частенько заглядываю по пути с работы. Сейчас я там свой человек. Вот я и поехал туда, не хотелось крутиться по городу в поисках уютного местечка.

— Как называется этот бар?

— "Паб".

— И где он находится?

— Это на Тринадцатой Северной, Пит,— подсказал Карелла.

— Я знаю это место. Для нашего района там вполне прилично.

— Да, вполне приличный бар,— согласился Самалсон.— Мы там немножко посидели и поехали кататься.

— Вы машинку где-нибудь ставили?

— Ставил.

— Где?

— Около ее дома в Риверхеде.

— Может быть, вы тогда потеряли бинокль?

— Возможно, конечно. Но я все-таки думаю, что на пароходе.

— А может быть, вы потеряли его в баре?

— Может, и в баре. Но скорее всего на пароходе.

— Идите сюда, Стив,— позвал Бернс, и они вдвоем отошли к двери в кабинет Бернса.

Бернс зашептал:

— Что вы об этом думаете? Поддержим его?

— За что?

— Черт меня знает, за что! Может быть, он соучастник. Эта история с биноклем шита белыми нитками.

— Не думаю, Пит, чтобы они работали на пару. Скорее всего наш убийца — одиночка.

— Все равно, убийца может его знать. Возьмет да и дунет после убийства к этому парню домой. Нужно послать за ним хвоста. Вон О'Брайен мается за своим столом без дела. Пошлите его.

Бернс снова подошел к Самалсону. Карелла прошел в другой конец комнаты, где О'Брайен печатал какой-то отчет, и стал ему что-то шептать. О'Брайен кивнул головой.

— Вы свободны, Самалсон,— сказал Бернс.— Только не уезжайте из города. Вы нам можете еще понадобиться.

— Если вы не возражаете, я хотел бы узнать, какого черта меня сюда притащили? — поинтересовался Самалсон.

— Увы, возражаем,— сказал Бернс.

— С ума сойти! — вскипел Самалсон.— Ну и полиция в нашем милом городке! Бинокль хоть я могу забрать?

— Нам он больше не нужен,— сказал Бернс.

— И на том спасибо,— буркнул Самалсон, хватая би-



нокль. Хоуз вывел его за перегородку и подождал, пока тот, продолжая в душе кипеть, спустился вниз. Спустя минуту из отдела вышел О'Брайен.

— Я тоже могу идти? — спросил Фрэнки.

— Нет, сынок, — сказал Бернс. — Ты нам очень скоро понадобишься.

— А зачем? — спросил Фрэнки.

— Мы хотим нарисовать портрет, — объяснил Бернс. — Мисколо! — крикнул он.

Из канцелярского отдела по ту сторону перегородки появилась голова Мисколо.

— Ау? — подал он голос.

— У тебя там молоко есть?

— А как же!

— Налей-ка мальчику стакан. И печенья захвати. Ты ведь любишь печенье, Фрэнки?

Фрэнки кивнул. Бернс взъерошил ему волосы и ушел к себе в угловой кабинет.

## ГЛАВА 10

В 14.39 прибыл полицейский художник.

Никто не сказал бы, что это художник. На нем не было ни рабочей блузы, ни небрежно повязанного банта, а пальцы не были вымазаны краской. Он носил очки без оправы и походил на представителя агентства по борьбе с грызунами, которому до смерти надоела служба.

— Это вам, шутникам, понадобился художник? — спросил он, кладя на деревянную перегородку кожаный чемоданчик.

— Да, — сказал Хоуз, поднимая голову. — Проходите. Толкнув дверцы, человек прошел за перегородку.

— Джордж Анджело, — представился он. — С Микеланджело не имею ничего общего, ни по части генеалогии, ни по части таланта. — Он ухмыльнулся, показав крупные белые зубы. — Что нужно нарисовать?

— Призрак, — сказал Хоуз. — Мы с этим мальчонкой оба видели его. Мы опишем, как он выглядит, а вы нарисуете. Идет?

— Идет, — кивнул Анджело. — Надеюсь, вы видели одного и того же призрака.

— Одного и того же, — заверил Хоуз.

— И сможете, надеюсь, одинаково его описать. У ме-

ня иногда бывает двенадцать свидетелей, и все двенадцать видят одного и того же человека по-разному. Просто удивительно, насколько ненаблюдателен средний горожанин.— Он пожал плечами.— Но у вас как у профессионала должен быть орлиный глаз, а дети невинны и непредубежденны, так что кто знает? Может быть, сможем сварганить что-нибудь приличное.

— Где вам будет удобно работать? — спросил Хоуз.

— Все равно где, лишь бы побольше света,— ответил Анджело.— Скажем, за тем столом у окна.

— Прекрасно,— кивнул Хоуз. Он повернулся к мальчику.— Фрэнки, иди сюда, будем работать.

Они подошли к столу. Анджело раскрыл чемоданчик.

— Это пойдет в газеты?

— Нет.

— На телевидение?

— Нет. У нас нет для этого времени. Мы просто размножим рисунок для тех, кто занят поисками этого парня.

— Ладно,— сказал Анджело. Он достал из чемоданчика блокнот и карандаш. Потом вытащил пачку прямоугольных карточек. Сев за стол, он проверил, хорошо ли падает свет и кивнул головой.

— С чего начнем? — спросил Хоуз.

— Возьмите эту карточку и выберите на ней форму лица,— сказал Анджело.— Квадратная, круглая, треугольная — там есть всякие. Посмотрите как следует.

Хоуз и Фрэнки принялись изучать карточку.

— Пожалуй, что-то в этом роде, как ты думаешь? — спросил Хоуз мальчишку.

— Ага, похоже,— согласился Фрэнки.

— Значит, овальная? — спросил Анджело.— Хорошо, начнем с овальной.

Он быстро набросал в блокноте яйцевидный контур.

— А что с носом? Есть здесь что-нибудь похожее на его нос? — Художник вытащил из пачки другую карточку, изобилующую самыми разнообразными носами. Хоуз и Фрэнки принялись изучать.

— На его нос ни один не похож,— сказал Фрэнки.

— Ну, хотя бы примерно.

— Разве вот этот. Но все равно, не очень.

— Основное здесь — простота,— сказал Анджело Хоузу.— Мы же с вами не собираемся делать портрет для Лувра. Тени, оттенки — Это нам только помешает. Нам

нужно сходство, которое люди смогут обнаружить, не более. Я стараюсь только обозначить контуры, фотографическая точность тут ни к чему, главное — воспроизвести сам облик. Поэтому вы попробуйте вспомнить наиболее приметные черты этого человека, а я попробую перенести их на бумагу — вот и все. Мы все время будем вносить поправки. Это только начало — мы будем рисовать и рисовать, пока не получится что-то, похожее на него. Итак, что с носами? Какой подходит больше всего?

— Этот, наверное,— показал мальчишка. Хоуз согласился.

— Хорошо.— Анджело начал рисовать. Потом вытащил еще одну карточку.— Глаза?

— Глаза у него голубые, это я хорошо запомнил,— сказал Хоуз.

— Ага,— подтвердил мальчишка.

Анджело, кивая головой, рисовал. Наконец он закончил.

— Это на него ни капельки не похоже,— сказал Фрэнки, когда Анджело показал рисунок.

— Ничего,— спокойно произнес Анджело.— Скажи, что здесь не так.

— Просто этот человек совсем не такой, вот и все.

— Ну хорошо, а что все-таки неправильно?

— Не знаю,— пожал плечами мальчишка.

— Начать с того, что он тут слишком молод,— вмешался Хоуз.— Наш парень постарше. Что-нибудь под сорок, а то и больше.

— Хорошо. Давайте начнем с верхней части рисунка и постепенно пойдем вниз. Что тут неправильно?

— У него тут слишком много волос,— подсказал Фрэнки.

— Верно,— согласился Хоуз.— А может быть, слишком большая голова.

Анджело принялся стирать.

— Так лучше?

— Да, но он немного лысоватый,— сказал мальчишка.— Вот здесь, на лбу.

Анджело потер резинкой, и со лба в черную шапку волос врезались два острых крыла.

— Еще что?

— Брови у него были погуще,— сказал Хоуз.

— Что еще?

— А может, расстояние между носом и ртом длиннее. Одно из двух,— размышлял Хоуз.— Во всяком случае, пока получается не то.

— Отлично, отлично,— бормотал Анджело.— Едем дальше.

— Глаза у него более сонные.

— Больше скошены?

— Нет. Веки тяжелее.

Они смотрели, как работает Анджело. Положив, на грязный от многократного стирания рисунок, кальку, он быстро-быстро двигал карандашом, время от времени покачивая головой и перегоняя язык из одного угла рта в другой. Наконец он взглянул на них.

— Так лучше? — спросил он, показывая им второй рисунок.

— Все равно, ни капли не похоже,— сказал Фрэнки.

— Что неправильного? — спросил Анджело.

— Он все равно слишком молод,— произнес Хоуз.

— И похож на дьявола. В волосах вот здесь уж слишком острые углы,— добавил Фрэнки.

— Ты хочешь сказать, залысины?

— Ага. Как будто у него рога. А на самом деле этого нет.

— Продолжай.

— Нос сейчас, пожалуй, подходящей длины,— заметил Хоуз,— но форма все-таки не та. У него больше... как называется эта штука в середине, между ноздрями?

— Кончик носа, что ли? Длиннее?

— Да.

— А глаза как? — спросил Анджело.— Лучше?

— Глаза вроде в порядке,— сказал Фрэнки.— Глаза трогать не надо. Правда же, не надо?

— Правда,— согласился Хоуз.— А вот рот не годится.

— Что неправильно?

— Очень маленький. Рот у него широкий.

— И тонкий,— добавил мальчишка.— Губы тонкие.

— А раздвоенный подбородок в порядке? — спросил Анджело.

— Ага, подбородок что надо. А вот волосы...— Анджело начал скруглять карандашом линию волос.— Так лучше, ага, так лучше.

— На лбу выступ, да? — спросил Анджело.— Вот так?

— Не такой заметный,— поправил Хоуз,— у него ко-

роткие волосы с залысинами у висков, но выступ не такой заметный. А-а, вот сейчас лучше, сейчас лучше.

— А рот длиннее и тоньше, да? — спросил Анджело, и карандаш его снова бешено заметался. Взяв новую кальку, он начал переносить на нее плод совместных усилий. Его вспотевший кулак то и дело прилипал к тонкой кальке.

Все стали рассматривать третий вариант. Потом был четвертый набросок, пятый, десятый, двенадцатый, а Анджело все продолжал работать за освещенным солнцем столом. Хоуз и мальчик беспрестанно его поправляли, в зависимости от того, какую форму принимало на бумаге их словесное описание. Анджело обладал хорошей техникой и без труда переводил каждую их устную поправку на язык карандашного рисунка. Расплывчатость указаний, казалось, его совершенно не смущала. Он терпеливо слушал. И терпеливо исправлял.

— Сейчас стало совсем плохо, — сказал мальчишка. — Ни капли на него не похоже. Сначала было даже лучше.

— Нужно изменить нос. У него была горбинка, — вспомнил Хоуз. — Прямо посередине. Будто после перелома.

— Увеличить расстояние между носом и ртом.

— Брови покосматее. И потяжелее.

— Круги под глазами.

— Складки около носа.

— Старше. Сделайте его старше.

— Рот нужно чуть-чуть изогнуть.

— Нет, ровнее.

— Вот так лучше, лучше.

Анджело работал. Лоб его стал совсем мокрый. Они попробовали было включить вентилятор, но бумажки Анджело тут же полетели на пол. Полицейские со всего участка заглядывали в комнату и осторожно подходили посмотреть, как работает Анджело. Они стояли сзади и смотрели ему через плечо.

— Очень здорово, — сказал один из них, хотя в глаза не видел подозреваемого.

Весь пол был забросан смятой калькой. И все же Хоуз и Фрэнки выискивали новые подробности, а Анджело добросовестно старался воспроизвести эти подробности на бумаге. И вдруг, когда счет сделанным рисункам был уже потерян, Хоуз воскликнул:

— Стоп! Вот он!

— Точно! — воскликнул мальчишка. — Это он!

— Ничего не меняйте, — велел Хоуз. — Вы попали в самую точку. Это он.

Мальчишка расплылся в широчайшей от уха до уха улыбке и пожал Хоузу руку.

Анджело с облегчением вздохнул и начал укладывать свой чемоданчик.

— Точный портретик получился, — похвалил мальчишка.

— Это моя подпись, — ответил Анджело. — Точный. Про Анджело можешь забыть. Мое настоящее имя — Точный, с большой Т. — Он ухмыльнулся. Слава Богу, все кончилось — было написано на его лице.

— Когда мы получим копии? — спросил Хоуз.

— А когда вам надо?

Хоуз посмотрел на часы.

— Сейчас четверть четвертого, — сказал он. — Этот парень грозит убить женщину в восемь вечера.

Анджело кивнул, полицейский в нем сразу вытеснил художника.

— Пошлите кого-нибудь со мной, — сказал он. — Я прокатаю копии, как только вернусь к себе.

В 16.05 Карелла и Хоуз вместе вышли из участка, вооруженные копией рисунка, на которой еще не сохла краска. Карелла направился к бару “Паб” на Тринадцатой Северной, куда в прошлое воскресенье Самалсон водил свою подружку. Карелла собирался просто показать рисунок бармену в надежде, что тот опознает подозреваемого.

Хоуз, выйдя из участка, сразу свернул за угол на Седьмую улицу, где, по словам Фрэнки Аннучи, человек передал ему письмо. Хоуз решил начать с Седьмой и продвигаться на восток, к центру города, вплоть до Тридцать третьей, если потребуется. После этого он вернется и прочешет район в северном и южном направлениях. Если подозреваемый живет где-то поблизости, Хоуз сделает все, чтобы задержать его. На случай, если никому из занятых поиском захватить подозреваемого не удастся, копия рисунка была послана в Бюро учета правонарушителей — вдруг что-нибудь похожее найдется у них в фотокартотеке.

В 16.10 из участка вышли Майер и Уиллис, каждый

с копией рисунка. В их задачу входило двигаться на запад, начиная с Шестой улицы, и, добравшись до Первой, продолжать розыски до места, где жила Леди Эстор.

В 16.15 в участок вызвали машину. В машину загрузили копии рисунка и развезли их всем патрульным — пешим и моторизованным. Несколько копий выделили соседям, в 88-й и 89-й участки. Вся прилегающая к участку зона, от Гровер-авеню до Гровер-парка, была наводнена детективами из 88-го и 89-го участков (парк находился на их территории) на случай, если подозреваемый вернется за потерянным биноклем. Это был большой город, и это был большой перенаселенный район — к счастью, все-таки меньше города.

Хоуз останавливался у каждой лавки, у каждого дома, расспрашивал владельцев магазинов и управляющих, беседовал с уличными мальчишками — самыми зоркими наблюдателями, — но все впустую. Так он дошел до Двенадцатой улицы.

Полуденные часы давно прошли, но прохладней не стало. Хоуз изнывал от жары и уже начинал испытывать разочарование, предчувствуя полную неудачу. Каким, черт возьми, образом им удастся задержать этого малого? Каким, черт возьми, образом им вообще удастся его найти? Несмотря на охватившее его отчаяние, он продолжал идти по улице и показывать портрет. Нет, они не знают этого человека. Нет, никогда не видели. Он что, живет в этом районе?

У пятого дома от угла он показал рисунок домовладелице в цветастом хлопчатобумажном халате.

— Нет, — не задумываясь сказала она, — я его никогда... — Затем вдруг остановилась и взяла картинку из рук Хоуза. — Да, это он, — произнесла она. — Сегодня утром он выглядел именно так. Я видела, когда он выходил. Он выглядел именно так.

— Имя? — спросил Хоуз. В ожидании ответа он вдруг ощутил внезапный прилив энергии.

— Смит, — ответила она. — Джон Смит. Чудной такой. У него была эта...

— Какая комната? — перебил Хоуз.

— Двадцать вторая, на третьем этаже. Он ее занял недели две назад. У него была такая...

Но Хоуз, вытащив пистолет, уже шагнул к двери дома. Он не знал, что его беседа с домовладелицей была

замечена из окна третьего этажа. Не знал, что рыжие волосы сразу выдали его наблюдателю. Но, ступив на площадку третьего этажа, он узнал все сразу.

В маленьком узком коридоре раздался грохот, Хоуз кинулся на пол так стремительно, что нога его соскользнула с верхней ступеньки, и он чуть не полетел вниз. Он ничего не видел впереди, но выстрелил в полумрак коридора — пусть этот Смит знает, что он вооружен.

— Выметайся отсюда, коп! — крикнул голос.

— Лучше брось свою пушку, — предупредил Хоуз. — Там внизу еще четверо. Тебе не уйти.

— Врешь! — крикнул человек. — Я видел, как ты входил. Ты был один. Я видел тебя из окна.

В проходе снова громыхнул выстрел. Хоуз сполз вниз, спрятав голову за верхней ступенькой. Пуля отодрала штукатурку от стены, и без того достаточно обшарпанной. Хоуз напряг глаза, стараясь всмотреться в темноту. До чего у него невыгодная позиция! Он у Смита как на ладони, а сам ничего не видит! Неудобно скорчившись на ступеньках, Хоуз не мог даже пошевелиться. Но, видно, и Смит не может пошевелиться. Пошевелится — и сразу себя выдаст. Хоуз ждал.

Из коридора не доносилось ни звука.

— Смит?.. — позвал он.

Ответом ему была страшная пальба. Пули просвистели вдоль коридора и окончательно раскромсали штукатурку. На голову Хоуза обрушился град известки. Он вжался в ступеньки, проклиная узкие коридоры. Снизу с улицы начали доноситься истошные вопли, которые тут же заглушили повторяемые на все лады выкрики: "Полиция! Полиция!"

— Ты слышишь, Смит? — крикнул Хоуз. — Они зовут полицию. Через три минуты сюда сбежится весь участок. Брось свою пушку!

Смит снова выстрелил. На этот раз пуля прошла низом. Она вышибла кусок паркета из площадки рядом с верхней ступенькой. Хоуз подался назад и сразу же пригнулся. В другом конце коридора раздался щелчок: Смит перезаряжал пистолет. Хоуз хотел уже вскочить и рвануться вдоль коридора, но, услышав, как обойма с клацаньем встала на место, быстро нырнул за верхнюю ступеньку.

В коридоре снова воцарилась полная тишина.

— Смит?



Ответа не было.

— Смит?

С улицы донесся пронзительный вой полицейской сирены.

— Ты слышишь, Смит? Они уже здесь. Сейчас они...

Подряд гроыхнули три выстрела. Хоуз пригнулся и тут же услышал топот шагов. Подняв голову, он увидел мелькнувшую впереди штанину — Смит побежал вверх по лестнице. Хоуз одним прыжком пересек коридор и, направив пистолет в сторону удалявшейся фигуры, нажал на спуск. Смит обернулся и выстрелил, и Хоуз снова залег. Шаги бухали по ступенькам, громкие, тревожные, торопливые. Хоуз вскочил, бросился к пролету, ведущему наверх и понесся через две ступеньки. Хлопнул еще один выстрел, но на этот раз Хоуз даже не пригнулся. Он продолжал бежать по лестнице — надо схватить Смита, прежде чем тот выберется на крышу. Он слышал, как Смит пытается открыть чердачную дверь, как бьет в нее всем телом, затем услышал выстрел и вибрирующий звук разрываемого металла. Дверь скрипнула и тут же захлопнулась. Смит был уже на крыше.

Хоуз взлетел по оставшимся ступенькам. На площадке перед дверью на крышу ярко светило солнце. Он открыл дверь и тут же захлопнул ее — пуля врезалась в косяк, разбрызгав осколки дерева прямо ему в лицо.

"Чтоб ты сдох, сукин ты сын,— подумал Хоуз со злостью,— чтоб ты сдох"!

Он распахнул дверь, несколько раз пальнул наугад вдоль крыши и, обеспечив таким образом прикрытие, выскочил наружу. Под ногами плавился битум. Он увидел, как фигура мелькнула за одной из дымоходных труб и метнулась к бортику у самого края крыши. Хоуз выстрелил, целясь в туловище. Теперь он стрелял не для того, чтобы испугать или подранить, но чтобы убить. Смит на секунду выпрямился, застыв над краем крыши. Хоуз выстрелил, и в тот же миг Смит прыгнул через пролет между домами. Он удачно приземлился на соседней крыше, у самого бортика. Хоуз бросился следом, ноги его прилипали к битуму. Добравшись до края крыши, он поколебался лишь мгновение и прыгнул, приземлившись в липкий битум на руки и на колени.

Смит уже успел пересечь крышу. Он оглянулся, выстрелил в Хоуза, затем метнулся к гребню крыши. Хоуз

поднял пистолет. Силуэт карабкающегося по выступу Смита четко вырисовывался на фоне яркой голубизны неба, и Хоуз, уперев пистолет в левую руку, стал тщательно прицеливаться. Он знал, что если сейчас Смит прыгнет на следующую крышу, фора окажется слишком большой — догнать его не удастся. Поэтому, понимая важность этого выстрела, он прицеливался очень тщательно. Он видел, как Смит приподнимает руки, готовясь к прыжку. Промахиваться Хоуз не собирался.

Смит в нерешительности застыл над карнизом. Он был на мушке пистолета Хоуза.

Хоуз нажал на курок.

Раздался мягкий щелчок. Этот щелчок прозвучал с потрясающей силой, прогремел в ушах пораженного Хоуза, как артиллерийский залп.

Смит прыгнул.

Хоуз, проклиная свой разряженный пистолет, вскочил на ноги и помчался через крышу, на бегу перезаряжая оружие. Подбежав к краю, он посмотрел на соседнюю крышу. Смита нигде не было. Смит исчез.

Ругая себя последними словами, Хоуз бросился назад, чтобы осмотреть комнату Смита. Не перезарядил пистолет вовремя и упустил беглеца. Ничего уже не поделаешь. Опустив голову, он медленно шел по липкому битуму.

Вдруг тишину разорвала два звонких выстрела, и Хоуз снова со всего маху шлепнулся в битум. Потом поднял голову. Впереди, у самого края соседней крыши, стоял полицейский и целился в него.

— Эй, стой! — заорал Хоуз. — Ты что, спятил, дурень? Свои!

— Брось пушку! — заорал полицейский в ответ.

Хоуз повиновался. Полицейский прыгнул с крыши на крышу и осторожно приблизился к Хоузу. Увидев его лицо, он протянул:

— О-о, это вы, сэр.

— Да, это я, сэр, — с отвращением произнес Хоуз.

Домовладелица поносила Коттона Хоуза на чем свет стоит. Она вопила и кричала, чтобы он убирался из ее дома. У нее никогда не было никаких дел с полицией, а тут вдруг целый взвод открыл в доме пальбу, что после этого подумают ее жильцы, да они просто все выедут из дома, и все из-за него, все из-за этого рыжего

тупоумного громилы! Хоуз велел одному из полицейских увести ее вниз, а сам прошел в комнату Смита.

По смятым простыням видно было, что он здесь ночевал. Хоуз подошел к единственному в комнате шкафу и открыл его. Там было пусто, если не считать вешалок на перекладине. Пожав плечами, Хоуз вошел в ванную. Раковиной пользовались не так давно — в ней еще валялось размокшее мыло. Он открыл аптечку. На верхней полке стояла бутылка йода. На средней лежали два куска мыла. На нижней полке в беспорядке разбросаны ножницы, опасная бритва, коробочка с пластырем, тюбик с кремом для бриться, зубная щетка и паста. Хоуз вышел и закрыл за собой дверь.

Вернувшись в комнату, он решил проверить ящики туалетного столика. Смит, подумал он, Джон Смит. Такая липа, что дальше уже некуда. Белья в ящиках не было, зато в одном из них, верхнем, лежали шесть магазинов для автоматического пистолета. Хоуз взял платком один — похоже, от люгера. Он рассовал магазины по карманам.

Он вышел в кухню — последнюю комнату, где еще не был. На столе стояла чашка, на плитке — кофейник. Около тостера набросаны хлебные крошки. Наверное, утром Джон Смит здесь завтракал. Хоуз открыл дверцу холодильника.

На одной полке лежали полбуханки хлеба и большой початый кусок масла. Больше ничего.

Он заглянул в морозильник. Рядом с тающим куском льда притулилась бутылка молока.

Ребятам из лаборатории будет чем заняться в жилище Смита. Хоузу же здесь больше делать было нечего, разве что поразмыслить над отсутствием одежды. Это, видимо, означало, что Джон Смит, или как его там, здесь не жил. Может, он снял это жилье специально для того, чтобы совершить убийство? Может, собирался вернуться сюда, когда уже совершит преступление? Или использовал его как базу для подготовки операции? Потому что этот дом поблизости от участка? Или рядом с намеченной Смитом жертвой? Хоуз закрыл дверцу морозильника. И тут он услышал за спиной звук. Кроме него, в комнате был кто-то еще.

Выхватив пистолет, он круто обернулся.

— Эй! — воскликнула женщина. — Это еще зачем?

Хоуз опустил пистолет.

— Кто вы, мисс?

— Я живу в квартире напротив. Коп внизу сказал мне, что я должна подняться сюда и поговорить с детективом. Вы детектив?

— Я.

— Ну так вот, я живу напротив.

Девушка была непривлекательной брюнеткой с большими карими глазами и очень бледной кожей. Говорила она, почти не открывая рта, и эта манера делала ее похожей на какую-нибудь аферистку из голливудского фильма. Ведь ее туалет состоял из тонкой розовой комбинации, и если что и было в этой девушке волнующего, прямо-таки лишало самообладания, так это грудь, которая, казалось, вот-вот разорвет шелковые путы.

— Вы знали этого Джона Смита? — спросил Хоуз.

— Когда он здесь бывал, я его видела, — ответила девушка. — Он вселился всего как пару недель. Он из тех, что сразу бросаются в глаза.

— И сколько раз он здесь был после того, как вселился?

— Ну, может, раза два. Один раз я вышла — просто познакомиться. Как-никак соседи. Чего ж тут такого? — Девушка возмущенно пожала плечами. Грудь возмутилась вместе с ней. Лифчика на ней не было, и этот факт влиял на самообладание Хоуза весьма отрицательно. — Он сидел вот здесь, за кухонным столом, резал газеты. Я спросила, что он делает. Он сказал, что собирает вырезки, у него специальный альбом.

— Когда это было?

— С неделю назад.

— Значит, резал газеты?

— Ага, — кивнула девушка. — С приветом. Вид у него был парня с приветом. Это точно. Ну, сами понимаете...

Хоуз нагнулся над столом и принялся его изучать. Вблизи он увидел, что на грязной клеенке заметны следы клея. Выходит, Смит составлял свое послание здесь, и было это всего неделю назад, а вовсе не в воскресенье, 23 июня. Просто он использовал старую газету.

— А клея на столе не было? — спросил Хоуз.

— Ага, был как будто. Тюбик с клеем. Для его альбома, надо думать.

— Конечно,— подтвердил Хоуз.— После того вечера вы еще с ним разговаривали?

— Только в коридоре.

— Сколько раз?

— Ну, он был тут еще однажды. На той неделе. Ну, и вчера он был здесь.

— Он вчера здесь ночевал?

— Надо думать, здесь. Мне-то откуда знать? — Девушка вдруг сообразила, что кроме комбинации на ней ничего нет. Одной рукой она прикрыла пышную грудь.

— Когда он пришел вчера вечером?

— Поздновато. Где-то после полуночи. Я как раз слушала радио. Сами знаете, какая вчера вечером стояла духотища. Спать в этих комнатах вообще невозможно, лежишь, как в печке. Ну, дверь у меня была открыта, я услышала, как он идет по коридору, и вышла поздороваться. Он как раз вставлял ключ в дверь и выглядел, точно русский шпион, ей-богу. Ему еще бомбу, и было бы в самый раз.

— С собой у него что-нибудь было?

— Сумка. Просто сумка с продуктами. Да, еще бинокль. Ну, знаете, обыкновенный театральный бинокль. Я еще спросила, не из театра ли он возвращается.

— И что он ответил?

— Засмеялся. Вообще, он был комик. Смит. Джон Смит. Смех один, правда же?

— Что смех? — не понял Хоуз.

— Ну, таблетки от кашля и все такое, сами знаете. Комик он. Надо думать, здесь он больше не появится?

— Надо думать, нет,— ответил Хоуз, стараясь не потерять нить этой туманной беседы.

— Он что, мошенник какой-нибудь?

— Этого мы не знаем. Он вам о себе ничего не рассказывал?

— Нет. Ничего. Он вообще был не шибко разговорчивый. И все будто куда-то торопился. Я как-то спросила его, это что, его летняя резиденция? Ну так, смеха ради. А он говорит: “Ага, я здесь уединяюсь”. Комик, в общем. Смит.— Имя его ее снова рассмешило.

— А он никогда не говорил, где работает? И работает ли вообще?

— Нет.— Девушка прикрыла грудь другой рукой.—

Надо, наверное, что-нибудь на себя накинуть, верно? Я как раз прикорнула немножко, а тут началась эта пальба. Я так перепугалась, что, когда все кончилось, выскочила вниз в одной комбинации. Видок у меня будь здоров, да? — Она хихикнула. — Пойду что-нибудь на себя накину. А с вами было приятно поболтать. На фараона вы совсем не похожи.

— Спасибо, — сказал Хоуз, соображая, расценивать ли это как комплимент.

В дверях девушка замешкалась.

— Надеюсь, вы его поймаете. Такого, как он, найти не трудно. А интересно, сколько таких может быть в городе?

— Сколько Смитов, вы хотите сказать? — спросил Хоуз, и девушке это показалось чрезвычайно остроумным.

— Вы тоже комик, — произнесла она и пошла по коридору.

Он пожал плечами, закрыл за собой дверь и спустился вниз на улицу. Домовладелица продолжала вопить.

Хоуз велел одному из полицейских никого не пускать в двадцать второй номер, пока ребята из лаборатории не сделают там все необходимое.

После этого он пошел в участок.

17.00.

В отделе Хоуз застал одного Кареллу, который пил кофе. Уиллис с Майером еще не вернулись. В отделе стояла тишина.

— Привет, Коттон, — махнул рукой Карелла.

— Привет, Стив.

— Ты, я слышал, попал на Двенадцатой в небольшую переделку?

— Ум-м.

— Вполне. Если не считать того, что этот тип второй раз уходит у меня из-под носа.

— Выпей кофе. У нас тут такой перезвон стоял — человек пятьдесят звонили насчет стрельбы. Значит, ему удалось смыться?

— Ум-м, — снова буркнул Хоуз.

— Ну ладно, — Карелла пожал плечами. — Сливки? Сахар?

— Всего понемногу.

Приготовив кофе, Карелла протянул чашку Хоузу.

— Расслабься. Пользуйся свободной минутой.

— Сначала надо позвонить.

— Куда?

— В отдел регистрации оружия.— Хоуз выложил содержимое своих карманов на стол.— Я это нашел в его комнате. Похоже на магазины для люгера, тебе не кажется?

— Могу побожиться, что это именно они,— уверенно заявил Карелла.

— Я хочу проверить, у кого на нашем участке есть разрешение на люгер. Кто знает, может, на что-то и наткнемся.

— Это было бы слишком просто,— скептически заметил Карелла.— А просто, Коттон, ничего не бывает.

— Ну попробовать-то стоит,— возразил Хоуз. Он посмотрел на настенные часы.— Господи,— воскликнул он,— уже пять. Осталось только три часа.

Он подвинул к себе телефон и набрал номер. Закончив разговор, взял свою чашку кофе.

— Скоро позвонят,— сказал он Карелле и положил ноги на стол.— О-хо-хо.

— Эта проклятая жара, наверное, никогда не кончится.

— Бог с тобой, не говори так.

Воцарилась тишина. Двое мужчин потягивали кофе. На какое-то мгновение необходимость в общении исчезла. Они просто сидели, а послеполуденное солнце прорывалось сквозь зарешеченные окна и оставляло на полу вытянутые золотистые четырехугольники. Они сидели, а электрические вентиляторы с жужжанием гоняли по комнате горячий воздух. Они сидели, а снизу доносился приглушенный, далекий шум улицы. Они сидели и на какое-то мгновение перестали быть полицейскими, ведущими в этот жаркий день очень трудное дело,— это были просто два приятеля, собравшиеся выпить по чашечке кофе.

— У меня сегодня свидание,— сообщил Хоуз.

— Хорошенькая? — поинтересовался Карелла.

— Вдова,— пояснил Хоуз.— Очень симпатичная. Сегодня днем познакомились. Или даже утром? До обеда, в общем. Блондинка. Очень симпатичная.

— А Тедди брюнетка,— сказал Карелла.— Волосы черные-черные.

— Когда ты меня с ней познакомишь?

— Не знаю. Назначь день сам. Сегодня мы с ней собрались в кино. Она бесподобно читает по губам — от кино получает удовольствие не меньше нас с тобой.

Разговоры Кареллы о физическом недостатке своей жены, Тедди, Хоуза уже не удивляли. Она родилась глухонемой, но, судя по всему, ей это нисколько не мешало жить счастливо. Со слов других детективов отдела, у Хоуза складывался образ веселой, интересной, жизнерадостной и ослепительно красивой женщины — и образ этот полностью соответствовал истине. Кроме того, поскольку ему нравился Карелла, Хоуз был заранее расположен к его жене и действительно очень хотел с ней познакомиться.

— Значит, идешь сегодня в кино? — переспросил Хоуз.

— М-м,— произнес Карелла.

Хоуз размышлял, чего ему больше хочется — познакомиться с Тедди или же развлекать Кристин Максвелл наедине. Кристин Максвелл победила.

— У меня сегодня первое свидание,— сказал он Карелле.— Познакомлюсь с ней поближе, тогда сходим куда-нибудь вместе, ладно?

— Как скажешь.

В комнате снова стало тихо. Из канцелярского отдела напротив доносилось бойкое тарахтенье пишущей машинки Мисколо. Мужчины молча пили кофе. Несколько минут расслабления, несколько минут остановившегося времени, передышка в состязании с часовой стрелкой — в этом было что-то умиротворяющее.

Увы, этим мгновениям быстро пришел конец.

— Что это здесь? — закричал Уиллис из-за перегородки.— Загородный клуб?

— Вы только на них поглядите! — воскликнул Майер.— Мы как проклятые таскаемся по городу, а они здесь кофе пьют!

— Полегче на поворотах,— сказал Карелла.

— Нет, как вам это нравится? — подхватил Уиллис, продолжая балагурить. Потом добавил: — Ходят слухи, Коттон, тебя подстрелили? Дежурный сержант сказал, что ты теперь у нас герой.

— Увы, мне не повезло,— неохотно ответил Хоуз, сожалея, что тишина была нарушена таким беспардонным образом.— Он промахнулся.

— Как печально, ой-ой-ой, как ужасно, Боже мой,—



продекламировал Уиллис. Он был маленького роста, со складной фигурой жокея. Но толстяк Доннер был прав — с Уиллисом шутки плохи. Дзюдо он знал не хуже уголовного кодекса и запросто мог сломать руку одним взглядом.

Майер пододвинул стул к столу.

— Хэл, сделай нам по чашке кофе, будь другом. У Мисколо, наверное, кофейник на плитке.

— Слушай,— вздохнул Уиллис,— я...

— Ладно, ладно,— перебил Майер.— Старших надо уважать.

Еще раз вздохнув, Уиллис пошел в канцелярский отдел.

— А в баре ты что-нибудь выяснил, Стив? — спросил Майер.— В “Пабе”, так, кажется, он называется? Кто-нибудь клюнул на картинку?

— Нет. Но бар вполне приличный. Как раз на Тринадцатой. Будешь поблизости, советую зайти.

— Ты небось перехватил там чего-нибудь? — спросил Майер.

— Естественно.

— На работе пьют одни алкоголики.

— Всего-то пару кружек пива.

— Я столько не пил с самого завтрака,— пожаловался Майер.— Куда провалился Уиллис вместе с кофе?

Зазвонил телефон. Хоуз поднял трубку.

— Восемьдесят седьмой участок, детектив Хоуз.— Он стал слушать.— А-а, привет, Боб. Минутку.— Он протянул трубку Карелле.— Это О’Брайен. Тебя, Стив.

— Привет Боб,— сказал Карелла в трубку.

— Стив, я все еще с Самалсоном. Он только что ушел из своего магазина. Сейчас сидит в баре через дорогу, наверное, хочет опрокинуть стаканчик, а уж потом идти домой. Мне что, оставаться с ним?

— Не вешай трубку, Боб.

Карелла включил блокировку и позвонил в кабинет лейтенанта.

— Да,— раздался голос Бернса.

— У меня О’Брайен на проводе,— сообщил Карелла.— Ему и дальше следить за Самолсоном?

— А что, уже восемь? — спросил Бернс.

— Нет.

— Тогда хвост нужен. Скажите Бобу, чтобы оставался с ним, пока тот не ляжет спать. Вообще-то, надо не

спускать с него глаз всю ночь. Если он в этом деле замешан, чертов стрелок может прийти к нему.

— Ясно,— сказал Карелла.— А позже вы его смени-те, Пит?

— Черт возьми, скажите, пусть позвонит мне, как только Самалсон придет домой. Я позвоню в сто второй, и они пришлют ему замену.

— Хорошо.— Карелла щелкнул выключателем, нажал другую кнопку и сказал: — Боб, оставайся с ним, пока он не придет домой. Потом позвонишь Питу, он пришлет тебе сменщика из сто второго. Он хочет держать этот дом под наблюдением всю ночь.

— А если он не пойдет домой? — спросил О'Брайен.

— Что я могу тебе сказать, Боб?

— Пропади все пропадом! Я сегодня вечером соби-рался на бейсбол.

— А я в кино. Ничего, думаю, к восьми все кончится.

— Для стрелка все кончится к восьми, это да. Но ведь Пит считает, что этот тип связан с Самалсоном?

— Он сам в это мало верит, Боб. Так, страшется на всякий случай. Все-таки версия Самалсона слегка сомнительная.

— Ты что, думаешь, убийца побежит к парню, кото-рого допрашивали копы? Да это ни в какие ворота не лезет!

— Сегодня жаркий день, Боб. Может, у Пита не все колесики крутятся.

— Конечно, только куда... О-ох, появился этот ублю-док. Позвоню позже. Слушай, сделай мне одолжение.

— Какое?

— Расколи этот орех до восьми. Я ужас как хочу попасть на бейсбол.

— Постараемся.

— Он пошел. Пока, Стив.— О'Брайен повесил трубку.

— О'Брайен,— сказал Карелла,— выступает насчет слежки за Самалсоном. Говорит, это смешно. Вообще-то я с ним согласен. Не пахнет этот Самалсон.

— Чем не пахнет? — удивился Майер.

— Тебе этот запах знаком. Он исходит от любого го-родского ворюги. А от Самалсона нет. Я готов съесть его дурацкий бинокль, если он замешан в этом деле.

Снова зазвонил телефон.

— Это, наверное, Самалсон,— пошутил Хоуз.— Звонит пожаловаться, что за ним следит О'Брайен.

Улыбнувшись, Карелла поднял трубку.

— Восемьдесят седьмой участок, детектив Карелла. Да, да, конечно.— Он закрыл трубку рукой.— Это из отдела регистрации оружия. Записывать?

— Давай.

— Валяйте,— произнес Карелла в трубку. Он секунду слушал, потом повернулся к Хоузу.— На территории участка сорок семь люгеров. Они все тебе нужны?

— Мне одна мысль пришла в голову,— пробормотал Хоуз.

— Какая еще мысль?

— На обороте заявления на разрешение ты ставишь свои отпечатки. Если...

— Ничего не надо,— сказал Карелла в трубку.— Отменяется. Большое спасибо.— Он нажал на рычаг.— Если у нашего мальчика,— закончил он за Хоуза,— было бы разрешение, его отпечатки имелись бы в картотеке. Следовательно, разрешения у нашего мальчика нет.

Хоуз кивнул.

— У тебя когда-нибудь был такой день, Стив?

— Какой такой?

— Когда чувствуешь себя полным идиотом,— сказал Хоуз уныло.

— Ведь и я слышал, что ты к ним звонишь,— попытался утешить его Карелла.— И тоже не допер.

Хоуз вздохнул и уставился в окно. Вернулся Уиллис с кофе.

— Будьте любезны, сэр,— согнулся он перед Майером.— Надеюсь, вы всем довольны, сэр?

— Я дам вам хорошие чаевые,— сказал Майер и, поставив перед собой чашку, откашлялся.

— А я дам вам хороший совет,— сказал Уиллис.

— Какой?

— Никогда не становитесь полицейским. Работы много, платят мало, и приходится постоянно раболепствовать перед коллегами.

— Кажется, я простудился,— сказал Майер. Из заднего кармана он вытащил пачку таблеток от кашля.— Летом у меня так всегда. Летом простудиться — хуже некуда, а у меня без простуды ни одно лето не проходит.— Он положил таблетку на язык.— Кого-нибудь угостить?

Никто не ответил. Майер положил пачку обратно в карман. Запил таблетку кофе.

— Тишина,— сказал Уиллис.

— Угу.

— Думаешь, это какая-нибудь конкретная леди? — спросил Хоуз.

— Не знаю,— ответил Карелла.— Но думаю, что да.

— Когда он вселился в комнату,— сказал Хоуз,— он зарегистрировался как Джон Смит. Одежды там нет. Продуктов тоже.

— Джон Смит,— сказал Майер.— Шерше ля фам. Шерше ветра в поле.

— Мы уже шершекаем эту ля фам целый день,— отозвался Хоуз.— Я устал.

— Выше нос, братишка,— подбодрил его Карелла. Он посмотрел на настенные часы.— Уже семнадцать пятнадцать. Скоро все кончится.

Тут-то все и началось.

Все началось с толстой женщины в халате, появившейся возле потрескавшейся перегородки. Ее приход был первым звеном в цепи событий, не имевших ни малейшего отношения к делу. Это было ужасно некстати — нарушился гладкий ход расследования. Будь на то их воля, полицейские из восьмьдесят седьмого участка ни за что не стали бы реагировать на эти события. В конце концов, они изо всех сил старались предотвратить убийство. Увы, парни из восьмьдесят седьмого участка были всего лишь обычными работягами, принужденными выполнять свои обязанности. Это только в детских кубиках все быстро встает на свои места, события же, происшедшие в следующие пятьдесят минут, были как бы сами по себе. Они никак не вязались с логикой этого дня. Они ни на йоту не приблизили полицейских к Леди или ее потенциальному убийце. Новые события продолжались с 17.15 до 18.05. День успел перейти в вечер. События эти съели почти целый час драгоценного времени — ни больше ни меньше.

К потрескавшейся перегородке, тяжело дыша, подлетела женщина. За руку она держала десятилетнего светловолосого мальчишку в джинсах и футболке в красную полоску. Это был Фрэнки Аннучи. Женщина с трудом сдерживала ярость, — казалось, ее вот-вот разорвет по швам. Лицо горело, в глазах сверкали черные угли, а губы были стиснуты в тонкую линию, которая не давала потоку гнева выплеснуться наружу. Она бросилась к перегородке с такой скоростью, словно хотела опрокинуть ее одним ударом, затем резко остановилась. Пар, накапливавшийся внутри, прорвал, наконец, тонкую плотину губ. Рот открылся, и оттуда с грохотом посыпались слова.

— Где здесь лейтенант?

Майер чуть не пролил на брюки кофе, круто повернувшись на стуле. Уиллис, Карелла и Хоуз уставились на женщину так, будто она была олицетворением преступного мира.

— Лейтенант! — закричала она. — Лейтенант! Где он?

Карелла поднялся и подошел к перегородке. Сразу узнав мальчика, он сказал:

— Привет, Фрэнки. Что вам угодно, мэм? Что-нибудь...

— Не смейте говорить ему “привет”! — закричала женщина.— Не смейте даже смотреть на него! Кто вы такой?

— Детектив Карелла.

— Так вот, детектив Карелла, я хочу видеть...— Она остановилась.— *Tu sei'italiano?\**

— *Si*,— ответил Карелла.

— *Bene. Dov'è il tenente? Voglio parlare con...\*\**

— Итальянский я знаю не очень хорошо,— прервал ее Карелла.

— Не знаете? Это почему? А где лейтенант?

— Может, я смогу вам помочь?

— Фрэнки был у вас сегодня?

— Да.

— Зачем?

— Мы задали ему несколько вопросов.

— Я его мать. Я миссис Аннучи. Миссис Рудольф Аннучи. Я четная женщина, и мой муж — честный человек. Зачем вам понадобился мой сын?

— Сегодня утром некто попросил его отнести нам письмо, миссис Аннучи. И мы ищем этого человека — вот и все. Мы просто задали Фрэнки несколько вопросов.

— Вы не имели права! — закричала женщина.— Он не преступник.

— Никто и не говорит, что он преступник.

— Что же тогда он делал в полиции?

— Я вам только что...

Где-то в отделе зазвонил телефон. Одновременно с ним миссис Аннучи испустила новый вопль, и Карелла услышал только:

— Я никогда не в жизнь так не обддзиннь!

— Успокойтесь, успокойтесь, синьора,— произнес Карелла.

Майер снял трубку.

— Восемьдесят седьмой участок, детектив Майер слушает.

---

\* Ты итальянец? (*ит.*)

\*\* Хорошо. Где лейтенант? Я хочу говорить с... (*ит.*)

— Бабушку свою называйте синьорой! Какое унижение! Какое унижение! Vergogna, vergogna!\* Его забрала эта ваша “белоснежка”! Прямо на улице! Ребенок спокойно стоит с другими детьми, тут тебе подкатывает к тротуару “белоснежка”, вылезают два копа, хватают его и уводят. Как...

— Что? — спросил Майер.

— Я говорю, два копа...— миссис Аннучи повернулась к нему и тогда только поняла, что он говорит по телефону.

— Хорошо, сейчас будем! — крикнул Майер. Он бросил трубку на рычаг.— Уиллис, вперед! На углу Десятой и Калвер-стрит заварушка. Какой-то парень затеял перестрелку с постовым и ребятами с двух патрульных машин!

— Господь помилуй и спаси! — воскликнул Уиллис.

Чуть не сбив миссис Аннучи с ног, они выскочили через дверцу в перегородке.

— Преступники! — с негодованием произнесла она, глядя, как полицейские бегут по ступенькам вниз.— Вы здесь имеете дело с преступниками и сюда же приводите моего сына, будто он какой-то вор. Он хороший мальчик, таких еще...— Она вдруг остановилась.— Вы его били? Били ребенка резиновым шлангом?

— Нет же, миссис Аннучи, конечно, нет,— ответил Карелла, и тут внимание его привлек металлический стук шагов на лестнице. На пороге появился человек в наручниках, следом за ним ввалился еще один — по лицу его сочилась кровь. Миссис Аннучи, следуя за взглядом Кареллы, обернулась как раз в тот момент, когда в дверь, замыкая шествие, вошел полицейский. Он подтолкнул вперед человека в наручниках. Миссис Аннучи в ужасе застыла.

— Господи Иисусе! — воскликнула она.— Святая дева Мария!

Хоуз, вскочив на ноги, уже спешил к перегородке.

— Миссис Аннучи,— позвал Карелла.— Давайте присядем вон там в сторонке и поговорим...

— Что у вас? — спросил Хоуз полицейского.

— Голова! Посмотрите на его голову! — воскликнула

---

\* Позор, позор! (ит.)

миссис Аннучи и побелела.— Не смей смотреть, Фрэнки! — тут же добавила, противореча себе самой.

На голову человека действительно нельзя было смотреть без содрогания. Волосы слиплись от крови, которая капала на лицо и на шею, оставляя красные пятна на белой спортивной рубашке. Кроме того, кровь струилась из открытого пореза на лбу и заливала переносицу.

— Этот сукин сын трахнул его бейсбольной битой по голове,— объяснил полицейский.— А раненый — торговец “травкой”. Дежурный лейтенант подумал, что вам стоит его допросить — может, тут замешаны наркотики.

— Ничем я не торгую! — взвился раненый.— Его надо посадить в тюрьму! Он ударил меня битой.

— Надо отправить его в больницу,— сказал Хоуз, глядя на раненого.

— Никаких больниц! Сначала отправьте его в тюрьму! Он ударил меня бейсбольной битой! Этот сукин сын...

— О-ой! — выдохнула миссис Аннучи.

— Давайте выйдем отсюда,— снова предложил ей Карелла.— Присядем вон на ту скамейку, хорошо? Я объясню, что произошло с вашим сыном.

Хоуз втащил человека в наручники в комнату.

— Ну-ка, сюда! — приказал он.— Снимите с него наручники.

— А вам, мистер, лучше отправиться в больницу,— сказал он раненому.

— Никакой больницы! — стоял тот на своем.— Сначала отправьте его в тюрьму!

Полицейский снял с задержанного наручники.

— Принесите-ка ему влажные тряпки обмотать голову,— распорядился Хоуз, и полицейский вышел.— Ваше имя, мистер.

— Мендес,— ответил раненый.— Рауль Мендес.

— И “травкой” вы не торгуете, нет, Рауль?

— В жизни этой дрянью не занимался. Он просто спятил, этот малый. Подошел ко мне и...

Хоуз повернулся к другому.

— Как ваше имя?

— Пошел ты!..— огрызнулся тот.

Хоуз угрюмо посмотрел на него.

— Опорожните карманы и сложите все на стол.

Тот не сдвинулся с места.



— Я сказал...

Человек вдруг бросился на Хоуза, бешено размахивая кулаками. Схватив его левой рукой за ворот рубахи, Хоуз ударил в лицо правой. Тот отлетел на несколько шагов, сжал кулаки и снова кинулся на Хоуза. Хоуз ударил правой по корпусу, и человек согнулся вдвое.

— Опорожни карманы, дохляк, — суровым тоном произнес Хоуз.

Тот подчинился.

— Так-то лучше. Так как тебя зовут? — спросил Хоуз, рассматривая тем временем содержимое карманов.

— Джон Бегли. Только попробуй, сукин сын, ударь меня еще раз, я тебе...

— Заткни глотку! — оборвал Хоуз.

Бегли тут же заткнулся.

— Почему ты ударил его бейсбольной битой?

— Это мое дело, — фыркнул Бегли.

— Мое тоже.

— Он хотел меня убить, — вмешался Мендес. — Нападение! Вооруженное нападение первой степени! Двести сороковая статья! Нападение с целью убийства!

— Не хотел я его убивать! — заспорил Бегли. — Если бы я хотел его убить, он бы тут сейчас не разорался!

— Так вы, Мендес, знакомы с уголовным кодексом? — поинтересовался Хоуз.

— Просто слышу, о чем говорят у нас в квартале, — сказал Мендес. — Да, черт возьми, кто сейчас не знает двести сороковую?

— Нападение первой степени по двести сороковой, а, Бегли? — повернулся к нему Хоуз. — За это одно можно схлопотать десять лет. А вот двести сороковая вторая — это нападение второй степени. Максимум пять лет плюс штраф, а то и просто штраф. Так что ты замышлял?

— Убивать я его не собирался.

— Значит, он торгует наркотиками?

— Его спроси.

— Я спрашиваю тебя.

— А я не стукач. Мне плевать, кто он есть. Я просто хотел переломать ему руки-ноги. Особенно ноги.

— Зачем?

— Он таскается за моей женой.

— Что вы имеете в виду?

— Как по-вашему, черт дери, что я имею в виду?

— Что вы на это скажете, Мендес?

— Он сумасшедший. Я его жену даже не знаю.

— Брешешь, сукни сын! — взвизгнул Бегли и шагнул к Мендесу.

Хоуз отпихнул его.

— Полегче, Бегли, не то придется тебя отшлепать!

— Он знает мою жену! — закричал Бегли. — Очень даже замечательно ее знает! Этот ублюдок свое получит! Если я сяду в тюрьму, так я еще оттуда выйду, и он все равно свое получит!

— Я же вам говорю, он сумасшедший, — сказал Мендес. — Сумасшедший! Я стоял на углу и ни к кому не приставал, тут вдруг, откуда ни возьмись, появился этот тип и начал размахивать битой!

— Хорошо, хорошо, успокойтесь, — унял его Хоуз.

Вернулся полицейский с мокрой тряпичей.

— Думаю, Алек, нам это не понадобится, — сказал Хоуз. — Отведите этого человека в больницу, иначе он изойдет кровью и сыграет в ящик прямо здесь.

— Сначала отправьте его в тюрьму! — закричал Мендес. — Я не уй...

— Вы что, Мендес, сами в тюрьму хотите? — повысил голос Хоуз. — За сопротивление представителю закона?

— Да кто...

— Выметайтесь живо, чтобы я вас не видел! От вас за километр разит "травкой", всю комнату провоняли!

— Я не торгую "травкой".

— Торгует, торгует, сэр, — вставил полицейский. — Его уже два раза за это забирали.

— Выметайтесь отсюда, Мендес, — повторил Хоуз.

— Торговец "травкой"? Вы не по тому адресу...

— И если впредь я у вас что-нибудь найду, тогда я сам угощу вас бейсбольной битой! А теперь убирайтесь! Отвезите его в больницу, Алек.

— Пошли, — сказал полицейский, беря Мендеса за локоть.

— Торговец "травкой", — бормотал Мендес, проходя через дверку в перегородке. — Хорошее дело, стоит один раз оступиться, тут же тебе приклеят ярлык.

— Два раза, — поправил полицейский.

— Ну два, два, — пробурчал Мендес, спускаясь по лестнице.

Миссис Аннучи шумно вздохнула.

— Так что видите, — говорил ей Карелла, — мы всего лишь задали ему несколько вопросов. Ваш сын немножко герой, можете так и сказать вашим соседям.

— А потом этот ваш убийца начнет охотиться за ним? Нет уж, спасибо.

В отделе неподалеку Хоуз допрашивал Бегли.

— Значит, вы хотели убить его, Бегли?

— Я же сказал, что нет. Слушайте...

— Что?

Бегли перешел на шепот.

— Это же всего лишь нападение второй степени. Парень шалил с моей женой. Черт возьми, представьте, если бы это была ваша жена?

— Я не женат.

— Ну представить-то вы можете? Вы хотите упечь меня в тюрьму за то, что я защищал свой семейный очаг?

— Это решит судья.

Бегли совсем понизил голос.

— А может быть, обсудим все сами?

— Что?

— Сколько это будет стоит? Три бумаги? Полкуска?

— Я не тот коп, что вам нужен, — сказал Хоуз.

— Бросьте, бросьте, — заулыбался в ответ Бегли.

Хоуз снял трубку и соединился с дежурным. Дежурил Арти Ноулз, который в 16.00 сменил Мерчисона.

— Арти, говорит Коттон Хоуз. Можете забрать этого драчуна. Запишите нападение второй степени. Пришлите кого-нибудь за ним наверх.

— Есть! — бодро крикнул в трубку Ноулз.

— Вы никак шутите? — спросил ошеломленный Бегли.

— Нисколько.

— Вы отказываетесь от пяти сотенных?

— А разве вы их предлагаете? Мы можем приобщить это к обвинению.

— Не надо, не надо, — поспешно махнул рукой Бегли. — Ничего я не предлагаю. Ну и ну!

Пришел полицейский, чтобы увести его вниз, а он все продолжал нукать. На лестнице им повстречался Берт Клинг — высокий молодой белокурый детектив.

На нем были кожаная куртка и джинсы. Хлопчатобумажная рубашка под курткой взмокла от пота.

— Привет! — воскликнул он увидев Хоуза. — Что это тут у тебя?

— Нападение. А у тебя на сегодня все?

— Все, — ответил Клинг. — Эта комедия с портом ни к черту не годится. Дохлый номер. Каждый мальчишка в доках знает, что я из полиции.

— Тебя что, действительно раскусили?

— Нет как будто, но про героин никаких разговоров, это уж точно. Почему Пит не хочет отдать это дело в отдел борьбы с наркотиками?

— Он пытается обскакать торговцев наркотиками на нашем участке, хочет разнюхать, откуда они получают товар. Сам знаешь, как он относится к этой отраве.

— Кого это там снаружи Стив держит за руку?

— Истеричную мамашу, — сказал Хоуз и услышал голос Майера, поднимавшегося по лестнице.

Клинг снял куртку.

— Ну и запарился же я, — произнес он. — Никогда не пробовал разгружать судно?

— Нет, — сказал Хоуз.

— Туда, туда заходи, поганец, — раздался голос Майера. — Поогрызайся у меня. — С легким любопытством заглянув на сидящую на скамейке миссис Аннучи, он подтолкнул задержанного вперед. Тот был в наручниках, плотно обхватывающих его запястья.

Пара полицейских наручников напоминает пятнадцатилетнюю детскую игрушку, с той разницей, что полицейская игрушка все-таки настоящая. Они сделаны из стали и представляют собой изящный, прочный, безотказный складной капкан. Наручники — штука малокомфортабельная. Если их надевать на кисти аккуратно, можно даже не защемить. Но обычно во время ареста полицейский торопится, и когда с преступника снимают наручники, кисти его рук всегда стерты и ободраны, а иногда кровоточат.

С человеком, которого Майер привел в отделение, обошлись далеко не деликатным образом. Он только что вел перестрелку с целым отрядом полицейских, и когда им, наконец, удалось его изловить, они не слишком церемонились, защелкивая наручники. Металл здорово защемил ему кожу, причиняя сильную боль. Майер втол-

кнул задержанного в комнату, и тот, пытаясь сохранить равновесие, взмахнул руками, отчего ему стало еще больнее.

— Познакомьтесь с крупным деятелем,— насмешливо объявил Майер.— С половиной участка вздумал тягаться, так, что ли, деятель?

Задержанный не ответил.

— Ювелирный магазин на углу Десятой и Колвер-стрит,— продолжал Майер.— Патрульный заметил его, когда он с пушкой в руках орудовал внутри. Отчаянный парень. Ограбление среди бела дня. Ты ведь отчаянный парень, верно?

Задержанный не ответил.

— Только он увидел патрульного, сразу начал палить. Из нашей машины услышали выстрелы и мигом прибыли на поле боя, успели вызвать по радио еще одну машину. А из второй позвонили за подмогой сюда. Прямо герой в осажденной крепости. А, деятель?

Задержанный не ответил.

— Садись,— приказал Майер.

Задержанный сел.

— Как зовут?

— Луи Галлахер.

— Не первый раз имеешь дело с полицией?

— Первый.

— Учи, мы проверим, так что рассказывать басни не советую.

— Я имею дело с полицией в первый раз,— повторил Галлахер.

— Кофе там у Мисколо есть? — спросил Клинг и пошел по коридору. С лестницы вернулся Карелла.— Ну что, Стив, избавился от нее?

— Избавился. Что нового в порту?

— Жарко там.

— Домой собираешься?

— Ага, кофе попью и пойду.

— Лучше немного задержись здесь. У нас тут один псих разгулялся.

— Какой еще псих?

— Прислал нам записку. В восемь часов собирается хлопнуть какую-то дамочку. Так что побудь пока здесь. Можешь понадобиться Питу.

— Я и так сегодня замотался, Стив.

— С чего бы это? — спросил Карелла и прошел в отдел.

— Судимости у тебя есть, Галлахер? — спрашивал Майер.

— Я уже сказал, что нет.

— Галлахер, на нашем участке висят несколько нераскрытых ограблений.

— Это меня не касается. Вы полиция, вот и ищите.

— Это твоих рук дело?

— Я решил тряхнуть сегодня лавочку, потому что были нужны деньжата. И все. Раньше я такими делами не занимался. Может, снимете наручники и отпустите меня с миром?

— Ну, брат, с тобой не соскучишься, — воскликнул Уиллис. Он повернулся к Хоузу. — Сначала хотел всех перестрелять, а потом строит из себя овечку, думает, вдруг поможет.

— Какую еще овечку? — удивился Галлахер. — Просто предлагаю вам обо всем забыть.

Уиллис уставился на него, словно перед ним был неменяемый, который, того и гляди, начнет полосовать прохожих бритвой.

— Это, должно быть, из-за жары, — сказал он, не сводя с Галлахера немигающих глаз.

— Ну, в самом деле, — гнул свою линию Галлахер. — Почему бы нет? Почему бы вам меня не отпустить?

— Слушай...

— Ну что, черт возьми, я такого сделал? Пострелял немного? Так никого же не ранил, верно? По-моему, вы со мной даже неплохо развлеклись. Бросьте, будьте нормальными ребятами. Снимите наручники, и я пойду своей дорогой.

Уиллис потер рукой бровь.

— А ты знаешь, Майер, ведь он не шутит, а?

— Брось, Майер, — сказал Галлахер, — будь человеком...

Майер влепил ему звонкую пощечину.

— Ты, деятель, лучше ко мне не обращайся. И не произноси мое имя, не то я запихну его тебе в глотку. Это твое первое ограбление?

Галлахер, потирая рукой щеку, окинул Майера тяжелым с прищуром взглядом.

— Да я бы с тобой даже не сел рядом...— начал он, но Майер врезал ему еще раз.

— Так сколько еще за тобой ограблений на территории участка?

Галлахер молчал.

— Тебе, кажется, задали вопрос,— напомнил Уиллис.

Галлахер взглянул на Уиллиса и тут же проникся ненавистью и к нему.

К ним подошел Карелла.

— А-а, Лу, привет, привет,— сказал он.

Галлахер тупо уставился на него.

— Я вас не знаю,— произнес он.

— Ну-ну, Лу,— улыбнулся Карелла.— Что это у тебя с памятью? Не помнишь меня? Я Стив Карелла. Подумай, Лу.

— Он тоже фараон? — обратился к остальным Галлахер.— Никогда в жизни его не видел.

— Булочную помнишь, Лу? На третьей Южной? Вспомнил?

— Я пирожных не ем,— огрызнулся Галлахер.

— А ты, Лу, там пирожные и не покупал. Ты выгребал денежки из кассы. А я случайно шел мимо. Припоминаешь теперь?

— Ах, это,— сказал Галлахер.

— И когда же ты вышел, Лу? — спросил Карелла.

— Какая разница? Вышел, и все тут.

— И сразу вернулся к любимому делу,— добавил Майер.— Так когда же ты вышел?

— За вооруженное ограбление тебе дали десять лет,— напомнил Карелла.— Что же случилось? Освободили условно?

— Угу.

— Когда ты вышел? — повторил вопрос Майер.

— С полгода назад.

— Кажется, тебе понравилось сидеть на казенных харчах,— заметил Майер.— Так и рвешься обратно.

— Ну, ладно, давайте забудем всю эту историю,— сказал Галлахер.— На кой вам надо портить мне жизнь?

— Почему ты, Галлахер, всем портишь жизнь?

— Кто, я? Я не хочу никому портить жизнь. Просто обстоятельства так складываются.

— Ну ладно, наслушались,— прервал беседу Май-

ер.— В психологию ударился! Это уж слишком! Хватит! Вперед, голубок, пошли на прием к лейтенанту. Ножками, ножками. Живо.

Зазвонил один из телефонов, и Хоуз снял трубку.

— Восемьдесят седьмой участок, детектив Хоуз слушает.

— Коттон, это Сэм Гроссман.

— Привет, Сэм, что там у тебя?

— Немного. Отпечатки совпадают с теми, что на бинкле, но... В общем, Коттон, тщательно обследовать комнату мы не сумеем — нет времени. Уж до восьми часов мы точно ничего не сможем сделать.

— Почему? А который час? — встрепнулся Хоуз.

— За шесть перевалило, — ответил Гроссман, и Хоуз, взглянув на настенные часы, обнаружил, что уже пять минут седьмого. Куда же девался целый час?

— Да-а. Ну, тогда... — начал было он, но не нашел, что сказать дальше.

— Есть тут разве одна штука, может, она вам поможет. Хотя ты ее, наверное, видел.

— Какая штука?

— Мы нашли ее на кухне. На подоконнике, около раковины. На ней отпечатки подозреваемого, так что он мог ею пользоваться. Во всяком случае, в руках он ее держал, это факт.

— Кого ее, Сэм?

— Карточку. Обычную визитку.

— Куда я должен нанести визит? — спросил Хоуз, берясь за карандаш.

— В столовую “Эди — Джордж Дайнер”. Первые два слова через черточку. В “Эди” три буквы.

— Адрес?

— Тринадцатая Северная, триста тридцать шесть.

— Еще что-нибудь на карточке есть?

— В правом верхнем углу написано: “Качество пищи гарантируется”. Больше ничего.

— Спасибо, Сэм. Сейчас лезу туда.

— Давай. Может, ваш корреспондент там обедает, кто знает? А может, он даже один из владельцев.

— Либо Эди, либо Джордж, да?

— Все возможно, — сказал Гроссман. — Думаешь, этот шутник в квартире вообще не жил?

— Думаю, что нет. А ты?



— Кое-какие признаки жизни все-таки есть, но все свежие. Долго он там не жил, это ясно. Надо полагать, он это жилище использовал как pied a terre\*, прошу прощения за японский.

— Я тоже так считаю,— торопливо ответил Хоуз.— Я бы с удовольствием с тобой потрепался, Сэм, но совсем нет времени. Надо смотаться в эту столовую.

### ГЛАВА 13

"Эди — Джордж Дайнер" располагалась на пяточке возле Тринадцатой улицы, но поскольку вход в столовую был скорее с боковой улочки, чем с большого проспекта, в адресе значилась Тринадцатая Северная, 336.

Столовая была похода на любую другую столовую в городе или даже в мире. Примостившись у стыка двух улиц, она поблескивала на застрявшем в небе солнце и приветствовала прохожих большой вывеской: "Эди — Джордж Дайнер".

Когда Хоуз взбежал по ступеням и открыл входную дверь, часы показывали 18.15. Столовая была набита битком.

В зале усердно надрывался музыкальный автомат, потолок и стены многократно отражали настойчивый гул разговора. Между кабинами и стойкой взад-вперед сновали официантки. За стойкой — двое мужчин, а дальше просматривалась кухня, и Хоуз видел, что там работали еще трое мужчин. Ясно было, что "Эди-Джордж Дайнер" — заведение процветающее, и Хоузу вдруг захотелось узнать, который из мужчин здесь Эди, а который — Джордж.

Он решил было сесть у стойки, но все табуретки оказались заняты. Тогда он подошел к углу стойки и приткнулся у кассы. Официантки не замечали его и сновали мимо, выполняя заказы. Двое мужчин за стойкой метались от одного клиента к другому.

— Эй! — окликнул Хоуз.

Один из мужчин остановился.

— Вам придется немного подождать, сэр,— сказал

---

\* Временная квартира (фр.)

он. — Если вы станете вон там, около сигаретного автомата у входа, к вам подойдут, и вы...

— Эди здесь? — спросил Хоуз.

— У него сегодня выходной. Так вы его приятель?

— А Джордж?

Лицо человека приняло озадаченное выражение. У него были седеющие волосы, голубые глаза, на вид ему было пятьдесят с небольшим. Фигура крепкая, приземистая, а под короткими рукавами рубашки перекаты-вались тугие мускулы.

— Я Джордж, — ответил он. — Кто вы?

— Детектив Хоуз. Восемьдесят седьмой участок. Можем мы где-нибудь здесь поговорить, мистер... — он оставил предложение незаконченным.

— Ладдона, — подсказал Джордж. — Джордж Ладдона. А в чем дело?

— Просто несколько вопросов, вот и все.

— О чем?

— Может, найдем более удобное место для разговора?

— Время вы выбрали — хуже некуда. У меня сейчас самый пик — ужин, видите, сколько народу. Зашли бы попозже.

— Дело очень срочное, — сказал Хоуз.

— Ну что ж, можно, наверное, поговорить на кухне.

Хоуз прислушался к доносившимся из кухни суматошным звукам: громкие крики официанток, стук горшков и кастрюль, перезвон тарелок на мойке.

— А поспокойнее места не найдется?

— Единственное другое место — это мужской туалет. Если вас это устраивает, можем пойти туда.

— Прекрасно, — согласился Хоуз.

Джордж выбрался из-за стойки, и они прошли в противоположный конец столовой. На двери, которую они открыли, красовалось изображение мужчины в цилиндре. На двери женской комнаты — женщины с зонтиком. Они вошли внутрь, и Хоуз запер дверь.

— Как зовут вашего компаньона? — спросил он.

— Эди Корт. А в чем дело?

— Это его полное имя?

— Конечно.

— Эди, я имею в виду.

— Конечно. Эди. Э-д-и. А в чем дело?

Хоуз вытащил из кармана рисунок, сделанный в учатке. Он развернул его и по казал Джорджу.

— Это ваш компаньон?

Джордж взглянул на рисунок.

— Нет,— сказал он.

— Уверены?

— Что же, я своего компаньона не знаю?

— А в вашей столовой этого человека никогда не видели?

— Кто его знает? — Джордж пожал плечами.— Знаете, сколько народа сюда ходит? Выгляните наружу. И такое творится каждый вечер. Разве тут кого-нибудь запомнишь?

— Посмотрите хорошенько,— попросил Хоуз.— Может, это ваш постоянный клиент?

Джорд еще раз посмотрел на рисунок.

— Вообще-то в глазах есть что-то знакомое,— сказал он. Он посмотрел на рисунок более внимательно.— Странно, я как будто...— Он пожал плечами.— Нет. Нет. Не могу узнать. Извините.

Хоуз, не скрывая разочарования, сложил рисунок и убрал его в карман. И так, визитка оказалась еще одним ложным следом. Рисунок изображал, разумеется, не Джорджа и, как только что сказал сам Джордж, не его компаньона. Куда идти теперь? Что спрашивать? Который уже час? Скоро ли из люгера вылетит пуля и вонзится в тело ничего не подозревающей женщины? Охраняют ли сейчас проститутку по прозвищу Леди? А Джей Эстор — она под защитой полиции? Ушел ли уже Филип Банни-Смит? Кто такой Джон Смит? О чем теперь спрашивать?

Он вытащил из бумажника визитку.

— Узнаете это, Джордж? — спросил он.

Джордж взял карточку.

— Конечно, это наша визитка.

— Они у вас есть?

— Конечно.

— А у Эди?

— Конечно. Мы их еще кладем на стойку. Там для них есть маленькая коробочка. Люди их разбирают. Реклама. Действует что надо, можете поверить. Сами видите, сколько у нас народу.— Он вдруг вспомнил о сво-

их клиентах.— Послушайте, долго вы меня еще собираетесь держать? У меня дел невпроворот.

— Расскажите, по какой системе вы ведете дела,— попросил Хоуз, потому что ему не хотелось уходить вот так сразу, не хотелось вот так просто выпускать из рук след, приведший его в эту столовую,— визитную карточку, найденную в комнате человека, который назвался Джоном Смитом, человека, который не был Джорджем Ладдоной и не был Эди Кортон, но откуда тогда у него оказалась их визитка? Приходил сюда ужинать? Ведь сказал же Джордж, что в глазах есть что-то знакомое? Может, он все-таки здесь ужинал? Черт бы его побрал, где он? Кто он? Теряю хватку, подумал Хоуз.

— Обычная схема: вклад и доход поровну между компаньонами,— сказал Джордж, пожимая плечами.— Как везде. Компаньоны — Эди и я.

— Сколько Эди лет?

— Тридцать четыре.

— А вам?

— Пятьдесят шесть.

— Большая разница. И давно вы знакомы?

— Около одиннадцати лет.

— Вы с ним ладите?

— Вполне.

— Как вы познакомились?

— В клубе “пятьдесят два—двадцать”. Вы ведь, наверное, служили?

— Конечно.

— Помните, тогда был такой порядок — после демобилизации правительство платило по двадцать долларов в течение максимум пятидесяти двух недель. Что-то вроде подъемных. Пока не устроитесь на работу.

— Помню,— сказал Хоуз.— Но ведь вы тогда не служили, верно?

— Нет, нет, я по возрасту не подходил.

— А Эди?

— Он тогда был освобожден. Повреждение барабанной перепонки или что-то в этом роде.

— И как же вы встретились в “пятьдесят два—двадцать”?

— Мы оба там работали. От Управления по помощи вернувшимся с войны. И Эди, и я. Так и познакомились.

— Что было потом?

— Ну, потом мы крепко подружились. Я был готов отдать за него свою правую руку. С самого начала. Знаете, бывает, что люди крепко привязываются друг к другу. А у нас так пошло с первого дня. Началось с того, что мы после работы останавливались пропустить по кружечке пивка. Да и сейчас, если уходим с работы вместе, обязательно зайдем на пару кружечек. Есть тут одно местечко неподалеку. Эди и я, два выпивохи.— Джордж улыбнулся.— Два выпивохи,— любовно повторил он.

— Продолжайте,— сказал Хоуз. Он посмотрел на часы, чувствуя, что попросту тратит драгоценное время.— Продолжайте,— нетерпеливо повторил он.

— Ну, постепенно мы с ним стали обсуждать свои мечты, честолюбивые планы. В заглавнике у меня было немного денег, у Эди тоже. Вот мы и мечтали, как заведем свое маленькое дело. Сначала думали открыть бар, но его ведь надо оборудовать, а это уйма денег, сами знаете, да и на продажу спиртного еще нужно получить лицензию, и все такое. В общем, таких денег у нас не было.

— И вы остановились на столовой.

— Ну да. К тому, что у нас было, признали в банке — и открыли свое дело. Компаньоны. Я и Эди. Его доля — пятьдесят, моя доля — пятьдесят. И дела идут здорово, можете мне поверить. А знаете почему?

— Почему?

— Потому что у нас есть цель. У нас обоих. Цель простая — пробиться наверх, не прозябать. Через пару годков мы откроем еще одну столовую, а потом — еще одну. Цель. И доверие.— В голосе Джорджа появились доверительные нотки.— Понимаете, я так малышу доверяю... Как собственному сыну.— Он ухмыльнулся.— Впрочем, черт возьми, в моем положении кому-то нужно доверять.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я сирота, на целом свете у меня никого. Единственный близкий человек — это Эди. К тому же мы компаньоны. Этот малыш — настоящее золото. Я не променял бы его даже на рай земной.

— А где он сегодня? — спросил Хоуз.

— Сегодня среда. У него выходной. По субботам и

воскресеньям мы с ним работаем, а в середине недели берем выходной. Иначе наша мечта не сбудется — мы ведь хотим открыть целую сеть столовых.— Джордж улыбнулся.

— Как думаете, мог Эди дать визитку человеку, избраженному на рисунке?

— Мог, конечно. Почему бы вам не спросить об этом у него самого?

— Где его найти?

— Я дам вам номер его телефона. Позвоните ему домой. Если дома его нет, он скорее всего у своей девушки. Хорошая девушка. Зовут Фелиция. Наверное, когда-нибудь они поженятся.

— Где он живет? — спросил Хоуз.

— У него шикарная квартира в центре. Гостиничного типа, в одном из отелей. Очень даже шикарная. Он вообще любит шикарную жизнь. Меня, к примеру, устроит любая дыра. А Эди не такой. Он... Одним словом, малыш следит за собой. И вещи любит шикарные.

— Дайте мне номер,— сказал Хоуз.

— Вы можете позвонить прямо отсюда, с кухни. Там на стене висит телефон. Слушайте, может, выйдем наконец отсюда? Клиенты ждут, да в этом крольчатнике уже и дышать нечем.

Он отпер дверь, и они направились к кухне.

— И так каждый вечер,— сообщил Джордж.— Как сельдей в бочке. Мы даем отличный товар, и он себя с лихвой окупает. Но, Бог ты мой, сколько приходится вкалывать. До полвосьмого, до восьми вздохнуть будет некогда! Полно народу. Все время полно. Только бы не сглазить,— спохватился он и постучал костяшками пальцев по деревянной стойке.

Хоуз прошел за ним в кухню. Там было очень жарко — от жары на улице, от жара плит, от жаркой кухонной ругани.

— Телефон вон там,— показал Джордж.— Номер “Дельвил 4523”.

— Спасибо.

Хоуз подошел к аппарату и опустил в щель десятицентовик. Потом набрал номер и стал ждать.

— Отель “Ривердикс”,— раздался голос.

— Мне нужно поговорить с Эди Кортм.

— Сейчас позвоню ему в номер.

Хоуз ждал. Телефонистка звонила.

— Извините, сэр, его номер не отвечает.

— Попробуйте еще раз,— сказал Хоуз.

— Хорошо, сэр.— Она попробовала еще раз. И еще раз. И еще я еще раз.— Извините, сэр,— сказала наконец она.— Никто не берет трубку.

— Спасибо,— буркнул Хоуз и нажал на рычаг.

Выйдя из кухни, он поискал Джорджа.

— Его нет дома.

— О-о... Как жаль. Позвоните его девушке. Фелиция Пэннет. Она тоже живет в Айзоле.

— Где именно?

— Точного адреса не знаю. Где-то в центре.— Джордж обернулся к клиенту.— Да, сэр,— откликнулся он.— Не посмотрите ли сначала меню?

— Мне только сандвич с беконом и помидором,— ответил человек,— и чашку кофе.

Джордж повернулся к проходу на кухню.

— Сандвич с беконом! — крикнул он.— Один! — Он повернулся к Хоузу.— Уж скорее бы день кончался! Знаете, что я сделаю после работы?

— Что?

— Как только народ схлынет, примерно через полчаса, я пойду перехвачу пивка. Есть тут одно местечко на нашей улице. Может, парочку кружечек. А может, просижу там целый вечер. У меня сейчас такая жажда, кажется, выпил бы целую бочку. Прямо не терпится. Еще полчаса, и фюить — только меня и видели.

Он упомянул время, которое для Хоуза было врагом номер один, и Хоуз машинально взглянул на свои часы. Было без трех минут семь.

Остался всего один час.

— Ну спасибо,— попрощался он с Джорджем и вышел из столовой.

На улице он остановился. Что делать? Девушка живет в Айзоле. Поехать туда? А стоит ли игра свеч? А если Эди там нет? А если даже он там, но человека на рисунке не узнает? А если даже узнает, останется ли время остановить убийцу? Он еще раз посмотрел на часы.

Семь часов.

Хватит времени?

Могут они еще остановить его? Могут помешать ему убить женщину — неизвестно какую?

Но что же тогда делать? Возвратиться к себе в отдел и там прождать час? Просидеть там с ребятами, а убийца в это время будет аккуратно прицеливаться в свою жертву, а потом нажмет на курок люгера?

Так как же быть, черт возьми? Если поторопиться, включить сирену и дать хороший газ, можно добраться до Айзолы за десять минут. Еще десять минут на разговор с Эди — если он там — и еще десять на возвращение в участок. У себя в отделе он будет уже в 19.30, и если Эди опознает человека на рисунке... Если, если, если...

Хоуз вошел в аптеку и шагнул прямо к телефонным будкам. В книге абонентов он поискал адрес Фелиции Пэннет, нашел, но решил сначала позвонить. Если Эди там нет, она ему об этом скажет, и тогда незачем будет ехать.

Повторив про себя номер, он вошел в будку и набрал его. Раздались короткие сигналы.

Он повесил трубку и подождал. Затем набрал номер снова.

Опять занято.

Проклятье, да он просто тратит время! Если номер занят, значит, кто-то дома! Да и не может он, черт возьми, проторчать оставшийся час в этой будке. Он вышел из аптеки и подбежал к своему полицейскому седану.

Машина рванулась от тротуара. Он включил сирену.



Натан Хейл-сквер\* разделяет остров Айзола на две почти равные части. Высеченный из камня национальный герой возвышается посередине большой площади, где расположен городской торговый центр: дорогие магазины одежды, книжные магазины, аптеки, автомобильные салоны, отели. Жара никак не влияла на этот бурлящий и кипящий котел. Впрочем, жара вообще редко останавливает охотников за звонкой монетой.

Однако Натан Хейл, типичный представитель благородного, но давно ушедшего времени, когда людей больше всего на свете заботили революции, взирал на проходящую перед его глазами деловую гонку совершенно спокойно, по сути дела, глядя в сторону. А вокруг него сидели на скамейках горожане, которые кормили голубей, читали газеты или просто глазели на проходящих мимо девушек в легких летних платьицах. Глазеть на девушек в летних платьицах — это было любимое времяпрепровождение всего города, занятие тоже не подвластное никакой жаре.

Застыв на площади в водовороте машин, Хоуз и сам засмотрелся на девушек в тонких платьях. Но вот пробка рассосалась, снова взвыла сирена, машина рванулась с места — и девушки остались позади. Хоуз описал по площади дугу, услышал за спиной ругань какого-то мотоциклиста и резко свернул направо, к дому, где жила Фелиция Пэннет. Подогнав седан к тротуару, он выдернул ключ зажигания, хлопнул дверцей машины и, прыгая через две ступеньки, вбежал в парадное.

В списке жильцов, висевшем рядом со звонком, он нашел нужную фамилию. Взявшись за ручку двери, Хоуз нажал на кнопку звонка. Щелкнул замок, и дверь открылась. Распахнув ее, Хоуз вошел в холл первого этажа. В глубине холла он увидел клетку лифта. Он бросился было к ней, но вспомнил, что не посмотрел номер квартиры Фелиции. Ругаясь и бормоча под нос нечто вроде “поспешись — людей насмешишь”, он вернулся к входной двери, открыл ее и, придерживая ногой, высу-

---

\* Казненный англичанами участник Войны за независимость (1775—1785).— *Примеч. переводчиков*

нулся наружу, чтобы прочитать номер квартиры на табличке у звонка. Шестьдесят третий.

Вернувшись к лифту, он нажал кнопку и принялся ждать. Судя по табло, лифт находился на седьмом этаже. Хоуз ждал. Одно из двух — либо табло врет, либо лифт стоит на месте. Он еще раз нажал кнопку. Лифт оставался на седьмом этаже.

Он представил себе, как там наверху две толстые матроны обсуждают свой артрит, одна из них держит дверь лифта открытой, а другая никак не может найти в сумочке ключ от квартиры. А может быть, мальчишка-разносчик, который приволок в какую-нибудь квартиру жратвы на месяц и подпер дверь лифта магазинной тележкой. Хоуз снова нажал кнопку. Но чертов лифт стоял на своем — ни в какую не хотел спускаться. Взглянув на часы, Хоуз побежал вверх по ступенькам.

Он весь взмок и выдохся, пока добрался до шестого этажа. Поискал дверь с номером шестьдесят три, нашел ее и нажал черную кнопку на дверном косяке. Никто не ответил. Он нажал кнопку еще раз. В этот момент он услышал ровное гудение, обернулся и увидел, что освещенная кабина лифта движется вниз.

— Кто там? — спросил из квартиры голос — низкий и холодный женский голос.

— Полиция, — ответил Хоуз.

У самой двери раздались шаги. Послышался скрежет — женщина отодвинула крышку смотровой щели. Женщина в квартире могла видеть Хоуза, а он ее нет.

— Я не одета, — сказал голос. — Вам придется подождать.

— Поскорее, пожалуйста, — поторопил Хоуз.

— Это уж как сумею, — ответил голос. Женщина осадила его, и Хоуз это почувствовал. Смотровая щель хлопнулась. Прислонившись к противоположной стене, Хоуз принялся ждать. В коридоре было жарко, и все дневные запахи смешались с кухонными запахами вечера. Он вытащил платок и высморкался. Не помогло. Хоуз вдруг понял, что голоден. Он ничего не ел часов с двенадцати, зато очень много носился по городу, и желудок начал поднимать.

Ничего, подумал он, скоро все кончится, так или иначе, но кончится. Тогда можно будет пойти домой, побриться, надеть белую рубашку с галстуком и серый

летний костюм — и захватить за Кристин Максвелл. Он отвезет ее куда-нибудь поужинать — не важно, что он ей этого не обещал. Они будут пить из высоких бокалов коктейли с кубиками льда, танцевать, а потом он проводит миссис Максвелл домой, и перед тем как расстаться, они за стаканчиком спиртного поговорят об Антарктике.

Великолепная перспектива.

”Мне бы работать где-нибудь в рекламном агентстве,— подумал Хоуз.— Освободился бы в пять часов и сейчас сидел бы себе и потягивал martini...”

Время.

Он посмотрел на часы.

Боже, какого черта она там копается? Он нетерпеливо протянул руку к звонку, но не успел нажать его, как дверь открылась.

Из всех, кого он встречал за сегодня, Фелиция Пэннет, безусловно, была самой холодной особой. И не только сегодня, а за всю неделю. За весь год. Другого слова, казалось, для нее и не подберешь. Она была холодной — настолько, что, стоя рядом с ней, можно было простудиться.

У нее были прямые черные волосы, а прическа... В тюремных парикмахерских такую, наверное, называют “паучок”, или “клоп”, или еще каким-нибудь насекомым. Как бы там ни было, волосы были подстрижены очень коротко, за исключением завитушек, которые, словно насекомые, расползались по лбу.

Глаза были голубые, но теплоты в их голубизне не было. Такую голубизну можно иногда увидеть в глазах белокожей блондинки или огненно-рыжей ирландки. Но у тех жесткий голубой цвет смягчается светлыми волосами. Волосы же Фелиции Пэннет были чернее чернил, и это сбивало температуру голубых глаз много ниже нуля.

Нос, как и волосы, был слегка укорочен. Поработали над ним профессионально, однако Хоуз мог распознать укороченный нос за сто шагов. Теперь у Фелиции был типично американский нос, какой подобало иметь тому, кто вращается в аристократических кругах.

Холодный нос холодной женщины. А рот ее, без всяких следов помады, был тонким и бескровным.

— Извините, что заставила ждать,— сказала Фелиция, но в голосе ее не было ни капли сожаления.

— Ничего страшного. Можно войти?

— Пожалуйста.

Удостоверение личности ее не интересовало. Хоуз прошел за ней в квартиру. На Фелиции были ледяной голубизны свитер и черная юбка. Бледно-голубые сандалии держались на ремешках, а ногти на ногах, как и длинные холеные ногти рук, были выкрашены яркочерным лаком.

Квартира, как и ее хозяйка, тоже излучала холод. Не особенно разбираясь в современном интерьере, Хоуз тем не менее сразу определил, что квартира обставлена мебелью, которой в обычном магазине не купишь. Эта мебель изготавливалась по заказу.

Фелиция села.

— Как вас зовут? — спросила она.

Хоуз обнаружил, что говорит она в нос, для него такое произношение было связано с Гарвардским университетом. Он всегда полагал, что английский в Гарварде преподает мужчина, который говорит в нос и заставляет студентов говорить так же; в результате сложилось целое поколение молодых людей, издающих звуки не столько ртом, сколько ноздрями. Хоуз удивился, столкнувшись с такой манерой говорить у женщины. Он едва не спросил, кончала ли она Гарвардский университет.

— Меня зовут Хоуз,— ответил он.— Детектив Хоуз.

— Как мне вас называть? Детектив Хоуз? Или мистер Хоуз?

— Зовите как угодно. Только не...

— Только не приглашайте меня поужинать вместе,— закончила она без тени улыбки.

— Я хотел сказать,— бесстрастно произнес Хоуз, хотя его разозлил ее намек, будто он собирается любезничать,— только не отнимайте больше у меня времени.

Упрек не произвел на Фелицию ровно никакого впечатления — разве что чуть приподнялась ее левая бровь.

— Я не подозревала, что ваше время так драгоценно,— сказала она.— Что вас интересует?

— Я приехал к вам из столовой “Эди — Джордж”,— пояснил Хоуз.— Вы знакомы с Джорджем?

— Да, несколько раз виделись.

— Он сказал мне, что вы — девушка его компаньона. Верно это?

— Речь идет об Эди?

— Да.

— Ну, можно сказать, что я — его девушка.

— Не знаете ли, мисс Пэннет, где я сейчас могу его найти?

— Знаю. Он за городом.

— Где именно?

— В северной стороне, поехал ловить рыбу.

— Во сколько он уехал?

— Рано утром.

— А точнее?

— Часа в два.

— Вы хотите сказать — днем?

— Нет, я имею в виду утро. Я, детектив Хоуз, всегда говорю то, что имею в виду. Утром. В два часа утра. Вчера он допоздна работал в столовой. Потом заехал ко мне выпить стаканчик и уехал за город. Было где-то около двух. — Она выдержала паузу. Потом с силой закончила: — Утра.

— Понятно. А где именно на северной стороне он находится?

— Не знаю. Этого он не сказал.

— А когда вернется?

— Либо сегодня поздно вечером, либо завтра утром. Завтра ему на работу.

— Он позвонит вам, когда вернется?

— Обещал позвонить.

— Вы обручены, мисс Пэннет?

— В известном смысле — да.

— Как это понять?

— Это надо понять так, что я не встречаюсь с другими мужчинами. Но кольца у меня еще нет. Пока оно не нужно.

— Почему?

— Я еще не готова выйти за него замуж.

— Почему?

— После свадьбы я хочу бросить работу. Но жить хуже, чем сейчас, я не согласна. Эди зарабатывает неплохо. Столовая — дело процветающее, но Эди все де-

лит пополам с Джорджем, поэтому он зарабатывает меньше, чем я.

— Где вы работаете, мисс Пэннет?

— На телевидении, программа “Трио Продакшнз”. Не слышали?

— Нет.

Фелиция Пэннет пожала плечами.

— Три человека,— сказала она,— писатель, режиссер и продюсер собрались вместе и организовали собственную группу. Наши программы часто идут в эфир. Например, “Час пенсильванского угля” — это наша программа. Наверное, видели?

— У меня нет телевизора,— сказал Хоуз.

— Вы не верите в искусство? Или просто не по карману?

Хоуз оставил вопрос без внимания.

— И что же делаете в “Трио Продакшнз” вы?

— Я одна из трех, одна из “Трио”. Я продюсер.

— Понятно. И платят за такую работу неплохо?

— Очень даже неплохо.

— А доля Эди в его бизнесе меньше?

— Меньше.

— И вы не собираетесь выходить за него замуж, пока не сможете сидеть дома и вязать детские штанишки и содержать дом на его заработок, так я?..

— Пока я не смогу жить так, как живу сейчас,— поправила его Фелиция.

— Понятно.— Хоуз вынул из кармана сложенный вдвое листок с рисунком. Медленно развернув его, он показал рисунок Фелиции.

— Когда-нибудь видели этого человека?

Фелиция взяла листок.

— Это что, специальная уловка, чтобы получить мои отпечатки пальцев?

— Что-что?

— Подсунув эту картинку.

— О-о...— Хоуз через силу улыбнулся и почувствовал, что начинает ненавидеть эту мисс Пэннет, а вместе с ней “Трио Продакшнз” и “Час пенсильванского угля”, хотя он никогда не видел это дурацкое шоу.— Нет, отпечатки ваших пальцев мне не нужны. Считаете, ими стоит заинтересоваться?

— Откуда я знаю? — сказала она. — Я даже не знаю, зачем вы сюда пришли.

— Я пришел сюда, чтобы выяснить личность этого человека, — ответил Хоуз. — Вы его знаете?

Она посмотрела на рисунок.

— Нет, — сказала она и вернула листок Хоузу.

— Никогда его раньше не видели?

— Никогда.

— Может быть, вместе с Эди? Может, это один из его друзей?

— Все друзья Эди — мои друзья. С ним я этого человека никогда не видела. Если только он здесь похож на себя.

— Очень похож, — уверил ее Хоуз. Он сложил рисунок и убрал в карман. Кажется, улетучилась последняя его надежда. Если Эди Корт где-то удит рыбку, значит, до восьми вечера встретиться с ним не удастся. И показать ему рисунок тоже. И опознать потенциального убийцу. Хоуз вздохнул. — Удит рыбку, — пробормотал он с отвращением.

— Он любит ловить рыбу.

— Что еще он любит?

С начала их разговора Фелиция первый раз улыбнулась.

— Меня, — ответила она.

— М-м-м, — промычал Хоуз, отказываясь комментировать чужой вкус. — Где вы познакомились?

— Он меня подцепил.

— Где?

— На улице. Вас это шокирует?

— Не особенно.

— Так уж получилось. Я гуляла как-то по центру в среду. Наше самое большое шоу, “Час угля”, идет по вторникам. Оно идет прямо в эфир. И после него обычно в среду отдыхаем, берем выходной, если нет особой запарки. В ту среду я выбралась в центр подкупить бижутерии. Там у них отличные магазины — знаете, наверное.

— Знаю, — отозвался Хоуз. Он посмотрел на часы. На кой черт он тратит время? Почему не поехал прямо в участок, где, по крайней мере, он был бы среди своих?

— Я разглядывала в витрине золотой браслет и вдруг сзади слышу: “Хотите, я куплю вам эту штуку?”

Я обернулась. Смотрю — симпатичный мужик с усами и аккуратной бородкой.

— Это был Эди Корт?

— Да. Сначала я решила, что он художник, их в Квартале полно. Все-таки усы и борода. А денег, спрашиваю, у вас хватит? Тогда он вошел в магазин и купил браслет. За триста долларов. Так мы и познакомились.

”Ну и ну”, — с усмешкой подумал Хоуз, и воображение нарисовало ему бородатого чудака, который не пожалел триста долларов, чтобы подцепить такую девушку, как Фелиция Пэннет.

— И он всегда носит бороду? — спросил Хоуз, вспоминая знакомых бородачей. Один вырастил на нижней челюсти настоящий куст, чтобы скрыть безвольный подбородок. Другой...

— Всегда, — ответила Фелиция. — Он отрастил ее еще в восемнадцать лет и с тех пор никогда не сбрасывал. Думаю, он отрастил ее, потому что был освобожден от военной службы. Разрыв барабанной перепонки. Борода, наверное, много значила для его “я” — ведь все его тогдашние друзья чувствовали себя мужчинами уже потому, что носили форму. Впрочем, борода у него красивая. — Она сделала паузу. — Вас никогда не целовал мужчина с бородой?

— Нет, — ответил Хоуз. — Я предпочитаю мужчин с длинными баками. — Он поднялся. — Ну что ж, мисс Пэннет, большое спасибо.

— Что-нибудь передать Эди, когда он появится?

— К тому моменту, когда он появится, — вздохнул Хоуз, — будет уже поздно.

— Почему будет поздно?

— Потому, — сказал он. — Можете ему передать, что он выбрал для рыбалки не очень подходящее время. Он мог бы нам помочь.

— Очень жаль, — сказала Фелиция, снова без тени сожаления в голосе.

— Надеюсь, сон у вас из-за этого не пропадет.

— Не пропадет.

— Я в этом и не сомневался.

— Можно вам задать личный вопрос? — спросила вдруг Фелиция.

— Конечно. Валайте.



— Этот белый кустик у вас в волосах. Откуда он взялся?

— Зачем вам это?

— Меня всегда привлекает необычное.

— Как борода и усы Эди Корта, например?

— Его борода меня действительно привлекла.

— И трехсотдолларовый браслет в придачу,— добавил Хоуз.

— Уж очень необычный был подход,— сказала Фелиция.— Вообще-то я не позволяю цепляться к себе на улице.— Она помолчала.— Вы не ответили на мой вопрос.

— Ударили ножом,— неохотно объяснил Хоуз.— Врачи, чтобы добраться до раны, выбрили это место. А когда волосы отросли, появился белый клочок.

— Любопытно, почему,— сказала она, на этот раз с неподдельным интересом.

— Наверное, побелели от страха,— предположил Хоуз.— Мне пора идти.

— Если вам когда-нибудь вздумается поработать на телевидении...— начала она.

— Да?

— Вы бы подошли на роль злодея. В какой-нибудь шпионской постановке. Эти белые волосы придают вам интригующий вид.

— Благодарю,— сказал Хоуз. У двери он остановился.— Надеюсь, что вы, мистер Корт и его борода будете очень счастливы вместе.

— Безусловно,— заверила Фелиция Пэннет.

По ее тону он понял, что сомневаться и правда не приходится.

19.35.

Через двадцать пять минут Леди станет мишенью. Через двадцать пять минут угроза превратится в реальность, а потенциальный убийца — в настоящего.

19.36.

Через двадцать четыре минуты люгер выплюнет пули. Упадет женщина. Зазвонит телефон, и дежурный сержант ответит: "Восемьдесят седьмой участок", — переключит телефон, и на место происшествия срочно вызовут парней из отдела по расследованию убийств, из полицейского управления, из лаборатории, из медицинской экспертизы — произошло очередное убийство.

19.37.

В отделе царило зловещее уныние. Берт Клинг рвался домой. Он сегодня провел тяжелый день в порту, но все равно ждал, перебросив через руку кожаный пиджак, ждал, когда что-нибудь произойдет, когда Бернс высунет голову из своего кабинета и крикнет: "Берт! Ты мне нужен!"

19.38.

Сидя вокруг стола, они снова рассматривали письмо — Майер, Карелла, Хоуз. Майер посасывал свои таблетки от кашля. В горле у него першило еще больше, и он считал, что в этом виновата жара.

**СЕГОДНЯ В ВОСЕМЬ ВЕЧЕРА Я УБЬЮ ЛЕДИ. ВАШИ ДЕЙСТВИЯ?**

Этот вопрос гудел в голове каждого из детективов.

Наши действия?

А что мы можем сделать?

— Может быть, это все-таки собака, — предположил Майер, не переставая сосать таблетку. — Собака по кличке Леди.

— А может быть, и нет, — откликнулся Хоуз.

— Или, может быть, это та шлюха, — сказал Карелла. — Марсия. Леди. Если это она, тогда все в порядке. Ее ведь охраняют?

— Охраняют, — сказал Хоуз.

— И Леди Эстор тоже?

— Охраняют, — повторил Хоуз.

— А на балет Пит кого-нибудь послал?

— Нет, — ответил Хоуз. — Баннистер вне подозрений. Он ни капли не похож на эту чертову картинку.

— И в столовой ее никто не опознал? — спросил Майер. Он глотнул и полез в карман за новой таблеткой.

— Я видел только одного из владельцев, — сказал Хоуз. — Другого нет в городе. — Он помолчал. — Тот, первый, подал одну хорошую идейку.

— Угоститься никто не желает? — предложил Майер, протягивая коробочку.

Никто не обратил на него внимания.

— Какую идейку? — спросил Карелла.

— Он собрался пойти попить пивка, как только у него схлынет толпа обжор. Есть там, говорит, подходящее местечко на их улице. Мне оно тоже подходит. Как только выберусь отсюда. Присоединиться никто не хочет? Угощаю.

— А где она, эта столовая? — заинтересовался Карелла.

— А?

— Столовая.

— О, столовая. На пяточке возле Тринадцатой.

— Около того бара, что ли?

— Какого бара?

— "Паба". Где Самалсон мог потерять свой бинокль. "Паб". На углу Тринадцатой Северной и Эмберли-стрит?

— Думаешь, тут есть связь? — спросил Хоуз.

— Кто знает... — задумчиво произнес Карелла. — Если этот малый пообедал у "Эди — Джорджа", он вполне мог после этого зайти в "Паб" чего-нибудь выпить. Может, там он и нашел бинокль Самалсона.

— И что нам это дает?

— Ничего, — согласился Карелла. — Просто заключительный штрих, для полноты картины. Мысли вслух, не более.

— Угу, — пробурчал Хоуз.

19.40.

— Но этот хозяин столовой его не опознал? — спросил Майер. — Рисунок наш?

— Нет. В столовой ниточка оборвалась. Этот Джордж только и говорил что о своей любви к компаньону Эди. Он, мол, ему как сын родной и так далее. Джордж — сирота, во всем мире никого. Ну, и очень привязан к своему малышу.

— Малышу? — удивился Карелла.

— Ему тридцать четыре. Но для Джорджа, которому пятьдесят шесть, он малыш.

— Забавное партнерство,— сказал Карелла.

— Познакомились-то они давно.

— А система партнерства обычная?

— Ты о чем?

— В случае смерти одного компаньона и отсутствия у него родственников все дело переходит к другому?

— Наверное,— Хоуз пожал плечами,— да. Джордж говорил, что дела они ведут по обычной системе.

— То есть, если Джордж отдаст концы, столовая переходит к его компаньону, так? Ты ведь сказал, что у Джорджа во всем мире никого, да? Никаких претендентов на наследство?

— Ну да,— кивнул Хоуз.— И куда ты клонишь?

— Вполне возможно, Эди ждет не дождется, когда Джордж прикажет долго жить. Вполне возможно, сегодня в восемь он ему собирается в этом помочь.

Все тут же взглянули на часы. Было 19.42.

— Теория недурна, Стив,— заметил Хоуз,— но есть слабые места.

— Например?

— Например... Разве Джордж похож на леди?

— М-м-м,— промычал Карелла.

— И самое главное, мы же показывали рисунок и Джорджу, и девушке Корта. И они его не узнали. Значит, наш убийца — не Эди Корт.

— А чего тебе вдруг пришло в голову, что Джордж — это Леди? — спросил Кареллу Майер.— От жары, что ли?

— А он случайно не того, не гомик? — Карелла не хотел отказываться от своей версии.— Этот твой Джордж?

— Это отпадает, Стив. Я бы заметил. Ничего такого нет.

— Я просто искал... сам не знаю... какая-то связь с Леди.— Он хлопнул ладонью по письму.— Но если он не... ну, тогда...— Он пожал плечами.

— Нет, нет,— сказал Хоуз.— Ты не там ищешь.

— Да, ты прав. Я просто подумал... черт, мотив уж больно подходящий.

— Увы, под наши факты он не подгоняется.— Майер

улыбнулся.— Может, изменим факты и подгоним их под твою теорию, а, Стив?

— Что-то я сегодня устал,— произнес Карелла.— День сегодня тяжелый.

— Пойдешь по пивку? — поинтересовался Хоуз.— Когда все это кончится?

— Может быть.

— Да, идейку он подал хорошую, этот Джордж,— сказал Хоуз.— Как только его лавочка разгрузится, он пойдет вот сюда.— Он машинально ткнул пальцев в эмблему пива “Баллантайн”, с помощью которой была составлена цифра 8. Потом его палец замер.

— Эй! — воскликнул он.

— Восемь,— сказал Карелла.

— Хочешь сказать, что?..

— Не знаю.

— Но...

— Думаешь, убийца подсказывает нам? Подсказывает, где?

— Бар? Восемь? Так, что ли?

— Святая Мадонна, Коттон, неужели ты думаешь, что?..

— Подожди, Коттон. Подожди чуть-чуть.

Все даже приподнялись в своих креслах. Часы на стене показывали 19.44.

— Если это бар... Может быть, “Паб”?

— Может быть. Но кто жертва?

— Леди. Тут же сказано — Леди. Но если эта восьмерка имеет скрытый смысл, то и... Леди. Леди. Кто же это?

На мгновение мужчины замолчали. Майер вытащил еще одну таблетку от кашля и бросил пустую коробочку на стол.

— Джордж, наверное, пойдет в “Паб”,— рассуждал Карелла.— Он же сказал, бар на их улице, так? Как раз там Самалсон потерял бинокль. Может, Джордж и есть жертва. Я просто не вижу других вариантов, Коттон.

— Да, но Леди? Как, черт возьми, Джордж Ладдона может быть Леди?

— Не знаю. Но думаю, что нам...

— Святая!..

— Что? — Карелла поднялся.— Что?

— Господи Иисусе! Переведи это, Стив, ты же итальянец! Переведи “Ладдона”. Это же леди! Леди!

— La donna! — воскликнул Карелла. — Я идиот... Значит, он хочет, чтобы его остановили. Черт подери, Котттон, убийца хочет, чтобы его остановили! Он сказал нам, кого он хочет убить и где. Убийца...

— А убийца-то кто? — спросил Хоуз, поднимаясь. Взгляд его упал на лежавшую на столе коробочку из-под таблеток от кашля, и он закричал:

— Смит! Смит!

И они стремительно вылетели из отдела. Часы на стене уже показывали 19.47.

## ГЛАВА 16

Стоя на мусорном ящике в прилегающей к “Пабу” аллее, человек сквозь маленькое окно отлично видел стол, за которым сидел Джордж Ладдона.

Итак, он не ошибся. Значит, он действительно хорошо знал привычки Джорджа и правильно предположил, что по дороге домой из столовой тот обязательно зайдет в “Паб”, сядет за свой обычный столик и закажет большой бокал пива. А осушив его, закажет другой... Только сегодня другого не будет, другого бокала пива больше не будет никогда, потому что в восемь часов он умрет.

Человек посмотрел на светящийся циферблат своих часов.

19.52.

Через восемь минут Джордж Ладдона умрет.

Ему вдруг стало грустно. Но все равно, другого выхода у него не было. Он избрал единственно возможный путь. А подготовил он все хорошо, подготовил так, что выйдет из этого дела абсолютно чистеньким. Даже если что и заподозрят — мотив налицо, против него не будет никаких фактов.

А потом к себе, домой. А завтра, как обычно, на работу, не показывая виду, что он что-то знает, не изменившись. Только он уже будет убийцей.

Смогут ли они остановить его?

Неужели они не разгадали смысл его письма? Но не мог же он написать все прямо, не мог же он все им выложить на тарелочке! Разве мало там было намеков,

разве не ясно было сказано, что должно произойти, — неужели они не могли додуматься до остального?

Нет, они, конечно, додумались. В неповоротливости их не упрекнешь, Бог тому свидетель. Он подумал о комнате, которую снял в доме на Двенадцатой улице, в этом грязном притоне, где он хотел провести предстоящую ночь, до которого рукой подать от места убийства. Но сейчас об этом не могло быть и речи — они нашли комнату и чуть не сцапали его самого. В памяти возникла перестрелка с этим рыжим копом. Да, пощекотали они друг другу нервы. Но в комнату теперь нельзя — придется возвращаться в свою квартиру. А умно ли это? Вдруг кто-то его увидит? Может, просто прошататься всю ночь по улицам? Может, сразу же надеть...

Круто прервав ход мыслей, он взглянул на часы.

19.55.

Он опустил руку в карман, нащупал там что-то мягкое и теплое, удивился на секунду и тут же вспомнил. В следующий миг пальцы наткнулись на твердое и холодное. Он вытащил это из кармана, и в свете луны люгер блеснул смертельным блеском.

Он проверил магазин. Обойма была полной.

Несколько таких магазинов осталось в комнате. А по ним нельзя выйти на его след — ведь лицензии на пистолет у него нет. А не доберутся ли они до человека, у кого он его купил? Нет, едва ли. Пистолет наверняка краденый — он купил его в сомнительном местечке. У человека, продавшего ему пистолет, было много всякой всячины. Местечко было сомнительное, это точно, но для него — вполне подходящее. А после сегодняшнего вечера места лучше этого ему просто не найти.

Он щелкнул предохранителем.

19.57.

Пристроив руку с люгером на подоконник, он тщательно прицелился в затылок Джорджа Ладдоны. На кисти левой руки, под стеклом часов бежала, бежала, бежала секундная стрелка. А вот сдвинулась и минутная. Он буквально увидел, как она подвинулась.

19.58.

Могут ли они ему помешать? Где там. Глупцы. Безмозглые глупцы.

Стараясь не расслаблять руку, он ждал.

Ровно в 20.00, когда он уже собрался нажать на курок, в аллею ворвался Коттон Хоуз.

— Эй! — кричал он. — Стой!

Раздался выстрел, но за мгновение перед этим рука убийцы чуть дернулась назад. Хоуз кинулся на него. Убийца повернулся. В его кулаке блестел люгер. Хоуз отскочил в сторону.

Снова прогремел выстрел, и тут же мусорный ящик, на котором стоял стрелявший, опрокинулся. Человек с люгером в руке упал, но мгновенно вскочил на ноги и, вскинув пистолет, навел его на Хоуза. Раздался выстрел, но на какое-то мгновение раньше Хоуз успел нанести удар кулаком. Пуля пролетела мимо. Хоуз снова ударил и ощутил, что его кулак как бы расплющил физиономию преступника. И тут усталость от изнуряющей жары, от долгого преследования и казавшейся до этой минуты бессмысленной и безнадежной сегодняшней работы, разочарование, вызванное вереницей неудач, — все это, что копилось в Хоузе с самого утра, вырвалось наружу. И он молотил кулаками, бил, бил, бил, пока враг не рухнул без сознания.

И тогда, тяжело дыша, Хоуз поволок его к выходу из аллеи.

Сидевшего в “Пабе” Джорджа Ладдону все еще была дрожь. Пуля, просвистев в сантиметрах пяти от его головы, врезалась в столешницу. На лице Джорджа застыло недоуменное выражение, руки тряслись, губы тряслись — он слушал объяснения Хоуза.

— Это был ваш компаньон, — говорил тот, — Эди Корт. В вас стрелял ваш компаньон, мистер Ладдона.

— Не верю, — произнес Джордж. — Просто не верю. Только не Эди. Не мог он желать мне смерти.

— Мог. Его девушка слишком любит деньги.

— Вы хотите сказать... здесь замешана она?

— Не совсем, — сказал Хоуз. — По крайней мере, я так не думаю. Она не предлагала ему убить вас, если вы это имеете в виду. Фелиция Пэннет не из тех, кто согласится связать свою жизнь с убийцей. Но она давала ему понять, что ей нужно от жизни, и он, видимо, нашел единственный доступный ему способ дать ей это.

— Нет, — произнес Джордж, — только не Эди.

Казалось, он сейчас заплачет.



— Помните, я вам показывал рисунок? — спросил Хоуз.

— Да. Но это был не Эди! Это был кто-то другой! Этот человек...

— Вы уверены? — Хоуз вытащил из кармана листок с рисунком, потом карандаш и стал быстро водить им по бумаге. — А это не Эди Корт? — спросил он, показывая Джорджу все тот же портрет неизвестного, но уже с бородой и усами.

— Да, — ответил Джордж. — Да, это Эди...

Хоуз неспешно вел полицейский седан к участку. На заднем сиденье между Кареллой и Майером сидел задержанный.

— А почему ты тогда закричал: “Смит!”? — спросил Карелла, обращаясь к Хоузу.

— Потому что я в тот момент посмотрел на дурацкую коробку с таблетками от кашля, и вдруг до меня дошло.

— Что же до тебя дошло?

— До меня дошло, почему домовладелица сказала: “Сегодня утром он выглядел именно так”. В тот момент эта фраза показалась мне бессмысленной, но ведь она означала, что сегодня утром он выглядел не так, как раньше. Потом эта девушка, которая жила напротив. Она сказала, что он выглядел как шпион. Только бомбы не хватало. И еще ей было смешно, что его фамилия — Смит. Когда я спросил, почему, он ответила: “Ну, таблетки от кашля и все такое, сами знаете”. Я тогда подумал, что она немного с приветом. Но когда вечером я увидел коробку Майера с надписью “Таблетки от кашля братьев Смит”, все стало на свои места. Вчера вечером Корт в своей комнате побрился. Поэтому в аптечке лежали ножницы и бритва.

— Похоже на правду, — согласился Карелла. — Бороду он носил с восемнадцати лет, поэтому считал, что без нее его никто не узнает.

— Так оно и вышло, — кивнул головой Хоуз, остановив машину перед светофором. — Одного не могу понять — как же он собирался завтра явиться на работу? Его бы немедленно разоблачили.

— Вот тебе ответ, — сказал Карелла, бросая на переднее сиденье какой-то мягкий пушистый предмет. — Я нашел это у него в кармане.

— Борода и усы! — присвистнул Хоуз.— Чтоб я пропал!

— Надо думать, он собирался носить эту штуку, пока не отрастет своя, неотразимая,— предположил Карелла.

— Ничего, там, куда он поедет, у него будет время отрастить длинную-длинную бороду,— сказал Майер.— Кто-нибудь хочет таблетку от кашля?

Карелла и Хоуз расхохотались.

— Боже правый, ну и устал я,— признался Карелла.

— О'Брайен-то на свой бейсбол еще успеет, а?

Зажегся зеленый свет. На заднем сиденье вдруг зашевелился Корт. Он открыл глаза, моргнул и пробормотал:

— Значит, вы все-таки меня остановили?

— Да,— ответил Карелла.— Остановили.

— Зеленый.— Майер хлопнул Хоуза по плечу.— Поехали.

— А куда торопиться? — Хоуз обернулся.— Уж теперь все время — наше.

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>АФЕРА (роман)</b> . . . . .	<b>3</b>
<b>ИГРУШКА (роман)</b> . . . . .	<b>63</b>
<b>ЗНАКОМСТВО С УБИЙЦЕЙ (роман)</b> . . . . .	<b>211</b>
<b>ПОЛИЦИЮ ПРЕДУПРЕДИЛИ (роман)</b> . . . . .	<b>289</b>

**Литературно-художественное издание**  
**Серия "Классики зарубежного детектива"**

**Основана в 1992 году**

**Москва. Фирма "АДА"**

**Выпуск одиннадцатый**

**ЭД МАКБЕЙН**

## **ЗНАКОМСТВО С УБИЙЦЕЙ**

**Романы**

**Редактор Олисеренко Н.М.**

**Художественный редактор Блаумштейн Г.К.**

**Технический редактор Лисов В.А., Перешлятникова Л.Н.**

**Корректоры Терехов А.Н., Коченков С.А.**

**Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.05.93.**

**Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 22,68. Печ. л. 13,5.**

**Тираж 100 000 экз. Заказ № 144. С 22**

**Фирма "АДА", г. Москва, 127308, а/я 37**

**Отпечатано с готовых диапозитивов на ИПП «Уральский рабочий». 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.**







